

A woman with long black hair, wearing a red dress, is lying on her back on a red, textured surface. Her hands are resting on her abdomen. A silver revolver is lying on the surface near her feet. The background is a dark red, textured wall.

Я опасалась, что Лия Лин
в своем остром, лукавом
детективе «сольет» про меня
лишнее. Предчувствие
не обмануло: Лия отличная
подруга, но язык – ее враг!

АЛИСА МОН

**ЛИЯ
ЛИН**

**упади
семь раз**

Три подруги — популярная певица Андре, известная художница Надин и многодетная мать Лия неожиданно попадают в сложную и запутанную ситуацию. На пороге мастерской художницы они находят труп мужчины, похожего на их знакомого Стаса. Ситуация ухудшается, когда убивают и самого Стаса — сына губернатора города. Убийства, предательства и подстерегающие даже во дворе собственного дома опасности меняют привычный уклад жизни подруг. Им приходится не только буквально бороться за выживание, но и разгадать причину невзгод, обрушившихся на них...

Лия Лин

Упади семь раз

Глава первая,
в которой падает один, но с именем другого

В начале было Слово...

Первая строка Нового Завета

Я остервенело долбила пересохшую почву штыковой лопатой. Пот и слёзы без остановки струились по лицу. Утерев грязной ладонью разъедающую глаза солёную влагу, я сделала на миг передышку. До могилы яма ещё явно не дотягивала. Руки отчаянно жгло, но больше всего болело что-то, чему нет названия. Даже в «Большой медицинской энциклопедии». Завёрнутый в чёрный полиэтилен труп лежал рядом. Необычно жаркий июльский вечер потихоньку выплавлялся, отливался, перетекал в белую ночь. Господи, какой бы ты ни был, за что мне это? Обычной женщине, домохозяйке, матери троих детей? Никогда не нарушавшей закон.

Протянув лопату подруге, я, выкарабкываясь из неглубокой ямы, без сил упала на пожухший от жары подлесок.

— Твоя очередь, Надь. Аньку уговаривать бесполезно. А земля пересохла капитально: долби не долби, копать трудно.

Слова вырывались с хрипом: напомнила о себе моя астма. Никогда, дала себе я слово, никогда больше я не приду в мастерскую к Надьке...

Тысяча мышей не заменят одного слона.

Китайская народная пословица

Моя лучшая подруга, довольно известная в России певица Аня (которую вся страна знает как Мадемуазель Андре), методично набирала номер моего же мобильного телефона. Ответ «Сори, зе мобил намба из темпорэри блокд. Плиз, кол бэк лейта...» её категорически не устраивал. Анька злилась, что не может мне дозвониться.

Она вообще не отличалась особым терпением, а тут случай вопиющей безалаберности с моей стороны. Мы клятвенно договорились встретиться сегодня вечером в мастерской Надьки, нашей общей подруги-художницы. Невский, 127, вход по стуку со двора, на первом этаже — налево. Именно в этом, в «намоленном» сердечными откровениями месте, проходили все наши бабьи посиделки. Но я не пришла ни в семь, ни в восемь (хотя находилась недалеко, в десяти минутах ходьбы). А поскольку я человек довольно пунктуальный и опаздываю не сказать что редко, но несильно, подруги встревожились. Анька искренне, Надька, знавшая, где я, — притворно.

Уж лучше бы я была с подругами! Может, и не случилась бы история, которую нам всем пришлось в итоге расхлёбывать. Но если бы люди знали будущее, они не делали бы ошибок, и бог бы, наверное, заскучал. Видимо, поэтому судьба по велению свыше подкинула нам для разгадки не меньшие хитросплетения, чем толкуются в «Книге перемен». В книге, так неожиданно открывшейся для меня в тот вечер. Тогда я ещё не знала, что впереди убийства, предательства и подставы и что мой мир изменится до такой степени. Я впервые за десять лет влюбилась. И ни о чём, кроме влюблённости, не думала и не хотела помнить. Оглядываясь назад, когда пишу об этом, я понимаю: что жизнь могла бы выбрать совершенно другое русло. Хотя предложи мне сейчас что-то изменить в прошлом, я бы не согласилась. Ведь вместе с горечью, изменами и убийствами ко мне в гости прокралось большущее счастье. «Самые лучшие события входят в нашу жизнь под маской неудач» — эта фраза выручала меня в сложные минуты. Когда я падала, когда не было сил подняться.

Иногда мне кажется: всё плохое, что происходит в нашей жизни, — жертва. Цена за то хорошее, что будет. И это «будет», как ни странно, началось именно тогда, когда я «продинамила» подруг в лучшем стиле Ани. Она, кстати, особенно выказывала беспокойство в виде всяких нехороших слов в мой адрес. Настоящая подруга — что с неё взять.

С немецкой педантичностью (это у неё в крови от бабушки) и настойчивостью дятла-шизофреника (а это уже из-за шоу-бизнеса) Анька неустанно долбила мой номер.

— Не, Надин, ну представь, опять у Лейки телефон заблокирован. Вот сама послушай набираю: «...зе мобал намба из темпорэри блокд, плиз кол бэк лейта. Абонент временно недоступен. Пожалуйста...» Уже час как «блокд», когда же это темпорэри закончится... — от противно-скрипучего голоса Аньки холсты в мастерской моей второй лучшей подруги — художницы съёживались на подрамниках.

Если бы я была там, то непременно сказала бы подругам, что в английском у девушки на записи жуткий акцент. Но я-то была совершенно в другом месте. И мой мобильный уже был коварно отключён. Анька продолжала злиться на повторяющееся «Плиз, кол бэк лейта».

— Андре, ищи плюсы! — гаркнула на неё Надя.

Аня вздрогнула. Она терпеть не могла своего «официально-мужского» имени по паспорту.

— «Кол бэк лейта» — чем не лейтмотив для припева? Просто песня получается: «Ты — саксофон, я — флейта... А кол бэк лейта...» — фальшиво затянула Надежда.

Кот Мышь при первых же извлечённых хозяйкой нотах пулей выскочил в коридор. Мышь прекрасно знал, чем грозят подобные адские звуки лично ему. Раком ушей — не меньше.

Надька настолько же любила петь, насколько не умела.

— Надин, ты жить ещё хочешь? — Анька угрожающе посмотрела на тщедушную Надьку. — Картинки свои малевать в редких перерывах между сексом? Какая я тебе Андре, Лятрекша?

Почему Аня так ненавидела французского живописца Тулуз-Лотрека, не могла уяснить для себя даже Надежда, хотя долго пыталась. Надька не имела ничего личного против графа-живописца Анри Мари Раймона. Но, согласитесь, обидно, когда вам тыкают всяческими «треками».

— А какая я тебе Надин, блин! — голос Надьки истерически набирал децибелы. — И вообще: «недотрахит» — болезнь страшная. Завидовать надо молча, подруга. — Надька вдруг перешла на угрожающий речитатив: — А ещё раз о моих «картинах» заикнёшься, забудь про грим на своих псевдопрезентациях. Боевую шпукатурку будешь накладывать перед зеркалом вслепую, Андре!

— Вот Лейка бы тебе сейчас дала про... петься, Лятрекша! — вдруг совершенно нелогично, но с огромным удовольствием процедила Аня. — Попробую её ещё раз набрать.

К сожалению, я не могла в ту минуту выступить изолирующим буфером для подруг, и их перебранка грозила скатиться к «честной» (наконец-то) критике места каждой из них в современном искусстве. Вернее, к причинам отсутствия таковых мест.

Надин вдохнула маленькой боевой грудью. Кот Мышь тихо проскользнул назад и забился в угол мастерской. Перепалка двух экспрессивных див от современного искусства, моих любимых подруг, то затухала, то разгоралась заново.

Я много раз спрашивала себя: что удерживает нас вместе? Слегка известную художницу, популярную пару лет назад певицу и меня, женщину средних лет, ничем не отличившуюся, кроме многодетности.

Наверное, Надька с Анькой не смогли бы внятно ответить на этот вопрос. Вернее, их версии различались бы, как день и ночь. Андре и Надин вечно ссорятся, ругаются и сразу мирятся. Стоит худенькой Надьке сказать «мяу», мерлинмонронистая Анька тут же гавкает. Трёхэтажный мат художницы с переменным успехом парируется лениво-гламурным арго певицы.

Похоже, что общее у нас только одно: нам всем трём не повезло с именами. Надьку ведь на самом деле зовут именно Надин. А Аню её отец-турок назвал французским мужским именем Андре. Про себя я ещё не говорила. Так вот меня зовут Лия. Но подруги очень быстро превратили Лию в Лейку. Поняв, что сопротивление бесполезно, я стала откликаться на название садового инвентаря. Спорить с моими подругами — себе дороже. Затем с их недоброй руки (вернее, языков) так меня стали звать все вокруг. Даже бывшие свекрови.

*Что в имени тебе моём?..
Что в нём? Забытое давно...*

А. С. Пушкин

Я, конечно, совершенно не виновата, что мои родители выбрали мне имя Лия. Как у актрисы Ахеджаковой, которую я, кстати, очень люблю. В отличие от меня Ахеджакова — потрясающая женщина. Я же самая обычная, если можно назвать обычным ребёнка офранцузившегося китайца.

Обрывки семейных преданий добрались до меня в исковерканном виде. Но кое-что я всё-таки считаю достоверным. Например, вот эту историю, рассказанную мне матерью.

Мать моего отца, моя китайская бабка, выпускница филологического факультета Пекинского университета, Ли Юли была девушкой из бедной семьи, где семеро братьев и восемь сестёр делили одну чашку риса на ужин. Едва закончив учёбу, бабка Ли безоговорочно встала в ряды красных партизан, сначала сражавшихся против японских оккупантов, а затем повернувших оружие против войск гоминьдана.

Проведя двенадцать лет в революционных отрядах, в 1949 году моя боевая прародительница вместе с войсками китайской Красной армии вступила в Пекин. Здесь для Ли Юли открывались новые горизонты.

Но — всегда бывает «но». Случайно моя бабка познакомилась с симпатичным французским атташе. Без памяти влюбившись в узкоглазую Ли, атташе украл её у революции и увёз в Париж. Правда, партизанка и там не смогла изменить коммунистическим убеждениям и, брюхатая моим отцом, бегала на демонстрации и внимала пламенным речам Мориса Тореза. В результате замуж за дипломата моя бабка так и не вышла, объяснив это тем, что подобный шаг совершит лишь тогда, когда коммунизм охватит весь мир.

Ли передала сыну свою фамилию в виде восточного наследства. Тогда же к ней добавилась буква «н», чтобы хоть как-то офранцузить. В свою очередь мне от китайской бабки — не иначе — передались гены, отвечающие за «безбашенную влюблённость» и склонность к сумасшедшим поступкам. Так же как и китайский язык на глубоком генном уровне. Коммунистические убеждения по наследству, слава богу, не передаются.

Маленький карапуз Жан-Пьер Лин, в будущем мой отец, так и вырос в Париже с китаянкой-матерью. Внушённая ею любовь к странам равенства, дружбы и справедливости привела студента Сорбонны в Ленинград на биологический конгресс. Прошло ровно двадцать лет с того момента, как бабка Ли оказалась в Пекине.

История порой любит пошутить, повторяя неповторимое дважды!

Моя мать, студентка третьего курса ЛГУ, попала на тот же конгресс вместо заболевшего научного руководителя. Дородная молодая красавица родом из Курской губернии украла сердце узкоглазого стройняги-француза. С превеликим трудом родителям удалось пожениться совсем незадолго до моего рождения. Во Францию маму так и не отпустили, пришлось отцу после окончания Сорбонны переезжать в Ленинград, где ему предложили работу в институте.

В Ленинграде я и росла — русской китаянкой с толикой французского обаяния. От отца мне достались упорство, терпение и чистейший французский прононс. Ах да, ещё длинный

«гасконский» нос, за который меня в школе дразнили «бурагиной». А вот английский заставила меня выучить мама. Сама она, доктор биологических наук, знала его в совершенстве. И на биологический факультет ЛГУ я пошла, как говорится, по стопам родителей.

Но вот работать по специальности не вышло. С тремя детьми да без мужика наукой не прокормишься.

Когда Надин и Андре, несмотря на сопротивление с моей стороны, пытались устроить мою личную жизнь через Интернет, они описали Лию Лин следующим образом: «Невысокая, узкие плечи, широкие бёдра — индийская амфора. Редкий гибрид китайского яблочка и русской антоновки. Три раза была замужем, на данный момент — разведена, посвящает себя детям. Составит счастье любому мужчине».

Мои собственные попытки найти ухажёров-любовников вечно проваливались из-за редкостно пакостного поведения детей, которые объединялись против каждого нового кандидата. Да и сами кандидаты в очередь не выстраивались, поскольку красавицей я не числилась никогда.

Как положено в юности, бедный Яков из пригорода женился на мне. Господь призрел меня и наградил ребёнком. От следующих двух мужей остались дочь и младший сын. Что ещё нужно женщине, чтобы всегда быть в тонусе? Утром завтрак — каждому сорванцу. Днём — обед. А вечером — уроки, портфели и порванные джинсы. И да! Конечно же — невыгулянная собака, которая больше всего на свете любила выгул. Точнее — откровенную гульбу. Семейную любимицу Джульку не смущали ни дожди, ни морозы, когда она устремлялась на поиски Ромео.

Ромеями служили все окрестные кобели, и наша собака слыла среди них первой Джульеттой. В отличие от шекспировского персонажа, Джулька не умирала, а регулярно беременела, рожала и продолжала свой путь дворняги из многодетной семьи.

В отличие от Джульки, я всегда ощущала в себе течение древней крови. Не разлагая в процентах, догадывалась, сколько и чего в ней смешано. Много страсти и в то же время немало лени. Много мудрости и глупости в таких же количествах. Много оптимизма. И совсем немного грусти, но достаточно, чтобы регулярно жаловаться Надин и Андре на свои неудачи.

Что бы я делала без них? Без славных дам, свихнувшихся на своём искусстве. Надин способна не питаться сутками, Андре питается изысканно и крайне редко. А я вроде как клуша — таскаюсь с авоськами. И радую подружек домашними пирогами и сладким чаем из термоса.

Они рассказывают мне про биеннале, я им — про то, как бомжи у меня под окнами устроили ночной концерт. Благодаря Надин и Андре у меня всегда есть возможность потусить на выставке или на концерте — погладить глазами гламур. И тех, кто его создаёт.

Если не менять направление движения, мы обязательно придём к тому, к чему стремимся.

Китайская пословица

Летний вечер в Питере почти неотличим от ранней ночи. За окном всё так же светло. Однако жара не спадает. В мастерской ненамного свежее, чем на улице: первый этаж старинного здания, высокие потолки, окна во двор-колодец. Надька всегда держала здесь куртку на ватине — круглый год сыро и прохладно. Но сейчас можно покрасоваться в летнем.

Подруги продолжали болтать и спорить в моё отсутствие. Освоившись в накалявшейся обстановке, кот Мышь вальяжно прошествовал по пыльному полу к ногам хозяйки. Недобрым взглядом уставился на недорисованную двухметровую картину.

— Не, ты не просто дура! — выдала Надежда очередной комплимент Аньке. И тут же без паузы, но с модуляцией на октаву заорала: — Вон отсюда, кастрирую!

— Э-э-э-э, ты как себя чувствуешь, кисюнь? — Андре поперхнулась стратегическим запасом воздуха в объёмно-силиконовой груди и опасно посмотрела на Надьку.

— Да я не тебе! Мышь обнаглел окончательно. Мало того что метит по углам, так ещё повадился когти точить о портрет французского пёсика, — отмахнулась Надин. — Дождётся, нарисую его в натюрморте...

Здесь необходимо сделать отступление и пояснить, насколько страшной для любимого кота была угроза хозяйки.

Моя подруга к сорока годам имела определённую репутацию. Её картины пользовались некоторым успехом во Франции, Голландии, Англии и Финляндии. Короче, за пределами России. «Нет пророка в своём отечестве», — фальшиво-философски повторяла художница, читая очередную ядовитую статью критика З. А. Мурашко о выставке картин Надин Дельфининой в Москве или Санкт-Петербурге (Зиновий Мурашко, в прошлом мимолётное Надькино увлечение, мелочно пакостил отвергшей его женщине).

«Эх, сфотать бы этого замурашку на следующей презентации! — мстительно предвкушала моя подруга, пробегая глазами строчки про отсутствие перспективы и нарушение пропорций на её картинах. — Какой бы портрет в гипсе мог получиться...»

Надька — действительно талантливая художница. Одно страшно: все до единого, кого она избирала в качестве прототипа или натурщика для своих портретов, плохо заканчивали. Причём ровно так, как задумывала Надин.

Так, стоило моей подруге нарисовать свою любимку — аквариумную рыбку Кошку в общей панораме с тефалевой сковородкой (Надька всегда отличалась некоей экстравагантностью в выборе имён для домашней живности), рыба приказала жить долго, но счастливо. То, что на холсте получилась заметная трещина на аквариуме — художественная находка-недоработка Надин.

Глупо верить, что именно картина стала причиной кончины золотой рыбки, спокойно прожившей больше трёх лет. Стоило Надьке отлучиться на два дня в Москву на выставку в ЦДХ, где экспонировалась и злополучная «Кошка-рыбка», как по приезде художница увидела свою любимицу на полу. Мёртвой. Моя подруга истерически-сладко оплакала

подсушенный красно-золотистый трупик в обрамлении стекляруса мистически треснувшего аквариума. С не меньшей горечью и сладострастием она оплакивала сломанную ногу своей бывшей свекрови.

Как мне кажется, Надьке нужно открывать фирму «Порча по портрету». Это бы враз решило все финансовые проблемы художницы.

Бронебойные кисти моей подруги творят в некотором роде чудеса. Дольше всех сопротивлялась Надькиному творчеству её бывшая свекровь. Надин рисовала Людмилу Эрнестовну трижды. С разной степенью последствий для матери бывшего мужа.

— Надь, — антимузыкально проскрипела Андре, — а что было с Людмилой Эрнестовной после того, как ты её изобразила в кресле венецианского дожа? — Моя подруга-певица задумчиво рассматривала пасофное седалище с колёсиками в центре непропорционального триптиха.

— Перелом шейки бедра, инвалидная коляска — бывший тесть купил, — на автопилоте бросила Надин. — Эй, это ты на что намекаешь, Ань?

Литровая бутылка абсента, припасённая ещё с прошлого раза, грознула по лакированной поверхности стола вслед за лиловыми фужерами.

— Нет, только не зелёные феи сегодня! Напьюсь ведь в хлам... — простонала почти фальцетом Андре. — А у меня завтра запись в студии.

Закурив, Надежда разлила абсент по фужерам.

— Петь ты можешь в любой степени опьянения и похмелья. Проверено на практике. Другой вопрос, как петь... Я больше за Лейку переживаю — как там её свидание проходит?

— У Лейки свидание? Правда? — Аня бросила недоверчивый взгляд на подругу, пропустив мимо ушей её колкости. — Ты знала и молчала? Ну ты и партизанка! А от меня-то чего скрывать? Я что, враг Лейкиному счастью? Пусть ей наконец повезёт.

Залихватски опрокинув в себя содержимое фужера, Андре стукнула им по столу:

— Наливай, кисюнь. Давай выкладывай подробности...

Подруги проговорили полночи — о себе, обо мне, о нас. И конечно, о мужиках. А куда же без них? Без них, пусть придуманных и далёких, — ни выпивки, ни разговора.

Непродолжительная беседа с мудрым человеком стоит месяца общения с книгами.

Китайская пословица

Раннее утро того дня, среды, встретило не просто жарой — духотой невероятной. В метро от «Ломоносовской» до «Гостиного двора» я почти теряла сознание от спёртости воздуха, запаха тел и парфюма.

Ларёк «Роспечать» у Гостинки, где я торговала, сырком плавился на солнце. Казалось, даже стены размягчились от жары. И вот-вот плавно обмякнут и опустятся на брусчатку.

Внутри пахло типографской краской.

Поставщик внёс пачки с товаром и приземлился на табуретку. С бритого затылка капал пот, бриджи и майка промокли насквозь.

— Привет, Борь!

— Сегодня обещали до тридцати восьми, немоготу по такой жаре в машине.

— Слышала. В Москве ещё жарче. Хорошо хоть дети в конце недели в деревню поедут. Могут спокойно заняться домашними делами.

— Когда дети в деревне, надо другим заниматься. Всему тебя учить, Лейка! Эх, не дождусь, наверное, когда скажешь: детей отправила, вина купила, пригласила на вечер мужика, пожелай мне удачи, Боря! — заржал поставщик.

Я вынула из коробки новые поступления.

— «Книга перемен»?

— Чего положили, то и привёз.

Я поставила увесистую китайскую книгу на витрину. Машинально вписала цену карандашом. И уселась скучать — в такую жару никто не спешил покупать прессу и курево. Предпочитали мороженое и соки.

Лёгкий сарафан прилипал к телу, волосы намокали от пота, становились тяжёлыми, спадая горячими волнами на плечи. Пришлось нарушить инструкцию и распахнуть дверь.

Так, что тут у нас насчёт почитать? Я задумчиво окинула витрины оценивающим взглядом и остановилась на только что полученной «Книге перемен». А ну-ка... Чем чёрт не шутит? Мы же с этой книжкой общие корни имеем. Исторические. Бабушка, по словам отца, неплохо гадала. В домашней, разумеется, обстановке, не на коммунистических митингах. Сохранилась даже шкатулка, где когда-то лежали палочки и монеты. Сейчас она у Забавы. Кажется, для гадания нужны стебли тысячелистника или бамбука...

Для утренней разминки мозгов я углубилась в чтение. И часа через полтора вроде как овладела фамильным искусством. Теперь оставалось его проверить.

На что бы погадать? Совсем не вопрос для женщины! Мужчин уже много лет в моей жизни не наблюдается. Вернее, попытки познакомиться сильный пол производит с завидной регулярностью, но финал всегда одинаков: после встречи с детками у очередного претендента желание скрасить моё одиночество резко испаряется. А просто «гулять на стороне» мне не хочется — я всё ещё мечтаю о любимом и отце для моих детей в одном флаконе. Только где он, такой вот настоящий, не одноразово-случайный, а мужчина-стена? Пусть даже и некрасивый. Главное в мужчине — надёжность.

Так и не решившись задать вопрос, я прервала внутренний монолог, грозящий плавно перейти в жалость к самой себе, и наугад раскрыла китайскую книгу. Ткнула пальцем в третий абзац снизу на правой странице. Мой фирменный способ, который ни разу не подвёл. Обычно я использовала для гадания стоящий с краю в книжном шкафу увесистый фолиант Н. В. Гоголя. Так я умудрилась довольно точно узнать характер первой моей свекрови. Просто когда выпали слова: *«Слушай же! — залаяла ведьма. — Если ты все три раза останешься дурнем, то не прогневайся... света более не увидишь»*, — мне как-то всё и сразу стало с Сарой Моисеевной понятно. Дурнем, то бишь дурой, я была в её обществе постоянно. Видимо, Николай Васильевич лично был знаком с матерью моего первого мужа и решил таким образом предупредить меня. Надо сказать, он даже приуменьшил, поскольку не учёл национального колорита.

Второй свекрови достались строчки из «Тараса Бульбы»: *«Дома, — сказала жидовка и поспешила тот же час выйти с пианицей в корчике для коня и стопкой пива для рыцаря»*. И хотя с предсказанием национальности первых двух моих свекровей получилось с точностью до наоборот, насчёт характерных черт матери второго мужа Гоголь снова не промахнулся. Она была хлебосольна, домовита, отлично готовила, постоянно что-то мыла и тёрла. Да ещё бесконечно поучала на мове, как варить борщи понаваристее. Рядом с ней я чувствовала себя криворукой и ленивой.

С третьей и пока что последней в моей жизни свекровью, как мне показалось сначала, вышла промашка. Прочитав в «Вие»: *«...взглянув искоса, увидел он, что ведут какого-то приземистого, дюжего, косолапного человека. Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землею ноги и руки. Тяжело ступал он, поминутно отступаясь. Длинные веки опущены были до самой земли»*, — я крепко призадумалась. И лишь приехав в родной кишлак к третьему мужу, вдруг поняла, насколько гениален Николай Васильевич.

На самом деле Хадиджа была самой приличной из моих свекровей. Но внешне таджичка, затюканная жизнью, была такой же страшной, как Вий у классика. К тому же она носила и паранджу, и чачван, сплетённый из конских волос и закрывавший глаза. Однако мы с Хадиджой быстро нашли общий язык. Человеком она оказалась неплохим, если не сказать — хорошим. Для свекрови.

Проверенный мною на текстах Гоголя способ гадания мистически сработал на «Книге перемен». Палец упёрся в текст толкования к гексаграмме 41 — «Сунь. Убыль»: *«Можно и приумножить то, [в чем недостаток] черепахой-оракулом [ценою в] десять связок [монет. От его указаний] невозможно отклониться...»*

Так, про убыль понятно. Убыль — это ко мне. Причем ситуация, видимо, настолько неординарна, что для её разрешения книга советует обратиться к более древнему способу — гаданию по панцирю черепахи. Да не простой, с блошиного рынка, а какой-то редкой, необычно больших размеров. Ведь десять связок монет — наверное, немалые деньги?

Захлопнув книгу, я явственно различила на серой обложке тиснённый рисунок черепашьего панциря и задумалась. Цена её ровно тысяча — издана на глянцева бумаге, с цветными иллюстрациями, в хорошем переплёте. Десять связок монет — десять раз по сто. В каждой китайской монете — дырка по центру, потому что носили их на верёвочках. Может быть, десять связок — это десять развязанных кошельков и речь идёт о десятом покупателе?

Итак, восполнить то, в чём я нуждаюсь, поможет данная книга. Но как? Даже если я её

В конце концов, продам, мне достанется десять процентов — сто рублей, так что общую убыль мою стольник никак не покроет. Такие деньги только детям на мороженое. Значит, десятый покупатель? И от него невозможно отклониться? Ничего себе ребус... Бабушка Ли, как мне тебя сейчас не хватает!

Впрочем, чего только не примерещится при жаре. Я со вздохом поставила китайский «И-цзин» на видное место к стеклу, а сама взялась за перевод статьи, которую мне нужно было отослать заказчику до завтра. Он обещал сразу перевести деньги. Хорошо бы и правда без задержек обошлось, иначе нечем будет оплатить отдых детей у корыстной бабки Сары.

Человек, который лжёт в любви, не заслуживает даже ненависти.

Французская пословица

Мужчина лет тридцати пяти метросексуальной наружности с легкомысленным выражением лица вырулил на серебристом джипе на Невский. Несмотря на включённую навигацию, двигаться приходилось крайне медленно. Пробки не рассосались бы перед автомобилем, даже если бы владелец написал на его боку: «Я сын губернатора Мультивенко». Наоборот, грубоватые водилы и нервозные пассажиры, истекающие потом в раскалившемся секунд-хенде, скорее обматерили бы его на всех языках постсоветского пространства, включая гастарбайтерские.

Двадцать минут от Большой Морской до Гостиного. Хулиганистый «Prado» не едет, а ползёт, останавливаясь через каждую пару метров. И хотя привод позволяет скакать по бордюрам, пугая прохожих на тротуарах, сейчас не время демонстрировать прыть. Стас включил диск Рамазотти и вспомнил, как танцевал с Надин в ресторане «Терраса» с видом на купол Казанского собора. Она скользила рыбка в его руках — изящная, лёгкая, в чёрно-белом французском платье. Стас ничего не понимал в живописи, Надин ему нравилась, несмотря на возраст, чисто как баба, обладающая неуёмной романтической энергией. Ему было плевать на её заморочки с искусством. Он пропускал мимо ушей болтовню о выставках и галереях, равнодушно скользил глазами по свежим полотнам, любуясь изгибом нежной спинки Нади, её маленькой грудью.

— Ты не понимаешь меня.

— Я понимаю твоё тело...

Это было правдой. В постели они идеально подходили друг другу. Но только добирались до разговора, становилось невыносимо скучно.

Поток машин встал намертво. Выждав очередной момент движения, Стас с трудом протиснулся вправо и припарковался возле здания Думы, не доезжая до Перинной линии. Хотелось чуток поразмяться. Уличная жара дохнула в лицо. «А микроклимат справляется — в салоне-то было свежо». Мгновенно разомлев под полуденным солнцем, он пересёк Думскую улицу и подошёл к ближайшему ларьку «Роспечать». Симпатичная продавщица с раскосыми глазами обмахивалась китайским веером. Прямо перед ней лежали исчирканные листки машинописи на английском.

— «Собрание» есть? — И уточнил: — «Блэк рашн».

Женщина сориентировалась мгновенно для такой жары и протянула плоскую чёрную сигаретную пачку с золотистым имперским гербом. Расплатившись, Стас уже готов был вернуться в машину, но вдруг его взгляд упал на подарочный фолиант.

— Покажите мне «Книгу перемен».

Продавщица, растерянно улыбаясь, достала издание в черепаховом переплёте...

«Надо же, десятый покупатель... — подумалось мне. — Ладно, это ещё куда ни шло. Но почему “И-цзин”?» Вспомнила о гадании, и по спине побежали мурашки.

Стас же, как выяснилось позже, поинтересовался «переменами» только потому, что слышал про них от Надин. Она отослала по электронке снимки своих картин на всемирную

биеннале в Китай и размышляла, пригласят ли её на выставку. Ведь если пригласят, то она непременно получит премию. И, возможно, ей предложат работу — преподавать живопись. Многие её знакомые пристроились в Поднебесной подобным образом. Стасу показалось интересным при следующей встрече удивить Надин знанием книги. Да и с китайцами в бизнесе, может, ещё придётся столкнуться.

— Тут написано, как гадать? — спросил он.

— Гадать очень просто, — ответила я. — Нужен стол, покрытый шёлком, и пятьдесят засушенных стеблей тысячелистника.

Тут Стас впервые посмотрел на меня. Возможно, заметил, что я говорю без какого-либо акцента.

— А книга зачем?

— Чтобы толковать. Но сначала нужно получить то, что хотите растолковать, — фигуру из шести черт, — дотошно излагала я прочитанное с утра. — Делите пучок стеблей на две кучки и несколько раз подсчитываете, определённым образом перекладывая палочки. Так формируется фигура. Её объяснение находите в книге.

— Боюсь, я сам не справлюсь. — Покупатель улыбнулся и снял чёрные очки.

Мне показалось, что я его чем-то расположила.

— Вы не могли бы меня научить? И не подскажите, где можно купить тысячелистник? — Симпатичный мужчина откровенно флиртовал со мной.

Десятый покупатель! Брюнет, хорош собой. Что ещё нужно? Я с волнением затараторила:

— Да его за городом видимо-невидимо растёт. У меня дома несколько связок. Это лекарственная трава. Я собираю её в деревне... — Я запнулась, чуть было не проговорившись о детях, отправлявшихся на дачу, и закончила фразу нейтрально: — А зимой завариваю как чай.

— А у меня есть стол, покрытый шёлком. Давайте как-нибудь встретимся и погадаем! Например, сегодня вечером. Вы мне всё подробно покажете и растолкуете. Кстати, меня зовут Стас. А вас?

— Лия, — призналась я, всё ещё находясь в смятении.

— Редкое имя, красивое. А откуда глаза?

— От бабушки. Она была китаянка...

Вообще-то я не привыкла откровенничать. И тем более встречаться с мужчинами в первый день знакомства. И дело даже не в том, что надо предпринять массу предварительных действий, чтобы дети не дозванивались в самый неподходящий момент. Здесь можно просто выключить телефон и сказать потом, что батарея разрядилась. И не в том, что я не привыкла оставлять детей одних, так чтобы они гадали, где их мать: если уж отцы исчезали с завидной регулярностью, то хотя бы я должна быть островком стабильности. Нет, дело совсем не в этом. К тому же вечером меня будут ждать подруги. Не знаю, что заставило меня в тот день изменить принципам. Конечно, не то, что мужчина приобрёл дорогие сигареты. И не то, что у него дорогой айфон — ему позвонили, Стас извинился, сказал, чтобы начинали без него, а потом заговорил по-фински... Но вот приобретение «Книги перемен» вполне могло повлиять: признаюсь, я не равнодушна к умным мужчинам. «Умный мужчина» тем временем с интересом поглядывал на листки перевода, лежавшие передо мной.

— Да, скоро буду. Пусть начинают без меня. Скажите, что Стас Мультивенко

задерживается... — Наконец мужчина вернулся на родную речь, убрал айфон и обратился ко мне: — Я покупаю «И-цзин», но до вечера оставляю его у вас. Встретимся в восемь на выходе из метро «Площадь Александра Невского». Там поблизости прекрасный ресторан «Чайный дом по-восточному». Хорошие китайские повара, уютно...

Я только кивнула, окончательно потеряв дар речи.

Покупатель развернулся и двинулся к переходу.

— Стебельки не забудьте! — оглянулся он напоследок, одарив меня улыбкой а-ля Ричард Гир.

Я ещё пыталась сопротивляться — позвонила Надин в надежде услышать недовольное: «А как же наш уговор встретиться?!» Но в ответ прозвучало:

— Лейка! Как я за тебя рада! Вали на свиданку, а перед Андре я тебя прикрою...

Остаток рабочего дня я провела, не помня, что продавала, — мысли крутились вокруг предстоящего вечера. Кое-как закончила перевод. Дозвонилась Забаве, чтобы она подвезла мне бабушкину шкатулку, положив в нее пятьдесят стебельков. Пришлось наврать, будто Надька попросила погадать насчёт удачи на выставке. Я и не подозревала тогда, насколько это враньё окажется правдой...

Даже самая прекрасная девушка Франции может дать только то, что у нее есть.

Циничное наблюдение французских мужчин

Готовясь к встрече со Стасом, я вспоминала свою так называемую личную жизнь.

Первый мой мужчина был ортодоксальный хасид Иаков. Как я его любила! Как любила! Худенький, в чёрной фетровой шляпе, с озорными глазами. От него я родила первенца Авраама. Свиток Торы лежал в спальне нашей. И всё хорошо у Иакова было, вот только мать его — Сара Моисеевна невлюбила меня лютой ненавистью. За некошерные китайские глаза и русскую косу. Развела она нас с Яшенькой, едва Авраам псалмы лепетать научился.

Второй муж Мечеслав, богатырь украинского происхождения с окладистой бородой, сажень в плечах, тоже производил впечатление. И детей производил. И мысли всякие окладистые...

— Жена да убоится мужа, — повторял он мне.

И я, привыкшая слушаться ещё при Иакове, не возражала. И всячески убаивалась и убаюкивала. Подштанники цветастые шила, рушники вышивала да стряпала.

Мечик по дому ходил с палицей, выструганной на досуге из дубовой коряги. Постукивал ею по полу и табуретам. К обеду требовал кислые щи и груздей в сметане. Декламировал нараспев оду Велесу и Макоше, потом брал деревянную ложку и хлебал из глиняного горшочка. Имя для дочери выбирал по русским ведам, вот и стала наша дочка Забавой. Он и Авраашеньку называл по-своему — Яромиром. И читал ему на ночь былину об Илье Муромце и Идолище поганом. Жили бы мы долго и счастливо, если бы не вздумалось однажды Мечеславу поехать со товарищи на реку Мологу искать Китеж-град: как вошёл в её воды с аквалангом, так с тех пор никто его не видел. Ждала я мужа, стирала пыль с «Русских вед», но не вернулся из царства речного Мечик. Остались Забава и палица, в лоджии заброшенная...

Третий мой возлюбленный — Мухамед, обрезан был по той же моде, что и Иаков. Да ещё и подбривался в интимном месте. Но нрав у него оказался грубый. Пискнет Забава в кровати — зарезать ночью грозился. Подростий Авраашка в кладовку от него забивался. Ласково я называла мужа Мумиком и никогда не подмешивала тайком свинину в котлеты, как это делали другие, плохие жёны, жившие где-то под Кулябом.

Мумик приучал меня к Корану, и я впитывала истины мудрой книги с такой же покорностью, как истины Торы и Русских вед. Третьей женой была я у Мухамеда. Когда он привёз меня летом в родной кишлак, увидела двух своих предшественниц. Свиней в кишлаке и в помине не оказалось, зато жёны меня, сговорившись, оклеветали: нашептали милому, будто бы я их расспрашивала, где поганое мясо найти. Он вскипел да и выгнал меня с Забавой и Авраашкой на улицу почти в чём мать родила. А была я уже «сильно беременна» и родила Али прямо в жарком аэропорту Душанбе в ожидании самолёта на Петербург. Но имя сыну дала, как муж задумал.

И что у меня осталось от моих браков, кроме воспоминаний и детей? Да, свекрови остались, которые берут сорванцов на летние каникулы.

Ну почему? Почему мне не может наконец повезти? Стас так располагает к себе,

хочется быть с ним, смотреть в глаза и не думать ни о чём. А внутренний голос твердит: «Мечтать не вредно. Вон он какой пижонистый, ты у него сто пятьдесят вторая только в этом году. С таким наплачешься...»

А кстати, что мне надеть? Может, попросить что-то у Андре? Нет, во-первых, она не в курсе. Во-вторых, что важнее, её шмотки будут мне великоваты. А у Надин гардероб, как у Дюймовочки... Собственно, чего я волнуюсь? Ведь, когда Стас подошёл к киоску, на мне не было ни макияжа, ни причёски, ни вечернего платья. Может, Надька что посоветует?

— Привет! Это опять я.

— Ну что, он тебя уже продинамил?

— Да нет. Голова кругом, хочется прыгать и танцевать. Думаю, чего бы надеть?

— А то вечернее платье с блёстками?

Именно это платье я приготовила на девичник.

— Я покупала его ещё при Ельцине!

— И что? Ельцина ещё народ помнит. А оно классическое. Я бы подвезла свой итальянский костюм, но ты ж не влезешь. Сколько раз тебе говорила — не жри после шести. А ты и в двенадцать ночи всё ещё закусываешь! Холодцом!

— И куда я теперь такая?

— Да отличная ты! Главное, чтобы лицо было счастливое! И глаза сияли. А на остальное он и внимания не обратит...

Я провалилась в мечтания: Стас дарит мне цветы, наливает шампанское в бокал.

Всё так и вышло. Глаза мои сияли, Стас наливал сливовое вино в бокал, а букет стоял рядом.

— Тебе нравится утка по-пекински?

— Да.

— А сливовое вино?

— Да.

— А о чём говорит эта гексаграмма?

И я вдохновенно выкладывала в ряды монетки, пока Стас распределял стебельки по кучкам, а потом не менее вдохновенно сочиняла нелепые объяснения.

— Может быть, потанцуем?

— Да.

Я забыла все слова, кроме «да». Поэтому когда Стас спросил: «Поехали ко мне?» — снова ответила:

— Да.

В это время у Стаса зазвонил мобильный. Выслушав взволнованную мужскую речь, Мультивенко нахмурился.

— Какие-то проблемы?

— Да, Лия, но это не важно. Вернее, важно, но мне показалось, ты сказала «да»? Поехали...

И там, где мы оказались после ресторана, я тоже отвечала «да», но уже губами и телом...

Я не могла остаться у Стаса на всю ночь. Волновалась о детях, о собаке Джульке. Но волновалась напрасно: в четвёртом часу ночи дома все спали. Поставив роскошный букет в вазу, включила мобильник и обнаружила на дисплее семьдесят четыре пропущенных вызова от Андре. Интересно, сколько же сегодня подруги выпили? Андре, скорее всего, до зелёных

фей наквасилась, а коварная Надька, наверное, уговаривала её позировать для портретной обнажёнки. Только мечте Надин, как мне кажется, не дано осуществиться. Суеверная Андре шарахается от её предложений, как мои Али с Абрашкой от свинины. Ничего, узнаю новости завтра.

В животе заурчало. Ну вот зачем я вспомнила про свининку? Сочные кусочки в луково-хренном соусе по моему фирменному рецепту... Или лучше по традиционному китайскому? В кисло-сладком, с ананасами... Ну да, после секса мне всегда есть хочется. Только я успела об этом позабыть. Сглотнув слюну, виновато прокралась на кухню. Достала банку селёдки, отломил горбушку от батона. И то, и другое казалось жутко вкусным. И пусть меня потом будет ругать Надька, что я опять поправилась, пусть...

Спать не хотелось. Включила компьютер, в «Яндексе» засветились новости:

«Десятиметровый кит прыгнул на яхту, приняв её за самку».

Ну вот, и киты туда же...

Наскоро внеся изменения в перевод статьи и отправив его заказчику, обнаружила в электронной почте письмо с прикрепленным файлом. Пришло четыре минуты назад. Чуть не нажала на опцию «Удалить», прежде чем поняла, что оно от Стаса. Да, он мне что-то такое говорил, взяв мой электронный адрес. Просил через недельку-другую переслать письмо ему обратно. Отшутился на все мои вопросы.

Открыть файл с непонятным расширением не удалось, и я выключила компьютер.

Пережёвывая селёдку, я снова переживала самые яркие сцены вечера: неужели у нас может получиться со Стасом...

Я и предположить не могла, что ожидало нас завтра.

*Виноватого кровь — вода;
невинного кровь — беда.*

Русская пословица

В четверг я выскочила из дома в спешке, проспав безнадёжные попытки будильника вовремя меня поднять. Успела только черкнуть записку Забаве, чтобы приготовила чего-то горячего мальчишкам. Обычно я встаю пораньше, что-то стряпаю на быструю руку и оставляю записки в холодильнике со стрелками: «Это Али», «Это Забаве», «Это Аврааму».

Влетев в киоск, я набрала номер Стаса. Нет ответа. Наверное, спит. Я мечтательно погрузилась в ничегонеделание — жара не сбавляла обороты, а покупатели не спешили повысить уровень своей информированности. Так и прошёл рабочий день.

Расстроенная и вспотевшая, я решила вечером не засиживаться дома, а рвануть в мастерскую к Надин. Девчонки мне оборвали трубку — им было интересно перемыть кости моему новому ухажёру. Да и у Аньки запись очередного хита прошла удачно. Ждут меня.

Получила по банкомату рядом с домом деньги за статью — клиент не подвёл, честно перевёл на мой счёт без задержки. В подвальном магазине затарилась продуктами.

Уже на подходе к дому дорогу мне переехала поливальная машина, обдав облаком тёплой мороси. Я безо всякого удовольствия шагнула на мокрый асфальт.

В детстве мне нравилось, когда зимой передо мной проезжала снегоуборочная машина, обнажая из-под льда серо-замёрзший асфальт. Или когда летом дворник подметал дорожку, останавливаясь перед очередным прохожим, даже маленькой девчонкой. Мне казалось — я ступаю по неизведанной, лунной поверхности, по которой ещё никто до меня не шагнул. Поливальные машины меня приводили в особый восторг — я могла бежать за ними, промокая до нитки.

Куда уходит радость детского восприятия с годами? Вот сейчас мне было нерадостно: руки заняты пакетами с едой, а перед дверью — мокрый асфальт. Поставлю пакеты на него, пока буду доставать ключ и открывать входную дверь — выпачкаются. И мне же потом мыть пол в прихожей.

— Позвольте, помогу вам, — оторвал меня от раздумий мужской голос. — Я сейчас открою дверь. Давайте эти пакеты.

Рослый незнакомый мужчина обаятельно улыбался мне. Широкие плечи, сильные загорелые руки, открытая улыбка. Блондин. Нелепые очки на довольно красивом лице. Жаль — не мой типаж: мне всегда больше нравились брюнеты.

Неправильно истолковав мой оценивающий взгляд, блондин быстро сказал:

— Я не маньяк и не насильник, не бойтесь. Снял сегодня квартиру на третьем этаже в этом подъезде. Меня зовут Матвей, — мужчина открыл собственным домофонным ключом входную дверь. — Ну как, вы идёте?

Значит, баба Шура нашла очередного квартиранта. А он ничего, хотя больше смахивает на громилу из банды, если снять эти дурацкие очки.

— Конечно. Тем более мы теперь с вами соседи, на одной площадке жить будем, — улыбнулась я, передавая пару пакетов в руки Матвею. — Меня Лия зовут...

Быстро решив все домашние дела, полетела в мастерскую к Надин. Ага, праздник уже в

разгаре. Подруги в своём репертуаре. Надо срочно составить им компанию.

Через полчаса после моего прихода девичник стал набирать обороты. К одиннадцати Андре дошла до кондиции:

— Опять зелёная фея появилась. Ик. Только крупнее, чем в прошлый раз, и крылья, как у самолёта. Ик. Во-он в прихожую полетела! Лейка, да она ещё и светится!

Почему от абсента у Аньки перед глазами начинали порхать феи и почему именно зелёные, нам с Надькой было непонятно. Однако раз за разом на наших посиделках в мастерской она методично накачивала себя именно полынной настойкой, категорически отвергая другие напитки.

— У неё галлюциногенная аллергия на полынь, — выдвинула я идиотскую идею.

— Нет, тут что-то другое...

Надькин взгляд прицелом цифрового фотоаппарата фиксировал фигуру подруги, ошалело отбивавшейся от невидимой нам зелёной твари, и вдруг художница мечтательно-задумчиво зашептала:

— Я так и вижу... Андре ню... внутри бутылки с абсентом... грудь прижата к стеклу полукружиями, на лице улыбка... и пузырьки воздуха в абсенте цепочкой... глаза закатились от счастья... На фоне — буйство джунглей по Гогену, древовидная полынь... и злые бирюзовые феи пытаются проникнуть в бутылку. Да, надо бутылку двухлитровую, а то Анькины силиконы не влезут. Как тебе?

— Думаешь, она согласится позировать? — с видимым сомнением и скрытым ужасом пискнула я, мысленно перебирая самые страшные виды смерти от утопления и алкоголизма, грозящие Аньке. Если Надин видит её в жидкости — значит, утонет. Неужели в бутылке с абсентом? С другой стороны, алкоголь... Может, дадут бутылкой по голове, и Андре останется жива? Но вот закатившиеся глаза... Надо срочно спасать подругу от жуткой участи...

— А-а-а-а-а! — Такой чистой ноты «си-бемоль», которую издала Андре, никогда не мог от неё добиться её саундпродюсер при записи.

Мы с Надькой, вздрогнув, понеслись на звук.

В предбаннике мастерской, икая и всхлипывая, Андре судорожно тыкала пальцем в едва различимую тень на полу. Рядом в темноте горели два зелёных огня. (Надька, экономя на электричестве, крайне редко включала свет в прихожей, почему-то объединённой с кухней.)

— Феи? Неужели и мы сподобились? Вроде ещё и не особо выпили... Такие маленькие? — с удивлением хмыкнула Надин, нащупывая выключатель на стене. — А по словам Аньки, они толще Людмилы Эрнестовны...

Ярко вспыхнувший свет фантасмагорическим ужасом ударил по сетчатке. Тело! Мужик! Мёртвый! Желтовато-розоватые, отблёскивающие каким-то противоестественным перламутром трубочки, выпирающие клубком из голого живота через разошедшийся надрез над поясом низко посаженных брюк... Задранная рубашка и разбросанные в стороны фалды пиджака. Бордовый до чёрного фон, окружающий тело.

На мгновение мне показалось, что это Стас. Мышь зло блеснул на нас потускневшими при электрическом свете зелёными глазами, осторожно подошёл к голове лежащего мужика. Неизвестный, тьфу, труп был и правда похож, очень похож, но не Стас.

Почему-то в голову лезли дурацкие мысли. О том, что в формалине кишечник выглядит по-другому. Тряпично-серым, обесцвеченным. Вот ведь, анатомия была на четвёртом курсе, сколько лет прошло, а не забылось...

— Сэппука, — заморожённо прошептала Надька.

— При сэппуке ещё башку отрубают, — рявкнула я. — Вляпались...

Надин своим особым взглядом-прицелом фиксировала кота, кровь, кишки. Так, понятно, очередное творческое озарение. Будет потом нам рассказывать о красоте смерти по-японски. Или, упаси боже, нарисует.

Андре, не отрывая протрезвевшего взгляда от трупа, тихонько пятилась спиной к столу. Ага, у нас ещё осталась треть бутылки абсента. Икота у Аньки почему-то прошла. Наверное, от обиды, что оказался труп, а не феи.

Кисть сильнее меча!

Японская пословица

— Надь, у тебя спиртное в заначке ещё есть? — Андре в который раз попыталась выпить из пустого фужера. — Что будем делать? Звоним в милицию?

Я мучительно пыталась ответить себе на тот же самый вопрос. По-видимому, другого выхода нет. Хотя ох как не хочется.

— Так, девочки, подождите. — Надька трясущимися руками открыла бутылку французского коньяка. — В милицию звонить однозначно нельзя. У меня в сентябре выставка в Китае наклёвывается, я её год ждала. Не выпустят же. Ещё и виноваты останемся.

— Надь, ты совсем сдурела? — взревела Анька.

— Я не сдурела, просто очень не хочу рисовать небо в клеточку. Или в полосочку, если одиночка достанется. Тебе какие камеры больше нравятся? Групповые или вип-одиночки? — Надин залпом выпила коньяк.

— При чём тут камеры? Мы же свидетели...

Я переглянулась с Надькой. Значит, Андре не заметила главного.

— Живот нашему незваному гостю вскрыли папиным кинжалом, — как-то апатично-безнадёжно пояснила Надька. — Тем самым, подарочным. Он рядом с трупом валяется. Так что первая подозреваемая — я, а вы с Лейкой пойдёте подельницами. Только вот, даже если в одну камеру засунут, Ань, уже не выпьем вместе. На зоне — сухой закон. Давайте накатим, пока можем, и подумаем лучше, что делать. Хрен бы с ним, с биеннале в Китае, переживу. А вот одну камеру на двоих с тобой, Анют, нет.

Коньячная анестезия плохо помогала размышлять дедуктивно. Вздохнув, я взяла инициативу в свои руки:

— Если милицию не вызывать, то надо решить, куда деть труп.

— Ты права. Но сначала надо его как следует рассмотреть. Кого-то он мне сильно напоминает... — задумчиво пробормотала Надежда.

— Похож на Стаса.

— Стаса?

— Вылитый Стас!

Одновременно вдруг начав говорить и замолчав, мы уставились друг на друга в полном изумлении.

— Теперь я, кажется, понимаю, Лейка, с кем у тебя вчера было свидание. — Голос Надин не предвещал ничего хорошего. — Стас Мультивенко? Сын губернатора? Ты с ним переспала? Отвечай быстро, «да» или «нет». Чего молчишь? На любой вопрос всегда можно ответить либо «да», либо «нет».

Ох, сказала бы я Надьке про то, как Карлсон проучил фрекен Бок с таким же вопросом о коньяке в детской книжке шведки Линдгрэн («Ты перестала пить коньяк по утрам, отвечай — да или нет?»^[1]), но в целях личной безопасности промолчу.

Тем более Надька почти не читает. Тем более Надька коньяк глушит тоннами. И по утрам, и по вечерам.

Мне в голову не пришло ничего более умного, чем спросить:

— А он сын губернатора? — я с изумлением уставилась на подругу.

Надька кивнула. Я незаметно отодвинулась от подруги — на всякий случай. Бережёного бог бережёт, у Надьки реакция гюрзы.

— Ох, Лейка, как ты могла? — вдруг всхлипнула Андре. — Как ты могла переспать с моим Стасиком? Я ж тебя, заразу китайскую, ближе родной сестры считала... Правильно говорят, что женская дружба только до первого мужика...

Мы с Надькой в ошеломлении уставились на рыдающую Аньку. Мне очень не понравилась «зараза китайская». Ладно, разбор по национальностям отложим на потом. Но я уж припомню Андре её бабушку-немку и деда-корейца. Ах да, надо ещё по её матери пройтись, полуполячке-полуфранцуженке, и про отца-полутурка не забыть. Но у Андре всё ещё относительно просто... Национальный вопрос по вполне понятным причинам был болезненным в моей семье.

— Стоп, Анют! Ты почему Стаса своим называешь? Ничего не путаешь? Тот самый, Мультивенко?

Но голос Надьки не мог пробить броню коньячной анестезии, певица продолжала рыдать. Художница, чертыхнувшись, вскочила, бросилась в дальний угол мастерской, вытащила одну картину и вернулась к столу.

— Вот, смотри, Ань, это твой Стас? Да не реви ты, нам ещё труп куда-то девать нужно, а светает рано. Ну кивни, это он?

Андре, как заведённая, закивала без остановки, а я обалдело рассматривала очередной шедевр Надин. На картине был изображён фрагмент зала модного суши-бара, где сидел... Стас. Только Надька могла так точно передать улыбку Ричарда Гира на волевом лице. За спиной моего, а также, если я правильно поняла, и моих подруг любовника висела... катана в ножнах. Нарушая все законы перспективы, самурайский меч как будто входил в одно плечо Стаса и выходил из другого. Стас лукаво улыбался.

— Крантец хорьку! — вырвалось у Андре.

— Стоп, но у нас ведь не Стасов труп. Тьфу, в смысле убитый — не Стас. Хотя следовало бы его... — не удержалась я.

— Надь, ну вот почему ты промахнулась, а? — вдруг спросила Анька. — Чем тебе помешал тот мужик, что в предбаннике? А, я всё поняла: ты устала от проклятия, лежащего на тебе, и решила принести ритуальную жертву. Зачем тогда папиным кинжалом? Он же раритетный, могла обычный нож взять.

Я стала вжиматься под стол, но Надежда очень спокойно сказала:

— Девчонки, а в самом деле, кто этот мужик? В смысле труп. Может, вы его раньше видели?

Я задумалась. Ничего более умного, чем проверка карманов у трупа, то есть одежды мужика, в голову мне не пришло. Надин, кажется, осенила та же мысль.

— Ты или я? — риторически-обречённо спросила она. — Ты же у нас биолог. Рассказывала, как в анатомичке одной рукой трупы вскрывала, а другой печеньё ела. А мне со жмуриками как-то особо дружить не доводилось...

— Ага, вспомнила, когда припёрло, мою профессию! — Я сильно разозлилась за Надькину попытку перевалить на меня копание в карманах покойного. — Давай рассуждать логически. Мертвец в чьей мастерской? Брюхо ему вскрыли чьим кинжалом? Вот и ищи сама. А главное, куда покойника-то прятать? Время идёт! Я уже все варианты перебрала, но даже втроём мы его далеко не утащим.

Опасливо приблизившись к труп, мы замерли. За прошедшие полчаса кровавые разводы на животе успели подсохнуть и потемнеть, став почти чёрными.

— Эх... — прошипела Надька, опускаясь на четвереньки. — В правом кармане пусто. А левый прижат рукой. Блин. Меня сейчас вырвет...

С трудом преодолевая отвращение, я присела на корточки и переложила руку трупа. Бросила взгляд на лицо, представшее в другом ракурсе. Голубые радужки глаз стальной поволокой безразлично уставились в потолок. Мы резко отшатнулись — на затылке приоткрылась запёкшаяся рана. Побледневшая Надежда просунула руку в освободившийся карман, достала и открыла паспорт.

— Мама моя! Да что же это такое? Мультивенко Станислав Александрович... Только фотка не нашего Стаса, а его. — Надька ткнула пальцем в труп.

И муху убить, так руки умыть.

Русская народная пословица

Мы с Андре ошарашенно глядели на Надежду.

— Смотри-ка, не промахнулась... — некстати ляпнула Анька. — Порчу уж не по портретам, а по имени-фамилии наводить стала. Растёшь, Надь! Тебе теперь прямая дорожка в «Битву экстрасенсов». Ты их быстренько всех нарисуешь, с запасом на следующие сезоны. Потому как однофамильцев шаманов и ведьм тоже пристрельно по всему СНГ приголубишь. А если члены жюри будут сопротивляться, пригрозил, что каждому по портрету подаришь. — Андре расхохоталась.

— Истерика, — меланхолично констатировала Надин, вставая с колен. — Допилась до белой горячки. Предупреждала же насчёт абсента. Мне в Париже рассказывали, эта полынная отравка — психоделик почище мухоморной настойки. Всё, Лейка, будем навещать подружку в комнате с белым потолком. Пить тебе, Ань, надо бросать. Кстати, там ещё коньяк остался, пойдёмте выпьем, — совершенно нелогично предложила Надька.

— Вот сейчас позвоню в милицию, и посмотрим, кто кого и где навещать будет. — Андре, разозлившись, быстро пришла в себя. — Да, выпить просто необходимо. И что будем делать с этим? Надь, ты мне не наливай — я сама. Ты труп трогала. А руки не помыла. Вдруг он заразный...

— Зараза к заразе не пристаёт, — вяло огрызнулась Надька. — Тем более ты собрала, скача по сценам и продюсерам, такой букет болезней, что уж скорее труп умер бы во второй раз, отхлебнув из твоего бокала...

Я мученически слушала перепалку подруг. Вот ничего не берёт их — ни абсент с коньяком, ни трупы, ни мистические совпадения! А потом поняла, вся их пикировка — защитная реакция. Остановись мы хоть на минуту — закричали бы от страха. Нам на лекциях по физиологии человека рассказывали, что есть какая-то там субдоминанта, по Ухтомскому, что ли... Вдруг смутная, нечёткая мысль мелькнула на периферии моего сознания... Там вроде так: пока человек отвлекается на другую деятельность, основная идёт более успешно. А про что я вспомнила? Спокойно! Физиология человека — теплее... анатомия — уже горячо...

— Придумала! — заорала я. — Мы спрячем труп в холодильнике анатомички под видом поросёнка из деревни. Только надо будет его упаковать и довезти на машине.

— Надь, ты коньяк Лейке наливала? Видишь, я же говорила, что могут быть последствия. Нужно руки тебе всё-таки помыть, — Андре с сочувствием смотрела на меня.

Однако Надин лучше знакомая с моими семейными проблемами, поняла с полуслова:

— То есть внеплановый подарок твоих родственников по второму мужу? Лейка, гениально! Ань, рассказывать долго, просто поверь на слово. Я потом тебе всё объясню. Мы с тобой сейчас будем паковать этого поросёнка... тьфу, Стаса... Ну, мертвеца. Лейка, дозванивайся до кого-нибудь с машиной.

Анька посмотрела на часы и выразительно покрутила пальцем у виска. Третий час ночи! Со вздохом встав, я принялась искать «оберточный материал» в мастерской подруги, уверенная, что в этом бардаке найти можно абсолютно всё, даже ещё один труп.

Наткнувшись на рулон чёрной плёнки, я задумалась. Родители покойного Мечеслава вряд ли могли завернуть подарочного кабанчика в такой погребальный саван.

Глава вторая,
*в которой морально и материально все мы падаем в
глазах друг друга. Также в этой главе падает от
харакири кот с некошерным именем*

*В недруге стрела, что во пне,
а в друге, что во мне.*

Русская поговорка

— Ну, Борь, ну извини, что так рано, очень надо! Мне больше и попросить-то некого! В обычный багажник кабанчик не влезет, а при такой жаре он стухнет, — вполне правдоподобно ныла я в трубку, позвонив своему поставщику. — Всё что хочешь проси! Что-о-о? Я подумаю. В девять, Невский, сто двадцать семь.

Злая, как все мои свекрови вместе взятые, я недобро посмотрела на подруг.

— Что он в обмен захотел? — Надька поёжилась под моим взглядом.

— Большой и чистой любви, скотина лысая. Я не тебе, Надь. Хотя и ты скотина. Чтобы я хоть раз ещё зашла к тебе сюда. Ни в жизнь, здоровьем Сары Моисеевны клянусь!

Мы истерически расхохотались. Сказывалось напряжение бессонной ночи.

— Борька мужик вообще-то неплохой, — сквозь смех стала рассуждать я. — Домой, что ли, его привести? Пусть детки отыграются всласть. Нет, жалко, долго он не выдержит. Хорошо ещё, я про «свинячьи подарки» от Забавиных бабушки с дедушкой сто раз ему рассказывала. Никаких подозрений. Так, осталось самое сложное — дозвониться до Дашки. И почему, интересно, всё должны расхлёбывать только мои знакомые? Мертвец ведь в твоей мастерской, Надь?

— Ань, да отлей же ты полбокала Лейке, не жмотись, — быстро нашлась с ответом Надежда. — Видишь, устал человек, на своих бросаться начал.

До этого мы больше двух часов заматывали труп в чёрную полиэтиленовую плёнку, пытаясь добиться подобия нужной формы. Получалось плохо, спелёнатый мертвец не очень походил на свиную тушу. Однако, как ни странно, именно Аньке, а не Надежде с её художественным видением пришла в голову идея зафиксировать тело обрезками багета, чтобы имитировать заморозку. И привязать к трупу пару дощечек. Вместо свиных ног. Или у свиной лапы? Зоология позвоночных не зря мне никогда не давалась.

В восемь утра, медленно трезвея и всё больше мрачняя после чудовищной ночи, я наблюдала за тем, как Надька отмывает пол хлоркой, затем нашатырным спиртом. Засохшая кровь удалялась плохо. Кинжал удалось отчистить быстрее.

— Ладно, в случае чего скажу, что киноварь разлила, — поднимаясь, Надька смахнула выступивший пот. — Что-то мне опять подурнело.

— Зато этому сейчас лучше всех, — Андре ткнула в свёрток пальчиком. — Лежит себе там. Ему уже хорошо, он мёртвенький, переживать не надо. А мы тут мучайся... Лейка, да звони же ты своей докторше!

— Не докторше, а патологоанатомше, — огрызнулась я. — Трупам как-то не особо нужны доктора. Дашка раньше восьми не встаёт, я знаю точно. Подождём ещё минут пятнадцать.

— А как вы с Дашкой познакомились? Ты про неё почти ничего не рассказывала...

Андре хотела узнать подробности про предстоящую операцию «Стас-Стас» (название придумали в честь трёх сказочных поросят). Вот ведь неугомонная! А всё профессиональное любопытство и любовь к сплетням. Вздохнув, я с некоторым внутренним протестом

отхлебнула коньяка, перелитого от Аньки (вдруг Надька не врала, когда упомянула букет болезней, чем чёрт не шутит. Ну да ладно, коньяк сам себе дезинфекция), и начала короткий пересказ истории, восходящей к моей студенческой юности и второму замужеству.

*Эти мертвые камни у нас под ногами
Прежде были зрачками пленительных глаз.*

Омар Хайям

На четвёртом курсе ЛГУ анатомию человека нам читал Игорь Захарович Билич — женатый на своей профессии старенький профессор с мировым именем. Дашка трудилась лаборанткой на его кафедре (лаборанты после года могли льготно сдать вступительные экзамены).

Фанатично влюблённый в анатомию профессор вбивал в наши головы непослушную латынь, демонстрируя тонкости строения тела на формалиновых препаратах и скелетах. Вот никогда не подозревала, что не только у каждого позвонка есть своё собственное название, но и у каждого его отростка, бугорка, у каждой впадины, выпуклости! Я даже не пыталась их запоминать, с ужасом думая о предстоящем экзамене.

Хуже всего был лабораторный практикум. Лаборантка Даша приносила препараты в широких колбах, напоминающих десятилитровые банки с притёртыми крышками. Плавающие в формалине обесцвеченные сердца, половые органы, почки потом снились мне на фоне отвратительного, стойко-удушливого запаха. Бедный Йорик, Гамлет тебя в таком разобранном по кускам виде не узнал бы... Одно хорошо: есть после практических занятий не хотелось совсем.

Однажды, опаздывая на практикум, я бежала по коридору мимо небольшой тёмной комнаты, где хранились заформалиненные пособия для запугивания особо нервных студенток, и вдруг тихие всхлипывания наполнили диким ужасом мою бессмертную душу. Видения вселенских страданий живущих своей тайной жизнью органов моментально возникли в моём воспалённом воображении. Надо не забыть завещать после смерти себя кремировать, на всякий случай.

— Что уставилась?! — рявкнули из темноты. — Иди, Избиличу ябедничай.

Ошарашенная непонятным предложением, я автоматически вошла в тёмную комнату. Привыкая к полусумрачному освещению, судорожно соображала, какие взаимоотношения связывают профессора и неупокоенные части трупов. А обнаружила в сумраке всхлипывающую лаборантку. Возле её ног на кафеле разлилось формалиновое озеро с каким-то серо-тряпичным островком.

— Сегодня по плану — строение генеративной системы человека. Вот я и доставала этот долбаный препарат, — шмыгая носом, Дашка глядела в пол. — Теперь точно не поступлю! Избилич уволит: у нас женских органов — хоть маринуй, а мужской только один.

Я, ничего не понимая, уставилась на Дашку. Смутная догадка с трудом начала просачиваться через полусумрак и мою *os frontale*^[2] (надо же, хоть что-то помню).

— То есть это...

— Ну да, член с мошонкой, простатой и прочими причиндалами. Только сжался в формалине. Второго такого на всей кафедре нет. Я точно знаю. Теперь выгоня-а-ат... — Дашка опять заскулила.

— Стоп! У вас тут формалин есть? А колбу точно такую же я сейчас с биохимии притащу. Засунем все туда, надеюсь, никто не заметит. Только ты пока вытри тут, дышать

нечем.

Так мы и подружались с Дашкой, которая, кстати, выручила меня на экзамене по анатомии, подсунув нужный билет. Она все-таки поступила в ЛГУ, но я-то уже заканчивала университет, и мы встречались редко. Даше удалось остаться на кафедре анатомии, даже кандидатскую защитить про патологоанатомические аспекты чего-то там. Через какое-то время общение сошло на нет.

*Бойся свёкра богатого,
как чёрта рогатого.*

Русская поговорка

Вновь я вспомнила о Дашке не от хорошей жизни три года назад.

Родители моего второго мужа Мечеслава очень любили единственную внучку и настойчиво приглашали к себе на хутор Пилипец под Сумщиной. На парное молоко и «яички из-под курочки». Однако постоянно ссорящиеся между собой дети в минуты опасности выступали монолитным фронтом — Забава согласилась поехать на Украину только вместе с братьями (мои козлята не делали особых различий между тремя бабушками и дедушками от трёх разных пап, с полной уверенностью считая их коллективной собственностью). Посомневавшись для вида, я с облегчением приняла предложение родителей покойного Мечеслава.

Отмучилась двадцать восемь часов в поезде Петербург-Мариуполь. Сдала детей деду по счёту голов на вокзале в Сумах. Переждав на станции до утра, села обратно на проходной Луганский. Мать Мечеслава не желала меня видеть, считая, что я должна была хранить до смерти верность её сыну, а не выходить замуж за Мумика.

Раз в неделю приходили новости. Свёкр по телефону уверял, что с детьми они справляются. В отношении кухни я охотно верила, но насчёт всего остального были сомнения. Которые подтвердились.

Безумный нрав Али проявился почти сразу. Оседлав велосипед соседского мальчика, он поехал с пригорка и на крутом повороте врезался в камень. Перевернулся в воздухе и ещё метров десять прокувыркался по склону до ручья. Разодрал обе руки, разбил левое колено, а лицо напоминало смятую помидорину. Али провел неделю в постели, читая «Вешние воды» Тургенева (другой русской книги у бабушки с дедушкой не оказалось).

Авраам доставлял хлопот поменьше. Он всего лишь уплыл на самодельном плоту до соседнего хутора.

Меньше всего неприятностей было от Забавы. Любительница хорошо покушать, девочка собирала ягоды, помогала печь пироги и ватрушки. Однако тоже не удерживалась от проказ.

Дети звонили по сотовому с холма за деревней, откуда имелась связь с большой землёй. Разговоры сводились к требованиям денег на мелкие расходы в продуктовой лавке. Я посылала телеграфные переводы, за которыми дедушке приходилось ездить в райцентр. Бабушка билась за порядок и здоровье маленькой многонациональной банды. Жизнь текла своим чередом. И я могла себе позволить забыть о повседневных обязанностях многодетной матери на целое лето. Целое блаженное лето.

После возвращения дети долго отмалчивались. Наконец их прорвало.

— Полный Пилипец! — заявил Абрашка, битый крапивой за путешествие на плоту.

— Больше я туда не поеду, — добавил Али, ещё не переваривший до конца «Вешние воды».

— Да ладно вам, можно подумать, у бабки Сары или у бабушки Хадиджи лучше, — обиделась Забава. — Зато мацу есть не заставляли. И муэдзины по утрам не будили. Мам,

дед сказал, что перешлёт тебе осенью кабанчика, а то я больно худая.

Я по глупости не обратила внимания на слова дочери. А стоило. В середине октября поздно ночью мне позвонили и попросили срочно забрать посылку от украинских родственников. С трудом уговорив Бориса, коллегу по работе, мы поехали на Кржижановку, где располагалась Восточная ярмарка. Борька пристроил огромный свёрток из рефрижератора на заднем сиденье своей машины, затем довёз до дома. Также помог дотащить подарок с Украины до кухни.

Размер катастрофы я оценила, «разбинтовав» кабанью тушку. Полночи резала и пилила, вытирала, опять резала. Морозилка оказалась забитой полностью, холодильник не вмещал в себя свиную расчленёнку. Очередная «гениальная» идея осенила меня под утро. Видимо, от злости и усталости сработали странные ассоциативные связи. Вдруг вспомнилось, что в ЛГУ сотрудники кафедры анатомии хранили в подшефной анатомичке всё, что требовало охлаждения. От пакетов с клубнями георгинов зимой (в залах с температурой на плюс четыре) до ягод и фруктов с дач (в рефрижераторах, на минус двадцать).

Вымыв руки, я села на диван и, полистав записную книжку, нашла нужный телефон.

— Даш, привет, это Лейка, то есть Лия. Лия Лин, ты чего? Куда я должна пойти?.. Не часы смотрела, да, уже полвосьмого утра. Даш, не ори... Ну какая же ты скотина! Вот когда тебе член в банку с формалином засунуть надо было или конспект по биохимии — ты не стеснялась меня попросить... Да, та самая Лия. Фу, наконец-то. Слушай, у меня беда — мяс портится. Да не моё, свинячье! Анатомичкой народ по-прежнему пользуется? Очень хорошо. Поможешь? Расплачусь парной свининой. Ладно, даже сама её приготовлю. — Я вздохнула. Нет, какая же всё-таки ленивая Дашка, уму непостижимо.

Больше дедушка с бабушкой внучку не приглашали, но «свинячьи подарки» поступали регулярно. И Дашка помогала решать проблему хранения пищи насущной для «больно худой» дочери. Забава давно уже пополнила, потихоньку догоняя мою мать в весовой категории, но я каждую осень до усталости считала килограммы, полученные при разделке кабанчиков...

Что есть в печи, все на стол мечи.

Русская народная пословица

Вернувшись в пятницу утром из анатомички домой, я, как труп — тьфу-тьфу! — обмякла на диване. В сглюченном кратком забытии метались зелёные феи, подружки тащили куда-то чёрного поросёнка в белом саване, а Стас — мой прекрасный Стас — оживал на Надькиной картине почему-то с катаной в спине, которая его совсем не беспокоила...

— Забав, не толкайся, я не сплю. Чего тебе? — я с трудом соображала, продремав чуть менее часа.

Дочка посмотрела осуждающе. Одиннадцать утра.

— Ма, в холодильнике ничего, кроме яиц...

— Сейчас сделаем яичницу. А мальчишки ещё не встали?

Словно побитая палками, еле доплелась до плиты. Не успела дожарить глазунью, как услышала «гитар-гитар-гитар» на мобильнике...

— Да, проснулась. А ты?.. Как не спала? Вздремни... Я понимаю, Надь, но сама к тебе в мастерскую больше ни ногой... Ну, приезжай, конечно, после обеда — я своих козлят к бабке Саре отправляю, можешь у меня остаться...

— Ма-а-а-а! Горит!

Сковорода дымилась. Уголки яичницы загнулись чёрными крыльями. Забава, прискакав из своей комнаты на дым, удручённо смотрела на меня.

— Ма, давай лучше я обед приготовлю. Ты слишком устаёшь на работе.

— На вот двести рублей, купи картошки, пару килограммов огурцов. И мясо из морозилки вытащи, пусть оттаивает. Я ещё должна Дашке свинину потушить.

При упоминании о мясе в памяти всплыл «поросёнок», упакованный ночью в мастерской и мирно лежащий сейчас на «-20» в анатомичке. Спасибо Даше, не подвела... Правда, это только отсрочка, а не решение проблемы. О-о-о-о-х, тоскливо-то как. Стас, ну как же я в тебе так могла обмануться? Ладно, о любви сейчас думать некогда...

— Мам, ты чего? Два килограмма одному Альке на ползуба! — Забава смотрела возмущённо. — И пить нечего. Гони ещё двести рублей на «Липтон», колу и яблочный сок.

Я, тяжело вздохнув, вытрясла последние деньги из кошелька.

— Вот Сара Моисеевна вам даже «Акваминерале» не купит, и не надейся, — подначила я дочь. — У тебя и мальчишек всё собрано? Скоро уже электричка.

— Мам, а можно я скажу бабке Саре, что христианство запрещает есть мацу? — дочь лукаво посмотрела на меня.

Я призадумалась. Вроде иудаизм близок к христианству, но чёрт его знает, а вдруг и вправду нельзя?

— Во-первых, не бабке, а бабушке. А во-вторых, что, на самом деле так невкусно? — не удержавшись, я погладила дочь по голове.

— Мам, отстань, — Забава, брыкнув головой, выскочила из-под моей ладони. — Ты сама бабку так называешь. И даже ещё хуже. Я пошла в магазин. На сдачу куплю себе чипсы, мальчишкам — сухарики.

В двенадцать Надин уже сидела у меня. Точнее полулежала за кухонным столом,

наблюдая за моими попытками приготовить нормальный в кои-то веки обед.

— Лейка, я никакосовая! — Подруга хлебнула портвейна.

— Чего? Перешла на дешёвое топливо?

— Купила первое, что увидела... Работать не могу. В мастерскую не могу. Спать не могу. Бывшая свекровь зудит. Башка отваливается. В животе крутит до тошноты. Лейка, посиди со мной.

Надин всхлипнула и, положив голову на кухонный стол, уснула.

Только этого не хватало.

Я жалела Надьку, которой приходилось жить с бывшими мужем и свекровью в одной квартире. Экс-родственнички беспрестанно пилили её и пили кровь литрами. Деваться Надьке было некуда — разведясь с мужем, она не обзавелась жильём. Мастерская от Союза художников служила ей запасным аэродромом, когда становилось совсем невыносимо.

И тут Андре без тапок прокралась в кухню, присела рядом со спящей Надин. Я даже не удивилась, откуда Анька вдруг появилась. Через полчаса после Надьки.

А певица, вздохнув, выдала:

— Забаву встретила в дверях. Хозяйственная она у тебя, картошки притащила. Лятрекша в отключке?

Я кивнула, отхлебнув из початой Надькиной бутылки.

Так, все в сборе. Теперь тёртый хрен надо обжарить с пятью луковицами в оливковом масле. Тут самое главное не упустить, как с яичницей, время. Подумав, я плеснула немного портвейна в сковороду. Пусть будет хоть какая-нибудь изюминка. О, может, изюму добавить? Только как он будет сочетаться с хреном и луком? Нет, хватит и Надькиного пойла в качестве эксперимента.

— Лейк, можно я у тебя ночевать останусь? — прошептала Анька.

— Делайте, что хотите, только не мешайте мне свинину тушить! — разозлившись, заорала я. — Меня Дашка осенью в анатомичку не пустит, если всё сгорит!

— М-м-м-м, свининкой пахнет. Жареной. С луком... — Надька, приподняв голову, с голодным интересом принялась.

Мысли опять перескочили на ночного «поросёнка». Эх, Стас... ну как же так? Тысячелистник, книга и твоя улыбка... И наш вечер. Всё было так чудесно! Чувственно, красиво...

— Пойдёмте ко мне, что ли? А то я никак отвлечься не могу. Только мальчишек разбужу и Забаву позову помешивать.

Я очень хотела обсудить последние события с подругами. Свинина по моему фирменному рецепту почти готова, дочь дотушит. Захватили почти приконченную бутылку дешёвого портвейна с собой. Ненадолго можно расслабиться...

Все полезно, что в рот полезло.

Русская народная пословица

Забава ловко раскладывала мясо по тарелкам. Какая-то смутная мысль о неправильности происходящего бродила по периферии моего сознания. Такими ароматами искусила бы сам господь бог, какой бы национальности он ни был.

Но Али не искусила. Сказывалось бабушкино воспитание. И отцовские гены.

— Ты опять?! — смуглый отрок накинулся на сестру. — Только себе готовишь? И мамке! А мы с Аврашкой как изгой!

— Аль, не, как гои, — поправил Авраам, проскользнув к холодильнику и открыв дверцу. — Так, опять ничего кошерного... Ладно, поем у бабушки.

— Тебе никто не мешает присоединиться. Смотри как вкусно, — Забава хитро улыбнулась и положила кусочек в рот.

Сидящая возле стола Джулька гипнотизировала взглядом.

Али зарычал:

— Мааааааа, пожарь кар-ррр-тофельные оладьи! Зубрила опять свинину разморозила! Ну сколько можно?

— А мы сейчас уничтожим эту гадость. Тащи, доча, на стол огурчики! — Мне пришлось вмешаться, чтобы не разгорелась ссора.

Я пыталась понять, чем Забава так насолила младшему брату, что он стал обзывать её школьной кличкой. Не к добру, точно...

— Я не зубрила! — обиделась Забава. — Это ты тупой, сам теперь пиши свои сочинения. А будешь вякать — огурцов не достанется.

Али цапнул последний неразрезанный огурец. Андре без приглашения схватила вилку. После бессонной ночи и ужаса анатомички манеры Аньки резко упростились. Она заглатывала сочащиеся хреном и луком кусочки, как заправская акула.

— Вот умеет же готовить у тебя дочь, — прочавкала Анька с набитым ртом. — А ты, Лейка, тока тёплым чаем из термоса травить можешь. Небось, пироги с капустой, которые ты в мастерскую к Надьке таскаешь, тоже Забава печёт.

Я разозлилась окончательно, вспомнив, что свинину готовила для Дашки. Придётся ещё раз стоять у мартена... Забава, напротив, надулась от гордости. Авраша с интересом посмотрел на меня, ожидая продолжения веселья. Алька доедал второй килограмм любимых огурцов. То, что они были порезаны, его не смущало.

И тут опять резануло по мозгам: Дашка — анатомичка — чёрный пакет и внутри тело... Переживания и обида не хотели отпускать.

От еды и недосыпа Аньку разморило, она пошла спать в комнату мальчишек. Собранные в деревню рюкзаки и пакеты Аврам и Али уже выставили в прихожей. Вторая подруга улеглась на диван напротив первой. Обе бездетных дамы захрапели, как два поросёнка, во сне, по-видимому, вспоминая зелёных фей и харакири. Надька тихонечко, почему-то очень музыкально. Анька раскатисто — мужицким басовым храпом.

Я потащила себя из последних сил на кухню. Готовить: кошерную рисовую кашу — для Авраама, картофельные оладьи — для Али. Свинину Дашке потушу вечером, сейчас сил нет.

Ужас как спать хочется. А ещё детей на электричку до Выборга посадить надо.

Под убаюкивающий звук шипящего на сковороде масла я думала о том, что жизнь моя бесповоротно изменилась после встречи со Стасом. Вернее, с двумя Стасами — слишком живым и полностью мёртвым.

По счастью, почти до конца августа мне удалось пристроить детей в деревню к Саре Моисеевне, где бабушка Авраама имела скромненький двухэтажный домик на пять комнат. В Выборгском районе Ленинградской области, в коттеджном посёлке «Золотая долина». Экс-свекровь согласилась приютить не только родную кровиночку Авраама, в котором души не чаяла, но и его сестру с братом. Подозреваю, только потому, что Авраам, как всегда, отказался приехать один. Кстати, не забыть бы передать с Авраашкой собранную на прокорм банды заначку — с этим у Сары Моисеевны строго.

На Финляндском вокзале я благословила детей — по-христиански, по-мусульмански и по-иудаистски — и, посадив в электричку, на 15.40, вздохнула облегчённо.

Началась отпускная жизнь. Только плохо как-то началась, с трупа. Я ещё не понимала в тот момент, что нет такой плохой ситуации, которая не может стать гораздо хуже. Но глупость и наивность никогда не были смертными грехами ни в одной религии мира.

Возвращаясь домой, уже у входа в подъезд столкнулась с новыми соседом — Матвеем. Пока поднимались до третьего этажа, разговорились с ним. Сетуя на жизнь, я бросила невзначай про детей и «Золотую долину».

— Как тесен мир, — удивился квартирант бабы Шуры. — Я завтра туда же собираюсь поехать к друзьям. День рождения у моего коллеги по работе, меня пригласили...

Распрощавшись с Матвеем на лестничной площадке, зашла домой. Невыносимо хотелось спать. Однако я мужественно села переводить очередной текст, на этот раз с французского на русский. Дело шло туго, и потому, дождавшись в седьмом часу вечера звонка от свекрови и узнав, что дети встречены, наконец провалилась в забытьё.

*Кто пьет, тот не знает о вреде вина;
кто не пьет, тот не знает о его пользе.*

Японская пословица

Июль удушливыми объятиями вцепился в город на Неве. Небывалая жара не спадала даже по ночам. Раскрытые настежь окна мало спасали ситуацию. В субботу утром к выматывающей жаре добавился табачный дым — выпавшаяся Надька смолила одну за другой тоненькие сигаретки, нервно расхаживая по комнате, и моя полускончавшаяся астма вдруг решила о себе напомнить. Может, Анька вмешается? Она тоже терпеть не может табачного дыма. И тут...

— Надь, прикури и мне, лениво вставать. Лейка, у тебя пепельница найдётся? Тащи быстро.

Я ошарашенно посмотрела на подругу-предательницу.

— Ну, Ань, ты совсем зазвездила! Подними свой роскошный зад и возьми на кухне чашку или блюдце. И с каких пор ты куришь?

— Лейка, ну пожалуйста... Ну позязястя-позязястя-позязястя, — детским голоском пропищала Анька. — Мне так плохо. А курила я и раньше, просто бросить пришлось — голос становится грубее. Хотя хочется порой до чёртиков.

Пока необычно молчаливая Надька прикуривала для подруги (уму непостижимо!) сигаретку, я поплелась на кухню. Бардак и бедлам. Полный пилипец. Подгоревшая до углей яичница на сковороде — залить водой. Тарелки с застывшим свиным жиром — в мойку. Протереть стол, залить водой опустошённую кастрюлю. Схватив первую попавшуюся под руку чистую кружку, я поплелась назад к подругам. Как же жарко! Усталость во всём теле — вон даже кружку удержать не могу, до чего тяжёлая, зараза.

— Значит, полгода назад? — донёсся до меня голос Надьки. — И ничего мне не рассказала... Обычно-то ты, Ань, первым делом мне хвастаешься, а тут такой вариант — закачаешься. Красавец, сын губернатора. Я от зависти скончалась бы по определению...

— Надь, ну я ж не знала, что он с тобой спит. И что Лейку до кучи оприходует.

Я вздрогнула. Другого слова для меня Анька, конечно, выбрать не могла. Подруга между тем продолжала, выдыхая мерзкий табачный дым:

— Думала, повезло, наконец. Стас такой... такой... Короче, скотина он. Я за него замуж решила выйти. А тебе не рассказывала, чтоб не сплзить. Стоит только тебе пару слов про любого моего мужика сказать — он тут же сбегает. — Анька недоумённо попыталась стряхнуть пепел в чашку, потом перевела взгляд на меня: — Лейка, а чего ты сразу кастрюлю не притащила?

Мы втроём уставились на огромный, по-моему литровый, пивной бокал, в который Андре невозмутимо начала стряхивать сигаретный пепел. Теперь понятно, почему так его тяжело было тащить с кухни, он же литого стекла, больше килограмма, наверное.

— Чистых не осталось. Ань, ты помыть посуду не хочешь? — обиженно проговорила я. — У меня уже нет сил.

— Ты чего, Лейка? Мне только позавчера ногти в салоне нарастили, стразы наклеили. Последний писк моды. Жа-а-алко...

Анька обожала обновлять маникюр. Мы с Надин внимательно рассмотрели ярко-алые, усыпанные чёрными стразами ногтища. На каждом — свой рисунок. На указательном пальце — каменная роза из особо крупных черных камешков. В центре страз с рубиновым пятнышком.

— Пусть Надька помоеет, а я лучше за выпивкой и едой сгоняю. Кому чего купить? — сделала попытку подкупить нас Анька.

Выторговав себе водку и холодец, я почти простила Андре с её роскошными ногтями. Надька потребовала французский коньяк и круассаны с морошкой. Только с морошкой — иначе посуду Надька мыть наотрез отказывается. Морошка вызвала ожесточённый спор, однако «всего лишь» через полчаса, собравшись на скорую руку, Андре отправилась совершать шопинг.

— Надь, вот никогда не знала, что ты круассаны именно с морошкой любишь, — хмыкнула я. — Хотя давно с тобой знакома.

— А их и не бывает в природе. Не существует. Эта ягодка только в Сибири растёт. Или не только? — задумалась Надька, закуривая. — Во Франции, на родине круассанов, про такое чудо точно никто не слышал. Это я специально для Андре придумала, чтоб искала подольше. Лия, давай поговорим...

Я вздрогнула. «Паспортным» именем Надька называла меня в редчайших случаях. И каждый раз после этого следовало ждать неприятностей. Ба-а-альших!

Рыба, которая в каждом червяке видит крючок, долго не проживет.

Збигнев Холодюк

— ...Водитель довёз меня на его джипе до дома, — закончила я рассказ о своём позорном сексуальном падении. — Стас хотел сам меня проводить, но я ему запретила. Представила, как выглянут в окно Алька и Аврашка, устроят бурную встречу очередному кандидату на роль их папы, и решила, что не стоит портить то, что так хорошо началось.

Надька, как-то очень напряжённо слушавшая меня, вдруг расслабилась.

— Ладно, Лейка, проехали. Я тебе верю. Почти. Дура я была, когда про «Книгу перемен» Стасику рассказала. А вот Андре что-то темнит...

Я задохнулась от возмущения из-за слова «почти».

— Надин, ты совсем ку-ку? Решила, что именно я пришила ненашего Стаса?

— Эту версию я рассматривала, — спокойно призналась подруга. — Но у тебя не было возможности, мы ж с тобой всё время сидели вместе. Про себя я точно знаю: если бы убивала, то не так по-идиотски, не в собственной мастерской. А вот Андре...

Я задумалась. Чисто теоретически Анька могла бы, пока я отговаривала Надьку от портрета наяды в бутылке с абсентом, взять кинжал, выскользнуть в предбанник, распороть живот не нашему Стасу и вернуться обратно... Но! Перед этим его надо было впустить, поставить на колени и размозжить ему голову. А никакого подходящего предмета рядом я не видела. И потом, она ведь уже гонялась за зелёными феями, а в пьяном виде нанести смертельный удар по затылку высокому мужику... в темноте...

— Надь, у тебя паранойя! Ни Анька, ни ты не знали, что Стас Мультивенко вас обеих, как выразилась Андре, приходовал одновременно. А другой причины у нее и быть не может. Тьфу, всё время путаюсь в двух Стасах! Короче, у неё вообще причины не было убивать.

— Стоп! А наш Стас тебе не звонил? И мне тоже. На него это не похоже.

Настойчивые попытки по очереди дозвониться ему не принесли успеха. Абонент не отвечал, хотя и присутствовал в сети. Надин чертыхалась, нервно курила. Стряхивала пепел в пивную литровую кружку, которую переставила на подоконник. Я вдруг осознала, что литр — это очень даже здорово. Вытрясать окурки можно намного реже. И почему-то, кажется, вытрясать именно мне.

— Понимаешь, Лейка, ненашего Стаса распотрошил человек, который очень хорошо меня знал. И про кинжал. То есть где лежит и что он папин подарок. И все для того, чтобы меня подставить. Только зачем?

Мы задумались. Повисла душная тишина.

— Лейка, давай я посуду вечером помою? — спросила Надин. — Сейчас просто сил нет. Чёртова жара. Интересно, когда Андре наконец допетрит, что можно купить любые круассаны? Её уже два часа нет. А кушать хочется. Лучше, конечно, если возьмет с шоколадной начинкой, они мне больше всего нравятся.

Словно по команде раздался резкий звонок в дверь. Я с опаской пошла открывать.

— Я убью Лятрекшу! — заорала Андре с порога. — Задавлю собственными руками! И после этого кишки выпущу, для верности.

Я шарахнулась от Аньки, сморщившись от бешеного амбре полыни на спирту и какого-то стоматологического запаха.

— Лейка, ты что, на электричестве экономишь? Ни хрена не видно. А-а-а!.. Какой идиот тут гвоздь вбил!

Я во все глаза уставилась на Аньку. Та, бросив фирменные пакеты с продуктами, пыталась продезинфицировать расцарапанную руку языком. Где же тут, интересно, гвоздь? Чтобы так, до крови, пропороть...

— Ань, не шути больше про Надьку — нервы ни к чёрту у всех, ты чего так долго? — спросила я с опаской. Дебильная версия Надин крепко засела в моей голове. — Холодец, что ли, не могла найти по такой жаре?

— Да отстань ты со своим холодцом! Три вида купила. Ещё и хрен с горчицей в придачу.

Я уважительно посмотрела на подругу.

— Но если Надька заикнётся, что не любит круассаны с шоколадом, я её точно укокошу! Насмерть!

*Подруга — что подружка:
не везёт, а помогает.*

Русская пословица

— Да мы в сто, нет, в тысячу раз круче иствикских ведьм! — Андре успела к полуночи принять на свою роскошную грудь психоделического абсента и её откровенно несло. — Стоит только нам втроём переспать с одним мужиком — кирдык ему. Ну, не ему, но с его именем. А чего, я — как Шер. Лейка — как та её подружка, которая беременела, стоило ей показать из-за угла что-то напоминающее член... — Анька похабно заржала.

Я призадумалась. Со Стасом я не предохранялась. Не ожидала, что всё зайдёт так далеко. А беременею я и правда, как многодетная героиня фильма «Иствикские ведьмы». Только мне можно даже не показывать, а просто сказать...

— Анют, ты Стасу не звонила? — вкрадчиво спросила Надька.

Я аж жевать перестала. Холодец может подождать — а тут такие страсти...

— А зачем мне теперь нужен этот козёл? — отмахнулась Андре. — Ну, в постели хорош. Ну, красив. Ну, умён и чертовски обаятелен. Но он же б/у! Бывший в употреблении. После тебя, Надин. А Лейке вообще больше всех не повезло — третья отжимка досталась.

Я задохнулась от возмущения. Надька, видимо поняв, что сейчас будет ещё один труп, на этот раз Андре, быстро сменила тему:

— Какая гадость твои круассаны с шоколадом. Тебя чего, Ань, жаба задавила купить что-нибудь приличное? Я ведь русским языком попросила — с морошкой. Сэкономить на мне решила? Певица она первого эшелона, ага. На лучших подругах экономит. Ах да, забыла, ты же у нас «мадемуазель Андре», с тобой только по-французски надо...

Меня вдруг пробило на хохот. Вот какая же Надька стерва, а? Изо всех сил сдерживаясь, я издала стон, смешанный с отрыжкой от холодца, запитого ледяной водкой. Из глаз брызнули слёзы. Анька с тревогой и сочувствием смотрела на меня. Буркнула:

— Спать надо ложиться... Вон Лейку уже плющит. Надь, а ты коту корма много насыпала? Сдохнет ведь киса.

— Не каркай! Утром схожу. Всё равно Мышу лучше в мастерской, чем с моей бывшей свекровью. Какой мужик захочет, чтоб его кастрировали...

Голоса подруг стали потихоньку отдаляться.

— Смотри, Лейка уже задремала... Давай Джульку быстро выгуляем, — последнее, что благодарно услышала я, проваливаясь в глубокий сон.

Барашка убить — не душу сгубить.

Русская поговорка

Где-то на пределе слышимости зудел комар, не останавливаясь, противно. Липкий пот покрывал всё тело. Судорожно пытаюсь закачать спёртый воздух в лёгкие, я хлопнула по комару и проснулась. Гибельное солнце из раскрытого окна. На соседней кровати выдавала мелизмы-храпы Анька. Мобильный завибрировал. Вот он, комар из сна. Полностью разбитая, я нажала зелёную кнопку.

— Лейка, тихо! Ничего не говори. Просто слушай. — В полной прострации я спросонья послушно внимала встревоженному голосу Надин. — Сейчас тихонько встань и иди на кухню, чтобы Андре тебя не услышала. Там скажи «ага».

Проклиная всех художниц вместе взятых и Надин в частности, я дотащила себя до кухни и рявкнула:

— Ага! Ты посуду так и не помыла. Скотина ты, Надь, редкостная.

— Ти-и-ише, — прошипела Надин. — Тише. Анька спит? Быстро дуй ко мне в мастерскую.

— Ни за что! — отчеканила я. — Лучше вы к нам, на Колыму. Посуду помою сама.

— Лейка, Мыша зарезали!

— Надь, ты что, всю ночь пила? — зевнула я. — Как можно зарезать кота?

— Лия! Просто поверь мне! Коты сами себе харакири не делают. Давай, бегом сюда, ты мне нужна. Очень... — Надька отключилась.

Через двадцать минут (мой личный рекорд) я в ужасе рассматривала сюрреалистический натюрморт в мастерской Надин. На небольшом прямоугольном столе, за которым мы обычно сидим, лежало тело довольно крупного рыжего кошки с вывалившимися из шерстистого пузечка кишками. Рыже-белая шерсть, покрытая чёрными пятнами и подтёками на брюхе, казалась почти серой на фоне запёкшейся марганцовочно-чёрной лужи вокруг. Голова неестественно вывернута. Слева, там, куда обращена оскаленная кошачья морда, — пустая литровая бутылка из-под абсента. В противоположном углу — альбомный лист, приколотый... кинжалом Надькиного папы. На белом фоне чем-то коричневато-красным выведено неровным почерком первоклашки: *«Шли файл обратно, кошечка. Даю три дня»*.

Мне стало страшно. Я вдруг очень быстро поняла, о каком файле идёт речь. Но Надин не скажу — на всякий случай. Бережёного бог должен беречь — свято в это верю.

— Бедный Мышь! — вырвалось у меня.

— Бедная я! — Надька с остервенением чиркала колёсиком зажигалки. — Вот знала ведь, что ненаш Стасик — только начало. Чувствовала. Если бы я ещё понимала, о чём речь... Мысли какие-нибудь есть?

— Ну, писали левой рукой. — Дали знать о себе мучения с Алькой: его всю начальную школу пытались переучить от леворукости. — Андре, кстати, можешь не подозревать — с таким маникюром разmozжить голову мужику и свернуть шею коту невозможно.

— Маникюр дурным делам не помеха! — отрезала Надин, указав на стол. — А вот эс ты как следует рассмотрела?

Только намётанный взгляд художника мог заметить почти слившийся с запёкшейся кровью... чёрный страз с рубиновым пятнышком в центре.

— Надь, если я не выпью, то сойду с ума... — жалобно посмотрев на подругу, я с сомнением продолжила: — Но домой не пойду. Даже если Андре ещё спит... Значит, и ненашего Стаса, того, она... Мы же ей ничего не скажем?.. — почти шёпотом спросила я Надьку. — Я просто попрошу её уехать. Что-нибудь придумаю.

— Наоборот, Лия! Прячем страз и записку, звоним Андре. Настаиваем, чтобы она мухой неслась сюда. Вдруг — просто похожий камень? Надо рассмотреть её коготочки. Потом хороним Мыша. А после поговорим про портрет русалки в обрамлении дубовых досок. С холмиком и крестом.

— Надь, может, всё-таки не она? Ну посуди сама, зачем Аньке это? Может, страз отвалился в ту ночь, когда «поросёнка» паковали? Мы же больше пяти лет её знаем. Если бы Андре попался какой-то файл, — вот идиотка, что я несу... — она бы просто попросила его, и ты бы ей отдала. Да?

— Конечно, — не задумываясь, ответила Надька. — Но больно всё складывается в мозаику. Смотри сама. Про ключ над дверью мастерской, кроме меня, знаете только вы с Анькой. Дальше. Кинжал я, отчистив после ненашего Стасика, спрятала в средний ящик стола, сразу не найти. Опять же только вы знали это. Тебя я исключила без сомнений — весь вечер мы провели вместе, а ночью ты спала как убитая. Трижды вставала от жары, ходила на кухню — выпить. Кстати, храпишь ты почище Аньки...

— Но и Андре... — начала было я и осеклась.

— Ага, въехала! — удовлетворённо сказала Надька. — Всегда знала, что ты не полная дура. В смысле полноватая, но не идиотка. Для того чтобы совершить убийство кота в восточном стиле, двух с половиной часов, которые наша голосистая подружка шлялась по магазинам, разыскивая несуществующие круассаны, более чем достаточно. Кстати, хорошее название для картины... — Надька задумалась, фотографируя специфическим взглядом жуткий натюрморт. Вот правильно говорят про горбатого и могилу.

Я поёжилась и стала набирать мобильный номер Андре, размышляя, какое название имела в виду Надин: «Несуществующие круассаны» или «Убийство кота в восточном стиле». Что-то мне подсказывает, что почти наверняка — последнее. Даже здоровьем Сары Моисеевны лучше не клясться — всё равно сбудется.

Обжегшись супом, дуть на салат.

Японская пословица

Несчастливого Мыша похоронили под топодем в глубине дворов за мастерской. Поминки решили справить в ближайшем суши-баре. Никто не хотел отмывать стол, да и просто находиться в мастерской, где произошло уже два убийства. «А что, sake очень даже гармонирует с харакири, — подумалось мне. — Вот только в такую жару ещё и горячую сивуху пить... брр...» — на всякий случай я ещё чуть-чуть отодвинулась от Аньки. Подруга, споткнувшись на полуслове, как-то недоумённо-беззащитно посмотрела на меня.

— Лейка, с тобой всё в порядке? — Андре не могла понять, почему я молчу и шарахаюсь от неё.

Надька, напротив, ближе и ближе пододвигалась к нашей певице.

— Слушай, Ань, я давно хотела тебя спросить... — Надин взяла подругу за руку в третий раз за последние два часа. Попыталась развернуть ладонь.

Андре судорожно выдернула пальцы, отодвигаясь ко мне. Я автоматически дернулась в сторону Надьки. Ещё пару часов — и мы совершим на стульях полный оборот вокруг стола.

— Девушка, а у вас есть абсент? — Надин решила идти ва-банк, остановив официантку. Чио-Чио-сан местного разлива отрицательно покачала головой.

— Тогда нам ещё кувшинчик sake. Нет, лучше сразу два.

Надьку можно понять — не каждую неделю в твоей мастерской совершаются преступления: подкидывают труп и делают харакири коту.

Я вытерла со лба пот. Господи, когда же это закончится? Никогда не думала, что так тяжело рассмотреть ногти у человека. В какой-то момент я самоустранилась, Надька же напоминала поджарую гончую, идущую по свежему следу, оставленному лосём. Лось (то есть Анька), интуитивно понимая, что на него устроили королевскую охоту, сопротивлялся изо всех сил.

— Так, ещё чуть-чуть, и я лопну. Кто-нибудь хочет этот ролл? — Андре и не собиралась пьянеть, усиленно заедая тёплую водку рисовыми кусочками, обёрнутыми в нори. — Надь, ещё раз тронешь меня за руку — я за себя не отвечаю. Учись у Лейки — скромная, красивая, тихая...

Я снова поспешно отодвинулась от Андре. Слово «тихая» навевало совершенно нерадостные ассоциации. Ага, Мышу сейчас особенно тихо. Тихий тополь, тихо дует ветерок, тихонько травка растёт...

— Лейка, да что с тобой сегодня? — Анька почти с болью посмотрела на меня.

— Сама не видишь, её от сашими пучит. Фу-у-у-у-у-у... — помахала рукой возле носа Надька, больно пнув ногой меня под столом.

Сразу несколько заинтересованных мужских лиц развернулось к нашему столику. Как назло — именно таких, которые мне нравятся. И чего им в жару дома не сидится? Ну, Надька, я тебе этого никогда не прощу!

— Девчонки, вы как хотите, а я иду домой. Не успела с утра погулять со своей пусечкой-кошечкой Джулькой! — Я сделала попытку встать из-за стола. — Да и убираться у меня в квартире желающих что-то особо не наблюдается...

Надьку при слове «кошечка» перекосило, подруга как-то резко погрузнела.

— Да, Лейка, тебе, видно, и вправду нехорошо. Собаку кошечкой называть стала... — забеспокоилась Андре. Потом глянула на скривившуюся Надин. — Хотя, с кем поведёшься — так тебе и надо. Не стоило кота Мышью обзывать, царство ему небесное.

Анька, не чокаясь, опрокинула стопку тошнотворно тёплого sake и опять придвинулась ко мне. А я, вместо того чтобы уйти, снова опустилась на стул и в очередной раз переместилась к Надьке. Что я говорила? Не прошло и двух часов — оборот вокруг стола завершился.

Не любо — не слушай, а врать не мешай.

Русская пословица

— Лейка, а тебе Надька не кажется странной в последнее время? — Зайдя в мою комнату вечером, Андре уселась в кресло. — Она ко мне на кровать пыталась прилечь...

— Ань, отстань ради бога, а?

Больше всего на свете мне хотелось заснуть. Ага, Надька, видимо, продолжает попытки рассмотреть маникюр у Аньки. Я, хорошо подумав, всё меньше и меньше верила в версию «Андре-кошкопотрошительница», но присутствие убийцы, даже потенциальной, даже подруги, как-то не добавляло мне спокойствия.

— Лейка, ну ответь мне! Ты за ней ничего *такого* не замечала?

Нет, всё, виноваты сами. Обе. Одна чужим котам харакири делает почём зря и посуду не моет. Вторая позорит меня газами перед приличными мужиками и... не моет посуду. Пусть потом Надька орёт, но не надо было меня так злить...

— Ань, а ты что, не знала, что Надин — бисексуалка? — как можно небрежнее бросила я. — Мне казалось, ты в курсе.

Андре сидячим соляным столбом застыла в кресле, ошеломлённо глядя на меня. Я поспешила закрепить достигнутый успех:

— Сколько раз она тебе предлагала попозировать голой? Не считала? А зря. Думаешь, Надька твоими сиськами с художественной точки зрения восхищается? Наивная ты, Ань. Надька просто спит и видит, как затащить тебя в постель, только спугнуть боится. А у них там, в художествах, все такие. А у вас на сцене разве не так? — меня несло во все тяжкие.

На волне озарения я вдруг чётко поняла, что именно надо делать. Сейчас, потом будет поздно.

Спрыгнув с постели, я по-кошачьи присела на боковинку кресла. Анька судорожно стала вжиматься в обивку, сдавленно всхлипнув.

— Разве она не пыталась сделать вот так? — взяла я безвольную ладошку Андре в руки. Странно, все стразы на месте. — Или вот так... — схватила я вторую, поцарапанную непонятно откуда взявшимся гвоздём ладонь. Все камешки до единого блеснули на красивых коготочках в тусклом свете ночника. Я облегчённо заорала: — Анька, милая, можно я тебя поцелую?!

Андре взрывной волной вынесло из кресла. Шарахнувшись к выходу, Анька, видимо, подумала, что дальше ей придётся прорываться с боем мимо комнаты Забавы, где спокойно смотрела телевизор маньячка-бисексуалка, она же Надька, и, посчитав меня меньшим злом, застыла в дверном проёме.

— Лейка, а ты... ты спала с Надькой?

Никогда не слышала, чтобы в голосе было столько страха.

— Нет, что ты. Как только Надин предложила мне, я ответила, что в принципе не против, но сплю только с теми, с кем официально зарегистрировала брак. Стас Мультивенко — единственное исключение за много лет.

Ух ты, даже умудрилась не соврать, практически ни разу! Анька немым вопросом уставилась на меня.

— А Надька не захотела быть моим четвёртым мужем.

Я старалась говорить как можно спокойнее, но хохот прорывался наружу, я истерически корчила рожи, чтобы не взорваться смехом. Андре с ужасом смотрела на меня.

— Ань, об одном только прошу, — простонала я, закрывая глаза. — Не говори Надьке, что я её «сдала». Не простит ведь она меня. Ни-ког-да! («А ведь действительно, не простит», — подумала трезвая часть моего сознания.)

— Ну, не плачь, — прошептала Андре, — я буду нема как рыба. Ты, наверное, до сих пор её любишь? Теперь мне понятно, почему ты не спишь с мужиками...

Я рухнула на постель лицом в подушку. Конвульсии, сотрясавшие меня, Анька поняла по-своему. Воистину, человек верит либо в то, чего страстно хочет, либо в то, чего безумно боится.

*Недоверчивость — мудрость дурака.**Д. Б. Шоу*

Надин и Андре решили остаться у меня ещё на пару дней. Ни та, ни другая не хотели возвращаться в привычное. Обе объясняли это стрессом. А я взяла отпуск на работе на неделю раньше, чем собиралась, — знаю я их «пару дней».

Втроём мы дружно пустились в ничегонеделание. Не мыли, не убрали. После всех ужасных событий нами овладела странная апатия. И было ощущение, что следует ожидать продолжения, а значит, копить силы. Стас не подходил к телефону.

Начало июля измучивало жарой город и горожан. Душно было как вечером, так и ночью. Надька и Андре валялись целыми днями, у обеих наблюдался творческий простой.

Джуля, моя выносливая и совершенно непривередливая Джулька, вдруг оказалась полностью беззащитной перед температурными аномалиями. Бедная собака пластом лежала на кухонном линолеуме, отказываясь даже есть. Псинка вяло виляла хвостом при очередных моих тщетных попытках покормить её.

Я со скрытым ужасом пыталась впихнуть дорогушие консервы, купленные Андре по моей просьбе, в пасть издыхающей Джульетты.

Неужели это всё? Джульке было больше восьми лет — солидный возраст для собаки.

Решение пришло неожиданно. При очередном разговоре с Аврашкой я, не подумав, бросила в трубку, что Джуля умирает от непереносимой жары. Через пять минут после разговора с сыном перезвонила Забава:

— Мамусик, придумай, как Джульку к нам привезти. Тут ей будет лучше, однозначно. Бабку Сару мы берём на себя.

Ломая голову над неразрешимой проблемой доставки полусдохшей псинки (в электричке с ней не поедешь, такси — безумно дорого), позвонила Боре. Коллега по работе отказался категорически:

— Не, Лейк, я всё понимаю. Но одно дело — свёрток мороженой свинины в багажнике, а другое — собака на заднем сиденье. Потом замучаюсь пылесосить шерсть. У моей жены на неё аллергия — уьёт сразу.

Раздумывая, как переправить Джульку к бабке Саре, я вспомнила про нового соседа. Про то, что он ездил на собственной машине в «Золотую долину» к друзьям.

Выйдя на площадку, притормозила перед дверью. Неудобно как-то, почти не знаем друг друга. Но Джульку надо было спасти — я решительно нажала на кнопку звонка квартиры напротив.

— Лия, здравствуйте, — Матвей, открыв дверь, размашистым жестом пригласил меня.

Я, сглотнув слюну, машинально шагнула. На соседе из одежды были только белые, почти полупрозрачные, обтягивающие трусы. «Слишком обтягивающе», — подумалось мне. Мужская стать выпирала бесстыдным образом. Да, фигура у него — то, что надо! Даже слишком. Жаль, что блондин. И на руках и мускулистом торсе — татуировки, а я этого терпеть не могу. На левом предплечье Матвея был прорисован меч, причём довольно пошло. Но вот татушка в виде ветки сакуры, начинавшаяся ниже пупка и полупросвечивающая через белый материал, потрясала воображение. Оторвавшись от рассматривания накачанного

разрисованного тела, я изложила проблему. Попросила отвезти нас с собакой в «Золотую долину».

Пообещала заплатить, сколько нужно. Мой взгляд периодически соскальзывал в район белого бесстыдства соседа, но я старалась держать себя в руках.

— Давай минут через двадцать я к тебе зайду, — ухмыльнулся Матвей, переходя на «ты». Он явно уловил мой бабский интерес: — Готовь собаку к переезду. Денег не надо. Пригласи меня пару раз на домашний ужин. А то я на заморозках тут язвю себе схвачу.

На ватных ногах поплелась домой разыскивать поводок Джульке. Так, собрать ей сухой корм, консервы, пакет с косточками — специальными. Главное — не думать про этого красивого мужика. Слишком он для меня молод. Но, как назло, перед глазами стоял упругий, накачанный силуэт Матвея.

С помощью соседа мне и удалось переправить к бабке Саре собаку — не знаю, чего стоило детям уговорить мою свекровь на этот подвиг. В машине я упорно молчала, злясь на себя за повышенный интерес к Матвею. По-видимому, он что-то уловил, перестав меня мучить вопросами.

Сдав Джульку на руки детям, я даже не зашла в гости к Саре Моисеевне, сославшись, что меня ждёт такси.

— Лия, заедем к моему другу? Он просил цветы поливать, пока будет в отпуске. Здесь рядом. Можешь даже из машины не выходить.

Прождав в машине возле симпатичного двухэтажного домика недалеко от коттеджа Сары Моисеевны больше получаса, подумала: «Лучше бы с детьми это время провела. Но, с другой стороны, Матвей меня здорово выручил с Джулькой».

Всю обратную дорогу мы слушали радио «Шансон», практически не разговаривая друг с другом. Я сгорала от неосуществимого желания обнять Матвея и от стыда за это. Ведь я люблю Стаса, и мне нужен только он? Куда, кстати, делся мой любимый мужчина? Телефон постоянно не отвечает, мне оставалось только тосковать и вспоминать ту волшебную ночь. Но вот если бы Матвей меня прямо сейчас поцеловал, я не смогла бы сказать «нет».

Питер встретил пробками и жарой с бензиновым привкусом. Излишне сухо попрощавшись с соседом, я нырнула в спасительную полупрохладу подъезда. К подругам и отсутствию соблазна, упакованного в белые, слишком обтягивающие, полупрозрачные трусы.

Начало третьей недели июля вяло перетекало в середину. Раз в день, ближе к вечеру, либо Надька, либо Анька выползали в супермаркет за едой.

Поев, валили тарелки в раковину. В квартире стояла дикая жара. Когда залитая водой сковородка с подгоревшей яичницей завоняла тухлятиной, Надин начала складывать грязную посуду в холодильник. Слава богу, он у меня большой. На протяжении трёх дней мы хаотично забивали полки и морозилку — чашками, рюмками, блюдами. Кастрюлями и сковородками. Я принципиально решила не мыть посуду. Отпуск так отпуск.

— Тебе Андре не кажется странной в последние дни? — спросила меня Надин. — Не ругается, курит, Надюшей меня называет. Что-то тут нечисто.

Я улыбнулась. Вот как, оказывается, подействовали мои «откровения» про сексуальные предпочтения Надин. До этого я уже успела несколько раз доложить Надьке результаты осмотра коготков Андре, а про остальное, естественно, умолчала в целях собственной безопасности.

— Надь, а может, она созрела для позирования? Только тебе сказать стесняется. Ты с ней поласковее будь, поделикатнее — глядишь, нарисуешь ещё один портрет в стиле ню.

Надька мечтательно задумалась, отложив пластиковую коробочку с недоеденным наполовину салатом. Я внутренне хихикнула.

— Хотя на твоём месте, — нарочито резко одёрнула я Надин, — лучше бы вспомнить, что три дня ещё вчера истекли. Что делать собираешься?

— Ничего, — закурив, Надька уставилась на меня тяжёлым взглядом. — Я ж понятия не имею, про какой файл в записке написано. У меня даже компьютера нет. Будем ждать событий.

События в лице Андре ввалились на кухню, грохнув пакетами, заполненными едой.

— Всё, девочки, это последнее — у меня деньги закончились, — Андре кокетливо-маняще посмотрела на Надьку. — Надюш, отлично выглядишь. Я в ванную — на полчаса.

Я поперхнулась холодцом (теперь я питалась исключительно им, благодаря щедрости моих подруг). Анька, бросив томный взгляд из-под полуопущенных ресниц на подругу, ушла в комнату, виляя обтянутым кремовыми брюками задом. Надька повернулась ко мне.

— Видела? Кстати, я вчера тоже последнее бабло спустила. У тебя как с финансами?

Я вздохнула. Отдых детей у бабы Сары сожрал все отложенные деньги.

— Заработаем.

— Есть предложения? — Надька опять затянулась сигареткой.

Нет, моя астма её не простит никогда.

— Соседка снизу уезжает в отпуск на десять дней. У неё мать лежащая с Паркинсоном, нужна сиделка. Я соглашусь, наверное, за тысячу в день.

— И чего делать надо?

— Менять памперсы, кормить, мыть — как обычно за лежащими.

— А мне бы противно было, — поморщилась Андре, вошедшая в моём китайском халатике с драконами. Учитывая разницу в наших размерах — неудивительно, что верхняя и нижняя части её роскошного тела были практически обнажены.

— Надь, ты мне спинку не потрёшь? Я тебя тогда позову. — Приняв остолбенелое молчание Надин за согласие, Андре продефилировала в ванную.

Меня душил хохот. Но смеяться нельзя — Надин может обо всём догадаться. Может, рассказать ей про файл? Нет, пока подожду. Посмотрим, куда кривая вывезет.

Глава третья,
*в которой только чудом не выпадает из окна
Надька, Андре ссорится с бабкой из ада, а операция
«Стас-Стас» чуть не срывается из-за «генерал-
капитана»*

Нет милее дружка, чем родная матушка.

Русская пословица

Совещание на тему «Где взять деньги?» мы решили провести на кухне. Хорошо, что я заварила каркаде ещё днём и разлила его по бутылкам: в набитом грязной посудой холодильнике напиток из страны фараонов успел остыть до нужной кондиции.

— Лейк, у тебя что, вообще денег нет? И заначки тоже? — Распаренная после банных процедур в полотенце на голове Анька кокетливо поправила сползающую полу китайского халата. Выглядела Андре даже без макияжа, даже в полотенце просто потрясающе.

— Понимаешь, когда у тебя трое детей, да ещё дочь-подросток, да ещё мужа не помогают, заначку отложить ну никак не получается, хоть лопни.

Я тоскливо разлила каркаде по пластиковым одноразовым стаканчикам. Чистые чашки закончились, тарелки тоже. Кому-то всё же придётся разгружать холодильник.

— А бабушки-дедушки? — Надин в принципе знала мою семейную ситуацию, но подробно мы не обсуждали денежный вопрос.

— Ну, первый мой бывший платит алименты на Аврашку — аж полторы тысячи в месяц. Он — научный сотрудник, и официальная зарплата мизерная. Сара Моисеевна считает, что и того много. И хотя она иногда берёт летом детей к себе, деньги на их пропитание я всегда ей передаю, — я задумчиво припоминала перипетии первого и самого короткого моего брака. — Мечик утонул, вы знаете, а его родители шлют овощи с огорода и «свинячьи подарки». Да и то, подозреваю, потому, что точно знают: мясо достанется только их родной внучке.

Подруги смотрели на меня со странной смесью сочувствия и непонимания.

— Отец Альки куда-то канул после того, как бросил меня беременную в аэропорту. Хадиджа, его мать, сама со мной списалась. Я с детьми несколько раз к ней ездила. Она неплохая женщина, но с деньгами у нее туго. В Таджикистане сейчас работы нет, живут подножным кормом. Так что главная тягловая лошадка в нашем семейном интернационале — я.

— Лейка, боже мой, как ты всё это выдерживаешь? Ну что за мужики пошли!

От возмущения Андре вскочила с табурета. Халат разъехался, Надька замороженно уставилась на открывшуюся картину. Анька судорожно запахнула полы халата.

— В основном помогает моя мать. Иногда я подрабатываю переводами. Но больших денег не получается — времени мало, дети не дают сосредоточиться. А в киоске порой такой наплыв покупателей, что не присядешь.

Надин с сочувствием смотрела на меня. Сама она довольно успешно продавала картины. У неё был круг постоянных поклонников — коллекционеры, врачи, учителя, бизнесмены. Некая дама с Рублёвки второй год собирала коллекцию Надькиных картин, покупала из разных периодов: студенческие работы, парижские эскизы, пейзажи Кижей и Валаама. Не завывая цены, художница гарантировала безупречное качество. Небольшие работы, как я их называла — «формата телевизора», она продавала по двадцать — тридцать тысяч рублей. Крупные живописные полотна, где размеры уже измерялись метрами, Надин выставляла от пяти до пятнадцати тысяч евро. Но и продавались они крайне редко.

— Дизайнерша, как посредник, берёт двадцать процентов, зато у меня продажи. И я не парюсь разговорами с клиентами. Она всё утрясает. И цены, и скидки, и сроки.

Кроме торговли через посредников, подруга делала творческие работы на выставки, рассылала картины за границу, где обычно пиарилась через местных организаторов галерей. Насколько позволяли средства. Цены там были уже европейские — выставляли накрутку до ста процентов, а соответственно и покупалось искусство более вяло, чем на родине.

Надька считала, что для рекламы важен и вид самого художника, поэтому всё у неё было стильным: мобильник, сумочка, шариковая ручка, не говоря об одежде, подобранной со вкусом в бутиках.

Я часто путалась в фамилиях модельеров, Кукай называла Мураками, и подруга хохотала над моей дикостью. Временами она старалась принарядить меня, но безуспешно. Наденешь модную кофту — юбка старая выпирает. Купишь фирменную жилетку, а джинсы рваные. Одиночный элемент гламура не спасал общей картины.

Как только стильный покупатель на иномарке тормозил на Невском у мастерской, я старалась поскорее смыться, стесняясь своей простоватости. Надин же, нисколько не тушуясь, насильно задерживала меня и представляла:

— Знакомьтесь — Лия Лин, переводчик.

Последнее было преувеличением. Конечно, я бралась за английские, французские и даже китайские тексты, чаще биологические или медицинские, но профессиональным переводчиком не являлась.

Самую ощутимую помощь я получала от мамочки. Жила она в Москве, и виделись мы нечасто. Но перезванивались регулярно. Окончив ЛГУ, я не пошла по стопам родителей, видевших во мне своё научное продолжение, чем их страшно разочаровала. После ранней смерти моего отца-француза мама так и не вышла больше замуж. Предложение возглавить кафедру в МГУ мама приняла, хотя долго мучилась, что я остаюсь в городе на Неве без её чуткого присмотра.

Но тогда моим мужем был Мечик, который не переносил тещу. Решающим фактором стало то, что маме предложили «профессорскую квартиру» в Главном здании университета, и она смогла оставить нам питерские пенаты у «Ломоносовской». И мы перебрались в эту трёшку, продав двадцатиметровую комнату на Невском, которую дал мне в приданое отец при первом браке. Чтобы я имела возможность самостоятельно терпеть своего супруга, тогда предполагалось — одного... Деньги от продажи жилья, где родился Авраашка и Забава, позволили нам с Мечиком два года безбедно существовать. И купить тот самый злополучный акваланг...

Мама до сих пор преподавала в старейшем университете страны. За многие годы настолько отработала материал, что читала лекции на автомате. Она любила студентов. Но главным стимулом для труда считала материальную помощь многодетной дочери. При каждой аттестации не забывала напомнить: «Я — многодетная бабушка. Меня увольнять нельзя!»

В шестьдесят лет мама полна энергии: все еще заведует кафедрой, берет аспирантов, ездит на международные конференции. И каждый месяц отсылает большую часть зарплаты мне и внукам. Сама же обходится овсянкой и кефиром, поддерживая стройность фигуры и бодрость духа. Невероятная оптимистка, мама как никто другой, помогала мне выстоять в самые трудные моменты судьбы.

Деньги не грибы — можно и зимой найти.

Русская народная пословица

— Лейк, а я ведь, сволочь такая, по-настоящему никогда не задумывалась, как тебе живётся... — Андре искренне плакала на моём плече.

— Да всё нормально, у меня всё отлично, — закапали слёзы и у меня.

Надька мученически скривилась, затем грозно рыкнула:

— Хватит рыдать, дурынды! Слезами горю не поможешь. Эй, Анют, а ну отцепись от Лейки! Мне вот вчера отказ пришёл по биеннале в Китае, и ничего, не реву.

— Ревнует, — шепнула мне на ухо Анька. — Ну, сейчас она у нас получит.

Я затаила дыхание, улыбаясь сквозь слёзы.

— Лятрекша, а ты вроде бы недавно картинку продала во Франции? Пару недель назад хвасталась. И что, пять тысяч евро на один зуб, да?

— Отцепись. Я оплатила аренду мастерской на полгода вперёд, купила краски, холсты, дорогушие рамы для картин, кисти. Долги раздала по мелочи. Своему бывшему подкинула на жизнь — он мне всю кровь выпил на пару с мамочкой. Несколько шмоток купила на распродаже. И чего это я перед тобой оправдываюсь? — Надежда, хлебнув каркаде, прикурила сигарету.

— А вот скажи, правда, что после смерти художника его картины сильно вырастают в цене? — бархатные нотки в голосе Андре предвещали очередное веселье.

— Ну, по-разному. В основном — да, если художник топовый. — Надька смотрела с подозрением.

Анька, подмигнув мне, продолжила издевательства над подругой:

— И сильно вырастают? Ну, в процентном выражении?.. А до сколько десятков раз, можешь точнее, топовая ты наша... Лейк, я что придумала! У меня около двадцати Надькиных каляк-маляк, у тебя чуть больше. Быстренько организуем Надьке падение из твоего окна и устраиваем пышные похороны. Зовём её любимого критика, дарим ему Надькину картинку поплоче — хотя из плохого выбрать похуже задачка ещё та! — и организуем через Замурашку роскошный некролог-рекламу. Под шумок утаскиваем все Надькины кулимули из её мастерской, а затем мутим выставку-продажу памяти Надин Дельфиной. Озолотимся, Лейк! Соглашайся, и быстро. План гениальный. Стопудово. Партнёр, ты в доле?

Сдавленно хрюкая от удовольствия, я перевела взгляд на скривившуюся Надежду. Сейчас что-то будет. Надин не подкачала.

— Ну ты и... была-то на всю голову отмороженная, а упилась полынной отравой до полного маразма. Тебе не только зелёные феи скоро мерещиться будут... Идиотка, да кому тут нужны мои картины? Три года будете продавать, с голоду подохнете за это время. Лучше объясни, почему ты, супер-пупер-мега-звездица, без бабла сидишь? Без бокала нет вокала, всё пропила? Не только мозги, но и денежки? Лейка, а ты чего на меня так оценивающе смотришь?..

Ох, надо срочно выступить изолирующим буфером...

— Ань, а правда, мне казалось, у тебя проблем с деньгами не должно быть. Ты всегда

такая красивая, успешная... — я посмотрела на смеющуюся Андре.

— Надюш, не злись ты. Что, мать, приколы разучилась понимать? — Анька расхохоталась, протянув руку, вытащила из Надькиной пачки сигарету. — Да пошутила я, пошутила. Согласна, что неудачно, учитывая последние события. Не смотри на меня волчицей. Лейк, а по поводу успешности... Всё не так пафосно-гламурно, как кажется.

И Андре вдруг начала делиться с нами секретами кухни шоу-бизнеса. Вечер откровений продолжался.

Денег ни гроша, да слава хороша.

Русская поговорка

Мадемуазель Андре появилась на просторах тогда ещё СССР в конце перестройки. На волне гласности и попсового ширпотреба, хлынувшего на эстраду после распада огромной империи, Анька выгодно отличалась шикарным тембром, европейской манерой исполнения, сложнейшей мелизматикой — всем, что так востребовано на Западе и так мало ценится у нас. Мадемуазель Андре ненавидела фанеру. Даже охрипшая, Анька всегда давала «плотный дабл» — накладывала на фонограмму второй, живой голос. Я много раз видела, как работает Андре — выкладывается она по-настоящему. Однако популярность и народное признание пришли не сразу.

После окончания музыкального колледжа имени Кауриных перед ней встал насущнейший вопрос — как жить дальше. Не возвращаться же в Саратовскую область. А сольными проектами и концертами в Москве обременять молодую певицу никто не спешил.

И тут просто повезло: выпала козырная карта по фамилии Спикерман. Выступая однажды в клубе перед жующей публикой, Андре отчаялась «завести» слушателей, которых больше певицы интересовали деликатесы и спиртные напитки на столах. Мадемуазель Андре тем не менее продолжала работать «живьём» свой сорокаминутный блок. В какой-то момент поймала взгляд мужчины, сидящего за столиком у самой сцены. Так состоялось судьбоносное знакомство с Александром Спикерманом. Он был невысокого роста, лысоват, толстоват, чуть-чуть женат и очень богат. И влюбился в Андре с первой же песни.

Период ухаживания был фантастическим. Анька, игнорировавшая страшенького поклонника, методично возвращала все его дорожные подарки, отклоняла любые предложения относительно отдыха вдвоём. Наконец, оценив по достоинству её внешность и талант в сочетании с непродажностью, бизнесмен решил вложить в Мадемуазель Андре деньги. Серьёзные деньги — речь шла о более чем полумиллионе долларов. Однако незадачливый поклонник поставил условие: певица занимается только творчеством, а финансовые вопросы и проблемы раскрутки должен решать профессионал.

Продюсер Андрей Чернохрамов (в тусовке — Храм) оказался вторым роковым мужчиной в жизни Аньки. Спикерман и с ним быстро договорился о съёмках первого клипа, о суммах на проплату его ротации по центральным каналам, короче обо всём, чего только можно было желать. Певица однако настояла, что репертуар выбирает она, и первый свой хит «Зелёный изумруд» Анька написала сама. И слова, и музыку. Храм похмыкал, послушав демоверсию под клавиши, но сказал, что сойдёт. Не просто сошло — выстрелило из пушки. Мадемуазель Андре проснулась народной любимицей после показа клипа. «Зелёный изумруд» стал песней года.

В плотном гастрольном графике Анька умудрилась написать ещё два национальных хита. Жизнь казалась прекрасной. Но всегда бывает «но»: внезапно закончились деньги. Храм заламывал руки, говорил, что необходимо вытрясти из Спикермана ещё пол-лимона баксов. Певица села за проверку финансовой отчётности — и была убита: из выделенной суммы больше половины потрачено по непонятным статьям. Доходы с гастролей по стране растаяли. Когда Андре, сделав определённые выводы, договорилась встретиться с

Чернохрамовым, тот вдруг пропал. А тут еще выяснилось, что и авторские права на первые два альбома были оформлены именно на Храма. Анька встретила со Спикерманом, рассказала о случившемся.

Реакция влюбленного мужчины была сильной, но категоричной: кислород подонку будет перекрыт, но убивать его — руки мараить. А Аньке Спикерман посоветовал самой дальше выкручиваться: неговорчивая певица так и не ответила поклоннику взаимностью.

Так завершилось первое пришествие Мадемуазель Андре на российскую сцену.

*Голосом петь, конем воевать,
а деньгами торговать.*

Русская поговорка

— Ань, я чего-то не поняла. А как же Герда? Это разве не идея Храма была? И почему тогда ты до сих пор работаешь с этим подонком? — удивилась Надин, с сочувствием посмотрев на Аньку.

— Да, Ань, что там у тебя с Гердой было? — попыталась я продемонстрировать свою продвинутость в отечественном шоу-бизнесе.

Подруги тихонько захихикали.

— Лейка, ну ты и темнота! Ты что, вообще телик не смотришь? — Надин откровенно потешалась надо мной.

— Надь, отстань от Лейки. Многие журналисты до сих пор пишут, будто мы с Гердой родные сёстры, что уж говорить о Лейке.

И Андре опять пустилась в воспоминания.

Пропавший из её жизни Спикерман не подозревал, что бросает всё ещё любимую женщину в патовой ситуации. У Мадемуазель Андре было имя, предложение гастролей и концертов, но вот жить негде и не на что. Да ещё все «плюсы» и «минусы» песен остались у Чернохрамова. А без студийных записей особо не поработаешь.

Андре понимала: рано или поздно придётся встретиться с Храмом. Именно тогда в её хорошенькой головке созрела гениальная идея. Заняв денег у знакомых под своё имя, она с немецкой методичностью приступила к её реализации, всё ещё рассчитывая на возможную поддержку Спикермана. Как оказалось, зря надеялась: незадачливого поклонника вскоре застрелили у подъезда дома.

Через полгода в светской хронике и жёлтой прессе стали появляться небольшие заметки о новой восходящей звезде — певице Герде. Ей приписывали все достоинства «поющих трусов»: почти полную обнажёнку на сцене, беззастенчивый плагиат, распутный образ жизни. Журналисты захлёб смаковали скандальные подробности. Всё чаще и чаще стали крутить по радио незатейливые песенки-ремиксы: хиты Андре с парой слегка изменённых строк, перебитых рэпово-джазовыми бриджами. Слова, которые читала Герда в рэп-вставках, были остроумно-злой пародией на содержание «родных» текстов Мадемуазель Андре.

Страна затаила дыхание: как ответит на издевательства любимая певица, пропавшая почти на год? Мадемуазель хранила публичное молчание. Герда стала давать интервью, в которых, не особо выбирая слова, характеризовала Андре как бесталанную подстилку. Особенно изгалялась Герда над пухленькой фигурой Андре: иначе как «толстой коровой» и «квадратной свиноматкой» завистница Аньку не называла.

Кульминацией затянувшегося скандала должна была стать встреча двух певиц в популярнейшей передаче «Всё расскажу». Страна прильнула к телевизорам: впервые после долгого молчания Мадемуазель Андре дала согласие на публичное участие в дебатах с нахалкой, испортившей её песни. Первые двадцать минут «Всё расскажу» были посвящены критическому разбору «творчества» Герды. Певичка, пожалуй, превзошла себя, парируя

каверзные вопросы и отпуская язвительные комментарии в адрес соперницы. Затем в качестве гостя в студию был приглашён... Андрей Чернохрамов. Он был более сдержан в словах, но все равно обвинял Андре в бесталанности, мотовстве и лени. Ведущий умело накалял обстановку в студии, разогретая публика ждала Аньку. В тот момент, когда объявили выход Мадемуазель Андре, Герда, не торопясь, встала, подошла к ведущему, взяла у него микрофон и запела а капелла «Зелёный изумруд». После первых строк зрители замерли: певица в прямом эфире сняла парик, вынула из ноздрей турунды, взлохматила волосы. Перед глазами многомиллионной аудитории совершилось грандиознейшее разоблачение: сильно похудевшая, похорошевшая, со сверкающими глазами в студии блистала... Мадемуазель Андре. Так состоялось её второе — триумфальное — пришествие на сцену.

*У разведчика глаз остер, ум хитер,
отличный слух, охотничий нюх.*

Русская поговорка

— А с Храмом мне пришлось работать. Деваться-то некуда! Но действовала я умнее: регистрировала авторские права на новые песни, хранила копии студийных записей, держала под контролем финансы, копила на квартиру в Москве. От гастролей было не продохнуть! Но этот урод и тут умудрился меня подставить. Когда я была на гастролях в Якутске, он позвонил и предложил купить квартиру в Санкт-Петербурге у знакомых, по очень выгодной цене. А у меня как раз накопилась приличная сумма. Для Москвы маловато, для варианта Храма — достаточно. Прилететь на сделку сама я не могла — нужно было работать ещё два концерта, платили очень хорошо. Вот Храм и купил квартиру в Питере. За мои деньги, но на своё имя. У него имелась подписанная мною доверенность, которая, оказывается, включала и такие случаи. Теперь квартира — его страховка. Короче, сама дура. — Андре, вздохнув, закурила. — Каждый год Храм обещает переписать квартиру на меня в конце года, если не взбрыкну и не уйду от него. Процент он с моих гонораров берёт грабительский, почти половину. В раскрутку не вкладывает ни копейки. А поддержание имиджа требует огромных вложений. Держусь на старой популярности да на честном имени. Плюс сейчас лето, обычный простой до конца августа. Вот я и оказалась на мели.

— Ань, а ты правда подтяжку себе делала и грудь увеличивала? — решила я бессовестно воспользоваться моментом. Когда ещё Андре будет в таком настроении.

— Подтяжку лица — да, это рядовая операция. Её в Штатах каждая вторая домохозяйка раз в пять лет делает. — Андре вдруг ехидно посмотрела на Надин. — А вот никаких силиконов никуда не вставляла: от природы такая, боженька наградила.

— А что же ты ни разу не возмутилась, когда я тебя стебала? — Надин поперхнулась выдыхаемым дымом от неожиданного откровения Андре.

— Что ты, Надюш, зачем же лишать себя такого удовольствия. Я ж каждый раз, когда ты силикон мне припоминала, прямо гордостью за себя наполнялась. До пятого размера.

— А как же ты тогда своих дамочек так высоко закрепляешь?..

Мне вдруг стали неинтересны подробности — я вспомнила про бабуку с Паркинсоном. Пока Надин и Анька обсуждали звёздно-профессиональные тёрки, я спустилась этажом ниже и позвонила в квартиру тридцать семь.

— Я согласна ухаживать за вашей мамой.

— Отлично!

Дочка больной повела меня знакомиться с бабулей.

Вернувшись, застала подруг о чём-то ожесточённо спорящих.

— Я договорилась быть сиделкой. За тысячу в день, завтра утром приступаю. А вы чего так разошлись? — мне было непонятно раздражение Надьки, с которым она накидывалась на Андре. Ведь ещё пятнадцать минут назад были — неразлейвода. С другой стороны — когда они не ссорились? Особенно в моё отсутствие.

— Да вот, предлагаю Лятрекше устроить персональную выставку-продажу, — Андре, хитро улыбнувшись, посмотрела на меня. — А Надька орёт, что ничего не выйдет. Надь, у

тебя телефон этого гада — ну как его, владельца галереи «Гастрит-Арт», есть?

— Ань, ты же не разбираешься в выставочном бизнесе! Во-первых, не «Гастрит», а «Рострум», а во-вторых, номер есть. Но Вадим не станет меня выставлять. Он же друг моего бывшего мужа, а этот экс-козёл, если твой склероз тебе не изменяет, тоже картинку пописывает. И потом, нужна хоть парочка новых работ, все мои нетленки уже в каталогах.

— Так, всё поняла. Давай быстро номер сотового Вадима и пока молчи.

Андре схватилась за мобильный, набрала продиктованные Надин цифры, выразительно корча нам рожицы в ожидании ответа.

— Вадик? Это Андре... Ты чего, кисюнь, свою кисоньку не узнал? Мадемуазели Андре... Да, та самая, которой ты в любви объяснялся на банкете после второй бутылки коньяка, когда я «Зелёный изумруд» спела. Припоминаешь? Очень хорошо. У меня к тебе серьёзный разговор. Ну, я в целом согласна на предложение. Так и быть, отработаю в твоей забегаловке за «спасибо»... На выставке у Дельфининой. Но ты ей намекни, что я большая ценительница современной живописи, пусть полотно какое-нибудь мне презентует. Побольше. И с тебя журналисты. Чтобы обо мне в тот же вечер в газетах написали...

Мы с Надин остолбенело молчали. Андре, улыбаясь, выслушивала что-то в трубке, накручивая прядку платиновых волос на палец.

— Кисюнь, я два раза предлагать не буду. Разве твой дружок не сказал? — Анька прикрыла трубку и повернулась Надьке: — Как мужа твоего зовут? Миша? — Затем снова заговорила в телефон: — Тебя разве Мишка не поставил в известность, что они с Надеждой делают совместную выставку в твоей галерее?.. Ах, даже так? А как упрасивал меня Мишенька... Вот какой же козёл твой друг... Нет, и не проси! Ладно, подумаю... Звякну сейчас этому горе-малевальщику. Пока, кисюнь. У тебя, когда я буду на сцене — как всегда брют, ты помнишь, да? Целую.

В полном обалдении мы усталились на подругу.

— Ань, ты разве с Вадимом знакома? — Надьке изменила её вечная невозмутимость.

— Сейчас звоним твоему экс-мужу — надо опередить Вадима. А его я знать не знаю! В первый раз с ним разговаривала, — Андре лучилась хитрой улыбкой. — Все вопросы потом. Набирай своего бывшего, Мишеньку, да? Только разговаривать я буду сама. Да, и про картину в подарок я не шутила. Хочу те ирисы, которые ты для меня второй год зажимаешь.

Каждая женщина у себя в доме и госпожа, и прислуга.

Азербайджанская пословица

Мне нравится входить в квартиры, где тишина, ряды книг на полках, тяжёлые занавеси, мягкие кресла и прохлада. Именно так было у бабули со второго этажа — типичный петербургский интерьер. Картины, бронза, ковры и полумрак...

Хитренькие глазки выдавали в Аделаиде Ильиничне шкodu и непростую натуру. Подобные особи и в восемьдесят три года остаются кокетливыми и обаятельными. Трусики кружевные. Халатик шёлковый. Носочки с розочками. На щеки брызгает кислородным коктейлем. Я сразу оценила настоящую даму и поняла — подружмся. Потому что сама дамой не была, а противоположности, как известно, притягиваются.

И вообще работать оказалось не просто удобно, а суперудобно. Во-первых, старушка лучше, чем старик, а второй этаж лучше, чем пятый. Во-вторых, тысяча в день для меня сейчас — это сказка, где Иванушка находит клад. Нечто в этом роде и получалось, когда бабуля доставала из-под подушки бумажку с вознаграждением, обычно это происходило в восемь вечера, перед укладыванием спать.

Но работа оказалась нелегкой. И до этого момента приходилось изрядно покрутиться.

Например, когда мы стригли ногти.

— Поровнее! И чтобы полукругом! — Бабка Ада проверяла пальчиком, гладко ли.

Пожилая женщина следила за качеством тела. Зная, что ею уже никто не заинтересуется, кроме участкового терапевта, она тем не менее требовала макияж, причёску и элегантное бельё. И даже прокладки выбирала ароматические, с запахом экзотических акаций. Сумочку для зубных протезов и ту Ада собственноручно сшила из мадеполама и прицепила к ней две георгиевские ленточки — из гламурного патриотизма. Паркинсон был бы доволен такой больной.

— У меня всё переломано: позвоночник, шейка бедра, руки.

Я медленно поднимала бабулю с кровати и надевала на неё корсет.

— С ходу не затянешь, он тугой, держи руки крест-накрест, иначе не сойдётся.

После утяжки талия у Ады становилась осиной, как у Гурченко.

На кухню больная шла, опираясь на ходунки и осторожно переставляя ноги в носочках. Тормозила, перетаптывалась — задержка сигнала из головного мозга. Паркинсон — сложная болезнь. Но кушала Аделаида самостоятельно. Причём оказалась гурманкой ещё той. В сливки печенье покрошит, ягоды с мороженым. Сверху мёду, пряностей. Рот салфеткой подотрёт. Отведает первое, второе, компот. Таблетки — по шгучке: красную, белую, голубую и треть жёлтой. Всё по методу.

Я не удержалась и поинтересовалась:

— Вы кем работали, Аделаида Ильинична?

— На руководящей должности, деточка. Ты ещё под стол пешком ходила, когда я в этом городе вторым человеком была. По правде — первым, да кому она, эта правда, нужна.

На кухне старушка любила покомандовать — никогда не угадаешь, что придумает к обеду или ужину. Да загоняет так, что себя не помнишь:

— Лия, давай приготовим тушёную капусту. В этом шкафу доска, здесь тёрка. Масло

кладу топлёное. Колбаску в блендере измельчи. Крышку бери стеклянную, ни в коем случае не металлическую. Под крышку сеточку, чтобы не брызгало. И не соли пока, не соли! Добавь перца...

— Может, проводить вас в кровать, я уж сама дотушу...

— Пожалуй.

Обратно тем же макаром: я передвигала ходунки, Ада за них держалась и медленно ножку за ножкой... Сложней всего на поворотах, чтобы не зацепиться за углы и двери.

Обвалив тело старушки на простыни, я выдыхаю и бегу на кухню, где, помешивая капусту, набираю номер Надьки:

— Новости есть? Или опять валяетесь с Андре? Вместе хоть лежите или по отдельности? Что-о-о? Сейчас прибегу, расскажешь.

Не закрывая двери в квартире, с этажа на этаж — как ветер.

— Вы чего, с дуба рухнули? Посуду бы лучше помыли наконец. Какие ещё картины, Надин, ты собралась здесь писать? Марш в свою мастерскую. У меня астма, я ещё жить хочу. Андре, ты чего лыбишься? Не знаю я рифмы к слову «харакири». Всё, мне пора назад. Бабка Ада с секундомером следит.

Помешаю капусту на кухне у бабки — проверю почту у себя в компе. От Стаса Мультивенко — ни-че-го. Вверх-вниз, как мячик. Кстати о мячиках: больная обожала массаж шариками для пинг-понга.

— Катай по спине. Ниже, там, где копчик! Теперь ногу — сильнее! Бедро! И голень! Подъём не забудь.

С меня три пота. Нет, четыре.

Но когда приноровишься, даже приятно — два шарика в руке: оранжевый и красный: играешь ими, и бабуле приятно. Под конец массажа намазываю спину гелем, шарики вязнут в смазке. У Ады слюна в уголке рта...

— Лия, а ведь мы ещё сегодня не включали витафон!

Я тихо ненавидела этот аппарат, но покорно прицепляла две чёрные нащёпки на старушечью шею, разночастотные звуки неслись по квартире: у-у-у-у... Лечение голосовых связок — адское испытание для окружающих.

— Заметь десять минут!

— Да!

Обманываю и не засекаю, угадываю время. Люблю всё делать на глазок: класть сахар в варенье, добавлять уксус в мясо, соль в еду.

— Лия, вкусная капуста, но ты пересолила.

Виновато улыбаюсь и долизываю со сковородки сама.

Перед сном и утром меняю памперс, днем ещё масса дел по длинному списку Адиной дочки: «Вылить горшок, промыть его с „Доместосом“, подмыть маму тёплой водой, налить кипяченой холодной воды в кружечку для питья и баночку для протезов. Когда мама смотрит телевизор, положить под голову большую подушку. На спинке кровати оставить две таблетки от кашля. Включить вентилятор и средство от комаров, придвинуть велотренажёр к кровати, чтобы мама не свалилась». Домой иду на полусогнутых, но с тысячей в кармане.

*Свекровь — как творение Рая,
Вы видите сами — какая!*

Из сценария моей первой свадьбы

Надин и Андре делают вид, что сосредоточенно разгребали весь день посуду в раковине, при этом до середины кучи они так и не добираются, ограничиваясь парой стаканов и тарелок, чтобы было из чего выпить и поужинать.

С тоской принялась: ну да, Надька уже смоталась за своими причиндалами и творит очередной шедевр. Встрепенувшаяся астма безошибочно потянула в комнату Забавы: с порога увидела подрамник, холст с силуэтом распотрошённого кота и палитру с размазанными красками, вонь от которых непереносима.

— Надь, ну почему ты не у себя в мастерской? Мы же тут сдохнем! — Я закашлялась. — Значит, все-таки мёртвая кошачья натура...

— Да, реквием по Мышу. «Убийство кота в восточном стиле». Пищу к выставке, она через неделю. Андре обработала Мишку на раз-два. Развела его ещё хлеще Вадика. Слушай Лейка, я решила триптих написать. Портрет нашего Стаса по центру уже есть.

Я вздрогнула. Ну вот, заставляла себя забыть события той злосчастной ночи в мастерской у Надьки, а ей надо обязательно напомнить, заразе такой.

— Слева будет Мышь с кинжалом, — продолжала с высоким вдохновением вещать подруга, — а справа ненаш Стас с тем же кинжалом. Мне кажется, концептуальненько. Андре тоже завелась — второй день сочиняет хит на тему харакири.

Я вздрогнула снова. Так вот зачем была нужна рифма к этому слову. А я-то ещё по наивности своей думала, что только у бабки Ады крыша поехала. Надька вдруг резко повернулась ко мне и прошептала:

— Лейка, у меня в студии кто-то был. Когда мы с Андре смотались за красками и холстом, видели — всё вверх дном перевернуто! Хуже всего — кинжал пропал. А я ведь его спрятала за шкаф. И это видела только ты.

Приплыли. Повисла зловещая пауза, которую нарушила вошедшая в кои-то веки кстати Андре. Певица с удивлением вертела в руках пустую литровую банку.

— Надь, смотри, Лейка с заработанных денег вчера купила клубничного варенья на развес и, пока смотрела вечером футбол, всё слопала. Вот аппетит у человека...

Подруги всегда подтрунивали над моей ненормальной страстью к футболу, доставшейся мне в наследство от покойного Мечика.

— Нормально... организм требовал потных мужиков, бестолково пинающих мяч, и варенья... — хихикнула Надька. — Да, сосед, который Джульку отвозил, письма от твоих гавриков передал. Как, кстати, ты с этим классным самцом познакомилась?

Я призадумалась. Удивительно, как мы с Матвеем легко и быстро нашли общий язык. А ведь возник этот парень в моей жизни не так уж и давно, пару недель назад. Когда смотрел квартиру на нашей лестничной площадке. Одинокая соседка баба Шура всё время сдавала эту однушку. Сама жила в деревне, а от съёмщиков капали денежки. Вот так объявился и Матвей, искал жильё — пришёл по объявлению. Это было через день-два после свидания со Стасом. Ну да, где-то так... Совершенно не мой тип мужчины, но было в нём что-то

брутально-притягательное. Да и вежливый он, внимательный. То сумку поднесёт, то улыбнётся, когда я, замотанная, по лестнице бегу. Спросит, не нужно ли чего? И друг у него живёт в «Золотой долине» — такая негаданная удача...

В прошлую субботу Матвей по моей просьбе привёз мне письма от детей — мы любили с козлятами шутливо переписываться, рисовать друг другу смешные картинки.

Припомнив, в каком виде я застала Матвея, когда просила его отвезти Джульку за город, слегка покраснела.

— Читай вслух, чего у них там, в Простоквашино? Как там новые русские поживают? Ещё не всё застроили дворцами?

Надин ненавидит новых русских, считая их тупыми и ограниченными. Ненависть своеобразно выплеснулась на мою свекровь, после того как подруга в первый и последний раз приехала в гости к нам с Иаковом за город. Мой первый муж все усилия бросил на строительство дома для «любимой мамы». Под Выборгом тогда ещё не было коттеджного посёлка «Золотая долина», рядом «красовалась» убогая деревенька. Страшно вспомнить, сколько сил и денег вложили мы с Иаковом в строительство «царской избушки» для Сары Моисеевны. Сама и пальцем не пошевелила, только критиковала всё. На фоне покосившихся домишек коттедж действительно, к полному удовлетворению свекрови, смотрелся по-царски.

После развода загородный дом достался мужу и его матери — я даже не спорила. Немного утешало то, что со всех сторон стали возводиться хоромы, намного более помпезные, чем у Сары. От чего та исходила чёрной желчью, осуждая каждый новодел.

Первый листок из «Золотой долины» — от Али:

Привет, мамзик! У нас всё хорошо. Поливаем огород бабушки Сары. Воду носим с реки. Прикинь, она теперь выращивает всякую хрень на огороде. Растут кабачки такие огромные, что внутри у них селятся муравьи. Ещё есть помидоры, все маленькие, а один большой жёлтый. Бабушка его очень бережёт, поливает три раза в день. Но помидор почему-то не краснеет...

На этом месте я утёрла слезу.

У соседа Максимки козырный «зепер»! Старый, но доезжает до трассы.

— А что такое «зепер»? — спросила вдруг Анька.

— Да так теперь подростки называют «Запорожец», — отмахнулась я, продолжая читать.

...Давай купим его «Запорожец» за пятьсот рублей? Если у тебя нет пятиста, Максим соглашается отдать за триста. Напиши своё решение. Это очень важно!

Последнее предложение жирно подчеркнуто.

...Джюльке здесь хорошо. Бабушка запирает её в дровянике. Потому что если выпустить, она сбегает. И приходит через шесть часов. А на следующий день мы узнаём, сколько кур и кроликов задушено у соседей...

— Охотничья — с гордостью прокомментировала я, — привар домой тащит.

— Лейка, ну у тебя и семейка! — заржала Надин. — Даже собака хозяйственная.

— Надька, хозяйственная только Забава, остальные так себе.

Открыла длинное письмо от дочки (Забава любит писать сочинения).

Мамуль, приветик! Бабка Сара на старости лет сошла с ума. Окончательно. Мичуринкой стала — вскопала две грядки на газоне. Говорит, надо экономить на всём. А мы хозяйство и так экономно ведём. В обед готовим салат и баранину. Мам, баранина так воняет, ужас! Вечером на бараньем жире жарим кабачки. Муравьёв из них выковыриваю я — мальчишки отказываются, а бабка Сара не только с ума сошла, но ещё и ослепла. А я не хочу кабачки с муравьями есть. Правда, вчера я на них на всех обиделась. Они мне весь вечер втроём доказывали, что свиньи грязные и некошерные, и кто их ест — сам грязный и некошерный. Мамуль, вот почему так получается: некошерная свинина очень вкусная, а правильная баранина воняет ужасно? Тогда я не стала из кабачков этих насекомых с усиками вытаскивать, так порезала. Самое смешное — они съели всё. Я сказала, что у меня живот от мацы пучит, не хочу. Мам, а муравьи кошерные? Вот бы нет! Так бабке Саре и надо. Она утром на остатках недоеденного салата и вонючей баранины делает яичницу, а я её есть не могу. И от голода тут умру, так и знай. Али и Аврашка просят сладкого, вышли нам печенья и конфет. Бабка Сара говорит, что у неё денег нет на сладости.

А ещё, мамуль, она заставляет нас после обеда читать книги. Я прочла «Горе от ума». Почему Чацкий полюбил такую дуру, мне не понятно. Авраам полистал «Бедную Лизу», чтобы бабка отстала, а Али сбегает в тихий час через окно и ловит рыбу на речке. Аврашка передаёт тебе привет. Он говорит, что его тошнит от сочинений, поэтому не посылает тебе ничего. Прощай, мамуль, видимо, пишу тебе в последний раз. Останутся у тебя только сыновья, а я умру здесь голодной смертью. Я тебя люблю, твоя ещё живая, но не сильно, дочь.

— Али всегда был такой непослушный... — на секундочку я взгрустнула, что дети далеко.

Андре с непониманием уставилась на меня. Ей больше всех было жалко Забаву.

Надька прервала сентиментальную волну:

— Понимаю твоего Али, вред от этих книжек. У меня вот, например, гемоглобин от

чтения портится. Слабость и сразу в сон клонит.

Как биолог, я насторожилась: взаимосвязь чтения и гемоглобина мне не приходила в голову...

— Надь, а как же ты в академии училась без книг?

— А так и училась. Я же не читать училась, а рисовать. У нас однажды на скульптуру мальчик поступал одарённый, так вот в сочинении на тему «Чем мне нравится Лев Толстой?» он написал всего одну фразу: «А почему бы Льву Толстому мне и не понравиться, если он классик». Мальчику поставили три, за него преподы коллективно сочинение переписали — боялись потерять редкое дарование...

К письму был приложен рисуночек от Забавы: переспелый жёлтый кабачок, населённый гигантскими мордатými и усатыми муравьями. Внизу приписка: «И ещё мы передаём тебе с дядей Матвеем гостинчик, бабка Сара разрешила взять самый большой кабачок для мамы».

— Знает свекровка, что тебе надо, Лейка! — расхохоталась Надька. — Муравьи это не то что кошерно, это — козырно!

— Да зачем мне с муравьями-то?

— Два в одном: и овощи, и мясо. Нет, три в одном: ещё и с усиками... — подруга захлёбывалась от смеха. — Вы со Стасом какими презиками пользовались, признавайся?

— Никакими, — проямлила я.

И тут же шевельнулись во мне смутная тревога и предчувствие, как будто «Книга перемен» шепнула какую-то тайну из будущего...

Отдыхать надо до того, как наступит усталость.

Английская пословица

На следующий день, в субботу, город окутал смог — горели торфяники. Плюс влажность... Этот июль запомнится надолго.

Надин жаловалась, что погода давит её. «Убийство кота в восточном стиле» не идёт: дух Мыша требует добавить в натюрморт миску с сухим кормом по центру стола, а это портит весь замысел триптиха. Надька лежала в прохладной ванне с сигаретой, договариваясь с духом покойного кошака. Андре скрашивала природные аномалии фруктовым льдом, бормоча под нос рифмы для будущего хита.

Моя подопечная с Паркинсоном страдала меньше всех. В её комнате висел плотный запах гари, а бабуля ещё подпускала дымку из дамской сигаретки, не отрываясь от сериала про запутанно-страстную любовь.

От серии к серии дымовая завеса становилась гуще. Ада уже не видела героев и просила комментировать, кто кого целует и кто кого бьёт по морде. Я нехотя распутывала отношения на экране, а сама размышляла о Стасе.

На странице в «Моём мире» я узнала о нём следующее:

*за последние семь дней Стас Мультивенко не совершал никаких действий;
за последние семь дней Стас Мультивенко не задавал вопросов и не отвечал
на вопросы;
за последние семь дней Стас Мультивенко не писал в сообщества, не вступал
в сообщества и не выходил из сообществ.*

Немного. Я бы даже сказала — совсем ничего.

Аделаида Ильинична попросила разморозить к обеду рыбу.

В нижних отсеках холодильника навалено продуктов: пельмени, котлеты, грибы, клюква, овощи, сыр, палки колбасы. Но нужен только хек — бабуля требует именно его.

Дёрнула за хвост противного хека, но тушка плотно примёрзла к стенке ящика и не поддавалась. Ада подогревала мой пыл гиканьем и притопыванием в ходунках. Чтобы продемонстрировать большой уверенность, я со всей силы рванула рыбину, и она оказалась в моих руках вместе с куском пластмассы от ящика. Так я начала ломать хозяйский холодильник. Позже я продолжила это дело более основательно, а пока мы перекусили, чем бог послал.

Когда Аделаида Ильинична опять попросила достать набор для маникюра, я слегка удивилась — ведь мы накануне уже отполировали её коготки. Окончательно меня насторожила просьба взять большую лупу из шкафа.

Бабуля высунула голые ступни ног из-под простынки:

— Сегодня мы сделаем педикюр под лупой. Тот, что ты сделала в прошлый раз, никуда не годится. Ногти слишком длинноваты и они не идеально ровны...

Я присела у ног ада. То есть Ады. Держать лупу и одновременно стричь было, прямо скажем, неудобно, но первые два ногтя я отшлифовала, честно рассматривая их в

подробностях через увеличительное стекло. Дальше начала хитрить своим обычным способом — лупу отодвигала в сторону и преспокойненько пилила и обтачивала рыхлые жёлтые пластинки на глазок.

Бабуля покряхтывала и постанывала, иногда дёргаясь, когда я слишком сильно задевала ножницами или пилочкой... Но ведь стригли-то по второму разу. А что, если завтра Ада потребует по третьему — срезать будет уже нечего.

— А почему ты без маникюра? — спросила старушка.

Я пожалала плечами. В прошлом месяце мой виртуальный ухажёр из чата знакомств спросил: «Какого цвета у тебя маникюр?» Я честно сообщила: «У меня нет маникюра». На что он написал: «Ну тогда об остальном даже и не спрашиваю, ты — не женщина». Хотела ему ответить, что маникюр — это уход за ногтями, и у него не может и быть цвета, но решила не метать бисер.

Каждый пальчик Ада проверяла рукой — нет ли зацепок? И только после этого разрешала переходить к следующему. Я удивлялась её нестигаемой силе любить себя. Смогу ли я так когда-нибудь? Может, и смогу, если со мной случится Паркинсон.

Неожиданно мне стало жалко себя, и слезинки упали на ногу Ады.

— Ты чего? — вскинулась бабуля. — Бальзамом смазывать ещё рано! Не лей раньше времени, это в самом конце, когда все пальчики промассируешь...

Экзекуцию прервало появление Андре:

— У вас дверь открыта была... Лейка, ты что делаешь? — Андре остолбенело уставилась на меня, сидящую у ног бабки Ады с полировочной пилкой.

— Милочка, вы в моей квартире без приглашения, потому извольте выйти вон! — Аделаида Ильинична кинула полный ненависти взгляд на мою ошарашенную подругу.

— Ни фига себе пироги с котятами! — рявкнула Анька. — Бабка, а ты знаешь, сколько педикюр в салоне стоит? А при выезде на дом — в два раза дороже. Лейка, пошли ты эту купчиху в жопу. Мало ей того, что ты за ней дерьмо выскребаешь? Прямо сейчас уходим — тебе мама по межгороду звонит. Из Австралии, кажется.

— Пошла вон, шалава! — заорала бабка Ада. — Вон! Вон из моего дома!

— Бабка, а ты, оказывается, ещё и дура конченная? Вот зачем тебе, карге старой, педикюр? — Андре нехорошо прищурилась. — Тебе того, исповедоваться пора уже, о вечном думать, грехи замаливать да тапочки белые запасать. А я, так и быть, за тебя пошалавлю. На этом свете. Лейка, ты идёшь? Никаких денег с этой восставшей из ада гримзой не нужно.

Аделаида Ильинична потеряла дар речи. Во даёт Андре! Паркинсон отдыхает.

Мне было жалко так вдруг бросить бабку Аду. По-своему, она неплохой человек. Одинокая. Несчастливая. Да и денег надо хоть немного отложить к сентябрю — Алька и Забава идут в школу. Слава богу, Абрашка уже окончил. Только с ним другая морока — поступление в институт. Однако всякая жалость бесследно испарилась в воскресенье, когда произошёл вечерний сеанс насилия. Уже не в спальне, а на кухне.

Бабке Аде нравилось экспериментировать с продуктами и блендером. На этот раз ей приспичило взбить в миксере три вида колбасы — «Кровяную», «Ливерную» и «Зернистую». Старушка с упоением добавляла к измельченным колбасам чёрный перец, гвоздику, майоран, лук и чеснок. На выходе получилась бурая пахучая паста. Сама заядлая кулинарка её не ела, а потчевала меня. Только «Ливерная» и «Кровяная» не лезли мне в глотку, почему-то напоминая о вывалившемся ливере ненашего Стаса в мастерской. Хотелось вырваться и

вырвать, но Ада крепко держала меня у трапезы.

— Намазывай на хлеб, не стесняйся, Линейка... Так тебя называет подруга?

Увидев, что паштет не убывает, старушка предложила:

— Угости свою подружку, Линейка, снеси ей. Скажи от бабушки Ады.

Аделаида Ильинична торжествующе прищурилась. Я с трудом проглотила застрявший вдруг комом в горле паштет. Наплевала Ада в него, что ли?

— Спасибо! Она будет счастлива! Я сейчас...

Кинулась на свой этаж. Там всё без перемен: Надин в ванной, Анька валяется с мороженым и ноутбуком. Предложила им колбасную смесь, на что услышала от Андре:

— Брось котам во дворе! Пусть сдохнут!

Упоминание о сдохшем котике снесло меня в тоску о Мыше.

Мельком заглянула в Яндекс:

В Дагестане уничтожены четыре предполагаемых боевика.

Теплоход врезался в опору моста.

В ДТП с участием маршрутки погиб человек.

За последние восемь дней Стас Мультивенко не совершал никаких действий.

Совместила в одну картинку: уничтожены, врезался, погиб...

— Девчонки, у нас уже два трупа — ненашего Стаса и кошачий. И мы ещё в новости не попали. Почему?

— Оно тебе надо? Новости? Лейка, читай лучше «Вести культуры». Смотри: певица Лена Ленина полностью обнажилась, Мел Гибсон угрожал сжечь дом из-за отсутствия орального секса. — Андре заржала, слизывая мороженое.

Я позавидовала непрошибаемому цинизму подруги. Мне не удавалось так просто относиться к происходящему.

Надо что-то делать с ненашим Стасиком. Не будет же он вечно лежать в анатомичке? Мне было понятно, что от Андре особой помощи ждать не приходится. Анька вся погружена мыслями в будущую выставку. Мне же хотелось как можно скорее забыть весь этот ужас, пережитый в мастерской, и вернуться в тот день, когда красивый мужчина подошел к ларьку «Роспечать» и попросил у меня китайскую книгу...

Вечером в понедельник я стояла у мартена уже в своей квартире, временно превращённой любимыми подругами в коммуналку. Какая же всё-таки тяжёлая работа сиделки. Отжаты все силы... Однако готовить и здесь надо, чтобы хоть что-то сэкономить из заработанного. Кабачок от Сары Моисеевны оказался востребованным. Даже с муравьями. Вырезать сердцевину с восковыми семечками и насекомыми — дело одной минуты...

Хорошо ещё, что у меня в запасе фирменный рецепт для «Кабачка из ничего» имеется. Я шинковала жёлтые рассыпчатые дольки на кубики, параллельно напрягая мозги и остатки знаний по биохимии: можно ли заменить майонез молоком и мукой. Бежать в магазин — нет сил, а подруг уже не допросишься. Так, придумала. Пожарив две ложки пшеничной муки на подсолнечном масле до золотисто-коричневого цвета, я залила в сковороду молоко. Быстро замешала вскипевшую жидкость с густой поджаркой. Соус для кабачков почти готов. Что там у нас из специй осталось? Сухой сельдерей добавлять нельзя ни в коем случае — перебьёт весь вкус. Ох, ну за что мне это — в кухню ввалилась Андре с листочком бумаги и карандашом.

— Ну, как там твоя бабка из ада поживает? А если ей приспичит интимную стрижку на лобке сделать? Запомни, Лейка: только ты сама можешь разрешить сделать из себя

рабыню! — Андре с интересом принюхалась. — Мать, оказывается, не только Забава, но и ты умеешь вкусно готовить?

— Ань, отстань, а? Сил нет — вот дотушу вам ужин и спать иду. Надин, я так понимаю, творит?

— Нет уж, Лейка, тебе придётся меня выслушать. Мы с Лятрекшей сегодня весь день обсуждали выставку. Вроде всё на мази, но есть проблема: нужен администратор. Надькина дизайнерша отдыхает за границей, и мне в голову пришла гениальная идея.

Я вздрогнула. Ну всё! Где же я так нагрешила-то в этой или прошлой жизни, а? За что мне, Господи, какой бы ты национальности ни был?

Анька же стала вдруг бормотать:

— «Харакири — прибили». Блин, «...харакири — стреляют в тире...»

— Бокал дайкíри, — ляпнула я, и Андре восторженно взвизгнула. — Уйди с глаз моих, Ань, быстро! Поговорим завтра. Иначе харакири будет тебе. Прямо сейчас.

Видимо, зажатый в моей руке длинный разделочный нож показался певице вполне убедительным доводом. Я наконец-то впервые за весь день осталась одна. А ведь ещё неделька — и сиделка будет нужна уже мне... Кстати, какая приправа напоминает по внешнему виду муравьёв в молочном соусе? Ага, кабачок мои подружки будут есть с тмином.

Кухарка сама себя не отравит.

Еврейская пословица

Утро вторника началось со скандала. Сквозь сон я услышала от Андре:

— А я тебе говорю, что муравьи! Мало того что эта гримза памперсная позавчера пыталась меня колбасным дерьмом отравить из зависти — с неё станется. Но Лейка! Нет, не буду это есть, ни за что, и тебе не советую. Лейка с адской бабкой вообще последние мозги растеряет... Да в жопу Таиланд — что муравьи, что тараканы — одна хрень...

Угу, значит, мой фирменный кабачок подруги заценили.

Так, надо вставать и плестись к адской бабке. Шесть дней продержаться осталось.

Первое, что бросилось в глаза, — пустая мойка. Чистая, сухая. Надин невозмутимо уплетала жёлто-белую кашу с семенами тмина. Андре тут же накинулась на меня:

— Лейка, вот скажи, ты правда нас с Надюшей так ненавидишь?

— Ань, успокойся, это тмин. Кто посуду помыл?

Надька кивнула, мол, она, и ехидно ткнула в пакетик с тмином на столе.

— Как тмин? Надька, ты зараза! — Анька бросилась к пустой сковороде. — Ну-ка, отдавай свою тарелку!

— Ты же на диете, — съехидничала Надин. — Вку-усно.

— Надюш, а ты того, не в положении? — Андре уставилась на нее. Надька поперхнулась. — Целую сковородку съела... Ну ты даёшь, мать! Лейка, я тебя записала на маникюр. В эту субботу Ты у нас ещё станешь Анджелиной Джоли! Клянусь педикюром адской бабки!

— Откуда у меня деньги? До сих пор без маникюра жила, обойдусь и сейчас. И потом, я до воскресенья ещё у бабки работаю.

— Лейка, ты не поняла. В воскресенье выставка. Надька в усиленном темпе малюет иконостас с харакирями, а я к нему уже мотивчик подобрала. Слова осталось только... А ты будешь у нас администратором, должна соответствовать. Деньги есть — я вспомнила, что полгода авторские за песни со сберкнижки не снимала. Там должно поднакопиться, тысяч пятнадцать — двадцать. Эх, не Америка, блин...

Я только вздохнула, не имея сил отбиваться от авантюры подружек, да и к бабке опаздываю. Впереди ещё целых пять дней — что-нибудь придумаю.

Чего вы не понимаете, то не принадлежит вам.

И. Гёте

В четверг вечером, после очередной вахты у бабки из ада (с лёгкой руки Андре мы называли её теперь только так), ввалившись домой, я вдруг услышала трёхэтажный мат. Орала Надька:

— Ять... Вообще охренела? Рыбку — не отдам! Это святое! Только Кошка меня понимала, слушала всегда, ни слова поперёк не сказала за всю свою недолгую жизнь! Не то что ты — тебя вообще никогда не заткнуть!

— Девчонки, чего опять ссоритесь? — Я устало присела на табурет. — Как же накурено на кухне, а?

— Да Надька свою Рыбку по имени Кошка зажимает, — хмыкнула Андре. — Говорит, что любит её до сих пор. Некрозоофилка прямо!

От усталости я плохо понимала, о чём речь. И спросила:

— Надь, ты что, кошечку завела? А при чём здесь рыбка?

— Ой, держите меня семеро... — закатилась от хохота Андре. — Лейк, её Рыбка уже давно, того... «Рыбка Кошка», которую Надин на тефалевой сковородке прикончила...

Надька, вскочив, схватила какие-то листы со стола и приголубила ими Андре по голове. Анька, отбиваясь, ржала как сумасшедшая и пряталась за меня.

— Так всё, брейк! Брейк! — завопила я. — Надь, сядь, а. Как человека тебя прошу. И ты, Ань, не подначивай. Что тут у вас? Вообще не понимаю, что происходит.

— «Лилиями» пусть подавится, а «Рыбку» не отдам, и не уговаривай. Мало ей того, что «Ирисы» у меня отбирает! Скотина! — Надька, покраснев, истерически чиркала колёсиком зажигалки, пытаясь прикурить.

— Нет, скажи, пожалуйста, какая краля! Тьфу! — возмущению Андре не было предела. — Я кручусь, а она... Как будто мне одной выставка нужна. Вон уже макет каталога прислали. Как я их уговорила в долг сделать, сама не понимаю. За себя никогда так не просила. С Вадимом договорилась, что плату за выставку возьмёт двумя Надькиными «нетленками» и процентом с продаж. Потратила время, водя его по мастерской. А Лятрекша даже не соизволила присоединиться! Озарение у неё, понимаешь ли. Красота по-японски, блин.

Надька только вздохнула.

Андре продолжала нагнетать ситуацию:

— Надь, у тебя ни стыда ни совести: мы же живём сейчас за счёт Лейки. Она в аду работает, дерьмо выносит, а ты пожалела две свои маляки. Кстати, Вадим обещал, что повесит их среди картин этого, как его, Казимировича, — крутого аномалюка. Тебе ж прямая реклама...

— Анималиста, — поправила Надин. — А при чём тут мои «Лилии»? Это же растения.

— Вадим сказал, что морские лилии у тебя, как животные. И там же рыбки между ними плавают. Короче — он так захотел.

— Морские лилии — действительно разновидность иглокожих, — некстати дало о себе знать моё фундаментальное биологическое образование, полученное в ЛГУ. — Ближайшие

родственники — морские звёзды и огурцы.

— Вот, даже Лейка согласна, — продолжала Андре прессовать подругу. — Эх ты, хоть её послушай, Лятрекша, она ж с красным дипломом единственная среди нас. Огурцов игложопых пожалела, нарисованных...

— Ладно, делайте, что хотите, — вздохнула Надька. — Лишь бы хоть одна картина нормально продалась, надоело консервами питаться. Кстати, что у нас с фуршетом — где деньги брать будем?

— Не ценишь ты меня, Надь, — хитро прищурилась Анька. — Я уже обо всём договорилась. Нам девочки из клуба «Грешницы» всё организуют. Знаешь такой? Я потом у них отработаю разок в ночном шоу.

— А, эти, «лишь бы нам было хорошо»? Не хиппи и не панки? — Надин озадаченно рассматривала макет каталога. — Никогда не понимала лесбиянок, как можно спать только с женщинами. Лучше уж бисексуалки — у них кругозор шире.

Андре лукаво посмотрела на меня, кивнув головой: мол, я всё понимаю, но тебя не выдам, ничего не скажу. Смеяться сил не было.

Подруги приступили к правке каталога, а еще надо было стартовые цены на шедевры Надин проставить. Меня клонило в сон, но отпускать меня спать они не собирались.

— Ань, вот зачем такая дорогая бумага и цветная печать? Сделали бы обычный прайс-лист, чёрно-белый, — бубнила недовольная потерей трёх картин (включая «Ирисы») Надин.

— Вот уж нет! — горячилась Андре. — Всё должно быть пафосно и богато. Сам Мультивенко приезжает к тебе на выставку, я договорилась. А за ним и его заместители потянулись. Глядишь, раскупят твои кули-мули по выгодной цене.

Я аж проснулась от неожиданности. Мы с Надькой уставились в четыре глаза на Аньку.

— Ну, не я лично договаривалась, Храм помог. У него с Мультивенко-старшим свои дела. Я, когда начала записывать песню «Харакири», рассказала Андрею про выставку, иначе пришлось бы за студию платить. Вот он и придумал — практически премьеры песни. Сейчас уточняется список гостей. Теперь понимаешь, что всё должно быть шоколадно? Кстати, дай-ка телефон своего Мурашки, у меня парочка идей по поводу твоего критикана. Да, и надо легенду придумать для Лейки.

— Ну уж нет! В воскресенье мне последний день у бабки работать, если дочка её не вернётся пораньше. Я ещё согласна тихо-мирно сидеть на кассе и записывать покупателей, но никаких легенд! — Спать мне расхотелось совершенно.

— Вопрос с бабкой я беру на себя. А что касается легенды — ничего ты не понимаешь, Лейка. Нам нужно как можно больше продать, причем как можно дороже — я своим именем заручилась. Поэтому будешь предупреждать потенциальных покупателей шедевров нашей Лятрекши, что проводится необычный аукцион: посетитель называет свою цену — ты записываешь, по итогам картина достаётся тому, кто предложил больше.

— Ань, так не делают! И потом, всё равно половину загребёт Вадим. В таких крутых галереях — стопроцентная накрутка.

— Никто не делает, а мы будем первые. Не спорь, Надь! Дело тебе говорю. С Вадимом я договорилась — он берёт половину от цены из каталога, если картина продаётся. Сечёшь фишку? Всё, что сверху, — наше. Вот нам и нужна Лейка. Будет разводить покупателей на бабло.

Я разводила в этой жизни только собак (вернее, Джулька сама разводилась на щенков с удручающим постоянством), поэтому план Аньки показался мне полным бредом, о чём я и

не замедлила сообщить подруге. Надин бурно меня поддержала.

— Ну, вы и клуши! — Андре с иронией смотрела на нас. — Просто поверьте мне, и все. Сам факт, что кто-то может предложить больше, будет сильно стимулировать наших непростых гостей. Осталось придумать Лейке сценическое имя.

— Зачем мне псевдоним? У меня и своих фамилий хватает. Лия Хаимович, Лия Непийвода, Лия Махмадали, девичья, наконец... — я едва дышала в задымлённой кухне.

— А затем, кисюнь, что ты у нас будешь великим знатоком из Китая. Кому твой советский интернационал интересен? Надо дать пафоса и экзотики. А то Лятрекша всю жизнь будет только на хлеб без масла зарабатывать. Да и я в пролёте окажусь со своими обещаниями. Короче, Лию сокращаем до Ли. Будет очень по-китайски.

Я мученически посмотрела на Аньку. Её ай-кью меня всегда удивлял. Объяснять подруге, что это фамилия в Китае, причем самая распространённая, как у нас Иванов, Петров, Сидоров, — бесполезно. А вспомню бабку Ли, так Андре тем более не отстанет. Но её было всё равно не остановить:

— Лейк, быстро говори первый пришедший в голову популярный бренд в Китае.

Видимо, я не очень хорошо поняла Андре. Или та не очень чётко выражала свои мысли. Для меня бренд — торговая марка, а не псевдоним. Потому я и ляпнула «Хайсянь». Всегда мечтала попробовать суп «хого» с морепродуктами.

Нет похорон без покойника.

Корейская пословица

Пятницу для завершения операции «Стас-Стас» мы выбрали по двум причинам. Первая: бывший муж Надин уступал ей свою «Газель» для перевозки картин на выставку. В субботу транспортное средство было ему нужно самому для той же цели. Вторая: Дашка уезжала на выходные за город, а без неё доступ к телу в анатомичке проблематичен. Да и практиканты-вечерники могут помочь погрузить.

Лето разливалось аномалиями. Так кричали синоптики. Не понимаю, почему сильный мороз и крепкий зной стали отклонениями от нормы? Мне нравится жара. И грозы.

В девять мы ехали по Выборгскому шоссе. За рулем сидела Андре. Тарахтело радио: «Сегодня в Петербурге были штормовой ветер и ливни...» Вдоль дороги стояли расколотые деревья с пустой сердцевинной — коричневатой, выеденной годами. Гроза обнажила то, что скрывалось за корой.

— Слышала про смерч в Колпино? Кто бы мог подумать, не на Гавайях и не в Канзасе, а в тихом провинциальном Колпино.

— Днём трамваи не ходили — расплавился битум, в который впаяны рельсы.

Мы перебрасывались аномальностями, старательно обходя стороной содержимое свёртка, лежавшего сзади на полу. Бедный ненаш Стас... Асфальт выдавал на дальнем плане миражи. Термометр показывал тридцать семь градусов по Цельсию.

С обочины вспорхнул голубь. Он летел медленно, разморенный от жары. Взвизгнув, Андре начала тормозить... Послышался удар. Я обернулась и посмотрела на шоссе. Птица лежала с растопыренными крыльями. Продрало морозом — не люблю свежую смерть, которая налетает внезапно как ветер — и ломает...

— Как же так? Я ведь пыталась остановиться! — убивалась Андре.

— Успокойся! Это был больной голубь. С птичьим гриппом.

— Всё равно неприятно.

— Ты слишком чувствительная.

— Я за три года, пока жила в Москве, столько кошек и собак объехала. Они всегда неожиданно бросаются под колёса, но мне удавалось не сталкиваться, даже по московским пробкам. И надо же! Дурацкий голубь! Он как-то странно летел. Это жара. Сегодня в середине дня у меня сжало виски, пятна поплыли перед глазами — тепловой удар, наверное. Надька вон, когда картинку малюет, ноги в тазу с холодной водой держит. Говорит, так легче. — Андре произвольно набирала скорость.

— Ань, смотри на знак, идиотка, гаишник впереди! Всё, вляпались!

Мы втроем оцепенело уставились на подходящего к нам сотрудника ГИБДД.

— Девочки, говорить буду я. Вы — немые! — Андре, вытащив из помертвелых рук Надьки доверенность, выскочила из машины.

— Товарищ генерал, я опять что-то нарушила? — От приторно-сладкого голоса Аньки гаишник остолбенел. — Вот так всегда, я такая невнимательная... Товарищ генерал... Капитан? Извините, я в звёздочках совсем ничего не понимаю. — Андре провела коготками по погонам «генерал-капитана».

А ведь у неё получится. Не может не получиться, иначе нам всем кранты. Стоит только проверить салон.

— Да, конечно, записывайте номер... у меня московский, сами понимаете, — ворковала Андре. — Восемь, четыреста девяносто пять, сто двадцать три, сорок пять, шестьдесят семь. Ну, мы поехали? Звоните мне, я вас на свой концерт приглашу.

Анька резво тронула с места машину. Мы с Надькой молча смотрели на её вспотевшую спину.

— Пронесло, — прошептала Надька.

— Это меня чуть не пронесло, как Бормана из анекдота, от волнения, — Андре пробирала дрожь. — Всегда, когда перенервничаю, живот крутить начинает. Интересно, когда этот крендель в погонах поймёт, что я ему левый номер дала? Назад поедем по другой дороге. Надь, долго ещё до твоей рожицы заветной? Копать будете сами, девочки. У меня стресс...

Через три часа, вернувшись и поставив возле дома машину, мы с Надин в ближайшем подвальном магазинчике взяли трёхлитровый пакет красного вина с дурацким названием «Ласковые сети». Жара всегда красного цвета. Андре, выходя из машины, глянула на крышу, видимо боясь увидеть голубиную кровь, но там ничего не было.

— Долго не забуду этого голубя, — сокрушалась Анька. — Разбитые птицы не к добру. Что-то случится.

Как биолог, я строила предположения, что у голубя был орнитоз, и ему поплохело от болезни, которая заразна и для человека, и, может, неплохо, что переносчик инфекции отошёл в мир иной.

— Помянем его душу! — всхлипнула Надька.

— Угу.

«Ласковые сети» пурпурно размягчали и без того варёное тело. Мы поднимали бокалы за наше здоровье, за упокой ненашего Стаса, захороненного в красивой роще, и птичьей души. А синоптики вещали: «Уходящий июль в Петербурге вторые сутки подряд бьет температурные рекорды. Белые ночи прошли, но погода не даёт ни забыть, ни отдохнуть от дневного зноя. Гидрометцентр предупреждает: в течение недели аномальная жара точно не спадет...»

Глава четвёртая,

*в которой на нас падают неожиданные деньги и
связанные с ними неприятности*

В науку нет коротких путей.

Японская пословица

Утро той сумасшедшей субботы началось со звонка Аврашки. Оказалось, ему срочно надо в Питер — с ним связались друзья-абитуриенты и предупредили, что по конкурсу они не проходят в вуз на выбранный факультет.

Для переписки по Интернету и выбора другого факультета Авраам как раз и должен был вернуться. Алька с Забавой остались. Бедная Сара Моисеевна с двумя некошерными внуками — тяжело ей придётся. А ещё и Джулька. Мне почему-то было совсем не жаль мою первую свекровь.

Только я договорилась с Матвеем, что к обеду он привезёт из «Золотой долины» сына, как позвонила Дашка. Напомнила про тушёную свинину к понедельнику, она уже на неё гостей пригласила.

Случайно мы затронули тему вступительных экзаменов, и оказалось, что мой Авраам и дочка Дашки — ровесники. А потому вопрос поступления в институт обсуждался нами не просто горячо, а горячечно. Тем более что детки подали документы в раскрученные вузы.

До этого Иаков напирал на Авраама с мудростью, настоянной на двадцатипятилетнем опыте работы в научном институте...

— Поступай, сынок, в большой университет. Только после окончания этого учебного заведения ты сможешь чувствовать себя разорившимся дворянином. Никем не стать, ничего не зарабатывать, но испытывать уважение к себе.

Авраам не захотел стать разорившимся дворянином. И поэтому ориентировался на специальности, за которые платят. И соответственно подал документы в ИМХО — Институт механики, химии и оптики.

В советские времена вуз хитовым не считался — слабые умы на этих предметах: техническая физика, физическая химия, оптотехника — ломались, но выжившие перельманы двигали прогресс. Перестраиваясь под веяния двадцать первого века, ректор выбрал перспективную модернизацию — в программу ввели компьютерный дизайн, бизнес-информатику, менеджмент. Конкурс вырос в десятки раз. Однако, наполняя институт новым содержанием, профиль оставляли прежним — оптическим, отчего названия кафедр стали звучать своеобразно — оптоинформатика, оптодизайн, оптомуниципальное управление... Впрочем, бессмысленная «оптовость» направлений никого не отпугивала — абитуриенты толпами атаковали ИМХО.

Я угорала, глядя, как подрастает циферка проходного балла.

— Дашка, ты помнишь, какой конкурс был в ЛГУ? Мы поступали — семь человек на место. На филфаке — двадцать пять, и это считалось запредельной цифрой. А в ИМХС пятьдесят человек на место.

— А такое бывает? — не верила Дашка.

— Бывает и хуже. К концу срока подачи заявлений на всех престижных направлениях вообще исчез вступительный балл. Дашка, только представь — сегодня баллы исчезли! Мне Аврашка по телефону только что сказал! — орала я в трубку. — Вместо них БИ!

Дашка закашлялась от смеха. Я опровергла её вопли:

— Нет, это не бисексуалы. — Надеюсь, Андре меня сейчас слышит, а Надька как раз наоборот. — А те, кто идут без испытаний, — льготники, целевики, медалисты и олимпиадники. И среди них битва — кто более льготный. У меня Аврашка родился в девяносто третьем, ты помнишь роддома пустые, тогда была предельно низкая рождаемость. Скажи, откуда берётся народ?

— Лейка, пойми, в Москву и Питер едет поступать вся Россия. В небольших городах вузы позакрывали, вот Ломоносовы и прут. Да ещё бюджетные места сократили...

— Да если бы только Ломоносовы... — Я вспомнила Джамбура, друга Авраама уехавшего в Чечню к отцу сдавать три ЕГЭ на триста баллов. — Они получают отличные результаты на местах и едут с ними в МГИМО, а потом учиться не могут, вылетают или все пять курсов сдают за деньги.

— Не парься, куда-то твой Аврашка пройдёт.

— Именно, что куда-то, а не туда, куда хотел. А ведь он не троечник, и на платные курсы ходил — бабка Сара раскошелилась. ЕГЭ по информатике у него лучший в районе.

Украшение девушки — благовоспитанность, а не золоченая одежда.

Арабская пословица

— Что ты там про бисексуалов говорила?

Андре, зайдя ко мне в комнату, присела на край кровати.

— Лейк, вставай быстро, нас ждут великие дела. Лятрекша всю ночь под пьяную дудочку ненашего Стаса домулёвывала. Даже спать не ложилась, на кухне сидит. Надо для тебя прикид достойный выбрать. А в одиннадцать — в салон красоты, маникюр тебе делать. Ты у нас завтра заезжей знаменитостью будешь.

Я поморщилась. Если бы вчера не дала слово подругам — а всё «Ласковые сети» виноваты! — ни за что не стала бы сейчас напрягаться. Но уговор дороже денег. Пройдя на кухню и увидев Надин, подливающую себе вино в чашку из краника пакета, мне стало не по себе.

— Доброе утро, Лейка. Так, сбрасывай свой балахон. Стой! Повернись! — Надька взглядом-прицелом фиксировала мою полуобнажённую фигуру на фоне окна. — М-да, случай клинический. Низ твой, Ань. А с верхом мне корячиться.

Я вздрогнула. Это ещё что за делёж?

— Будем лепить из того, что есть.

Андре с Надин вдруг стали сыпать брендами:

— Может, твои брючки Cacharel? Нет, не помогут. Юбку Кукаи? Твоё джинсовое рваньё от Дольче и Габбана? Слушай, я подумала вдруг про мою блузку Армани из шифона...

— Идея. У меня к ней сумка, туфли и очки есть. С верхом решено. Во что низ упаковывать будем?

Я с ужасом слушала подруг.

— Нет, бриджи SASCH отстой полный. Придумала! Те твои обтягивающие джинсики ниже пупка, Calvin Klein. Со стразами которые.

— Хорошо. С прикидом определились. Теперь смотрим на рожу. Лейк, ты хоть раз в солярий ходила? Ясно — глубокий пилинг, коллагеновая маска на час, вечером — автозагар. А косметику в фиолетово-серебристых тонах, поярче.

— С головой-то что делать? Одним походом в салон не обойдёшься...

Подруги как-то разом тоскливо вздохнули. Повисла пауза. Я сгорала от стыда. Вот уж не думала, что у меня так всё запущено.

— Ес! — заорала Андре. — Плохие волосы надо прятать. Парик от Герды, тот самый! Он у меня дома уже несколько лет пылится.

Мы уставились на сияющую Аньку: Надин с восторгом, я — со страхом. Никогда не носила париков.

— Кстати, сама собой отпадает проблема аксессуаров: уши прикрыты париком, шея — блузкой. Разве на руку что-нибудь? О, мой японский браслет подчеркнёт восточный колорит нашей китаёзы.

— Лейк, чего стоишь? Быстро одевайся! Опаздываем в салон! Надь — ты к себе, за блузкой и туфельками. Браслет не забудь. Мы по дороге обратно ко мне заскочим, за всем

ОСТАЛЬНЫМ.

Чужая одежда — только до вечера.

Ассирийская пословица

Откинувшись в кресле, я, несмотря на толстый слой коллагеновой маски на лице, пыталась подсмотреть, что делают с моими ногтями.

— Не надо глазки открывать, не стоит, вас же визажист предупредил. Вы потерпите, уже скоро. Зато кожа будет как у молочного поросёночка. — Я непроизвольно вздрогнула. И здесь поросята.

— Андре, душенька, что ж у твоей подруги ногти-то обрезаны под корень? Варварство просто. Обязательно тёмно-фиолетовый лак? Ладно. Может, парочку стразов приклеить? Нет, на этом фоне хорошо будут смотреться серебристые иероглифы паутинкой — это последний тренд сезона. Ультрамодно. Делаем? Отлично. Кстати, когда я тебе повторно приклеила камешек, больше не отваливался? Я заказала ещё, на всякий случай. Обычно крепко держатся...

У меня засосало под ложечкой. Как-то само собой сообразилось, что за камешек имеет в виду слишком любезная маникюрша.

В салоне мы провели больше двух с половиной часов и оставили примерно мой месячный доход. Андре отмела слова благодарности и потащила в магазин нижнего белья. Я, внутренне застыв, не оказывала никакого сопротивления. Даже когда заехали к Андре и там собирали всё, что она считала нужным.

Вернувшись домой, мы застали Надин спящей на моей постели. Рядом были сложены пакеты с вещами.

— Пусть проспится, ей надо. Давай в комнату к мальчишкам, у Забавы — картины сохнут. А на кухне — освещение не то. — Андре приступила к пытке макияжем. Затем обрядила в брендовые шмотки.

Часа через два Анька за руку подвела меня к зеркалу в прихожей.

Я зачарованно застыла. Невысокая брюнетка с миндалевидным разрезом глаз смотрела на меня из зеркала с неподдельным интересом. Она была ослепительна. Я жадно рассматривала высокую грудь, полупросвечивающую через серебристо-фиолетовый шифоновый блузон, стянутый на талии (откуда она у меня?) узлом. Голый плоский живот ускользал в приспущенные на бёдра перламутрово-фиолетовые джинсы. Всегда считала, что у меня слишком широкие бёдра. Но вот у той, в зеркале, — идеальная амфора. Ноги в туфлях на высоких каблуках казались стройными.

— Ну чего молчишь? Не нравится? А мне кажется, неплохо. Вечером наложим автозагар, завтра приклею тебе накладные ресницы — вообще отлично будет. Так, губы в следующий раз подчеркнём поярче, поверх блеск нанесём, серебряный. Скулы можно чуть резче. Лейка, а вообще — ты красотка... Ты чего, идиотка, — не вздумай только завтра заплакать. А если чувствуешь, что испарина, — бегом в туалет. Я тебе сейчас объясню, как экспресс-восстановительные работы проводить перед зеркалом. И вообще — я тебя люблю. Ты такая молодец! Тройх родила — и так потрясно выглядишь. Ну, не без моей помощи, конечно. Хрен бы Лятрекша так тебе боевую раскраску наложила.

Через полчаса Анька умчалась к себе, проводить предварительно-штукатурочные

работы по боевой раскраске уже себя, любимой, на завтра. Пообещала заглянуть вечером, после записи в студии. Я рассматривала себя со всех сторон в зеркале — лет десяти как не бывало. Не хотелось смывать макияж, Новая я мне нравилась. И нравилась очень. Теперь понятно, почему Андре так долго всегда собирается.

Внезапно в замке повернулся ключ, дверь распахнулась. Абрашка, влетев в коридор, остановился:

— Здравствуйте!

Я недоумённо взглянула на сына. Тот, сбросив кроссовки, проскользнул в комнату и вернулся через пару минут с вопросом:

— А где мама?

Я расхохоталась. Сын пялился на меня во все глаза.

— Что, Абраш, уже от родной матери отказываешься? — мне было не просто смешно. Всё тело вдруг наполнила пьянящая лёгкость.

— Мать, ну ты вообще... Это точно ты? Слушай, а ты, оказывается, супер. Не, вообще обалдеть! — Авраам заулыбался и полез обниматься.

— Что за шум, а драки нет? — зевающая Надин рассматривала нас прищуренным взглядом. — Чувствуется рука мастера. Андре хорошо тебя сделала, Лейк. Только я бы губы и скулы подчеркнула сильнее, и ресницы накладные можно... Хотя — ты и так выглядишь на лимон баксов. Авраш, правда, мать у тебя классная тёлка?

Мы дружно рассмеялись. Втроём.

Перед тем как смыть боевую раскраску, решила совершить пробный выход в свет. Мусор давно никто не выносил. Вот и потренируемся в новой амуниции.

Едва я распахнула входную дверь и наклонилась за пакетами с мусором, на площадку выскочил Матвей.

— Вам помочь? — сосед с изумлением стал рассматривать меня. — Лейка, это ты? Всё, я сражён наповал. Девушка, давайте поженимся?

Я улыбалась до ушей комплиентам и шуткам Матвея. Он, галантно проводив меня до мусорных контейнеров во дворе, обещал завтра заскочить в гости.

Вернувшись домой и переодевшись в обыденное, я с неохотой стала снимать косметику с лица. Специальными салфетками, промоченными косметическим молочком, — всё, как сказала Анька. Наложила автозагар — и тут завибрировал мобильный. Ада, распрощавшись с подругой, сразу вызвонила меня — ей надо было срочно поменять памперс. Затем Аделаиде Ильиничне приспичило к приезду дочери запечь рыбу в духовке.

Естественно, моими руками и под её чутким руководством.

Превращение принцессы в золушку произошло с удручающей быстротой.

Бог сотворил мужчину и отдыхал, а сотворил женщину, и все потеряли покой.

Еврейская поговорка

В воскресенье двадцать пятого июля с утра Авраам бродил от старенького монитора моего компьютера к экрану навороченного ноута (подарок бабки Сары). Сын напоминал брокера на бирже.

— Ма, на эту кафедру мы пролетаем, сюда — тоже, а тут я пока двадцать четвёртый из двадцати пяти...

Институт оптоинформационных технологий днём и ночью показывал на сайте хронику изменений в конкурсе: каждый абитуриент мог увидеть своё место в списке претендующих на зачисление. Чем-то это напоминало игру на электронной бирже. И мы с Авраамом следили, сколько заявлений добавилось, на сколько взлетел проходной балл, где остались только БИ. До шестнадцати часов еще можно было перекидывать заявления с одного факультета на другой.

Надин не меньше нас психовала из-за племянницы. Та поступала в Академию художеств на живописный факультет.

— Лейка, врубись! Три места на весь город, конкурс двадцать пять человек на место, но что за человеки! Ребята седьмой раз поступают, по три года ходили на подготовительные курсы. Мне так их жалко, ведь всё заранее известно, места распределены... Племяшка, талантливая девочка, ездит по жаре — сдаёт «искусство», а мне знакомая уже шепнула: «Надин, ты тока не говори ей сейчас ничего, чтоб не сорвалась. Но шансов у неё нет».

— Надь, тащи, что ли, недопитую мадеру, я больше не могу про это думать!

— Нет, сегодня надо тормознуть с выпивкой — вечером открытие выставки, должны быть как огурчики. Я, пожалуй, уже поеду — надо боевой раскрас и прикид организовать поприличнее, а то на твоём фоне буду выглядеть урюпинской лохушкой. Триптих заедет забрать Михаил по пути на выставку. Предупреди его, что краска ещё не просохла как следует.

— Надь, а как вы вчера на студии, с Анькой? Записали её хит? Интересно же — расскажи. И потом, мне надо тебе кое-что сказать. Важное.

— Лейка, давай уже у Вадима поговорим, время будет. Мне много надо успеть. Андре зайдёт к тебе в пять. К семи жду вас в галерее.

Ну вот, я не успела рассказать Надьке про события в салоне. Даже не знаю, что теперь думать про Аньку.

Подозреваемая мною в нехороших вещах подруга в кои-то веки явилась точно по расписанию — в пять часов. Процедура превращения меня в «классную тёлку» во второй раз прошла намного быстрее. Андре, воткнув в область моей макушки поверх парика пафосные тёмные очки и повесив мне на плечо невесомую серебристую сумочку, осталась в целом довольна. Недовольной осталась я, когда узнала, что топать во всём этом великолепии в арт-галерею мне придётся в полном одиночестве. Андре спешила — ей надо было забрать фонограмму новой песни «Харакири» из студии.

Я чувствовала себя в новом прикиде, словно в латах и доспехах, — зажалась от

смущения. Одежда, макияж, туфли прятали ту старую, привычную Лию... Но вспомнив, как не узнал меня родной сын, я снова рассмеялась. И латы вдруг полегчали, «прилегли» к телу как родные. Взяла второе зеркальце — поменьше, чтобы сзади увидеть в большом зеркале. С боков оценила. Я — не я? А какая разница! Бросила в сумочку документы, косметичку, которую выдала Андре, кошелек с остатками денег от бабки из ада и поехала на выставку.

Вышла на «Площади Александра Невского» — захотелось пройти пешком через весь Невский. Когда ещё девчонки так оденут... Им ведь всегда не до меня. И мне самой не до себя. Какие уж тут мужики и романы. Да может, и не романы — но хоть свидания. А так хочется вольницы!

И вдруг как будто прорвалась во мне радость какая-то, влюбленность. Не к кому-то конкретному, а ко всему миру. Он, мир, такой красивый, и я в нем красивая. И я не бреду как слепая уставшая лошадь, по сторонам не глядя, а лечу красивой кобылкой — резвой, не нагулявшейся...

Внутри легко, будто сотни маленьких воздушных шариков несут меня, а походка твёрдая, уверенная. И улыбка — до ушей, дурацкая, но мужики встречные улыбаются в ответ. Может, оттого что девчонки разукрасили меня как индейца, а может, оттого что я красивый индеец...

Браслет мне нравился больше всего. И джинсы с низкой посадкой очень нравились. Виден живот, грудь приподнята — и так хочется оставаться такой красивой всегда. Так хочется! «Нет, я не такая», — шепнула мне одна Лия, застенчивая и смущенная. «Такая-такая», — рассмеялась другая... Которая видела так мало настоящей ласки и тепла. И пусть мужчины лишь скользят по ней взглядами, как солнечные лучики, но она вся блестит на солнце...

И совсем неважно, что уже тридцать девять. Любить я могу сильнее, чем в восемнадцать! И сколько ещё недолюблено, недосказано, недоцеловано, недо... Это в восемнадцать кажется, что всё впереди: самые важные слова, самые нежные поцелуи... А в тридцать девять, ты как роза перед заморозком. И до одурения хочется быть срезанной в тепло, только б не замерзнуть! Наверное, поэтому я и пошла со Стасом.

Наверное, поэтому и сейчас так хочется невозможного! Любви, приключений, перемен. И хочется верить в них так, как верят только в юности.

Надька сказала однажды:

— Лейка, знаешь, самое главное в жизни — это отношения между мужчиной и женщиной. Ничего важнее этого нет.

Не сразу согласившись, раздумывала — а как же дети? И остальное...

Но сколько я ни шерстила остальное, мужчина и женщина стояли в изначале.

Вспомнилось, как в университете с подругой Дашкой смеялись, что учимся ради мальчиков, ведь выгонят с факультета — не увидишь больше ни Пашки, ни Петьки... И дальше по жизни чего мы только ни делали ради наших мальчиков: рожали им детей, ждали их, шли за ними — куда бы ни позвали...

Но было во мне и другое!

Все думают, Лейка — прирожденная домохозяйка. А ведь это не так. Я никогда не отождествляла себя с тихими женскими персонажами. Мне хотелось в Африку, как Гумилёв, к Северному полюсу, как Амундсен. Я и на биофакто поступила, потому что в заповедник дальний мечтала уехать — дикую природу изучать, трудности испытывать в тайге или в пустыне. Хотелось быть сильной — не по мелочи, а по большому счёту: для свершения

поступков смелых, свободных.

Мне претила осёдлая жизнь, кухни и размеренность. И при этом я столько сил истратила, чтобы именно кухни расцвели в моей жизни! Сбылось всё, о чём не мечтала, — баба и домохозяйка...

Так, может, сегодня есть шанс уйти в тот самый поход, о котором мечтала с юности? Плохо ориентируясь в сторонах света, мне в общем-то всё равно, в каком направлении идти.

Так зачем же я жду ещё каких-то знаков — ведь ласточки уже написали крыльями на небе — иди! И огненными лучами на откосах крыши — можно опоздать! И ветер добавил — ну какого хрена?..

Любовь — пожалуй, такое же мужественное путешествие, как одинокий поход по джунглям и пустыням. И не ломается лишь тот, кто не ищет причин и объяснений этому пути и завтрашний день воспринимает всего лишь как повод снова отмотать энное количество километров по бездорожью.

Я летела вдоль витрин, непривычная себе. И мысли летели не по расписанию... Пропшая жизнь, как растрёпанная ветром книга, листалась и открывалась на случайных страницах. Вот дом № 154, в котором я жила в крошечной коммунальной комнатёхе с двумя детьми и мужем... Всё тот же обшарпанный фасад, только нет больше кондитерской, где я любила выпить двойной крепкий кофе в хрупкой белой чашечке. Теперь в витрине сапоги, сумки. Гламур, который так любят Надин и Андре. Но рядом в уголке оконной рамы — семечко одуванчика с пушистым зонтиком, застрявшее в паутине. Ветер раскачивает семечко в легком гамачке... — даже крылышко бабочки кажется грубее...

Летом повсюду нескованная нежность. Густые запахи. Перебираю их, сладко мучаясь и узнавая — да, это пахнет кукурузой. А это — дыней.

У метро «Площадь Восстания» бабульки продают оранжевые лилии на цапельных ногах. И малину мягкую. Тёмную. Как венозная кровь...

Не поворачивая голову, проскочила мастерскую на противоположной стороне улицы, где произошло столько событий. Сегодня я не хочу об этом вспоминать.

Вот уже и мимо Аничкова моста... Небо мягкое — прогибается над Фонтанкой, жара тридцать восемь градусов.

Как давно я не проходила весь Невский пешком — от начала до конца. Так, чтобы не спешить, не заскакивать в магазины, не быть озабоченной. Но сегодня такое состояние души, словно беру откуда-то желание жить и радоваться, и оно не кончается, и сколько ни возьмешь, всё равно не кончается... И я передаю это желание дальше — встречным, улыбаюсь им, как своим друзьям, и от этого ещё больше счастлива. И все люди мне кажутся приветливыми и красивыми. И я сама с открытым сердцем — навстречу им.

Где-то внутри чуть слышным напоминанием мелькнуло: Лия, а ведь у тебя задержка месячных больше трёх недель, и это, скорее всего, не задержка, а беременность... И пусть! Я буду рада этому ребенку, как была рада трём предыдущим. Моя бабушка говорила: «Детей не может быть слишком много, как не может быть слишком много неба, воздуха и радости». Да, был меня удручал, но никак не дети! Оглядываясь на прожитые годы, не могу представить, что не было бы Забавы или Али, и рос бы у меня один Абрашка. Все трое деток — полноценные ветви дерева моей жизни, и если суждено быть ещё одной — пусть будет.

Я приосанилась, посмотрелась в витрину «Пассажа», мимо которой проходила. Улыбнувшись, почувствовала себя сказочной птицей в ладонях судьбы, которая охраняет меня так же трепетно, как я охраняю новую жизнь, о которой пока никто, кроме меня, не

догадывается...

Все беды человека от его языка.

Азербайджанская пословица

Я так быстро пролетела Невский, что пришла в галерею на полчаса раньше. Охрана не хотела пропускать — меня не было в списке гостей.

— Это же наш администратор, Максик, не кипеши! — неожиданно появилась за моей спиной Надин. На подруге были широченные шальвары от Кукаи, жакет, расшитый цветными камнями и нитками, и восточные туфли с загнутыми носами. Надька, взяв меня за руку, провела в стеклянные двери, кокетливо подмигнув симпатичному парню-охраннику. Во даёт, он же в два раза, наверное, моложе Надин.

Огромный овальный зал. С перегородками и вторым этажом, на который вели две лестницы. Живописцы что-то таскали в спешке. Мужик в переднике дорисовывал свой шедевр «Молох». Авторы развешивали этикетки возле произведений. Редкие посетители, просочившиеся до открытия, фотографировали, радуясь отсутствию толпы.

— Так, я что-то не поняла! — гневно набросилась на Вадима Надин. — Откуда здесь эти тараканы? Мы же говорили о персональной выставке-продаже!

— Надин, тут такое дело... — промямлил владелец галереи, кидая оценивающий взгляд на меня и подругу. — Кстати, выглядишь ты просто отлично. А это небесное создание рядом — кто? Познакомишь?

— Ты мне зубы не заговаривай! — рявкнула Надька. — Мало того, что я тебе любимую «Рыбку» отдала и «Морские лилии» в качестве оплаты, так ты решил ещё и подзаработать на выставке? А ты не думал, что такие вещи надо согласовывать!

— А твой муж вроде не против был, — промямлил Вадим, отодвигаясь от Надьки на пару шагов.

— Что? Наш Кустодиев в таблетках тебе разрешил? Чего ж ты тогда не взял в качестве оплаты его Венер с небритыми промежностями? Где Мишка? Я сейчас его удавлю! — Надька ринулась искать своего бывшего мужа.

— Меня зовут Ли Хайсянь. Художественная академия Пекинского университета. А вы Вадим? Приятно познакомиться! — Я чётко следовала заготовленной подругами легенде. — «Бейда» выразил интерес к творчеству мадам Дельфининой. Так мы и познакомились. Я буду представлять её интересы на выставке.

— Знаешь, Вадик, — грозно бросила вернувшаяся Надька, — я ещё подумаю, отчислять ли тебе с продаж картин пятьдесят процентов. У своих тараканов бесплатных бери! Уму непостижимо: Мишка, идиот, думал, что ты ему по дружбе всё это организуешь, вот и не смог с тобой спорить. Ли, пойдём, фуршет проконтролируем. Знаю я этих, талантливых и вечно голодных, — всё сожрут.

В отдельной комнате были накрыты столы. Вино, канапе, сырное ассорти, мясная нарезка. Внезапно появившаяся Андре лучилась довольством. Оформление закусок потрясло воображение — сплошные женские груди и полупопия из сыра и ветчины. Да, девочки из клуба «Грешницы» постарались... Взгляд упал на рыбную нарезку — о господи, натурализм полный. Надька изумлённо рассматривала закуски «сиси-писи». Довольная Андре выдала Надин и мне по бокалу с вином и бутерброду. Хорошо ещё — в форме сердца.

Не знаю, как бы я откусывала от ягодич, пусть и ветчинно-сырных.

— Ну и как тебе это, Лейк? — Обалдевшая Надька оторвалась от разглядывания столов.

— Здорово...

— Ты о чем?

— О твоих туфлях.

— Ох, Лейка, пойдём лучше по выставке побродим.

Мы двинулись по залу. В его центре на сцене завывала девица, стилизованная под Пиаф. Множество букетов создавали настроение праздника. Я начала рассказывать Надьке о том, что слышала в салоне красоты, но меня перебили.

— Надин! Ты, как всегда, очаровательна!

— О, Борис, привет-привет. Как тебе мой триптих? — подруга пыталась живописного авторитета Бурдюкова.

— У меня бывают такие же стрёмные картины. — Авторитет, покачиваясь на каблуках, вглядывался в полотна триптиха. — Они пишутся, когда в голове пустота. Кот совсем лишний, глаза у покойника не прорисованы. И потом, разве так бы выглядел труп после хакари? Кишечник не может быть бескровным, перламутровым. Полное отсутствие натурализма. Даже не стилизация — лубок. Тебе ещё разок в академию надо — последние навыки растеряла...

Мне-то как раз показалось, что натурализма слишком много — я со скрытым ужасом рассматривала триптих. Надька с фотографической точностью воспроизвела и ненашего Стаса, и Мыша.

Надин побагровела:

— Говорят, ты готовишь выставку нового искусства?

— Да. Хочу назвать её: «Вождь и пассажиры».

— «Вошь и пассажиры»? — ехидно переспросила Надин.

Авторитет сверкнул глазами, повторил:

— «Вождь и пассажиры»! Впереди состава мой портрет, а следом картины авторов, причем все одного размера — как окошки вагонов.

— А если у кого-то картина чуть больше? — обалдела Надька.

— Чуть больше нельзя. И рисовать надо только акварелью.

— А что, если у меня пастель и темпера?

— Не пойдет! А вот весеннюю выставку мы назовём «Монстры на марше».

Надин не стерпела:

— Кто это мы? Бурдюк, мы все самостоятельные личности и собрались не для того, чтобы писать картины одинакового размера. Я в выставке с названием «Монстры на марше» не участвую!

Поглядеть — картина, а послушать — животина.

Русская пословица

Основное торжество началось с приездом телевидения и губернатора Мультивенко. Городское начальство надрывалось у микрофона:

— Настало время бороться с надкроватной живописью и коммерческими натюрмортиками!

— За так называемым новаторством кроется отсутствие навыков рисования! — Вторили профессора академии.

У картин — бродили, болтали, бурлили.

— Это полуреализм...

— Это полиреализм...

— Возможно, возможно...

После торжественных речей предложили отвлечься на зарисовки с натуры...

Из-за ширмы вывели девушку. Натурщица застыла на подиуме. Звериная шкура слегка прикрывала её чресла. Художники — на полу, на скамейках и стоя — сгрудились вокруг обнажёнки. Заскрипели карандаши, зашелестела бумага.

Надин пристроилась к виду сзади и порывисто набрасывала попу, бедра.

— Лейка, смотри, как она женскую натуру любит... — просипела Андре.

— Ревнуешь?

— К этой-то? Да у неё и сисек нет. Так, мне пора — через пять минут мой выход.

Жизнелюбие, женолобие, любовь к горячительному красноречиво отражались на лицах участников выставки. Появление на сцене Андре вызвало шквал аплодисментов.

— Дорогие мои, как же я рада быть здесь! Надин Дельфинина — настоящее культурное событие! Я очень люблю эту художницу. Она — живой классик. И чтобы поддержать наше дарование, публично заявляю: я покупаю те роскошные «Ирисы» за пять тысяч евро.

Зал после слов Андре взорвался аплодисментами.

— Вот зараза, всё себе на пользу повернёт, — ядовито прошипела мне на ухо Надька. — «Ирисы» бесплатно выцыганила, и ещё себе рекламу сделала.

— Надь, она же для тебя старается, — я, как всегда, пыталась примирить подруг. — Андре чуткая и отзывчивая. Хотя, знаешь, похоже, насчёт Мыша...

— И, по просьбе мадам Дельфининой, сообщаю, что все вопросы с покупкой картин можно решить во-о-он у той роскошной девушки, которая сейчас рядом с Надин. — Андре махнула в нашу сторону рукой. Зал, как по команде, повернулся.

— Дамы и господа, представитель китайской академии Ли... — Андре замаялась, мучительно пытаюсь вспомнить «мое» имя, — ээээ, Ли Хуйсунь.

Мы с Надькой ошарашенно посмотрели друг на друга. Я не выдержала:

— Что я там говорила про чуткую и отзывчивую? Забудь, Надь. Стерва она, каких свет не видывал! Значит, я теперь Хуйсунь? Слава богу, что только на сегодняшний вечер. Бедная моя китайская бабушка, хорошо, не дожила до этого позора.

Надька истерически заржала. Раздались первые такты новой песни Андре.

— И чтобы поздравить мадам Надин с ошеломляющим успехом, — продолжала вещать

стерва Анька в микрофон, — я специально написала для неё песню.

Андре вдруг без перехода выдала джазовую вставку в стиле Герды:

И раз, два, три
— ты повтори.
Но вот когда —
Когда четыре:
Бокал дайкири —
И харакири...

Зал взорвался. Публика начала подпевать. Чума по имени Андре провоцировала и заводила со страшной силой.

— Надь, когда она успела? — Я ошеломлённо слушала простенький, но очень красивый, чем-то напоминающий «Зеленый изумруд» хит Андре. То, что песня станет хитом, было понятно даже мне. — Я же ей всего дня три назад ляпнула про дайкири.

— Вообще-то эта гадюка, наша подружка, довольно талантлива. — Прибабахнутая двукратным повтором обращения «мадам», Надин кипела злостью на Андре. — Вчера мы с ней ездили в студию. Так она за два часа всё записала. Тока вот тут у вас промашечка вышла: правильно говорить дайкири́. Ударение на последний слог. Я точно знаю — этот коктейль старик Хемингуэй обожал. Хотя после хита Андре вся страна теперь будет теперь говорить дайки́ри.

Во всём, что касается спиртного, с Надькой спорить бесполезно. Её авторитет в этой области признала даже парижская богема. Надо же мне было так проколоться. Кстати, о проколах:

— Слушай, я хотела тебе сказать, что Андре... — Но меня опять перебили.

Надин по необходимости общалась с подходящими коллегами. Её хвалили, поздравляли. Но сегодняшний успех необычен — над залом парил триптих с убитым. С ненашим Стасом справа. В центре — наш Стас. У-у-у, бабник... И ведь не появляется до сих пор. Правильно Надька назвала картину: «Суши как гейши». Справа — с тем же ножом, который был на левой части триптиха (полотно «Убийство кота в восточном стиле»), разлётся ненаш Стас. Название «Сепука для неизвестного любителя суши» звучало мрачным пророчеством. Складывалось ощущение, что всё совершилось именно в суши-баре: на левой и на правой частях триптиха стол, за которым сидел наш Стас, обрывался. Получалась гнетуще пробивающаяся панорама. Кто-то ест, кто-то уже никогда... Общее название триптиха «Красота по-японски» ставило в тупик.

— Гвоздь выставки. Висит на лучшем месте, — говорили Надьке.

Обычно Надин жаловалась: вот мои картины тыкают между первым и вторым этажом, в пролете. А тут: персональная (ну почти) выставка, ключевая позиция, в центре зала...

Корреспондент телеканала «101», улыбаясь, подошел к Надьке, державшей в руке пять желтых гвоздичек:

— Цветочки-то чего не подарили Мультивенко?

— С какой стати? — подскочила Андре. — Их подарили ей! Она здесь главная художница! — возмутилась Анька и указала на триптих. — Тебя по благу на лучшем месте повесили? — подколола подруга-злопыхательница.

— Да, я офигенно проплачиваю за это, — прищурилась Надин. — Ты постаралась, подруга. Целых три картины...

— Триптих впечатляет, — пробормотал журналист, снимая детали картины на камеру. — Что вы хотели выразить этим произведением?

Надька собралась ответить, но мужчину резко дёрнул и утащил за свитер её экс-супруг. Уже наклюкавшийся Михаил широко размахивал руками и требовал осветить по телевидению его новый цикл обнаженной женской натуры — «Брахмапутра и Ганг». Мельком глянув на Мишкины картины, я оценила бронебойную силу искусства. Зря я, наивная, думала, что фуршет «сиси-писи» самый страшный ужас здесь.

— Тьфу! — злилась Надька на бывшего. — Малюет бабам кирпично-коричневые груди, наворачивает круги. Натирает промежность — там по его замыслу общее русло Брахмапутры и Ганга. Трёт между ног, трёт...

— Как две реки впадают в Бенгальский залив и образуют эстуарий... Так и в этой промежности мы видим затопляемое устье, воронкообразное устье, расширяющееся в сторону моря... — вещал Миша корреспонденту, показывая на коричневые разводы между бедер своей Данаи...

— ...скоро дырка на холсте будет. Утром встаёт — трёт ей промежность, ночью трёт как одержимый! У бабы писька уже до колен свисает. — Надька не успокаивалась. — Спрашиваю: ну где ты таких тёток видел? И знаешь, что он отвечает: «У Петропавловской крепости, на пляже...»

Я давилась от смеха, а подруга распалялась:

— Раньше у него тётки хоть с головой были — правда, только затылки, а теперь он их рисует совсем без головы. Одни кирпичные туши. И жопы плоские, коричневые. Как коровьи лепёшки. Развешивает их дома, в узком коридоре — слава богу, почти не видно.

— Надь, а это муж с тебя рисовал, да? — Андре показала на огромную, жирную туземку с хищным ртом и перевернутым вулканом внизу живота.

— Ага, как две капли воды похожи. Только у меня между ног с золотой каёмкой и шерсти больше! — Рассвирепевшая худенькая Надька чуть не сбила с ног плотного седовласого мужчину, похожего на губернатора города.

— Вы автор триптиха? — спросил тот.

— Да.

— Мне нравится эта работа, и я не буду торговаться. Сколько?

Мы с Андре замерли, почувствовав запах больших денег.

— А вот как раз Ли Хуйсунь тут, — вредная Надька злорадно ткнула в меня пальцем, — и с ней можно обговорить все подробности.

— Ну ты и дура! Это же сам Александр Мульгивенко, губернатор! — услышала я сдавленный шёпот Андре, удаляясь вместе с мужчиной и двумя парнями в чёрном. И я другими глазами посмотрела на отца моего случайного любовника.

Чтобы исполнилось твое самое заветное желание...

Древнекитайское проклятие

Пока я возле специально оборудованного стола рядом с сейфом трясущимся от волнения голосом (ведь не каждый день общаешься с губернатором, да ещё и отцом твоего любовника) доносила до Александра Мультивенко идиотскую идею про необычный аукцион, к нам подошёл средних лет мужчина с ярко выраженной внешностью жителя Страны восходящего солнца и что-то спросил. Японский мне не давался никогда. Ответив на английском, я поймала недоумённый взгляд. Не принёс успеха и русский, ни тем более китайский. Губернатор с интересом наблюдал за происходящим, охрана скучала, я начинала нервничать. Видимо, из-за полной безнадёжности ситуации, не иначе, я вдруг спросила по-французски:

— *Quest ce que vous voulez?*^[3]

О чудо! Японец свободно трещал по-французски — почти с гасконским акцентом, забавно рыча.

— Александр Владимирович, вот незадача, — повернулась я к Мультивенко. — Этот товарищ тоже желает приобрести картины. Говорит, в жизни не видел, чтобы дух самурая был передан столь точно. Выход один: кто больше предложит — того и триптих.

Губернатор посмотрел на меня, потом на японца. И вдруг предложил:

— А давайте я сам с ним договорюсь? Кстати, у вас отличное произношение, и английское, и французское. Китайского не знаю, извините.

Губернатор вдруг заговорил с конкурентом на японском. Я в полном обалдении слушала лающие, отрывистые слова, вглядываясь в лица. Наконец японец коротко поклонился и отошёл.

— Запишите: тридцать пять тысяч евро, Александр Мультивенко, триптих «Красота по-японски».

По-моему, даже парней из охраны покинула их вечная невозмутимость. Вон как лица вытянулись.

— Александр Владимирович, я не ослышалась? Стартовая цена за триптих — девять тысяч евро.

— Ну, ради такой красивой и, что главное, умной девушки можно и пострадать материально.

У Александра Владимировича была такая знакомая улыбка Ричарда Ги́ра. Причем улыбка отца не уступала по силе обаяния Стасовой.

— И потом, всё-таки что-то знакомое есть в этих картинах. Кстати, хотелось бы знать, как вас зовут по-настоящему. Для того чтобы понять, что Ли не может быть именем, даже моих небольших познаний о культуре Китая хватает.

— Хорошо, я скажу, — улыбнулась я Мультивенко-старшему. С ним было почему-то удивительно легко. — Но только после того, как вы откроете свою тайну. Как вам удалось так быстро договориться с японским товарищем?

— Ну, я представился по всем правилам, и он обязан был сделать то же самое, учитывая, что я старше его. После чего спросил, что ему дороже — триптих или бизнес в моём

городе. — Увидев, как вытянулось моё лицо, Александр Владимирович расхохотался. — Шучу. Я невзначай поинтересовался, какую предельную цену он готов заплатить. И предупредил, что всё равно добавлю сверху. А потом просто сказал, что на картине в центре — мой сын, и у меня семейный интерес. У японцев очень сильны родственные узы. Так как вас зовут? Я редко ошибаюсь в людях, и что-то мне подсказывает, что мы ещё обязательно встретимся. Как-то не хочется называть нецензурным псевдонимом такую очаровательную девушку.

Каждому шуту нравится его побрякушка.

Испанская пословица

После губернатора ко мне выстроилась очередь его заместителей и прочих чиновников, бизнесменов. Вот уж не думала, что у нас столько ценителей Надькиной живописи. Каждый хотел приобрести пусть даже совсем маленькое полотно.

— Как изысканно! Мидии нарисованы потрясающе. Так и хочется съесть. — Я ошалело взглянула на грузного вспотевшего мужчину в дорогом костюме, желающего приобрести Надькины «Мидии». Неужели у человека так плохо со вкусом?

Этот рисованный «страх божий» провалялся у подруги в мастерской лет семь. Как сейчас помню: пока Надька ваяла с натуры эти дары моря («свежайшие, ещё пищат», как выразились при доставке), они успели не только благополучно скончаться на блюде, но и протухнуть. Отвратительно-рвотный запах пропитал мастерскую надолго. Даже по прошествии нескольких лет при одном взгляде на полотно я вновь ощущала ту запредельную вонь. Ужас, а не картина. Но Надьке я, естественно, этого не говорила. Как и покупателю. А он тем временем, взяв меня влажной ладонью за руку, масляно поблёскивая маленькими глазками, продолжал:

— Запишите две тысячи евро. Телюк Марк Анатольевич, первый заместитель губернатора, руководитель комплекса градостроительной политики и строительства Санкт-Петербурга. Может быть, мы могли бы продолжить наше знакомство в более уютном местечке?

Меня передёрнуло. Нет, я нормально отношусь к толстым мужчинам. Но вот было что-то сладострастно-гадское в ужимках и манерах Телюка. Его глазки-бусинки смотрели на меня, как на мидии. Казалось, что я заинтересовала Марка Анатольевича не как женщина, а, скорее, в гастрономическом плане. Постаравшись побыстрее отделаться от неприятного типа, я украдкой вытерла руку о джинсы. Ощущение какой-то сальности и грязи жгло кожу и душу.

— Что тут было? Что Мультивенко сказал? — просочившийся через толпу Вадим оттеснил Телюка.

— Ну, Александр Владимирович приобрёл триптих, который вам не понравился, — съехидничала я. — За тридцать пять тысяч евро.

Вадим остоленел. В очереди прекратились разговоры.

— А что, я же говорил — шедевр. Надин Дельфинина — наш талант. Самородок. Гений. Александр Владимирович очень хорошо разбирается в живописи, — директор арт-галереи повысил голос. (Вот ведь лизоблюд! Критиковал же триптих.) Вадим, оглядывая количество потенциальных покупателей, промокнул платком испарину на лбу. — Я сейчас вам на помощь своих ребят пришлю. Не думал, что Надя, пардон, Надин Дельфинина окажется настолько востребованной.

Я облегчённо вздохнула. И, дождавшись обещанной подмены, пошла искать подруг. Андре «окучивала» Зиновия Мурашко, заклятого друга и бывшего Надькиного ухажёра-критика.

— А вот и Лей... Ли Хуйсунь, познакомьтесь, — Анька взяла под руку Замурашку, чьи

сальные глазки постоянно соскальзывали в декольте платья Андре. — Ли — большой знаток живописи, представляет Пекинский университет. Ли, как вам моя новая песня?

— Картины Надин Дельфининой действительно... — начав по инерции заготовленный текст, я резко остановилась. — Песня отличная, только ударение в слове дайкири неправильное. — Я не смогла удержаться от мелкой шпильки в адрес стервозной подруги. — И кто вам только тексты пишет?

Анька задохнулась от возмущения, но тем не менее «держала лицо»:

— Зиновий, вот видишь, даже Пекинский университет оценил творчество Надин. Принеси мне, пожалуйста, вина — что-то в горле пересохло.

З. Мурашко потрусил за бокалами. Анька из грозного критика современного искусства вила верёвки.

— Лейка, а Мультивенко правда триптих купил?

Я только кивнула. Чем-то вся эта ситуация мне не нравилась, казалась неправильной. Возможно — предчувствие. Интуиция меня редко подводит.

— О, а вот и Храм. Рядом с Мультивенко. Надо же, пришёл. Я думала, проигнорирует, — как-то неестественно затараторила вдруг Андре. — Сюда идёт, зараза.

— Ну, Андреечка, ты сама себя сегодня переплюнула, умница! — глубокий сексуально-хриплый баритон подошедшего к нам мужчины полностью гармонировал с его внешностью. Храм был не просто хорош собой, а красив как отпетые мерзавцы из латиноамериканских сериалов, которых я не переносила на дух. Подкачанная фигура, дорогой костюм, сбивающий с ног горьковатый парфюм с послевкусием сандалового дерева. Ослепительно-белые зубы, хищный нос с горбинкой, загорелое лицо. От Храма сочились сексуальные флюиды. Общее впечатление портил взгляд: оценивающе-давящий, льдисто-холодный.

— Рад знакомству, Лия. Андре про вас много рассказывала. У меня предложение, от которого вы не сможете отказаться. Я оценил находку с дайкири и предлагаю вам попробовать написать пару текстов для группы «Сверкающие». Давайте встретимся в неформальной обстановке, у Андре есть мои контакты.

В этот момент я перевела взгляд на Аньку. Её лицо казалось застывшей маской. Приклеенная улыбка, ужас в глазах. Так, не ладно что-то в датском королевстве, надо будет как следует допросить подругу...

— Вот и наш знаменитый критик Мурашко. — Храм знал всех и вся. — Не буду вам мешать. Андре, позвони мне, когда освободишься.

Замурашка с Анькой погрузились в обсуждение закулисных тонкостей современной поп-эстрады, а я поплелась искать Надин. Вечер и не думал заканчиваться, перетекая в глубокую ночь. Как же устали ноги на высоких шпильках. Сил нет, домой хочется, и настроение почему-то совершенно ни к чёрту.

Всегда прощайте ваших врагов, ничто не раздражает их больше.

Английская пословица

— Мам... М-а-а-м... Ма-а-а-м!

От въедливого голоса сына невозможно было укрыться. Идиотская реклама сока прижилась в нашей семье. Убить бы того, кто её придумал.

— С добрым утром, мамочка, — Аврашка весело тормозил меня. — Тебе тётя Надин звонит. Возьмёшь трубку? Да, и поздравь: меня зачислили на компьютерный дизайн, только что вывесили результаты на сайте.

— Сын, это просто здорово! И... и попроси Надьку перезвонить часиков в двенадцать, что-то я совсем не выпалась.

— В двенадцать ночи? — хихикнул Аврашка. — Уже третий час дня. Хорошо, видно, вчера погуляли.

Я судорожно разлепила глаза — ничего себе проспала! Сын снисходительно сунул мне телефонную трубку. И пришлось тут же отодвинуть её подальше от уха.

— ...перемать твою через коромысло! Ну что, проснулась наконец? А я ещё не ложились, к твоему сведению!

Вот умеет же Надька не просто орать, а... ммм... художественно выражаться.

— Надь, ну что ты орё... Ладно, приезжай. — Борьба с бешеным напором подруги было бесполезно.

Так, что у нас сегодня по плану из неприятностей, кроме поругавшейся с мужем и свекровью Надин?

Зевая, я пошла в комнату к сыну, желая поздравить его с поступлением как следует. Ага, опять он автодизайном занимается.

Авраша был прирожденным стилистом — мог часами подбирать носки под шорты, шорты под кепку и, если гармонии не наблюдалось, предпочитал лучше остаться дома, чем позорить древний род отсутствием стиля. Однако по большей части устраивающий дизайн складывался, гель вкупе с дезодорантом довершали формирование образа. Кроме внешности Авраам старался подавать сестре и брату пример в поведении — хорошо учился, не курил, не пил, плавал в бассейне и читал в год по одной солидной книге типа «Мастера и Маргариты».

Перебросившись с сыном парой слов, я с лёгким сердцем отпустила его праздновать вместе с друзьями поступление в институт. Дети в компании подобрались приличные — ЕГЭ сдали, на «бюджет» попали. Так что усну сегодня спокойно, Авраша среди своих, — сын честно предупредил, что вернётся поздно.

Но не успела допить свежесваренный кофе (растворимый давно закончился), как явилась Надин. Быстро же она добралась. Видно, совсем её достали бывшие родственники.

Надька сбросила свои восточные туфли с загнутыми носами у входной двери.

— Лейка, это кофе пахнет? Наливай быстро...

Пока я варила в турке кофе для подруги, её телефон постоянно вибрировал. Надька изливала мне душу, жалуясь на горькую судьбу и экс-свекровь. Надька поискала глазами пепельницу: я по привычке подставила ей пивной литровый бокал.

— ...я же не виновата, что ни одна Мишкина картина не продалась. А он, скотина такая, напился вчера в дупель и во всём меня обвинил. Когда я пришла домой, началось ледовое побоище. Чужой против хищника прямо. Свекровка мои вещи начала вышвыривать, зараза. Орала, что я её сыну жизнь искалечила, карьеру испортила.

— Поживи у меня. И успокойся. Вроде всё неплохо вчера...

Тут зазвенел уже мой телефон. Надо же, и про меня вспомнили.

— Что? Она у меня... Нет, не смотрели ничего... Приезжай, конечно. — Вздохнув, я нажала кнопку «отбоя» на мобильном. — Анька где-то рядом, сейчас зайдёт. Ругается, что ты трубку не берешь.

— Да надоели все. Как прорвало — с утра трезвонят. «Ах, какой успех! Ах, а правда, что сам Мультивенко вашу картину купил?» Тьфу!

— Ну так выключи телефон, в чём проблема?

— Мне Вадим должен звякнуть и деньги за проданные картины привезти. Мы вчера с ним договорились. А он не звонит чего-то. Я бабло у тебя оставлю, ладно? А то Людмила Эрнестовна быстро ему применение найдёт. Вечно по моим вещам шарит, мать её за ногу. И налей мне, наконец, кофе.

Мы как по команде посмотрели на залитую ароматной пеной электрическую плиту. Так, теперь ещё и её оттирать.

Раздался звонок в дверь. Открыв, я остолбенело уставилась на Аньку и Вадима «Боже, — мелькнула шальная мысль, — халату сто лет в обед, и я даже ещё и не умывалась. Да, не забыть помыть плиту».

Ваше благополучие зависит от ваших собственных решений.

Д. Рокфеллер

Через десять минут, передав пакет и галантно попрощавшись с Андре и Надин, Вадим ушёл, не сказав мне ни слова.

— Лейк, он тебя без парика не узнал, — хихикнула Анька. — Или ты спросонья такая страшная? Ну, девочки, вскрываем? Сколько мы вчера заработали?

— Чегой-то «мы»?! — взвилась Надька. — Ты давай не примазывайся!

— Вот как? — процедила с прищуром Андре. — Значит, расклад такой. Лейке — двадцать процентов как администратору, — спорить будешь?

Надин вздохнула — крыть было нечем. Уговаривая меня на роль администратора, она сама озвучила этот процент. А злобедная Анька продолжала:

— Мне за моё выступление, так и быть, по-дружески, пять тысяч евриков. Заметь, не десять, как всегда. Плюс расходы на каталог и фуршет. Далее. Процентом десять от общей суммы — как устроителю всего дела. Плюс за мою идею с аукционом десять процентов от проданного сверх цены по каталогу.

У Надьки затряслось левое веко. Увидев, что подруга набирает побольше воздуха, я бросилась грудью на амбразуру:

— Да ничего мне не надо, Надь, успокойся! Анька шутит. Ань — ну скажи.

— Вот совсем не шучу! — фыркнула Андре. — Что, Лятрекша, жаба задавила? Ладно тогда давай делить по справедливости.

— Ань, не будь стервой. Мне не жалко. — Надька тоскливо стряхнула пепел в литровый стеклянный бокал. — Просто ты не знаешь, сколько сил вкладывается в одну картину. От души кусок отрезаешь. Это ты попрыгала полчаса по сцене — и деньги срубила.

— Попрыгала, говоришь? — Андре потеряла дар речи. — А ты не задумывалась, подруга, сколько денег нужно для сценических костюмов, записей фонограмм, фотосессий, проплаты рекламы? А ещё и простои бывают...

— Да понимаю я всё, отцепись.

— Ну, смотри. Ты же готова была продать свои картинки по каталожным ценам, да? Вот и давай всё, что сверх того, разделим на троих. А фуршет и каталог оплачиваешь ты. Справедливо? Тогда вскрывай пакет.

Андре и я с нетерпением ждали, пока Надин достанет опись и расчётный лист.

— Ничего себе! — вдруг заорала художница. — Анька, Лейка, вчера продались двенадцать моих картин! Даже «Мидии» какой-то придурок купил. Ещё за четыре полотна внесена предоплата. Общая сумма, без авансов, за вычетом Вадькиных комиссионных, семьдесят девять тысяч евро. Нехило! Один Вадик заработал за вечер больше сорока штук еврозеленью.

Мы остолбенело переглянулись. Анька, выхватив листок, стала производить какие-то подсчёты.

— Да, «Мидии» твой купил Телюк — первый зам Мультивенко, по строительству вроде. Придурок, действительно...

Слава богу, Надька в порыве эйфории не обратила внимания на мой ляп. Андре же

понимающе ухмыльнулась, не отрываясь от сложных расчётов. Я же, ошарашенная космической суммой, вдруг спросила у Надин:

— А что значит «предоплата»?

— Иногда богатые люди берут картину на пробу, — лучилась оптимизмом Надька. — Посмотреть, впишется или не впишется в интерьер. Вносят залог. А дальше — по-разному. Могут купить, могут вернуть. Ну, что там, Ань?

— Получается... Получается, что ты на своих кулях-мулях по прайсу сорок одну тысячу евро заколотила. Всё остальное — сверх. То есть нам с Лейкой — по ммм... тринадцать штук. Ты ж не будешь из-за полсотни спорить? Вот и умница, кисюнь. Тебе и так причитается пятьдесят три тысячи. Неплохо. Может, и мне начать рисовать? А что, Замурашка теперь мой лучший друг.

Я замерла. Тринадцать тысяч евро? За одну ночь? В голове не укладывалось. Я и денег-то таких никогда в руках не держала.

— Конечно, львиная доля — за триптих, — продолжала ехидничать Анька. — Но и моя идея насчёт аукциона сработала. А вы говорили: «Так не делается, бред...» Давай, подруга, отстёгивай капусту, теперь до осени продержимся. И кстати, Надь, вокруг твоей выставки — буря в прессе. Народ орёт, что она — главное культурное событие лета. Ничего, к вечеру ещё выйдет «Культурная Нева», там и Замурашка масла подольёт в огонь, он мне обе...

Резкая трель прервала Анькины рассуждения. Андре осеклась на полуслове, затем как-то растерянно взяла мобильный телефон.

— Да, я помню... Храм, я вчера была никакосовая, извини... Хорошо, поговорю с ней. Но она без Надин, скорее всего, откажется встречаться. Через час? Хорошо, будем.

Анька мученически посмотрела на нас. А я вдруг вспомнила, что так и не успела рассказать Надьке про салон и свои подозрения.

— Ну, чего твой Храм от тебя хотел? Не нравится он мне, Ань, хоть убей. — Надька методично пересчитывала деньги из трёх пачек.

— Лейк, ты помнишь вчерашний разговор? — Андре закурила Надькину сигарету. — Так вот, через час встречаемся с Храмом в кафе. Надь, ты идёшь с нами. Что-о-о? Ну тогда отсыпайся, миллионерша, мы с Лейкой сами справимся... Давай, Лейк, ноги в руки. Накладывай по быстрому боевую раскраску. О, знакомая пепельница. Хоть что-то в этом доме не меняется. — Подруга стряхнула пепел в литровый литой бокал Мечика.

Успех — это успеть!

Марина Цветаева

— Ань, давай вызовем такси?

Раскрашенная, я стояла в прихожей, глядя на визитку самого дешевого такси в районе. Такси — моя тайная слабость, моя единственная прихоть и услада в загнанной обыденности. Как приятно услышать по телефону: «У вас будет “пежо-купе”. Пять минуточек». Или: «Черный “форд”». Три минутки».

Если кучей набиться в салон вместе со всеми детьми, то ехать дешевле, чем на маршрутке. Но дело даже не в деньгах, а в кайфе. «У вас будет желтая “дэу”. Через пару минут». Будет. На четыре километра. Это ли не радость?

Я ничего не понимаю в машинах. У моего папы был «москвич», иномарки для меня просто красивые тачки, различающиеся степенью блеска. Мне ничего не говорят их технические данные. И внешность водителя за рулем для меня важнее качества двигателя.

Я не осведомлена про цены на бензин и прочее, владельческие заботы мне чужды. Моя роль — красиво открыть дверцу и шлепнуться на переднее сиденье.

— Вам куда?

— В музыкальную школу...

Это понт — ездить в музыкальную школу на такси. Водители удивляются. И возле музыкалки принципиально не находят сдачи. Зато когда в больницу или на кладбище, никто не удивлён и сдача наготове. Делаю вывод: фраза «Наши люди в булочную на такси не ездят» неистребима в сознании советского гражданина. А я люблю ездить на такси в булочную. И в аптеку. И на рынок. Машина для меня — роскошь, а не средство передвижения.

И не обязательно заниматься сексом в салоне или целоваться на заднем сиденье, удовольствие и так присутствует. Когда спускаюсь по лестнице, зная, что у подъезда меня ждёт серебристая «мазда», я чувствую себя королевой в «шумном платье муаровом», пусть даже на мне задрипанная куртчонка.

— Куда едем? — спросит шофёр, зная точный адрес от диспетчера. Но ритуалы прочно въедаются в кровь.

— В салон красоты на Народной.

Возле салона томно выхожу, расплачиваюсь и топаю, куда и собиралась — в овощной подвал за картошкой. Но настроение ещё долго переливается — серебристым...

Всё это я не стала рассказывать Аньке — она бы не поняла. Но на такси согласилась сразу:

— А как иначе, пешком, что ли? Лейка, давай быстрее, опаздываем!

Анька заметно нервничала перед встречей с Храмом. А я, неожиданно раскрепостившись, крутилась перед зеркалом, думая о том, какие вкусности мы закажем в кафе и как здорово гель держит прическу...

Нам с Анькой подали алую «ауди», в уютном салоне которой на полную катушку гремел хит Тима Бёртона «Труп невесты». Под этот аккомпанемент мы и поехали. Андре, подпевая Хелене Бонем Картер, явно думала о чём-то своём.

Предателем может стать лишь свой!

Русская пословица

Храм нас ждал в недавно открывшемся спортбаре около станции метро «Невский проспект» за крайним столиком.

«Здесь рядом дом Стаса», — некстати подумалось мне. Воспоминания о потрясающей ночи любви изрядно подретушировались последними событиями, оставив кисловатый привкус на губах.

— Девушки, что будем пить? Андреечка, тебе, как всегда, абсент? — Храм в чёрной майке, обтягивающей мускулистую грудь, ослепительно улыбался. — Лия, а без парика вам даже лучше. Моложе лет на пять. Может, перейдём на «ты»?

— Угу. — Я сосредоточилась на винной карте, совершенно не понимая причины повышенного внимания ко мне со стороны этого ослепительного самца.

— Лия, ты что будешь пить? У меня к тебе деловое предложение. — Взгляд Храма резко контрастировал с его чарующе любезным, с хрипотцой, голосом.

— Оглушительный успех! Нашему корреспонденту удалось побывать на главном культурном событии этого лета. — На большом экране, расположенном в центре спортбара почти под потолком, стали мелькать кадры, снятые на вчерашней выставке. — Также событием стал новый хит популярной певицы Мадемуазель Андре...

Анька равнодушно рассматривала себя на экране. Храм загадочно улыбался.

— Надо срочно садиться на диету, а то французские ручки появляются, — вдруг бросила Андре, оценив своё телевизионное альтерэго. — А в целом ничего, с абсентом потянет. Храм, сюда подтанцовку нужно — пару ребят в кимоно.

— Андреечка, посмотрим. Надо послушать студийную «сведёнку» и подумать. Давай лучше поговорим о предложении для Лии. Да, Лия, забыл сказать. Я ведь с тобой уже заочно знаком — мне Стас Мультивенко про тебя говорил. Про красоту и талант. Вижу, он ничуть не преувеличил.

У меня замерло сердце. Вот оно, главное. Дура я наивная, купилась на какие-то тексты для песен. Храм, понизив голос, почти интимно продолжил, глядя мне в глаза:

— Стас тебе случайно не передавал диск или дискету? Он сейчас в Москве, закрутился перед отъездом, не помнит, куда дел нужный файл. Просил у тебя узнать.

Андре, не отрываясь, смотрела репортаж о футболе на траве. Вот уж не знала, что она так любит спорт. В кармане у Храма вдруг резко запищал телефон. Он, извинившись, встал из-за стола и вышел из бара.

— Ну и что всё это значит, Ань? — Я в ужасе рассматривала застывшее в непонятной гримасе лицо лучшей подруги.

— Лейк, прости, он меня просто продавил. — Оправдываясь, Анька мученически взглянула на меня. — У них свои дела со Стасом, я не лезу. Храм просил узнать, не передавал ли тебе Мультивенко какие-то файлы. Я отказалась, Андрей пригрозил, что не перепишет на меня квартиру. И я ему объяснила, что скорее Надьке, чем тебе, Стас мог что-то оставить. Но Храм настаивал. Потому и пришлось встречаться.

— Ань, скажи мне честно, Мыша ты зарезала? — я в ужасе слушала подругу.

— Значит, страз всё-таки в мастерской отвалился. Не зря вы обе так тщательно мои коготочки пытались рассмотреть. — Вздохнув, Андре закурила. — Ты в салоне красоты поняла?

Я, окаменев, молча смотрела на подругу. Почему-то безумно болели глаза.

— Лейк, послушай меня внимательно. Я много чего плохого в своей жизни делала, но никогда не предавала, не скатывалась до подлости. И убить кого-то физически не смогу. Разве что Надьку — на словах. Уж больно она невыносимой бывает, когда про мужиков хвастает...

Мы улыбнулись сквозь слёзы. Я взахлёб начала рассказывать Аньке все мои подозрения и версии. Андре слушала с какой-то застывшей гримасой на лице.

— Не буду ничего Надин говорить. У неё и так куча подозрений. Теперь и меня в потенциальные киллерши засунула — из-за кинжала. — Я вздохнула, мучительно пытаюсь понять, правильно ли поступаю или совершаю чудовищную ошибку. — Что-то Храм долго гуляет.

— У него всегда так, постоянные дела. Слушай, Лейка, по поводу стихов: не отказывайся. Собьёшь с этого индюка хоть немного бабла, я тебе помогу. Тебе деньги нужны. О, вот и индюк возвращается, — Андре бросила взгляд за моё плечо.

Храм сел за стол, бросив стопку CD-дисков. Закурил, о чём-то стал разговаривать с Андре. Я внимательно посмотрела на своего потенциального работодателя. «Индюк» выглядел почему-то неважно. На покрасневшем лице проступил пот, голос слегка дрожит...

— ...Сведение плохое, наспех сляпано. Нужны мощные пачки бэков в бридже. Опевок почти нет, мелизматика полностью отсутствует... Вчера ты дала «живаго» и, как ни странно, хорошо всё сделала. Сейчас мне привезли разные варианты «плюса», прослушаю дома. Я бы ещё восточные мотивы обыграл. Можно пару остановок продумать... — Храм сыпал непонятными словами.

Андре раздувалась, как морской ёж, от несправедливой, по её мнению, критики.

— Ты так же говорил про «Изумруд», — Андре кипела от негодования. — И что, кто был прав? Сведёнку я тоже послушаю, но основное сделано правильно. И не переубеждай. Тут нужна хорошая попсовость. Лучше бы подумал, куда отдашь в ротацию.

— Ладно, чего спорить. Давай про текст, а то Лия заскучала. У меня к тебе предложение... — Храм вдруг успокоился, ослепительно улыбнувшись мне. Чем-то он напоминал моего третьего мужа. Возможно, бьющей до одурения сексуальностью.

Андре, ошетилившись, начала выбивать для меня максимально льготные условия. Их разговор сильно напоминал торг за кило помидоров на рынке. Сара Моисеевна вот так же торгуется — мне хватило одного совместного похода с бывшей свекровью за овощами.

— А я тебе говорю — пятьсот евро за текст «под ключ» — со всеми правками. Знаю я твои требования. Укатаешь Лейку — а она ещё дорога мне не как память. — Андре плавно повышала децибелы, переходя на свой особый, противно-скрипучий, тембр. Видимо, и Храм был хорошо знаком с этим тревожным сигналом, поскольку вдруг резко согласился. Вот непонятно, зачем Андре торгуется — у нас же и так огромное количество денег, от выставки.

— Всё, девочки, уже половина девятого, а в десять у меня встреча. Давайте я вас закину. Кому куда? — Храм, подозвав официанта, небрежно положил две тысячных купюры на стол. — Сдачи не надо.

Одного рака смерть красит.

Русская пословица

Пока мы ехали ко мне домой, я пыталась понять, что же так меня насторожило во время этой встречи. Андре, решившая заскочить ко мне в гости, язвительно комментировала промахи Храма-водителя. Он отшучивался.

Родная квартира встретила тёмной тишиной. Ну ладно, Аврашка ещё гуляет, под утро вернётся. Пусть оторвётся перед началом студенческой жизни. Но неужели Надин ещё спит? Включив в коридоре свет, я прошла на кухню, нащупала выключатель. Яркий свет ударил по сетчатке. Дико заорав, я замерла на месте. И Андре с Храмом, который тоже зачем-то поднялся, застыл у меня за спиной.

На светло-салатовом линолеуме (купен по дешёвке моей первой свекровью) лежала Надька, в луже крови. Бордовые дорожки тянулись вокруг худенького тела полосками-струйками, местами размазанными. Больше всего их было почему-то возле ног. Осколки, окурки и пепел создавали фантасмагорический ореол вокруг распростертого тела. Рядом валялась окровавленная пустая литровая бутылка коньяка «Ной» (из моей заначки, на случай прихода в гости подруг, прятала полгода назад и сама забыла где). То, что Надин мертва, в голове не укладывалось. Из глаз хлынули слёзы, я рванулась к подруге.

— Лия, стой! Ничего не трогать до приезда милиции. — Стальные интонации Храма затормозили меня.

Андре и Храм увели меня в комнату мальчишек.

— Надо вызвать «скорую»... — как заведённая, твердила я. — Надо вызвать «скорую». Надо...

— Лия, «скорая» Надин уже ничем не поможет. — Храм, вздохнув, закурил. — По-видимому, её ударили бутылкой по голове. Только понять не могу, почему окурки и пепел на полу?

— Лейка, ну как же так, а? — Анька тихо всхлипывала. — Не могу поверить. Не могу.

— Дамы, давайте решать, кто звонит в милицию. — Храм был неестественно спокоен, разве только побледнел немного. — Рано или поздно придётся её вызвать. Лия, ты хозяйка квартиры, решай. Я всё понимаю, но чем быстрее начнется расследование, тем быстрее найдут убийцу. И дай что-нибудь, куда стряхивать пепел, пожалуйста.

Смерть — это не самое худшее, что может произойти с человеком.

Платон

На одеревенелых ногах я потащила на кухню. Надин оценила бы получившуюся картину... Я с болью посмотрела на мёртвую подругу. Прижавшись к стенке, мелкими шагами просочилась к мойке, старательно обходя чудовищный натюрморт с лучшей подругой. Схватив чайное блюдце, я начала тем же макаронным пятительцем к выходу.

— Плохо-то мне как... Лейка, выключи свет, мешает, — раздался голос, и я в ужасе уставилась на заговорившую с закрытыми глазами Надьку. — И постель у тебя жёсткая. Всё болит, фиг выспишься.

Блюдце выпало из моих рук. Тут же в дверях нарисовались Андре и Храм.

— Ну, Лятрекша, на этот раз ты сама себя переплюнула! — Андре улыбалась сквозь слёзы. — Мы же уже похоронили тебя, идиотку. Надь, ещё раз тебя убьют — ни слезинки не пророню, уже оплакала один раз. Чего на кухне разлеглась, алкоголичка хренова? И откуда столько крови?

После получасового разбирательства выяснилось следующее.

Отправив нас с Андре на встречу с Храмом, Надин задумалась о том, куда спрятать деньги. Хорошо знакомая с моей семейной жизнью, Надька знала, что Сара Моисеевна не погнушается подобрать то, что плохо лежит. Открыв на кухне шкаф с крупами, моя подруга вдруг обнаружила за большим пакетом с гречкой мою записку — коньяк. (Надо же, мне в голову даже не пришло, что я туда его могла засунуть.) Совершив честный обмен коньяка на деньги, Надька решила принять дозу снотворного в виде алкоголя. Под коньяк хорошо курилось, и Надин предалась раздумьям о прошедшей выставке. Мечты о том, как будет морально убит Замарашка, переполняли художницу справедливым чувством торжества.

Коньячное снотворное постепенно перекочёвывало из бутылки в желудок. В какой-то момент Надин излишне размашисто стряхнула пепел в литровый бокал, и тот упал ей на большой палец ноги. Естественно, рассёк кожу ниже ногтя. Двое суток бессонного полёта и коньячная анестезия сделали своё дело — было не особо больно, но кровь лилась рекой. Прыгая на одной ноге, Надька зацепила недопитую бутылку коньяка, которая тоже свалилась. Коньяк потёк на линолеум. Надька, чертыхаясь, попробовала подобрать бутылку и поскользнулась. Следующее её воспоминание — как я зашла и взяла блюдце.

— Сотрясение, наверное. Головой ведь ударилась, — продолжала Надька. — Зато спать совсем не хочется.

Я, отмывая кухню, мрачно посматривала на подругу. Мало того что записку взяла без спроса, так ещё и намусорила тут. Вот зря я так убивалась по поводу её смерти — горбатого даже могила не исправит.

Храм, попрощавшись, ушёл, а мы с подругами до трёх часов ночи обсуждали события последних дней. Ни я, ни Андре ничего не рассказали Надьке про страза и Мыша. Да и не дало того было — тем для разговора хватало. Анька уехала только в четвёртом часу ночи, вспомнив, что у неё завтра важная встреча. Мы с Надин завалились спать.

Вино веселит, да от вина же и голова болит.

Русская пословица

Утром я сто раз пожалела, что так опрометчиво отпустила сына отмечать поступление в институт. Гламурная футболка валялась на полу возле туалета, а сам Авраша, скрючившись, стонал на кухонном диване.

— Ма-а-а-а, дай мне дедушкину кипу...

— Зачем?

Авраам нахлобучил шапочку и побежал в санузел.

— Что же ты такое выпил?

Ответом послужила новая порция рвоты.

— Или съел?

Аврамчика трясло, кипа не позволяла разметаться густым волосьям. После следующего рвотного акта двухметровый малыш рухнул на линолеум и слился с ним по цвету.

— Ма, зайди на сайт, где советы для тех, кто пьёт редко, но много...

Меня занесло на форум пьющих мужчин из города Хабаровска. Там я узнала, что *«смешивание напитков приводит к более тяжелым стадиям опьянения. Суть сего феномена с научной точки зрения не объяснить, но собственный опыт указывает, что так и есть»*.

— Что вы смешивали? И кто облевал твою футболку?

— Никто, я сам. И возле батареи тоже сам.

— Но вы же собирались культурно отдохнуть.

— А мы и сходили в кино, посмотрели «Одноклассниц». Извини, не могу громко говорить, тошнит. — Авраша обтёр подбородок. — Потом купались у Петропавловской крепости. Ребята вскладчину купили на четыре тысячи выпивки. Ой, меня сейчас опять прорвет...

В пятый раз выползая на карачках из туалета, Аврам наконец признался:

— После купания пошла к кому-то в гости и дальше ничего не помню. Витёк сказал, что мы с Пашей пили коньяк, потом упали оба. Паша на кровать, а я на пол. И просил отвезти меня домой. Кто-то вызвал такси... Ма, купи что-нибудь от тошноты. Не могу больше.

— А что?

— В аптеке знают...

— Вот — лучшее из доступного, — протянули мне в аптеке в окошечко.

Я прочитала: «Показания: острое отравление алкоголем и другими ядами».

Надин, едва увидев Аврашку, сразу полезла с советами.

— Пиво с коньяком? Ядерно. Лейка, марганцовка у тебя есть?

— Нет.

— Лимон?

— Нет.

— Тогда сделай слегка подсоленную воду и пусть её пьёт, а потом два пальца в рот. Когда очистится, горячий крепкий чай завари, с сахаром. И ни в коем случае не

опохмеляться!

— Ты что, дура? Он же ребенок. И ничего кроме шампанского раньше не пробовал.

— Какой ребенок! Не смеши. Раз пиво с коньяком смешивает, уже не ребенок. И вообще, пить вредно!

Кто бы говорил... Я с неудовольствием посмотрела на подругу:

— Знаешь, Надь, ага, согласна, очень вредно. Жаль, Аврашка тебя вчера вечером на кухне не увидел — на всю бы жизнь трезвенником стал.

Советы Надин после вчерашнего не вызвали у меня особого оптимизма. Поэтому я сбегала в подвальный магазин и всё-таки купила баночку пива на опохмелку. А еще свежую прессу для подруги.

— Хорошо, что брат с сестрой не видят мой позор, — стонал Авраша. — Какой я им пример подаю...

— Наоборот, плохо. Увидели бы — никогда бы так надираться не стали.

Я вздохнула, вспомнив не только о детях, но и о Надьке. Поставила возле Аврашиной кровати ведро и стакан воды. Подумала — ну вот и вырос сын, совсем как взрослый. А чем там, кстати, восставшая из мертвых подруга занимается?

Если ты не хочешь, чтобы на тебя каркали вороны, не лезь на колокольню.

Немецкая пословица

Надька, лёжа на кровати в моей комнате, лениво перелистывала газеты, иногда отпуская ехидные комментарии:

— Хм, в «Культурном Питере» всего три абзаца про мою выставку. «Главное событие этого лета... отметил своим присутствием губернатор... наша выдающаяся соотечественница, художница мирового уровня Надежда Дельфинина...» Вот уж о себе такого не знала! Замурашку точно инфаркт хватит.

Не зная, как сказать подруге, что статья З. А. Мурашко, посвященная персональной выставке художницы, больше освещает не ее, а достоинства Андре, я молча протянула «Вечерний Петербург» Надин.

— «Концептуально новый уровень... наконец учла справедливые замечания...» Вот скотина! Что-о-о? «Блистательная Мадемуазель Андре»? И дальше только про неё, а про меня всего три строчки... Лейка, скажи, ну вот есть на свете справедливость?

Надька, отбросив газету, стала рассматривать потолок. Я, автоматически посмотрев туда же, подумала, что ещё пару лет, пожалуй, без ремонта продержимся: трещины заметны не сильно и ещё пока, слава богу, ничего не осыпается. Ситуацию надо было срочно спасать.

— Надюш, посмотри с другой стороны: впервые ни одного плохого слова про тебя твой Замурашка не написал.

Лучше бы я этого не говорила. Язык мой — враг мой, всегда знала. Но с Надькой этот принцип срabатывает вдвойне.

— Он такой же мой, как и твой! — заорала Надин, вскакивая с кровати. — То, что я переспала с ним один раз, не даёт ему права так меня унижать!

Про себя я, конечно, подумала, что Надька привирает. В своё время короткий роман художницы и критика наделал много шума в артистической тусовке. Не устояв перед длительной осадой, Надин уступила натиску Замурашки. Хотя, по моему мнению, подруга и не сильно-то сопротивлялась. Роман был бурным, но непродолжительным, всего около месяца. Но это в стиле Надин: заснуть с одним — проснуться с другим. Отвергнутый критик стал мелочно мстить художнице, в каждой статье упоминая ненароком такие «высокохудожественные» эпитеты, как «криворукая», «дилетантка», «художественная мазня» и прочие «достойные» сравнения. Надин, недолго думая, не осталась в долгу, распуслав в тусовке слух, что у Мурашко так же негусто в голове, как и между ног. От Замурашки стали шарахаться женщины, и, понятное дело, тепла и доброты в его статьях о Надин не прибавилось.

Тем не менее я, как могла, попыталась успокоить Надьку. Получалось плохо.

— А Анька, зараза, везде свою выгоду ищет. Ведь это моя выставка, моя! Персональная, первая в Питере! В Париже была, в Берлине была, а здесь... Ты только послушай, Лейка, что он пишет: «...Однако главным событием этого мероприятия стало блистательное выступление несравненной Мадемуазель Андре...» Так, тут пропустим... ещё на три абзаца восхвалений нашей блистательной и голосистой подружки... Ага, вот! Ты только оцени:

«Песенный шедевр „Харакири под дайкири“ затмил по силе эмоционального воздействия нашумевший триптих „Красота по-японски“ Н. Дельфиной». Нет, ну Анька всё-таки скотина! Ни видеть, ни слышать её не хочу! Вообще больше с ней не разговариваю!

*Сильны любовь и слава смертных дней,
И красота сильна. Но смерть сильнее!*

Джон Китс

Как по заказу, у Надьки зазвенел мобильный.

— Да, Анют, чего? — Голос Надин волшебным образом стал ласковым и доброжелательным. — Нет, не смотрим. А что случилось?

Лицо Надежды мрачнело с каждой секундой разговора. У меня внутри что-то ёкнуло. Предчувствие необъяснимой беды вдруг накатило резко, без предупреждения. Возможно, были виноваты взволнованные интонации в голосе Андре в трубке, которые я улавливала на расстоянии. Часто замечала, что я, как Джулька, не понимая смысла, больше ориентируюсь на тон голоса, чем на смысл слов.

— Лейка, врубай телевизор! По всем каналам сейчас крутят, даже по центральным! — скомандовала Надин. — Теперь нашего Стаса убили! Вчера вечером, возле его дома.

Я, молча нащупав пульт, щелкнула кнопкой. Безразличный голос теледиктора канала «1+» вещал: «И вновь очередное скандальное убийство потрясло Санкт-Петербург. Последние события подтверждают, что вторая столица России продолжает оставаться бандитской. Вчера вечером в особо извращенной форме был убит сын действующего губернатора Санкт-Петербурга Александра Мультивенко. Стас Александрович был зарезан у подъезда собственного дома...»

Не дослушав новости, я бросилась к своему старенькому компьютеру. Интернет — великая сила. Хочешь что-то узнать — спроси у него. Надин читала вместе со мной из-за моего плеча:

Харакири сына губернатора

Скандальное заказное убийство произошло в Санкт-Петербурге недалеко от Невского проспекта. Убит глава одной из крупнейших строительных фирм города — сын губернатора А. Мультивенко. 38-летний Стас Мультивенко был зарезан на пороге собственного дома. По нашим данным, убийство напоминало ритуальное — мужчине фактически вскрыли живот кинжалом и перерезали горло. Основной версией убийства Генерального директора фирмы «Питерстрой» Стаса Мультивенко МВД рассматривает его профессиональную деятельность.

На следующей строчке «Невское время»:

Назад в «Бандитский Петербург»?

В руках корреспондента «Невского времени» оказались нигде не публиковавшиеся данные о преступности в нашем городе... Несколько лет назад по улицам Петербурга было опасно ходить: можно было попасть под бандитскую

перестрелку... Сегодня эти люди либо за решеткой, либо в могиле. Но на их место приходят другие — безликие, не столь амбициозные, но не менее самоуверенные и жестокие. Неумолимые цифры статистики свидетельствуют о том, что в последние год-полтора криминогенная обстановка в городе ухудшается и постепенно приобретает угрожающие масштабы.

Не застрахован от этого никто — даже дети высших чинов. Так, вчера был зверски убит во дворе собственного дома сын губернатора Петербурга Стас Мультивенко...

Хит про харакири бьет все рекорды

Скандалное убийство С. Мультивенко, потрясшее город, дополняется новыми подробностями. Накануне на выставке художницы Н. Дельфиной известная певица Мадемуазель Андре исполнила новый шлягер про харакири, которое следует делать исключительно после бокала дайкири. Шлягер сейчас занимает первые строчки хит-парадов практически всех радиостанций. Можно было бы в очередной раз констатировать случай неэтичного чёрного пиара, если бы песня не была написана и исполнена ДО убийства сына губернатора.

Больше всего Надьку потрясла новость:

Харакири — на портретах и в жизни

За два дня до трагического случая портрет сына губернатора кисти Надин Дельфиной, где содержатся зловещие намёки на его будущее, был приобретён за рекордную цену отцом убитого, губернатором Санкт-Петербурга А. Мультивенко. Показательно то, что на одном из полотен триптиха нарисовано убийство человека, очень похожего на С. Мультивенко. Согласно данным источника, пожелавшего остаться неизвестным, это не первый случай, когда с героями портретов художницы случаются несчастные случаи. Что это: художественное прозрение или хорошая осведомлённость?

Я и не заметила, как к нашему читающему дуэту присоединилась Андре. В тот момент мы с Надькой рассматривали на мониторе мутную фотографию Стаса Мультивенко, лежащего на асфальте.

— Скорее всего, снимали мобильным. — Голос Андре вывел меня из оцепенения. — Лейка, подвинь картинку чуть ниже. Там что-то лежит рядом со Стасом...

Щёлкнув мышкой, я прокрутила жуткую фотографию распоротого нашего Стаса. Он лежал на асфальте практически так же, как и ненаш. Как на триптихе. У нас троих вырвался коллективный глубокий вздох — рядом с трупом и вывалившимися из него кишками, напоминавшими клубок перламутровых змей (всё, абсолютно всё, как на картине у Надин!), лежал окровавленный кинжал. Тот самый, папин подарок Надьке.

Глава пятая,
*в которой на живучесть проверяют меня и Надьку, а
Анька жертвенно спасает нас, упав сама*

Жена без мужа — вдовы хуже.

Русская пословица

Всю ночь меня мучили кошмары. Стас Мультивенко покупал у меня «Книгу перемен», крепко держа за руку Али. Мой младшенький не сопротивлялся, называл его папой. Ненаш Стас ухмылялся из правой части триптиха Надин, висящего на стене киоска «Роспечать». Что-то мне мешало взять деньги за покупку у Стаса, и я вдруг обнаружила, что держу окровавленный восточный кинжал...

Проснувшись утром, полностью разбитая, я поплелась в ванную. Подруги ещё спали.

Вчера мы долго обсуждали, что делать дальше. Единогласно было принято решение не говорить про ненашего Стаса и про кинжал ни словечка никому, даже на будущих допросах, про которые мрачно пророчествовала Надин. Я приняла своё личное решение: никому не говорить про файл и камешек с ногтя Андре.

Через полчаса, умывшись и выпив кофе, мои подружки попытались решить самый сложный вопрос, кто должен идти в магазин. Я отказалась категорически, молча указав на вымытую посуду. Битва между певицей и художницей шла с переменным успехом.

Живопись победила, по крайней мере, в этом раунде. Надин вдруг резко вспомнила, что у неё сотрясение мозга, и вообще она пострадавшая сторона, поэтому ей, как пострадавшей, нужно лекарство.

Андре нехотя собралась за покупками, попутно отметив, что невозможно сотрясти то, чего нет. Напоследок уточнила: уж не коньяк ли спасёт от тяжёлого ранения нашу жертву.

— Да! Коньяк! Андре, ты идёшь уже или мне самой? — гаркнула Надин, тут же демонстративно схватившись за голову.

Я протянула купюру в сто евро:

— И ещё чего-нибудь вкусенького купи, а, Анька?

Подруга от денег отмахнулась, скривившись:

— Кому чего надо? Для Надьки ясно: круассаны с морошкой и высокоградусное лекарство от головы. А тебе? Холодца с хреном?

Я перебирала в памяти самое желанное и вдруг выпалила:

— Лягушачьи лапки! Никогда не пробовала. А то ведь так и помру, ничего об этой жизни не узнавши...

Анька покосилась на меня и тихонечко, бочком смылась из квартиры...

Пока Андре пышногрудой ланью скакала по Питеру, пытаюсь выполнить наш невыполнимый продуктовый заказ, мы с Надин в сотый раз обсуждали последние события.

— Так и знала, ещё тогда в мастерской, что одним убийством не обойдётся. — Надька тоскливо закурила. — Менты не отстанут — уж больно мы засветились «Красотой по-японски» и «Харакири под дайкири». Дёрнул же меня чёрт кинжал нарисовать...

— Да, лучше бы гейшу нарисовала, — ляпнула я. — Или обнажёнку, как твой муж.

В ответ Надин использовала виртуозно-матерные выражения, при этом за пять минут она умудрилась не повториться ни разу. Даже и не знала, что занимаюсь такими извращениями с моими бывшими свекровьями, Джулькой и моей бедной мамой.

Подруга распалялась и распалялась, переходя с трёхэтажных оборотов на

многоскрёбные. Вот кому надо составлять современный русский словарь арго.

Припомнив своего экс-мужа, а заодно и всех моих, Надька, закурив, вдруг совершенно спокойно спросила:

— Лейка, ты бы хотела замуж? Скажи честно.

Я задумалась. Что такое замуж? Ведь у меня трижды было то, что называется «замуж»: красивая церемония, штамп, обязательства, отношения, зацикленные на детей, на родственников, на имущество. Но всё это не по-настоящему замуж.

По-настоящему замуж, это когда выходишь за мужчину, про которого думаешь: вот он, единственный. И не надо никого другого, кроме него. Никогда. Только с ним можно прожить до самой смерти, только с ним... Так, чтобы ни разу не пожалеть о своём выборе, чтобы ни разу не усомниться.

С Мечиком так и было: всё в радость, даже горесть. С ним было в охотку и постную кашу есть, и самые обычные дела делать. И было спокойно и светло от самого его присутствия в жизни.

Смешного было много...

— Ты чего, Лейка, улыбаешься?

— Да так, вспомнила...

«Я как увидел тебя, сразу понял — жена моя будет», — Мечик сказал это через неделю после знакомства. И ни разу он не колебался, как другие мужчины, бывает, взвешивают, словно на весах: подходит им женщина или не очень... Взял меня такую, какая есть. И на других уже не смотрел. Мной любовался.

Я тогда ему про все свои недостатки рассказала. Что у меня не так. Какая я. Плакала, всю ночь признавалась. А он улыбался. Погладил потом меня по голове и сказал: «Я тебе наперед прощаю всё, что бы ты ни сделала, до конца жизни»... Я тогда не поняла, о чём он говорит. Только теперь догадываюсь.

Надька внимательно слушала мои откровения.

— А некоторые как рассуждают: поживём-посмотрим, может, чего получится, а может, и нет — не нужно мне такого. И паспорт марать незачем.

— Лейка, ну ты и идеалистка! С тремя детьми, в твоём-то возрасте... Да хоть бы какой мало-мальски приличный мужик на себя эту обузу взвалил!

— А мне не надо приличного. Пусть будет неприличный. Но чтобы не «взвалил», а полюбил. И я его. Тогда и обузы не будет.

— И ты во всё это веришь?

— Верю. Так должно быть. Может, не у меня, пусть у других... А иначе и смысла нет, если не жили они «долго и счастливо» и не «умерли в один день»...

— Ты ещё и сказки вспомни, а?

— Сказки?

Вдруг увиделась картинка из дальнего лета: стою я босиком, в сарафане синеньком, Забава маленькая за подол держится. Молоко ходили брать от коровы, трава под ногами тёплая. Малина горячая на кустах.

Июль. Мечик лодку на реке отвязывает и машет нам — зовёт плыть на другой берег, там пляжи песчаные, пологие.

Переплыли, а я воды боюсь — быстрая она, холодная. Тогда Мечик берёт меня на руки и бережно заносит на глубину, я обнимаю его за шею и утыкаюсь носом в волосы — любимый мужчина всегда так вкусно пахнет.

Прижимаюсь к его тёплому животу, а спину зябко обхватывает рука, и сердце замирает от жаркого шёпота на ушко: «Никогда в моей жизни не было женщины красивее тебя и не будет». А ведь красивой я не была даже в молодости. Так, хорошенькая...

— Лейка, очнись! — Надька, услышав звонок в дверь, пошла её открывать.

Я стряхнула наваждение: эх, Мечик-Мечик! Даже боги умеют завидовать. Даже твои боги, Мечик!

В кухню вплыла лучащаяся хитрющей ухмылкой Анька, опешившая Надька тащила забитые до отказа пакеты с едой и выпивкой. За спиной у подруг маячил молодой парень в униформе с огромной коробкой в руках.

Что на этот раз? Вот какая же Анька зараза: вечно что-нибудь придумает. А я не была уже уверена, что рада сюрпризам. Даже от Андре — особенно в свете последних событий.

На свете можно есть все, кроме отражения лун.

Китайская пословица, широко распространённая в Японии

— Лейка, не стой столбом, разгребь стол! — Анька с кошачьей грацией опустилась на свободный стул у окна кухни. — Сержик, поставь микроволновку на пол. Видишь, у моей подруги от радости в зобу спёрло. Не верит своему счастью, что будет минут через пятнадцать трескаться попы своих любимых зелёных жаб... Фууууу, у них даже мясо бурокоричневое...

Я покорно начала разгребать место рядом с мойкой, ошарашенно посматривая на коробку. Давно хотела купить, но всё как-то не получалось. Поставив её на пол, парень в униформе восторженно пялился на декольте Андре. Надин, первым делом вытащив коньяк, тут же трясущими руками плеснула себе в чашку «высокоградусное лекарство от сотрясения». Опомнившись, предложила и нам.

— Надь, у нас же повестка в милицию. Хороши мы будем, если двух слов связать не сможем, — отмахнулась я.

Парень и Анька, как ни странно, спиртное взяли, чокнувшись при этом за любовь с первого взгляда. Бедный Серж, мадемуазель же тебе в мамы годится! И поцелуй, если он будет, будет материнским. Но я продолжала методично разгребать место под микроволновку. Вот уж неплохо, на самом деле. Авраашка и Забава постоянно просили, учитывая наши семейные проблемы со здоровым питанием. Надо же, Анька хоть раз что-то хорошее умудрилась сделать.

— Да, Надюш, у меня и для тебя есть кое-что... — От медовой патоки в голосе Андре я вздрогнула. — Достань-ка вон из того пакета свёрток. Это тебе. Круассаны с морошкой. Свежайшие. И чтоб больше никогда в жизни не говорила, что я экономлю на подругах. А себе я взяла с шоколадом, ты ж такие не любишь.

— Брешешь! Не могла ты купить круассаны с морошкой.

— Ну почему же? Вот филе жаб для Лейки я нашла, только объездив пол-Питера, а круассаны твои как раз проблемой не были. Дай-ка сигаретку, — Анька лучилась ехидством.

Надька скептически начала разворачивать свёрток. Пахло умопомрачительно. Серж, пристроившись рядом с Мадемуазель Андре, внимал каждому её слову и поедал глазами. Кстати, о еде:

— Ань, а почему для лягушачьих лапок нужна микроволновка? И сколько я тебе за неё должна? — Я всё ещё не могла привыкнуть, что деньги теперь для меня не проблема. По крайней мере, для такой покупки.

— Они в каком-то специальном соусе, а на упаковке написаны режимы только для микроволновки. Кстати, ты мне ничего не должна — это подарок Забаве. Хорошая девочка у тебя, чем-то на меня похожа. Вон, уже грудь второго размера, и это в её-то возрасте. Точно, переплюнет тётю Андре. Но некоторым и эти старушки нравятся, да, Сержик? — Анька, потрянув грудью, снова чокнулась с ошалевшим от коньяка и декольте парнишкой.

— М-м-м... М-м-ма... Угу-м-м-м... Нет, да, точно морошка... — удивлению Надьки не было предела. Прожевав один и разломив другой круассан, Надин посматривала то на начинку, то на Аньку. — Парень, а ты в курсе, сколько нашей мадемуазели лет? Она тебе...

— ...В сёстры годится! — резко, с нажимом перебила подругу Анька. — Не забывай, Лятрекша, ты старше меня на два года!

— Колись, где круассаны взяла? — недовольно буркнула Надька.

Напоминания про её паспортный возраст Надин ненавидела почти так же сильно, как свою бывшую свекровь. Но крыть было нечем — не плюй в колодец.

— Ты ж моя милая, золотая подружка! Кисюня ты моя прошаренная. Я объехала все супермаркеты Невского и окрестностей, пока одна умная, хоть и некрасивая кассирша мне не сказала, что морошку я ещё могу у них купить, свежую. По цене космической ракеты за сто грамм. Но вот круассанов с этой дивной ягодкой в природе не бывает. Вот что вас так с Лейкой-то потянуло на французскую кухню, а?

— Хватит мне зубы заговаривать! Где ты взяла это? — заорала Надька, размахивая надкушенным круассаном возле лица Аньки.

— Ну, когда я покупала микроволновку... Сержик, распакуй ее, — видишь, место уже освободилось... этот талантливый и красивый мужчина рассказал мне, что на набережной Обводного есть мини-пекарня. Там его мама работает. Сечёшь фишку? Я взяла ягодки, Сержика и... Кстати, дай-ка мне вот тот свёрточек — там круассаны с шоколадом. Они хотя бы сладкие. А в твои я попросила только морошку положить, без сахара. Сержик, кисюнь, хочешь сладенького?

Я угорала. Вот уж воистину — не рой другому яму. Надька попалась в собственную ловушку, думая, что Анька полная дура. А теперь пусть давится тестом с кислыми ягодами. По десятибалльной шкале Андре сработала на все сто.

Через пятнадцать минут я жадно набросилась на разогретый лягушачий деликатес. Хм, курица, пожалуй, вкуснее... Сергей не хотел уходить, но Анька проводила его до дверей, провернув свою коронную фишку с левым телефоном: 123-45-67.

Ещё через полчаса Надька стояла в дверях:

— Пора ехать давать показания про нашего общего жениха-покойника.

— Да. Поедем...

Тайное обнаруживается в беседе.

Японская поговорка

Способности Надин пророчествовать можно позавидовать. Или посочувствовать. На следующей неделе нас действительно затаскали по допросам.

Легче всех отделалась Андре — лейтенант Ивашкин пал очередной жертвой её бронбойного обаяния. «Включив» полную блондинку, она невпопад отвечала на вопросы, томно стреляя глазками в сторону лейтенантика, якобы невзначай поправляя слишком глубокий вырез декольте. Да, безусловно, Андре в курсе, что убили известного человека, и, да, она спела песню про харакири, но тему навеял сюжет картин Надин Дельфиной, её и спрашивать надо.

— Нет-нет, товарищ генерал Ивашкин, конечно же я была не в курсе про харакири, но, может быть, мы это обсудим где-нибудь в другом месте и попозже...

Хорошо зная Андре уже более пяти лет, я могла бы предупредить наивного лейтенанта, что ничего, кроме свидания в ресторане, ему не обломится. Но меня там не было. Допрашивали нас по очереди.

У меня состоялась двухчасовая беседа со следователем Петровой. Милая приятная женщина, которая больше слушала, чем задавала вопросы.

Хуже всех пришлось Надин — с подачи Андре её взяли в крутой оборот. Ситуацию усугубляло то, что возбужденное по статье 105 часть 1 (умышленное убийство) УК РФ дело было на личном контроле у губернатора города по вполне понятным причинам.

Началось всё с того, что в милицию Надин опоздала. Художницу задержала лекция о вреде реализма в искусстве и аморальности её поведения от бывшего мужа и активно действующей свекрови. Понятное дело, про аморальность вещала свекровь, периодически используя такие «учтивые» формы обращения к женщине, как «шлюха», «проститутка» и типа: «Ты, которая моему сыну всю жизнь испортила». А Михаил в очередной раз предложил Надин сменить место прописки. Злая, как моя Джулька, у которой отобрали очередной приплод, Надька явилась для дачи показаний.

Обстоятельств, смягчающих часовое опоздание мадам Дельфиной, следователь Мордасов знать не мог. Тем не менее это не оправдывало его хамского поведения: Надин он допрашивал более четырёх часов без перерыва, перекура и возможности посещения туалета. Безусловно, это не добавило оптимизма моей подруге — заядлой курильщице.

— Скажите, в каких отношениях вы состояли или состоите с Зиновием Мурашко?

Невинный вопрос Мордасова вызвал бурную реакцию (шёл пятый час допроса). Надин зверски хотелось курить и писать. Указав все возможные адреса, по которым следователь должен был прогуляться, Надька немного успокоилась. Однако намёки и прямые обвинения следака в том, что все, кого она рисует, плохо заканчивают, послужили спусковым крючком для дальнейшего.

— Конечно же вся эта псевдомистика имеет разумное объяснение. — Мордасов нагло затянулся сигаретой, глядя на позеленевшее от злости лицо Надьки, которой безумно хотелось курить. — Я не верю в ваши способности порчи по портрету, несмотря на утверждения критика Мурашко. Скорее всего, вы просто были в курсе событий. В какой ОПГ

вы состоите? Отвечать! Быстро!

Ошарашенная Надька бросила ненавидящий взгляд на довольную рожу Мордасова.

— Всё, иду в «сознанку»! Бумагу и ручку! — выдохнула Надин. — Только дай мне свой вонючий «Честер»...

Надин усиленно застрочила на белой бумаге, а довольный следователь стал двумя пальцами забивать в компьютер шапку протокола. На месте Мордасова я бы хорошо подумала. Он плохо знал мою подругу (вернее, совсем её не знал), иначе был бы более осторожен.

— Вот, получи! — придвинула художница листок.

Мордасов потрясённо замер: рваными чернильными штрихами с листа на него смотрело его зеркальное отражение. Нет, не зря Надин заканчивала художественную академию — набросанный за пару минут эскиз был полной поясной копией служителя закона, только правая рука следователя оказалась загипсованной и подвешенной на перевязи к шее.

Можно ли винить рядового лейтенанта Мордасова в том, что в последовавшем затем его диком оре цензурными были лишь предлоги?

— Ух ты, а вот этого я не знала! Надо будет запомнить, — восторженно произнесла Надин, выслушав особо заковыристый трёхэтажный оборот.

— У вас всё нормально? — заглянула в кабинет следователь Петрова.

— Тань, подмени меня. Я больше эту... Короче, я её терпеть больше не могу!

Мордасов пулей вылетел вон. Татьяна Петрова закончила опрос Надьки за пятнадцать минут. Дальнейшие события подтвердили, на мой взгляд, что всё в мире подчиняется закону кармы. Либо это карма, либо Надька действительно спуталась с нечистой силой.

Спускаясь после допроса со второго этажа по лестнице, Надин вновь увидела лейтенанта. Тот сидел на высоком подоконнике и нервно курил. Заметив художницу, Мордасов, привстав, бросил коротко: «Ведьма!» Бьющие сквозь пыльное стекло окна лучи августовского солнца отчетливо высветили фигуру лейтенанта. Надин цепким взглядом фиксировала проявившийся натюрморт. Мордасов осёкся, попятился, соскользнул с площадки пролёта ногой и...

Позже мы узнали, что результатом падения стал перелом правой руки, в точности так, как это изобразила Надька. Учитывая, что вредного следака в отделении не особо любили, котировки моей подруги резко пошли вверх.

Три вещи нельзя скрыть: любовь, беременность и езду на верблюде.

Китайская поговорка

Вот удивительно, когда же Надька успела притащить бутылку коньяка «Ной»? Неужели её совесть замучила? Вроде я не напоминала, что тогда, когда мы нашли Надин на кухне, подумав, что она отошла в мир иной, моя подруга успела вылакать гостевую записку. Видно, решила компенсировать.

Мне ни уснуть, ни успокоиться. Прокралась втихую на кухню, нарезала киви, откупорила коньяк — сижу сама с собой, по чутку в «напёрсток» наливаю. Крепкий этот «Ной», пьянею после первой же капли. Мне много не надо, чтобы улететь от обыденности, точнее от необыденности последних дней...

Подруги наконец-то уснули. Храпят-трубят — не могу с ними в одной комнате, стелю себе на кухне. Тут и холодильник рядом, откусываю то сыра, то колбасы. Подозреваю, конечно, почему постоянно есть хочется, — на меня в первые месяцы беременности всегда жор нападает страшный. А тут столько продуктов в доме! Денег завалились, вкусотищи разной накупили, даже суши принесли в коробочке. С икрой летучей рыбы, с гребешком, с угрем, с водорослями какими-то особенными. Андре изощрилась, новый сорт роллов заказала — с клубникой. Сама не ест от переживаний, я одна трескаю — и за неё, и за Надьку...

Надька второй день с такой мигренью, что голову держать не может. Лежит и стонет. Картина недописанная на мольберте, даже не приближается к ней. Андре покрепче, но тоже укаталась наша сивка: аппетита нет, только к бутылке с абсентом прикладывается. Хорошо ещё, не до фей напивается. Да по телефону трындит часами...

Оказалось, я самая железная. Поем, через часик опять поем, потом по кофейку, затем чаёк, и снова проголодаюсь... У меня насчет еды настройки не сбиваются. Но вот уснуть трудно — перевозбуждение сказывается. Глотну-ка я ещё напёрсточек...

Глотнула. И сон мне той ночью приснился удивительный. Галлюциногены, что ли, в коньяке были подмешаны? Не знаю...

Но утром, открыв глаза, не хотелось возвращаться в реальность. Припомнила сон.

Приснилось, будто дом мне достался по наследству. Белый, просторный — комнат на пять, и всё в нём есть, что нужно для жизни. Хожу я по нему, осматриваюсь. Не верится, что мой дом — всегда о таком мечтала. В самой большой комнате окна зашторены. Дёргаю занавески — тёмные, плотные, тяжёлые, — не хотят поддаваться, но всё-таки медленно отодвигаю. И вижу за окном сад. Цветы там низенькие, изящные, ковром стелются. А деревья не берёзы, другие... И из сада волшебного подлетают к окну птицы, касаются крылом стекла и снова отлетают. Птицы редкостно красивые, неопишимо!

Одна мне особенно запомнилась — крупная, золотистая, крылья, как камнями драгоценными усыпаны, переливаются то изумрудным, то сапфировым, то рубиновым цветом. Видно, что из породы хищных, немного на орла похожа, но с большими добрыми глазами. Тоже в окно торкнулась, осветила огненным светом и улетела. А я стою как замороженная, аж занемела вся. Не то от счастья, не то от грустного предчувствия. Не то

оттого, что лежу неудобно, скрючившись на кухонном диване...

Проснувшись, стала кофе себе варить. Одной рукой турку держу, другой набираю в «Яндексе» на ноуте, что значат сны с птицами. Толкований — море. И какому верить?

Читаю: *«Сон о птицах с прекрасным оперением очень благоприятен. Если женщине приснились такие птицы — в жизнь войдёт новая любовь или замужество будет, и брак окажется счастливым»*. Ну, допустим. Я сладко прищурила и без того узкие глаза...

Дальше обещали: *«Если во сне птица стучится в окно, то скоро у вас произойдёт какое-то радостное событие или же вы получите хорошие вести, например, от старого друга»*. Неплохо, хотя расплывчато.

Что там ещё? *«Если сон о ловле птицы снится молодой женщине, то он может предсказывать ей скорую беременность»*. Хм... В моём сне ловли не было, зато наяву поймала беременность, тут и толковать не надо.

«Если вам приснилась очень большая птица, это означает, что в будущем Земле угрожает очень большой метеорит, в результате которого несколько городов будут разрушены».

От последнего комментария впала в ступор. На всякий случай глянула в окно на тихо подрёмывающий Питер, потом на спящих Андре и Надин. Их безмятежный вид меня успокоил. Но после «метеорита» я закрыла «Яндекс» и пошла проведать холодильник на предмет сладостей, неизменно утешавших меня в минуты тяжких раздумий.

Зайдя в туалет, я достала тайком купленный вчера экспресс-тест на беременность. Слава богу, теперь не надо собирать мочу в баночку — тесты третьего поколения струйные. Достаточно намочить его — и через минуту готов результат. Правда, и стоимость, как у самолёта.

Ожидая результатов теста (и почти не сомневаясь в том, что беременна), вдруг вспомнила, что за квартплату накопился долг в тридцать тысяч. Домоуправ ещё до убийства ненашего Стаса угрожала отключить электричество. Надин и Андре говорить об этом ни к чему. Только не забыть бы оплатить коммунальные услуги. И надо позвонить на работу, отпроситься до сентября. Я старательно думала о чём угодно, только не о жуткой смерти Стаса. Хорошо ещё, Аврашка вчера вечером вернулся к бабке Саре за город — незачем мальчику тут быть, когда такие события.

Так, что там у нас? Да, похоже, у моих детей появится брат или сестра. Месяцев через семь с половиной, восемь. Задумчиво уничтожив все результаты проверки, поплелась на кухню.

Я принялась мыть посуду и готовить завтрак. Угу, опять продукты заканчиваются, надо идти в магазин. Ну, пусть подруги хоть что-то сделают! Пора будить Аньку и Надьку. Мы собирались провести день в модном фитнес-клубе. Для снятия стресса и подтяжки фигуры.

Доброму человеку и небо помогает!

Китайская поговорка

Моя сумасшедшая китайская бабка частенько говорила отцу, что самый тёмный час наступает перед рассветом. От папы эти слова я услышала в первый раз в глубоком детстве. Понять же смысл древней мудрости мне было суждено, видимо, только теперь. Раньше, читая в какой-нибудь книжке фразу «Ничто не предвещало беды», я сладострастно замирала и сама придумывала пакости, которые могут свалиться на голову главной героини. Иногда даже попадала в сюжет. Однако литература литературой, а жизнь богата на такие крутые повороты, что предсказать невозможно.

Итак, «ничто не предвещало беды». Мы с подругами шумной и слегка пьяной компанией возвращались вечером из фитнес-клуба. Опять ко мне домой. Не знаю, как Анька с Надькой выносят такие нагрузки, но у меня болело всё. Единственное, чего хотелось, — доползти до кровати и провалиться в сон.

Перед входом в подъезд я притормозила — в тувельку попал камешек. Анька уже успела зайти, и её смех доносился с эхом. А Надька ждала меня, придерживая дверь. Синевато-чёрные тени августовской полупрохладой ложились под ноги.

Вытряхнув камень из тувельки, я с наслаждением поставила босую ногу на зелёный газон. Ни за что больше не пойду в фитнес-клуб! Пусть меня подруги и не уговаривают! Подумаешь, лишние десять килограммов, Мэрилин Монро они не мешали.

Скептически усмехнувшись над попытками самообмана, я резко наклонилась к газону, увидев светящуюся точку рядом с тувелькой. Надо же, светлячок! Что-то пронеслось над моей головой, раздался звон разбитого стекла и грохот захлопнувшейся двери.

— Твою мать! — заорала Надька. — Лейка, ты где? Бегом сюда!

Медленно дохромав в полуразутом виде до подруги, я устала на пустое окно первого этажа. Надька переругивалась с хохочущей Анькой через закрытую подъездную дверь.

— Надь, а что это было? — я рассматривала осколки стекла на асфальте возле подъезда.

Надин со всей дури дёрнула дверь и рявкнула:

— Быстро заходим!

И тут из подъезда вывалилась хохочущая Анька, по инерции сбив меня с ног. Пока мы хохотали уже вместе, лежа на цементе, и пытались подняться, в подъезде что-то с грохотом упало. Надька снова заорала:

— Пошёл вон отсюда! Я сейчас милицию вызову! Тебе, тебе говорю! Пшол вон!

Мы с Анькой, как по команде, обернулись. Метрах в десяти маячил силуэт мужчины в джинсах и чёрной спортивной майке. Практически пиная ногами, Надька затащила нас в подъезд, судорожно захлопнула дверь.

— Лейка, ты в рубашке родилась, судя по всему. Дважды этот козёл в тебя целился!

— Ты уверена? — замерла я, ощутив неприятный холодок внутри.

— Лицо только не рассмотрела, — вздохнула Надька, — а так абсолютно точно: в тебя булыжники кидал. Первый раз ты сама наклонилась, второй раз Анькин алкоголизм тебе помог.

— Девчонки, мне страшно... — зашептала Андре. — Так и будем тут стоять и держать дверь?

Словно в ответ на Анькин вопрос дверь дёрнули с той стороны, и мы втроём судорожно вцепились в ручку. Хорошо ещё, она дореволюционная, здоровенная, её и на роту солдат хватит.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Лейка, набирай «02»! — завизжала Надька. — Маньяка с поличным возьмут!

— Пусть Анька наберёт, у меня от страха руки трясутся.

— Вы что там, с ума посходили? — раздался с улицы знакомый голос. — Я домой хочу попасть! Лейка, ты? Открой сейчас же!

Я аж всхлипнула от облегчения, узнав баритон Матвея. И через пять минут мы полным составом сидели у меня на кухне, снимая стресс в лучших традициях Надьки: коньяком и колой. Матвей не пил, выслушивая наш подробный рассказ с изумлением.

— Надь, а ты уверена, что это не хулиганы?

Мы с подругами только переглянулись.

— Какие планы на сегодняшнюю ночь у такого красивого мужчины? — Надька, залпом допив коньяк, вдруг игриво плюхнулась на колени к Матвею.

Нет, ну надо же, на моих глазах у меня же на кухне уводят моего же соседа! Вот ведь Надин стерва! Конечно, он мне не нужен, но это моя территория!

— Так, Матвей, тебе пора домой, а Надин в люлю! — злобно гаркнула я.

Анька только хихикнула. Сразу после ухода соседа я накинулась на Надьку:

— Нам всем расслабиться надо, а ты как всегда только о сексе думаешь!

— А что может расслабить лучше секса, Лейка? Вместе с одеждой ты снимаешь и стресс... — Надька закатила глаза, представляя, как задирает футболку на животе Матвея. — И уснуть рядом с мужчиной куда как приятнее, чем рядом с тобой. Или с Анькой.

— Ну так и спи! Только не в моей квартире! — Значит, я правильно разгадала маневры Надьки.

— Всё, гасим свет. С меня на сегодня хватит!

Мы лежали, ворочаясь в темноте, сон не приходил. Я думала о словах Надьки. Но Матвей был один, и всё равно на всех бы не хватило антистресса.

Да и потом, использовать мужчину как спиртное, для расслабления я не привыкла. Проще и в самом деле выпить. По крайней мере, наутро не будешь сожалеть ни о чём, кроме пустой бутылки.

В жизни бывает семь неудач и семь удач.

Японская пословица

Обычно я встаю довольно легко, но тут — особый случай. Последствия посещения фитнес-клуба давали о себе знать — свинцовая тяжесть панцирем сковала всё моё тело. Пальцы согнуть и то больно. Да ещё события вчерашнего вечера... Неужели в меня и правда кидали камнями? Но зачем?

— Лейк, ты спишь? — душераздирающий шёпот Аньки заставил меня открыть глаза. — Помираю я! Не надо было вчера коньяк мешать с абсентом. У нас что-нибудь осталось из спиртного? — Хриплый голос Андре был полон трагизма Дездемоны, которую додушивал Отелло.

— Ань, отцепись, не до тебя! Спроси у Надьки. Она у нас спец по этому делу.

— Понятненько, — пробормотала Анька. — Как твою жизнь спасти — я всегда пожалуйста! А когда твоя лучшая подруга умирает — «отцепись». У Лятрекши можно не спрашивать, после неё выпивки не остается. Сходи за пивом, а? Ну позязяста!

— Ага, и на меня пару бутылок возьми, — вдруг прокаркал чей-то голос, в котором с трудом узнавались Надькины ноты.

— Ну вы, девушки, совсем офонарели! — вяло пыталась я сопротивляться.

— Лейка, ну ты же практически не пила. Тебе проще всех...

Надька, присев на кровать к Аньке, прикурила сигаретку.

— ...А у нас «в головке бо-бо, в ротике ка-ка, денежки тютю, муж гав-гав».

— Ну, положим, у тебя-то муж всегда «гав-гав», — огрызнулась я, понимая, что за пивом всё-таки придется идти мне. — А если в меня опять бросят камень?

После пяти минут перебранки я все же поплелась в круглосуточный подвальный магазин. Как же тяжело ноги двигать... А ещё придется шагать вниз десять ступенек по неудобной лестнице, без перил.

Проклиная всё на свете, я подошла к спуску в подвал. Надо быть поаккуратнее, теперь мне есть, и ходить, и жить — за двоих. Вдруг резкий толчок в спину заставил меня побежать по ступенькам, резво перебирая ногами. Ну всё, сейчас меня можно будет соскрести из-под вывески магазина... И тут дверь распахнулась, я упала в объятия... Матвея.

— Ну ты, Лейка, ваще даёшь! — Матвей еле устоял на ногах. — Хотя мне даже нравится.

Оглянувшись, я успела увидеть силуэт мужчины в чёрной майке и джинсах, который удалялся в сторону моего дома. И заорала, тыча пальцем вслед незнакомцу:

— Матвей, это он меня сейчас толкнул! А вчера бросал камни!

Мужчина ускорил шаг и завернул за угол. Матвей непонимающе посмотрел на меня. Сил бежать за подонком не было.

— Слушай, я сейчас пиво куплю, и ты проводи меня домой, хорошо? Там тебя Надька со вчерашнего вечера дожидаться не может, — сказала я соседу.

— Лейка, ну зачем ты так? — покраснел Матвей. — Знаешь, ты... я... ты мне...

— Ох, да на фига тебе старая кошёлка с тремя довесками? Правда, Надька ещё более древняя, — не удержалась я от шпильки в адрес подруги. — Зато она худая и гламурная. А

вообще ты же молодой красивый парень, будет и на твоей улице праздник. Ладно, пойдём за лекарством для страждущих, а то помрут там обе. Мне трупов уже как-то достаточно...

Я резко осеклась. Матвей с любопытством посмотрел на меня, но промолчал.

После магазина мы неторопливо направились домой. Сосед заботливо забрал у меня пакеты, предложив помочь донести их до квартиры. Вот интересно, ради меня или ради Надьки старается?

— Здравствуйте! — Дочка бабки Ады как-то неприятно улыбнулась мне возле почтовых ящиков. Не улыбка — оскал прямо.

— Добрый день. — Я непроизвольно вспомнила свои мучения в июле.

— Лия, загляни ко мне. Я под кроватью мамы, когда делала уборку, ключ нашла. Провалился между подушек на пол. Твой, наверное?

— Ой, а я ищу его повсюду! Думала, подруги потеряли.

Я попросила Матвея занести болящим подругам пакеты с пивом, а сама пошла за соседкой в знакомую квартиру, где совсем недавно ухаживала за больной старухой. Аделаида Ильинична встретила меня с восторгом:

— Линейка! Вот радость! Ну, расскажи, как ты? Детки ещё за городом?

— Да, спасибо, всё в порядке. — Я улыбалась, смирившись с «Линейкой» и остальными причудами бабки. — А ваше здоровье как?

— Без особых перемен, — возле старушки по-прежнему лежали «витафон», шарики для пинг-понга и самодельная сумочка с зубными протезами.

Мы мило поболтали. Ада вспомнила Андре — недобрым словом. Ключ оказался и правда мой. Завалился под кровать. Вот ведь как бывает.

Посмеялись над моей рассеянностью. И расстались бы на этой доброй ноте, если бы дочка Ады как бы между делом не сказала:

— Представь, Лия, у мамы куда-то пропали любимые золотые серёжки. С рубинами. Она ещё в пятидесятые годы их покупала. Тогда все украшения делали массивные, крупные. Не представляю, как они могли затеряться. Всегда лежали на трюмо, в вазочке, на самом видном месте.

— Линейка-то тут при чём? — Аделаида Ильинична одёрнула дочку.

— А вдруг она натыкалась на них, когда у нас бывала? — испытующе посмотрела на меня та.

Я растерянно пожала плечами.

— Нет, нигде не встречались.

— Ну, может, ещё найдутся... — Соседка опять кинула пронизывающий взгляд в мою сторону. — Но ты подумай, вдруг вспомнишь. Может, где-то видела? Или переложила куда-то случайно?

После намёков дочки Ады я вышла на лестницу в сильном огорчении. Как-то сразу расхотелось подниматься домой. Я, наоборот, спустилась, потопталась у доски объявлений и, чтобы утешиться, поднять себе настроение, решила снова заглянуть в подвальный магазин за вкусеньким. Не для Надин и Аньки, а для себя. Пожалуй, возьму мороженое. Да! Тем более так жарко — платье прилипало к телу, небольшая сумка оттягивала руку свинцовой гирей.

Но моего любимого черносмородинового не оказалось, и я решила сбегать в ларёк напротив. Там подороже, поэтому быстро не раскупают.

Перекрёсток у нас без светофора. Стоишь и по полчаса ждёшь просвета между

машинами. Но мне спешить некуда. Всех пропускаю. И справа, и слева. На переходе уже скопился народ. Вот какие же всё-таки водители пошли вредные — ни один пешеходам не уступит! И вдруг меня необъяснимой силой вытолкнуло на проезжую часть. Из-за поворота как раз, словно чёртик из табакерки, вылетел серый автомобиль с тонированными стёклами — и помчался прямо на меня...

Срезал бы, как травинку, но бдительная тётка из толпы сзади схватила меня за сумку и дёрнула на себя. Автомобиль лишь чиркнул по подолу платья. Спасительница возмущённо крикнула вслед быстро удаляющейся машине:

— Совсем с ума посходили. Изверг! Дочка, ты хоть номера запиши, ведь убить мог на такой-то скорости.

Я хлопала глазами от испуга и растерянности. Какие уж тут номера? Даже не заметила, кто вытолкнул меня с проезжей части. Сердце колотилось, я осознала: да, под машину меня именно толкнули. Если бы не эта тётка — дай бог ей здоровья! — лежать бы мне сейчас на асфальте... Люди уже перебежали на ту сторону, а я всё пыталась отдышаться, забыв, куда шла и по какому делу...

Купив-таки мороженое, вернулась домой, собираясь рассказать Аньке с Надин про ключ, который нашёлся; про серёжки и обидные подозрения дочери бабы Ады; и, конечно, про случай на перекрёстке. А подружки накинулись на меня в тёмной прихожей, как две фурии:

— Лейка, где ты болтаешься? В аварийку звони, света нет! Нам даже в инет не выйти.

— А вы на улицу лучше идите погулять...

Я невесело улыбнулась. Да уж, что на улице, что дома — сплошная засада...

Как ни виляй, а не миновать Филей.

Русская пословица

Я отмокала в прохладной ванне — единственное спасение в такую жару для тела и нервов. Ароматические свечи вызывали блики на кафеле — даже здорово, что свет отключили. Подруги, потягивая пиво на кухне, сетовали на жизнь, отсутствие электричества и какого-либо вкуса у меня. Пиво, видите ли, я им купила дешёвое. Какая чёрная неблагодарность! Нет бы, спасибо сказать, что вообще купила. С риском для жизни. Вот сами и пойдут в магазин в следующий раз. Откуда я знаю, какое пиво они любят.

Голоса подруг монотонно бубнили за стеной. Да, всё-таки звукоизоляция оставляет желать лучшего. Я медленно погружалась в полупрохладную дрёму. Опустив голову в воду, легла в невесомость. Звуки смягчились, отдалились. Тело полностью расслабилось.

«Что происходит?» — вяло подумалось мне. Но в ответ ничего путного в голову не пришло. Из лёгкой дрёмы меня вырвал стук в дверь ванной: Аньке надо было срочно сполоснуться — от духоты и пива она, видите ли, вспотела.

Свет дали только через два часа. Оказалось, небывалая жара стала причиной огромных нагрузок на проводку (езде повключали вентиляторы и кондиционеры), и в результате произошла авария на городской подстанции.

Пока Андре принимала душ, я рассказала Надьке о происшествии возле подвального магазина и на перекрёстке. Подруга сильно встревожилась:

— Тебя явно «пасут». Камни вчера ведь тоже в тебя кидали.

— Но почему?

— Не знаю. Боюсь, это как-то связано с ненашим Стасом. Или с нашим. — Больше ничего на ум не приходит. Странно: покушения все какие-то... неуклюжие.

— Ничего себе неуклюжие! — рассвирепела я. — Машина очень даже уклюже могла меня переехать. А вот моя тушка неуклюже лежала бы на асфальте, если бы не та тётка, дай ей бог здоровья.

— Но всё выглядит как-то несерьёзно. Если бы тебя хотели по-настоящему замочить, то стреляли бы, а не кидали камни. Воткнули бы под лопатку нож, а не толкали на лестнице или под проходящую машину.

— Да что ты такое говоришь? — Меня от страха пробил пот. — С ума сошла! Кому я нужна? Уж скорее на тебя покушались бы. Записку ведь тебе написали, а три дня давным-давно прошли. Надь, а может, меня с тобой перепутали? — Я отчаянно цеплялась за жизнь.

— Тебе от этого не легче, — хмыкнула Надька, видимо подозревая, что в моей версии есть некоторое здоровое зерно. — Но я думаю, что, скорее всего, тебя пытаются запугать. Что-то им очень нужно. Тебе никаких записок не присылали?

Я вздрогнула, вспомнив письмо по мейлу в компьютере, но отрицательно замотала головой. Надька, закулив, задумалась. Я мучительно пыталась сообразить, стоит ли рассказать про файл от Стаса.

— Вы чего как на похоронах? — Анька опять в моём китайском халате с драконами бодро прошествовала в кухню. Видимо, холодный душ прибавил ей оптимизма. — Так, девочки, быстро приводим себя в порядок. Мне Храм звякнул, уже сюда едет. Лейка, ты не

против? Он звал в ресторан, но что-то не хочется никуда тащиться по такой жаре. А нам с ним надо запись «Дайкири» обсудить.

Я судорожно закивала, как китайский болванчик. Вот ни за что больше не выйду из дома! Даже если есть будет нечего, на улицу — ни ногой. Уж больно мне не понравились Надькины слова про нож под лопатку. Аж спина зачесалась.

Через полчаса мы раскрашенные, как индейцы, и при полном параде ждали Храма. Он, однако, задерживался. Анька постоянно дёргала его по телефону, требуя купить по пути «Тирамису», абсент, потом (с Надькиной подачи) коньяк, затем (даже без моей просьбы) холодец с горчицей.

— Ань, ради бога, оставь Храма в покое, — взмолилась я. — Он так ещё час ехать будет, а у меня тушь потекла. И штукатурка с лица скоро начнёт осыпаться. Пойду умоюсь, сил нет...

Подруги закончили восстанавливать мою боевую раскраску, в аккурат когда раздался звонок в дверь.

— Андреечка, не завидую твоему будущему мужу. Загоняешь ты его по магазинам до смерти. — Шутливые интонации Храма резко контрастировали с льдисто-оценивающим взглядом.

Вместе с Анькиным продюсером и кучей пакетов в мою квартиру проник горьковато-дурманящий запах сандалового дерева, апельсина и хвои. Вот что меня так раздражает в этом герое-любовнике? Вроде бы очень красивый мужик. Ухоженный, галантный. Фигура потрясающая. Белозубая улыбка. Одевается стильно. Однако что-то во мне сопротивляется бронебойному обаянию Храма. Сама не могу понять что.

Через полчаса, разлив горячительное по бокалам и разрезав торт, уселись на кухне.

— С «Дайкири» ты была права. — Чернохрамов, закурив, глотнул холодного чая. — Ко мне уже обратились представители двух рекордс-компаний, готовы записать твой новый альбом. Вокруг песни жуткий ажиотаж, её просят везде. Надо писаться. Но уже в Москве, на хорошей студии. У тебя как там, с материалами? Кроме «Дайкири» что-нибудь есть?

— А чем тебе готовая фонограмма не нравится? — Анька, подобравшись, решила сражаться до последнего. — Вроде всё отлично получилось. Материалов у меня завалились. Но, я так понимаю, в первую очередь нужен «Дайкири» — в широкую ротацию?

— Андреечка, не спорю, получилось неплохо. Но надо не просто неплохо, а супер, на мировом уровне. Закинем запись в ротацию на основные радиостанции, на «Он-хит» для регионов и зарубежья. А там и до клипа, глядишь, дело дойдёт.

Последний аргумент сломил сопротивление Андре — она давно мечтала о новом клипе. А Храм продолжал уговоры, понимая, что практически убедил певицу:

— Я с утра созвонился с Гариком Большим. Он дал согласие на запись. Его ребята сделают модную аранжировку. С учётом последних тенденций — всё, как ты скажешь.

Анька недоверчиво слушала, забыв закрыть рот. Мы с Надькой затаили дыхание: на наших глазах решалась судьба шлягера.

— Я тут прикинул, — продолжал убеждать Храм, — даже если потратить полтинник на съёмки — кстати, лучше здесь, в Питере, и проплатить жёсткую ротацию за пару месяцев на «Песня-ТВ», отобьём бабло за первые два-три месяца гастролей.

— Ты мне так и с «Калиной-ягодой» говорил, — ядовито улыбаясь, прошипела Анька. Но даже мне, далёкой от шоу-бизнеса, было понятно, что Мадемуазель Андре сдалась. — Права на фонограмму мои?

— Андреечка, кто старое помянет, тому глаз вон, — обворожительно улыбнулся Храм. — Конечно, твои. Одно неудобно: студия у Большого расписана на полгода вперёд. Свободный день только завтра, кто-то из его звёзд слетел, так что тебе придётся выехать уже сегодня.

— Храм, ты чего?! — заорала Анька. — У меня свои планы на ближайшие дни!

— Не горячись. Бери с собой подруг, — Храм снова обворожительно улыбнулся, уже мне и Надьке, — оттянетесь в Москве после записи. Я уже три билета на «Стрелу» на сегодняшний вечер организовал. На Ленинградском вокзале в Москве вас встретят. Не бойсь, всё схвачено! Обратные билеты возьмёте сами, когда захотите. И да, Лия... Позвони мне по возвращении, я жду новые тексты песен. Если хотя бы один будет так же удачен, как «Дайкири», поговорим о повышении расценок. Скажем, раза в два.

Нам оставалось только согласиться. По всем пунктам. Храм был чертовски убедителен. Вот только я не поняла про текст «Дайкири» — его же Анька сама написала. Но я промолчала — на всякий случай. Потом у неё спрошу.

Не хвались отъездом, хвались приездом.

Русская народная пословица

Нас действительно встретили прямо возле выхода из вагона.

— Ну, здравствуй, Белокаменная... — прошептала Анька еле слышно. — Как же я по тебе соскучилась!

Вот никогда не понимала этого восторга. Ну, Москва. Ну, столица. Но мне и в Питере неплохо. С другой стороны, я не поддерживала тех питерцев, которые постоянно критиковали Москву и москвичей. У меня у самой здесь мама. И в редкие приезды к ней я гуляю по городу с удовольствием.

— Мадемуазель Андре, а где ваши вещи? — Встречающий оторопело уставился на Аньку, закурившую на перроне Ленинградского вокзала сигаретку.

Да, кроме дамской сумочки, никаких вещей и чемоданов не наблюдалось. Ни у певицы, ни у нас с Надин. Мы решили обойтись минимумом, Надька убедила, что всё, что понадобится, купим в Москве.

— Я так понимаю, что вы нас сейчас везёте на «Киевскую»? В студию Большого? — Анька здесь даже дышала, казалось, иначе. — Вещей у нас нет, расслабьтесь. Девочки, пойдёмте.

Пока мы обходили сбоку Ленинградский вокзал, пытаясь побыстрее выбраться на привокзальную площадь, Андре сокрушалась, что согласилась записываться именно сегодня: ведь пятница, тринадцатое. Как и все актёры и певцы, Анька была суеверной до ужаса.

Сев в машину, я полуприкрыла глаза. Мелькающие улицы Москвы, затем студия Гарри, суматоха записи слились для меня в одно целое.

Анька в огромных наушниках за стеклянной перегородкой прописывала вокал и бэки, вступая в неожиданных местах — музыку-то слышала только она. Мы с Надькой пристроились на мягкой кушетке. Меня сморило. Сквозь дрему я слышала непонятные слова:

— Тут надо поднять на полшишки. И пачка, вот тут должна быть целая пачка бэков... Здесь делаем остановку... — Анькиным, но очень требовательным голосом. Властным, указующим.

— Быстро пишется. Смотри-ка, чисто даёт, редкость, — бормотание ребят за пультом.

А в какой-то момент я заснула окончательно. Проснулась от толчка Надьки — нам предложили кофе. Подуставшая, но довольная Анька сидела напротив нас, жадно осушая бутылку минералки.

— Всё, три часа — и дело сделано. Ребят, как считаете, нормально? — На вопрос Аньки звукачи рассыпались в похвалах:

— Андре, всё в лучшем виде! «Ритм-секцию» немного подтянем, надо более темпово. Добавим гитар, возможно — флейты.

— Хорошо. Сбросьте «сведёнку» Храму, а мы с девочками отчаливаем. — Анька, допив минералку, встала.

— Так хочется по Москве побродить, — заныла Надин. — Просидели тут, я и города не видела совсем.

— Надь, впереди ещё полдня. Поехали на Тверскую? — предложила Анька.

Заказали такси. Москва стояла задымлённая, за городом горели торфяники. Люди двигались по центру столицы, как по курортному городку, полураздетые. Настроение у всех не просто летнее, а угарно-августовское.

— На Тверской в розницу шампанское не купить, — пояснила Анька и попросила таксиста завернуть на Петровский бульвар. Там в подвальчике она прихватила три бутылки «Советского шампанского». Брют.

— Не могла чего-нибудь подороже выбрать? — фыркнула Надька.

— А мне хочется сейчас именно такое, советское. Вспомним студенческие времена, а?

Пушкинская площадь. Бронзовый памятник. Полукруг скамеечек в ажурной полутени деревьев. Мы уютно устроились позади поэтического зада Пушкина.

Надька подставляла пластиковые стаканчики.

— Ура! Холодное!

Шампанское приятно разливалось внутри.

— Давайте за Анькину песню!

— И за Лейкино здоровье!

— И за Надькин успех!

Проходивший мимо милиционер покосился на наши раскрасневшиеся довольные мордашки. Анька подмигнула ему, качнув полуобнажённым бюстом в открытом платье.

— Девчонки, а ведь у меня здесь было когда-то свидание, — мечтательно вспомнила Надька.

— В пятьдесят седьмом году, да? — захохотала Анька, всё ещё переглядываясь с милиционером.

— Нет, когда училась в академии. Мне было шестнадцать, приехали с друзьями на один день в Москву. Они — погулять, а я с этюдником. И села вон там рисовать. А парень подошёл ко мне, и это была любовь с первого взгляда... Тот этюд с наброском сквера я не продаю до сих пор, — смахнула слезинку ностальгии Надька. — Ну что, погнажи? А то вы целый день на скамейке просидите!

Мы рванули по Тверской. Надька и Андре неслись с такой скоростью, что я теряла шлёпанцы, едва поспевая за подругами.

— Девчонки, смотрите, улочка сбоку совсем как в Питере! — краем глаза я увидела классически-строгий жёлтый переулок.

Но Анька и Надька меня не слушали и мчались дальше.

Спустились до Красной площади, вход на которую оказался перекрыт конниками.

— Не повезло, — разочарованно произнесла я.

— Ну и ладно. Значит, мавзолей не посещаем, — заржала Анька. — Пошли, постоим на нулевом меридиане.

— А это что такое?

— Лейка, дороги в России начинаются на нулевом меридиане. Все знают, что можно встать на него, бросить монетку и загадать желание.

— А если её кто-то подберет, оно не сбудется, — ехидно добавила Надин. Но первой бросила пятьдесят копеек, прошептав: «Хочу стать знаменитой, как Моне».

Анька мысленно проговорила то же самое, то есть — почти то же самое: «Хочу стать знаменитой, как Мадонна»... А я в растерянности топталась на золотой звезде нулевого меридиана и, как всегда, ни о чём, кроме детей, вспомнить не могла: попросила, чтобы у

меня родился крепкий сынишка. И чтобы все мои козлята были здоровы.

— А теперь, Лейка, я тебе покажу памятник кобыле Жукова. — Анька начала давиться смехом, ещё не дойдя до всадника... — Итак, это история о том, как кобыла превратилась в коня. Жуков воевал на кобыле, но когда скульптор показал проекту высокому начальству, ему заявили: «Герой мог ездить только на коне!» И скульптор, не переделывая кобылу, приставил ей увесистое мужское достоинство, подходящее для Книги рекордов Гиннесса. А потом решили, что слишком крупновато, и объявили тендер на отпиливание лишнего. Победивший скульптор не только оскопил кобылу-трансвеститку, но и придумал ещё канал просверлить, чтобы лошадка писала во время дождя... Мне это рассказал один знакомый, историк, когда мы с ним тут гуляли. Занудный был — ужас, целовался отвратительно. А памятник внутри полый и сделан из отдельных частей. Вода через стыки просачивается. И по каналу и выливается.

Надька немедленно полезла под кобылу — рассматривать скульптурные излишества. И заорала оттуда, вызвав нездоровое возбуждение и дикий хохот туристов из Азии:

— Лейка, ну ты глянь, какое безобразие!

Я отвернулась, сделав вид, что не знаю эту экзальтированную даму.

После подробного осмотра кобылы-мальчика Анька с Надькой настроились на шопинг — обе стосковались по столичным магазинам. А я решила, что быть в Москве и не заехать к маме будет просто свинством.

Со времени нашей последней встречи в знакомом кабинете в МГУ ничего не изменилось: старинное деревянное кресло, огромный стол с множеством выдвижных ящичков. Книги, микроскопы, учебные таблицы. Мама достала из шкафа чай, две чашки, шоколадку.

«Как потрясающе она держится! — с восхищением думала я. — Шестьдесят лет, а такая подтянутая, на высоких каблуках».

— Лиюшка, ну как ты там? Выкладывай новости!

— Всё хорошо, мам.

— У тебя всегда хорошо, ничего толком не говоришь. Забава по телефону и то больше с бабушкой секретничает.

Я улыбнулась. Ну что ей сказать? Про труп Стаса, одного и другого? Про беременность, которая вряд ли порадует маму? Она и так всё время переживает, что мне тяжело с тремя детьми.

— Опять молчишь. Ладно, сейчас денжат тебе подкину...

Я остановила мамину руку, потянувшуюся за сумкой.

— Ма, у меня куча денег. Мы с Надей и Анькой заработали по тринадцать тысяч евро.

— Неужели банк ограбили? — Мама застыла от удивления.

Тут я попыталась вкратце поведать историю своих финансовых успехов, но ничего не получилось — в кабинет стучались люди, приставали к заведующей кафедрой с вопросами, аспиранты подсовывали статьи. И я подумала: так было всегда, мама очень много работала. Под конец нашей встречи в мамин кабинет заглянула незнакомая мне женщина, неодобрительно бросив:

— Элеонора Михайловна, Михаил Петрович уже десять минут ждёт вас!

— Дочка, у меня встреча с деканом. Нужно обсудить преподавательскую нагрузку. И всё-таки, как твои дела? Расскажи по-быстрому.

— Всё хорошо, — опять улыбнулась я.

— Да что ты долдонить: хорошо да хорошо!

Правильно долдону — так спокойней и маме, и мне. Ведь если признаешься, что трудно, сразу пойдут расспросы: отчего, почему? А чем она поможет? Только сама начнёт дёргаться и меня дёргать.

Когда я была маленькая, то откровенно рассказывала маме о своих горестях, и она говорила мне: «Сама во всём виновата». Так я разучилась плакать на плече.

— Так тебе не надо денег?

Я помотала головой.

— А чего глаза такие грустные? — мама оторвала взгляд от зеркала, перед которым причёсывалась.

Пришлось добавить яркости в улыбку.

— Вот, другое дело, доча. Так держать! Жалко, что поговорить толком не удалось. Кстати, ведь скоро твой день рождения.

Ну вот, а я и забыла о нём. Двенадцатого сентября мне стукнет сорок.

Мама поцеловала меня, закрыла профессорский кабинет и, помахав мне рукой, пошла по коридору.

Я гордилась ею. Она всегда знала, чего хочет в жизни. Целеустремлённая. Сильная. Умница. А я? О чём мечтаю я? И сбыточно ли оно? Откуда-то подкралась тоска. И вдруг мне показалось: жизнь прошла мимо и что-то важное в ней упущено. Да, я очень люблю детей. Но в них — не вся я. Другая, не менее существенная часть меня жадно ищет своего счастья. Того, которое должно осуществиться не в детях, а во мне, того счастья, которого хотели для меня мои родители.

Медленно, как во сне, прошла я по тёмным, с дубовыми панелями коридорам биофака, вышла из высоких дверей на огромное крыльцо. Спустилась по ступенькам. Присела на скамейку, задумчиво глядя на цветочный газон, уходящий вдаль. Даже кустовые розы поникли от жары.

Вспомнила себя студенткой, беззаботной и наивной. Бегущей, как вот эти девушки сейчас, после лекций в кино. И вдруг по лицу хлынули слёзы — от непрошенной жалости к себе. От воспоминаний о юности. словно растревожилось, разболелось что-то такое внутри, от чего никто не утешит — только ты сама...

Не помню, сколько я сидела на скамейке, пока солнце не высушило желание плакать и жалеть себя.

Биофак обхватил меня своими пролётами-крыльями, впереди просматривался ботсад МГУ. Яблоки уже краснеть начали на деревьях. Жалко, что мне не удалось поступить сюда. Но теперь я не променяла бы годы учёбы в ЛГУ ни на что. Пожалуй, если улыбаться, то счастье скорей заметит меня? Я вытерла слёзы и позвонила девчонкам.

— Ну, где вы там бродите? Закругляйтесь! Встречаемся в восемь на выходе из метро у Ленинградского вокзала.

Сколько бубнов, столько и мелодий.

Поговорка хинди

С ворохом пакетиков и пакетов Анька с Надькой ждали меня на площади трёх вокзалов, благоухая парфюмом и источая весёлое настроение. Принялись наперебой рассказывать, что и где купили. С билетами, однако, нам повезло меньше: места были только на поезд, отправляющийся в два с копейками часа ночи.

— Можно подумать, вся Москва в Питер решила рвануть! — возмущалась Надин. — И чего москвичам дома не сидится в такую жару?

— Вечер пятницы, Надь. Отпускной сезон опять же. Дым. Чего ты хочешь? — Андре морщась, разглядывала публику на привокзальной площади.

— Да, пятница, тринадцатое... — пробормотала Надька, тоже оглянувшись.

Обилие полуголых, подвыпивших и совершенно пьяных тел не радовало. Очередь в киоск рядом с вокзалом закручивалась хвостом: все желали купить холодного пива или воды. Пивные бутылки и жестянки не успевали коснуться асфальта — их тут же собирали курсирующие рядом бомжи. В самом здании вокзала было невыносимо душно.

— Придумала! — Анька вдруг стала судорожно искать в мобильном какой-то номер, косясь на фантазмагорию из чемоданов, рюкзаков, обтягивающих маек и полуголых торсов в шортах всевозможных расцветок.

Страждущие уехать сидели на бордюрах, клумбах, чемоданах. Бродили по площади с рюкзаками, собирались в группы. Зрелище поражало своей ленивой разморенностью и каким-то вневременьем. Пивной дух и смог гармонично слились воедино, накрыв разморенную человеческую массу.

— Добрый вечер! А Рената можно? — наконец дозвонилась Анька по одной ей известному номеру. — Как не работает? Ага, поняла... А свободная комната, до пяти человек которая, у вас на сегодня ещё есть? Ну, скажем, с девяти вечера, часа на три-четыре. Отлично! Запишите на Лию Лин, контактный телефон...

Я в обалдении уставилась на Андре, диктующую номер моего мобильного. Чего она удумала? Какие комнаты, что за Ренат? И почему мой телефон? А та командовала:

— Вещи сдавать в камеру хранения не будем, с собой заберём. Так надёжнее. Лейка, у тебя руки пустые, возьми у меня пару пакетов. Теперь, девчонки, надо тачку поймать. Но здесь барыги три шкуры сдерут, немного отойдем в сторону от вокзала.

Анька — и говорит, что дорого? Это какие же космические расценки должны быть у таксистов возле привокзальной площади? Всё ещё ничего не понимая, мы с Надькой засеменяли за уверенно шагающей на высоченных шпильках Андре. В машине подруга отказалась отвечать на наши вопросы, загадочно улыбаясь. Лишь когда у меня завибрировал мобильный, Анька выхватила его и бросила коротко: «Едем».

Вывалившись из такси, в котором, по счастью, работал кондиционер, в вечернее удушье, мы с Надькой оторопело уставились... на поэтический зад Пушкина.

«Все расстоянья когда-нибудь в круг замыкаются», — некстати вспомнилась мне строчка из любимой песни. Знала бы я, насколько пророчески вспомнилась. Значит, мы опять приехали на Тверскую. Для этого вывода моих более чем скромных познаний

географии Москвы хватило.

— Ань, ты саму себя переплюнула, — глядя на знакомую скамейку, процедила Надин. — Опять шампанское пить будем? Из пластиковых стаканчиков, на глазах милиции? День сурка, блин...

— Потерпите две минуты, нам всего лишь перейти дорогу, — не обращала никакого внимания на наши недовольные лица Андре. — Идём в-о-о-он туда.

Спускаясь за Анькой по ступенькам в полуподвальное помещение, я увидела вывеску «Сам-Пень», горящую неоновым-оранжевым. Звякнувший при входе колокольчик отсек шум вечерней Москвы и духоту.

— Мадемуазель Андре, рады вас снова видеть. К сожалению, все комнаты заняты, но мы что-нибудь придумаем! — Подскочивший к нам официант имел ещё более узкий, чем у меня, разрез глаз.

Анька, отмахнувшись, объяснила, что заказ сделан на Лию, ткнув в меня пальцем. Услышав нестройные голоса, приглушённо доносящиеся из-за дверей, я поняла наконец, что мы приехали в караоке-бар. В небольшой уютной комнатке с плазменной панелью, микрофонами и кожаными диванами мы с Надькой, наслаждаясь прохладным воздухом и игрой разноцветных огней от зеркального шара, прикрепленного к потолку, дали волю любопытству.

— Ань, а зачем номер моего мобильного, если тебя и так здесь знают?

— Слушай, Анют, а тебе петь за сегодня не надоело? Ты ж больше трёх часов в студии надрывалась на записи. — Надька, похоже, тоже быстро сообразила, куда нас затащила подруга.

— Телефон я свой стараюсь никогда не давать, замучают потом, — фыркнула Анька, раскладывая пакеты по диванам и нажимая на кнопку вызова. — А петь я не устану никогда. Знаете, есть такая хохма: если случится ядерная война, выживут тараканы и артисты — у них живучесть одинаково высокая. Только певцы могут, отработав двухчасовой концерт, поехать отдыхать в караоке. Но вам этого не понять. Ладно, не парьтесь. Время проведём клёво, обещаю. Всё лучше, чем на вокзале тусоваться.

В этот момент в дверь постучали, и в комнату проскользнула девушка с миндалевидным разрезом глаз. Из коридора слышался нестройный хор. Особенно старались в комнате рядом с нашей: хриплые голоса подвыпивших мужчин тем не менее слаженным дуэтом исполняли песню про белого лебедя, дом и кол.

Закрыв дверь, девушка со скрытым восторгом уставилась на Аньку:

— Мадемуазель Андре, вот микрофоны фирмы «Шур». Вы ведь их предпочитаете? Ренат уже не работает, но сейчас придёт Дильмурат и отладит звук. Может быть, пока сделаете заказ?

— Пусть будет «Шур» — это лучшее, что тут у вас можно выбрать. «Синхайзеров» ведь нет? Несите пол-литра абсента. Коньяк какой есть? И водку попримичней. С закусью чуть позже определимся.

Приняв заказ, официантка выскользнула, плотно прикрыв за собой дверь. При этом опять на короткий миг стали слышны голоса из соседней комнаты, поющие уже про «централ и ветер северный, этап и зло, которого немерено».

Затянул песню, допевай — хоть тресни.

Русская пословица

Где-то после первых пятнадцати минут я потеряла терпение. Анька загоняла Дильмурата до пота, добиваясь одной ей понятной настройки адского агрегата. По мне, так всё звучало одинаково — все пробные строчки песен и бесконечные «раз-два-три, сорок пять, восемьдесят девять» в разные микрофоны. Слава богу, принесли заиндевевший графинчик с водкой.

Надька полулежала на диване, листая толстенный каталог песен «по исполнителям». Наконец Анька, отстроив три микрофона, отпустила парня. Наскоро пролистав каталог «по названиям», Андре выбрала номер с помощью дистанционного пульта. «Гляжу в озёра синие» — выскочила надпись на экране. Андре вдохнула — и...

Я знаю разную Андре. Порой она бывает невыносимой. Несносной. Дурачки хихикая говорит колкости. Косит под «дурочку-блондинку». Иногда она человечище. Гуманоид, по её собственному выражению. Поющую её я тоже знаю, бывала на концертах. Но тот вечер в караоке-баре я не забуду никогда.

Русское, по-настоящему грудное пение заполнило собой всю комнатку. Андре, стоя к нам спиной, жестикулировала, склонялась и выпрямлялась как ракета, выдавая невероятные по силе и красоте звуки. Откуда в ней это? Я всегда любила исполнение Зыкиной, хотя и Екатерина Шаврина спела про озера отлично. Вот уж не думала, что можно ещё лучше...

На экране плазменной панели бежали строчки, закрашивая синим уже пропетые слова. Я как замороженная, неотрывно, до боли всматривалась в спину Андре.

Повернувшись к нам, Анька приоткрыла глаза, улыбнулась и выдала ещё более мощную ноту, вдруг почти шёпотом пропела: «И радуюсь с тобой». Затем взмахнула микрофоном в бутафорско-клоунадном поклоне. Мы с Надькой потрясённо молчали. Я поняла, что увидела, вернее, услышала настоящую Андре. Ту, которая своим лёгким отсветом лишь чуток согрела песню «Изумруд».

— Я же обещала, что скучно не будет, — засмеялась Анька, глядя на наши ошарашенные лица, и тут же, пролистав каталог, выбрала следующую песню.

Нет, я многое могу понять. Даже Сару Моисеевну порой понимаю. Но вот когда Андре запела голосом Беллы Гринёвой её известнейшую песню «ноль-в-ноль», безошибочно копируя горловые переливы, но слегка утрируя, совсем чуть-чуть пережимая в некоторых местах, мы с Надькой начали ржать как сумасшедшие. И я уже не понимала, то ли это Белла Фаризовна над собой подтрунивает, то ли моя подруга поёт её голосом. Но ведь это невозможно! У Аньки и Беллы всё разное, всё. Голос, возраст, манеры! От хохота у нас текли слёзы, а Анька, наоборот, была нарочито серьёзна. У неё даже пластика изменилась. Никогда не подозревала у Андре талант пересмешника. Или это — просто талант?

Закончив петь, Анька вручила микрофон сопротивляющейся Надьке. Та, пококотничав для вида, затянула нашу любимую, про гроздя акации, белые и душистые. Пела Надька отвратительно: не попадала в ритм и ноты. Анька, дурачась, слегка помогала ей во второй микрофон, снова натянув маску легкомысленной блондинки.

Но вот теперь-то меня не одурачить. Я по-новому посмотрела на Андре.

Я видела незнакомку сегодня утром, на записи в студии: сдержанно-строгую и целеустремлённую, требовательно-властную и чётко знающую, чего она хочет.

Мы распивали шампанское неподалёку отсюда из пластиковых стаканчиков, смеясь над глупыми шутками. Анька дурачилась и дурачила. Но вот понимает ли сама Андре, насколько она талантлива? Что достойна большего, чем её хиты? Вернее, что может большее?

Анька, увидев мой сосредоточенный взгляд, улыбнулась с лёгкой грустинкой в уголках губ. Понимает, всё она понимает — показалось мне.

— Лейк, теперь твоя очередь. Я ведь никогда не слышала, как ты поёшь. — Анька, подлив себе абсента, а мне водки, протянула микрофон.

Полная катастрофа. Я же не умею петь абсолютно! Мимо нот — это именно про меня. Со внутренним слухом у меня всегда было хорошо. Слышу похожесть мелодий и песен — народ удивляется. Но петь... Потому, наверное, с китайским разговорным мне было сложно: никогда не получалось воспроизвести нисходяще-восходящий тон.

Ох, как не хочется позориться. Когда я пробовала петь, меня всегда просили заткнуться. И, что хуже, я сама, послушав себя один раз в записи, пришла в ужас. Не рак ушей — нет, всё фатальнее. Выстрел в рот — тому, кто извлекает такие звуки. Чтобы мозги по стенке — и вечное молчание.

— Девчонки, а давайте лучше втроём споем что-нибудь? — я отчаянно пыталась выкрутиться.

Как ни странно, на бэк-вокале подвывая подругам, я была даже терпима. Или подруги мужественно терпели меня?

В какой-то момент мы с Надькой заткнулись, прося спеть ту или эту песню по очереди. Анька сопротивлялась. Говорила, что это неправильно, но мы практически заставляли петь её снова и снова. Я парила в удивительно-добродушном настроении, впервые забыв все ужасы с трупами и несчастьями последнего времени.

— Слушай, Анют, а спой нам «Калину-ягоду»... — Надька глотнула коньяка из пузатого бокала.

— Угу, скажи ещё «Изумруд». Нет, я свои песни в караоке не пою ни-ког-да. Извини, вот такая у меня запара, — Анька, погрузнев, рассматривала светло-зелёную жидкость в фужере на просвет.

— Почему?

— Это же как в анекдоте про гинеколога и слесаря: вы приходите с работы, а вокруг вас станки, станки, станки...

— Ань, а «Небо Брайтона» можешь? Которую Шармила поёт? — У меня заплетался язык то ли от водки, то ли от эйфории.

Когда Андре начала петь, я выпала в осадок. Она ещё и в роковой манере может? Нет, Анька не копировала Шармилу, пела иначе, только я поняла, что и её моя талантливая подруга легко могла бы «сделать в ноль».

После лёгкого стука открылась дверь, впустив к нам официантку с подносом и... звуки «Неба Брайтона» из соседней комнаты.

— Сырное ассорти, фрукты, жульены... Ничего не забыла? — официантка с восторгом смотрела только на Аньку. — Знаете, мы уже давно так не веселились с ребятами — клиенты из соседней с вашей комнаты поют вслед за вами все те же песни. Мадемуазель Андре, вы не дадите мне автограф?

Девушка протянула листок, и Анька, спросив её имя, вывела фразу: «Саран — от

Мадемуазель Андре. С любовью». Нет, какая же Анька молодец!

— Саран, а можно не говорить соседям, если будут спрашивать, кто поёт в этой комнате? — Андре лукаво усмехнулась. — И, уходя, не прикрывайте плотно дверь.

После трёх песен мы поняли, что официантка сказала правду. Более того, звуки от соседей раздавались намного громче, чем сначала.

— Ну ладно, получите, — пробормотала Анька, выбрав песню Профессора Гусинского «Я пришью тебе парусник».

Услышав первые ноты, я вдруг вспомнила вокал инопланетной синей дивы из фильма «Пятый элемент». Только там, кажется, половину звуков играл синтезатор, а Анька выдавала «живаго» в трёх с половиной октавах. Когда она запела басом, мы с Надькой заорали от восторга. Это было сумасходительно. Мне показалось, что вибрируют даже листы в каталогах.

После оглушительной паузы два мужских и один женский голос затянули ту же самую песню в соседней комнате. Мы, прослушав не такое уж и плохое исполнение, затаив дыхание, перевели глаза на Андре.

— Угу, сами напросились, — стиснув зубы, Анька быстро пролистывала каталог песен. — Где там этот «Изумруд». Слава богу, мы не в «Караоке-ГУМ», где общий зал^[4], и меня сейчас никто не видит.

Надо ли говорить, что «Зелёный изумруд» Анька спела «ноль-в-ноль»? Со всей своей сложнейшей мелизматикой и игрой с ритмом?

После минутной паузы в нашу полуоткрытую дверь раздался робкий стук. После чего в комнату ввалилось человек пять.

Я с интересом рассматривала незнакомых мужчин и женщин, а они, восторженно что-то говоря, окружили Андре. В коридоре фоном рисовались любопытные лица официантов.

— Нет, ну скажите, вы — Мадемуазель Андре? — импозантный мужчина лет сорока, улыбаясь, пожирал Аньку взглядом. — Я поспорил, что это вы. Я любитель, но даже я понимаю, что только Мадемуазель Андре могла ТАК спеть «Изумруд».

— Ну что вы, Мадемуазель Андре — старая и толстая. Неужели клип не помните? Мы просто с ней похожи, — Анька, ехидно улыбаясь, рассматривала гостей. — Но я-то моложе и лучше качеством.

Мы с Надькой ошарашенно посмотрели на подругу: во даёт! Отжигает не по-детски. По моему, у Саран челюсть упала со звоном. Да и Дильмурат, как мне показалось, был не совсем в себе. От удивления. Вон, даже разрез глаз стал почти русским.

Стремись только к хорошему — плохое само придет.

Еврейская поговорка

В два часа ночи мы ввалились в купе поезда в приподнято-безбашенном настроении (четвёртое место подруги тоже выкупили, чтобы никто не мешал). Надо же, сколько всего случилось за этот день.

Надин открыла коньячную заначку и тут же начала курс «высокоградусного опохмела». Минут через тридцать Надька сладко засопела на верхней полке. Мы же с Анькой ещё долго смотрели в окно, думая о том, что ожидает нас в Питере.

— Ань, а почему ты так ответила? Тогда, в караоке? — Этот вопрос мне не давал покоя. Мерный стук колёс располагал к откровениям.

— Лейк, мне кажется, ты сама всё понимаешь. — Бегущие в окне огни вырисовывали причудливые тени на постаревшем лице Андре. Она казалась мудрее и чуточку более уставшей, чем обычно. — В правильно поставленном вопросе всегда содержится ответ...

Перестук колёс, тени на лицах и — какая-то невидимая нить между нами.

— Ань, а ведь ты — талантище. Ты сама хоть понимаешь, насколько ты талантлива?

— Перестань, Лейк. Мне уже под сорок. Ну хорошо, за сорок. Но пока «ни кола, ни двора и ни сада...». Что-то лучшее осталось там, в беспашашной юности. Всё время мне казалось: да, я талант, — и тигры обязательно будут сидеть у моих ног, впереди еще столько всего. А потом как-то резко обнаружилось: жизнь уже четвёртый десяток разменивает. И меня начинают забывать. Растёт поколение, для которых Мадемуазель Андре — нафталин. Я не умею прогибаться или спать с кем нужно. Или дружить из расчёта. Знаешь, иногда даже задумываюсь о том, что надо менять профессию на что-то более стабильное. Особенно когда простой. Лейка, когда у меня простой, я кончаюсь... Господи, ну чего я разнылась? Вроде всё хорошо, а?

Я вдруг отчётливо поняла, что у нас с Анькой, несмотря на то что мы такие разные, проблемы общие. Может, климакс так подкрадывается? Брр, не надо о грустном.

Поезд, стуча колёсами, нёс нас от одной столицы к другой. Из тумана прошлого — в пелену будущего. Из сумбурного вчера — в тревожное завтра. Тихо сопела Надька. Чуть слышно завывала вентиляция. Умиротворяюще позвякивали ложечки в пустых стаканах, мы так и не взяли себе чай. Мелькали в тёмном окне случайные фонари, даря причудливые тени. Нет, всё-таки нам ещё далеко до пенсии. И впереди что-то хорошее должно обязательно случиться. Свершиться, сбыться, состояться.

Мы с Анькой задумчиво смотрели в окно, затем легли спать. «Сбудется-сбудется» — стучали колёса. «Свершится-свершится» — перестук сопровождал наше смутное неудобное забытьё. Проводница разбудила нас уже на подъезде к Санкт-Петербургу.

Питер встречал жарой, но без удушливого московского дыма.

Анька дремала в такси. Надька мечтала схватиться за кисти.

— Лейка, я три дня не прикасалась к работе! Ужас!

Я покосилась на подругу. Маньячка-живописица... Мне бы её заботы. Внутри бродила смутная тревога, и я развеивала её мыслями о детях: интересно, какие новости у них и пришли ли мне письма.

В подъезде опять закрутилось волнение в животе, как в детстве перед уколом. Анька с Надин медленно поднимались по лестнице, увешанные сумками с покупками. И я первая шагнула в кошмар, который представляла моя квартира.

Конечно, она и раньше не блистала еврокрасотой. Мальчишки регулярно громили футбольным мячом обстановку; собака царапала обои; Забава разбрасывала вещи по всем углам. Но то, что я увидела, было непохоже на привычный урон от домашних разбойников.

Ящики столов вывернуты. Их содержимое валялось вперемешку с битой посудой и раздавленными цветами с подоконников. Вещи из комодов и платяных шкафов кучами на полу, поверх врасыпную книги. С полок сметены чьей-то злобной рукой вазы и фотографии. В комнатах ребят игрушки выброшены из тумбочек, а кровати перевёрнуты.

Я пробежала по квартире и замерла возле компьютера. Системный блок раскурочен, торчат разноцветные провода и разъёмы кабелей. Монитор почему-то включен, и на нём прыгает табличка для настройки. Но я точно помню, как выключала комп перед отъездом. Сердце учащённо забилося от страха.

— Кто здесь?! — заорала я.

— Лейка давно детей не видела, не узнаёт, — заржали подруги на лестнице.

Но смех быстро стих, когда они вошли в прихожую. Несколько минут стояли неподвижно с пакетами в руках. Потом Анька тихо спросила:

— Лейка, а это что?

Она сразу прошла в комнату к Забаве, где оставила свой ноутбук. Его не было.

— Ни фиги себе! Ноут исчез, а я за него пятьдесят тысяч выложила! — вопила Андре.

Авраашкиного лаптопа тоже не наблюдалось.

— И как это понимать?! Хорошо хоть картины на месте! — орала Надин, пересчитывая свои нетленки.

— Да кому они нужны... — начала было Анька, но прикусила язычок.

— Девчонки, лучше скажите, как это всё убирать?

Я бессильно опустилась в кресло, предварительно вернув его в вертикальное положение (оно валялось вверх колёсиками).

— Лейка, ты кому-нибудь оставляла ключи? — спросила Надька.

— Нет, конечно.

— Что-то пропало ещё, кроме ноутбуков?

— А у меня и брать-то нечего. Игрушки детские, что ли?

Я в недоумении перебирала версии, кому и зачем понадобилось так перелопачивать квартиру. Меня охватило чувство незащищённости. Ну ладно, в Надькиной мастерской после убийства ненашего Стаса было не по себе, но собственный дом казался крепостью. А выяснилось, что и в него могут вломиться. Может, это из-за файла, который мне прислал перед смертью Стас? Поэтому все компьютеры сломаны или пропали? Но зачем им этот непонятный файл? А может, дело в чем-то другом?

Чтобы подавить чувство страха, попробовала прибраться, но после нескольких наклонов подкатила тошнота, и я побежала в ванную. Токсикоз? В такси укачало? Или нервы? В ванной меня вырвало.

Склонится, но не сломится.

Бенгальская поговорка

Меня мутило, пошатываясь, я осторожно прошла через перевернутый вверх дном коридор в комнату к креслу. Девчонки сразу заподозрили неладное:

— Лейка, что с тобой? Ты только не переживай так из-за квартиры, мы поможем всё привести в порядок! — зачастила Анька. — Хрен с ним, с ноутом, новый куплю, ещё лучше. Да и тебе пора мебель обновить. Вытаскивай из всего плюсы!

— А ты случайно не беременна? — невпопад спросила Надька.

Я кивнула, борясь с очередным приступом тошноты.

— Так и думала, — сурово посмотрела Надька. — Видела в ванной вскрытую упаковку экспресс-теста. От Стаса, значит. И что? Неужели ты оставишь этого ребёнка? После всего, что случилось? С твоим-то здоровьем, с астмой, да с тремя детьми... Какой кошмар! — Подруга вытащила сигарету и обреченно закурила.

— Надь, тошнит. От дыма.

— А как меня тошнит! Ну ты даёшь, мать. Такое учудить...

Анька смотрела на меня с состраданием. Молча.

После душа я заварила в чайнике чай с мелиссой и мятой. Девчонки негромко переругивались: Анька советовала Надьке не лезть в мои дела, Надин тихонько, со вкусом посылая Аньку по ряду адресов, параллельно доказывая, что мне нужно делать аборт.

— Не ссорьтесь, ребёнка я оставлю в любом случае. Я так решила, — мне не хотелось сейчас слышать ничего про прерывания беременности и жизненные сложности. — Лучше давайте подумаем, кто всё это мог сделать, — обвела я рукой разгром.

Надька стала строить версии насчёт взлома квартиры:

— Я думаю, всё из-за бабки с Паркинсоном, за которой ты ухаживала. Помнишь, её дочка отдала твой ключ? Говорила, что он завалился за диван, когда ты дежурила у Ады? Она и сделала дубликат, я уверена.

— Помню... Но зачем ей рыться в моей квартире?

— Увидела в окно, что мы уехали, вот и решила поискать серёжки.

— Ты думаешь, она искала те самые серёжки с рубинами?

— Ну да... — Надька искала утешение в этой смехотворной версии, чтобы отвести тревогу о том, что смерть Стаса и погром как-то связаны.

— Что за серёжки? Ничего не понимаю, — задумчиво-молчаливая Анька посмотрела на нас недоумевающее.

Я рассказала ей о подозрениях дочери адской бабки (Надьке-то успела пожаловаться давно, по горячим следам). Однако совсем другая мысль всё крутилась у меня в голове, и я наконец озвучила её:

— А зачем взяли ноутбуки? И самое странное: мой комп включали и раскурочили. В нём что-то искали! Чую, не в соседке дело. Здесь что-то посерьёзней.

Анька была на удивление молчалива. Очнулась она, только когда я предложила:

— Девчонки, может, милицию вызвать, а?

— Совсем спятила, Лейк! Давай лучше вызовем службу уборки квартир. Куда тебе,

беременной, разбирать завалы? Я позвоню, и они всё сделают как было.

— Как было, невозможно, Ань. Я уберу сама.

Андре кивнула. И впервые стала помогать мыть, пылесосить, подметать осколки. Надолго её, конечно, не хватило, и она потихоньку выскользнула на лестницу покурить (от табачного дыма меня тут же начинало скручивать).

Мешки с мусором скапливались в прихожей, я взяла один, выставила за дверь. И сразу услышала Анькин голос этажом ниже:

— Храм, скажи, что это не ты! Ведь только ты знал, что мы уехали. Ты же мне слово давал, что никого не тронут! Поклянись, что разгром квартиры никак не связан с котом и запиской в мастерской!

«Кот в мастерской...» Я тихо осела на пол в коридоре, возле приоткрытой входной двери, вспоминая труп Мыша и записку рядом. Аньке мы ту самую записку не показывали. Холодок пополз по спине... Но тут я вспомнила, как сама всё рассказала Андре в спортбаре. С другой стороны, почему об этом знает Храм? И почему он должен клясться? В памяти всплыло, как Храм настойчиво интересовался, не передавал ли мне Стас диск или дискетку. Значит, всё-таки именно ему нужен загадочный файл...

Через пару минут входная дверь распахнулась. Андре схватила меня за руку.

— Лейк, тебе плохо? Говорила же, что надо вызвать профессиональный клининг, а не надрываться с тряпкой. И вообще, перестань собирать черепки. Сейчас поедem в «Ленту», и ты всё купишь новое, красивое...

— И я с вами! Я здесь не останусь! — заорала Надин из спальни.

Слава богу. Я бы без Надьки и не поехала.

В гипермаркете было немногочисленно — будни, жара. Хозяйственный шопинг не радовал Аньку и Надин, они зевали от вида кухонной утвари, пока я набивала в корзину бельё, тарелки, моющие средства. Вскоре подруги свинтили за колой, а я продолжала блуждать среди высоченных стеллажей, заставленных коробками. Огромными, тяжёлыми. Одна на другой, как камни Стоунхенджа.

Наверное, не так важно заметить, что опасность нависает над тобой, как важно, чтобы она не свалилась на голову. Не знаю уж, интуиция ли подсказала мне резко отступить в сторону, к тележке с уценённым мылом, или ангел-хранитель, но коричневая глыба рухнула с верха стеллажа прямо за моей спиной. И упала ровно на то место, где я была долю секунды назад. Из разорвавшегося картона высыпались пачки со стиральным порошком, а у меня из груди вырвался сдавленный вопль. Я подняла голову. Коробка стояла на самом краю? Или кто-то подтолкнул её? Никого вроде не видно. Но меня не покидало чувство, что за мной следят...

В голове шумело. Ноги тряслись. Я представила себя под упаковкой «Аиста» и поняла, что это не та смерть, которой умирают достойные леди. Тридцать штук по четыреста грамм — двенадцать килограммов. Конечно, не много, но, учитывая высоту стеллажей, достаточно, чтобы задуматься о жизни вечной.

Я всё ещё была в ступоре, когда подруги вернулись. Они быстро поняли, что к чему, хотя рассказывала я больше жестами, чем словами.

— Тяга к жёлтым ценникам спасла Лейку, — вздохнула Надин, оторвала мои руки от тележки с дешёвым мылом и покатила наш товар на кассу.

— Между прочим, по этим ценникам, со скидкой, часто хорошие вещи распродают! — От волнения у меня зуб на зуб не попадал.

— На сегодня достаточно. Тебе надо расслабиться. — Подруги потащили меня к кассе.

Дома мы забаррикадировали дверь — на всякий случай. И весь вечер смотрели добрые советские комедии, герои которых ничего не знали о харакири и тому подобных ужасах.

Выдуманная история имеет семь версий, правдивая — только одну.

Афганская пословица

Ночью вместо того, чтобы спать, я мучительно размышляла, кто бы мог защитить нас от свалившихся несчастий. Вспомнилась Надькина выставка. Тогда отец Стаса оставил мне визитку и предложил звонить, если будет необходимость... Вскочив с постели, я стала судорожно рыться в сумочке. Ага, нашла! Теперь можно и вздремнуть.

Утром, проснувшись, сразу же набрала номер сотового Мультивенко.

— Лия? Да, помню, конечно. Рад слышать. — Александр Владимирович с таким теплом откликнулся, что у меня мгновенно полегчало на сердце. — А как ваши подруги Надин и Андре?

Тут я не выдержала и выложила всё про то, как нас допрашивали в милиции. Хотелось рассказать и о ненашем Стасе, но пока промолчала. Ведь обещала подругам, что никому... Мультивенко резко сник, как только я заговорила о расследовании убийства. И я тоже смутилась.

— Знаете, Лия, у меня сейчас нет возможности для общения. Вы перезвоните мне завтра, встретимся, поговорим обо всём.

Я поспешила ответить:

— Конечно! До свидания.

И, уже положив трубку, пожалела, что не сказала ему про харакири в мастерской, про Мыша, про кинжал. Про то, что мне сейчас страшно. Самое главное, получила, опустила. И зачем же я звонила Мультивенко? Почему-то казалось, что ему можно довериться, что именно отец Стаса поможет распутать клубок необъяснимостей, в которых мы погрязли. Решила собраться с мыслями и при встрече выложить Александру Владимировичу всю правду.

Рассказала подругам про разговор. Обе в один голос заорали:

— Ни слова Мультивенко! Лейка, только попробуй! Болтай с ним только о своей беременности, а про остальное и не заикайся!

Сил на споры не было, но мне всё-таки хотелось честно и открыто поговорить с губернатором. Поэтому на следующий день я позвонила и предложила:

— Александр Владимирович, давайте встретимся в кафе «Три лилии»?

— Лия, если вы имеете в виду забегаловку рядом с площадью Восстания, то ни в коем случае. Ужасное заведение! Как там можно что-то есть? — Мультивенко рассмеялся. — Я не против поговорить, но позвольте вас пригласить в приличное место. Вы любите рыбную кухню?

— Да, я всё люблю, и рыбу тоже.

— Тогда встречаемся в три часа дня в ресторане «Тритон» на набережной Фонтанки, шестьдесят семь? У нас будет около часа.

— Спасибо. До встречи!

Нацепив впопыхах первое, что попало под руку, я помчалась в сторону Сенной. От волнения разболелась голова и подкашивались ноги. По дороге я представляла, что и в каких

выражениях сказала бы мне Надин, узнав, что я решила расколоться об убийстве ненашего Стаса.

Швейцар открыл двери в царство океана: на потолке — сцены подводного мира, под ногами прозрачный пол с аквариумом, по гранитным колоннам сбегает вода. Аквариумы с экзотическими обитателями, обилие зеркал и мрамора. Увидев Мультивенко, я почему-то сразу успокоилась и поняла, что всё делаю правильно.

Отец Стаса встал из-за стола, подождал, пока я сяду, открыл меню.

— Лия, рекомендую вам суп «Буйабес». Его готовят из различных видов рыб, голубых и зелёных мидий, лобстера и креветок, сваренных на густом бульоне с шафраном и специями. Или как вам, например, нежное мясо из клешни омара и блинчик, фаршированный камчатскими крабами?

— На ваш вкус, — растерялась я, совершенно не представляя, о каких блюдах речь и насколько это вкусно.

Меня переполняло радостное волнение, очень хотелось поговорить с дедушкой будущего малыша. Рассказать ему про нас со Стасом, поведать о моих тревогах. Александр Владимирович казался таким внимательным и заботливым, а именно этого сейчас мне и не хватало.

— Я весь — внимание. Слушаю вас, Лия, — ободрил улыбкой губернатор.

Собираясь с мыслями и настраиваясь на беседу, я сначала пролепетала что-то про обыденные заботы. Про то, как Авраам поступил в институт. Про отдых детей у бабушки.

— А что ж вы про себя-то ни слова? — Мягкая, немного ироничная интонация, с которой говорил губернатор, напомнила мне Стаса.

Я засмеялась и поняла, что про себя мне рассказывать нечего, кроме последних событий. То ли от успокаивающего вида воды, то ли от общего ощущения комфорта я наконец расслабилась и приступила к главному, зачем и вызывала Мультивенко-старшего.

— Александр Владимирович, мне нужно рассказать вам о некоторых событиях, очень важных. Но, умоляю, пусть то, что вы услышите, никак не повредит моим подругам. Они ни в чём не виноваты! Правда, ни в чём!

— Лия, вы можете мне полностью доверять. Я ничего не сделаю во вред вам, Надин или Андре.

Знаком руки Мультивенко дал понять официанту, чтобы тот не нависал над столиком. И официант испарился.

Я выдохнула и приступила к подробному рассказу, начиная с той самой минуты, когда впервые увидела Стаса у ларька «Роспечать». Взахлёб, словно боясь упустить что-то важное, поведала о своём свидании с Мультивенко-младшим, о том, что мы провели вместе ночь. И о том, как узнала о беременности. И как тяжело переживала события последних недель. И продолжаю переживать, потому что...

Тут я хотела в деталях выложить всё об убийстве ненашего Стаса и кота Мыша, но не успела. Как не успела попробовать и злополучный суп «балбес» с пряностями. Слушая мою сбивчивую, но правдивую до мелочей историю, Мультивенко смотрел на меня сначала с изумлением, потом с негодованием, и наконец презрение проявилось в его глазах:

— Остановитесь! — воскликнул он. — Я больше не намерен ничего слушать. У вас очень богатая фантазия.

— Фантазия? — Я ошарашенно посмотрела на Александра Владимировича.

— Не верю ни одному слову! Лия, ну что вы такое говорите? Вам не стыдно?

— А почему же мне должно быть стыдно? — сердце упало. — Неужели, вы думаете, что я обманываю?

Мультивенко горестно вздохнул.

— Я знаю, у моего сына было много женщин. Мы не раз беседовали с ним об этом, я советовал остепениться, жениться, детей родить. Моя жена очень хочет... хотела внуков. Стас смеялся и отвечал, что не готов к серьёзным отношениям. В чём-то он был ещё мальчишкой. Да, сын часто увлекался. Был несерьёзным. Но зачем же спекулировать на имени погибшего?

— Спекулировать? — сорвался мой голос.

— Да! Вы, видимо, решили воспользоваться ситуацией. Это жестоко. Не ожидал от вас такого. На выставке вы мне показались довольно милой, скромной и порядочной. Я редко ошибаюсь в людях, и тем досаднее...

— Но я говорю правду! — Лицо моё покраснело от негодования.

— Бессмысленно продолжать. Прошу вас, не звоните мне больше.

Отец Стаса с возмущением посмотрел на меня, достал портмоне, бросил на стол несколько купюр. После чего встал и ушёл, не прощаясь. Официант взял со столика деньги. А я сидела, как замороженная, машинально дожёвывая салат, изысканности которого не понимала. Как не понимала и того, почему судьба так меня наказывает.

Слова — семена драки.

Непальская поговорка

Чёрная полоса и не собиралась заканчиваться. Едва я доплелась до дома после разговора с губернатором, посыпались звонки.

Первым отчитал меня по телефону за задержку клиент, заказавший самый сложный перевод патента на английский. Пообещав заказчику доделать всё в сжатые строки, я окончательно пала духом.

Но нет такой плохой ситуации, которая не могла бы ухудшиться. Мне позвонил хозяин ларька «Роспечать». За всеми событиями я и забыла, что мой отпуск закончился и уже двенадцатого августа надо было выйти на работу. Выслушав про себя массу слов, в основном качественных прилагательных с «не» (необязательная, непунктуальная, недобросовестная, неблагодарная, не...), я вдруг взорвалась:

— Ну и зачем вам такая отвратительная продавщица? Увольняйте! Найдёте обязательную и добросовестную за десять тысяч в месяц, без выходных и праздников. Какие проценты? Их сверху от силы тысячи на три набегает.

Начальник резко пошел на попятную, однако я твёрдо решила уйти с работы. О чём и сообщила, нажав после этого кнопку «отбой». Ничего, деньги от выставки есть — прожить какое-то время можно. А там видно будет, что-нибудь придумаю. Главное, не унывать.

А неприятности и не думали заканчиваться.

Ко мне подседа Андре, закурив.

— Лейка, надо срочно добить тексты песен, Храм звонил.

Я отодвинулась, от табачного дыма меня воротило. Правда, меньше, чем от разговора с Мультивенко-старшим: я снова и снова придумывала аргументы, с помощью которых могла убедить Александра Владимировича в том, что честна. Глупо это, не нужно было надеяться на встречу.

— Ань, либо на площадке в подъезде кури, либо не кури вообще!

Видимо, из-за раздражения в моём голосе Анька сразу же затушила сигарету.

И вдруг меня понесло:

— Что значит — добить? Я за эти тексты ещё не садилась. У меня перевод горит, обещали заплатить триста долларов, но там тематика сложная — биохимия, патент. А времени не оставалось со всеми нашими событиями. Так что скажи лучше Храму, что я отказываюсь. Тем более ты зачем-то ему наврала, будто текст «Дайкири» написала я. А ведь ты ж сама его родила...

Мне совершенно не хотелось объяснять Аньке, что ничего общего ни с ней, ни с Храмом после подслушанного на лестничной площадке разговора я иметь не хочу. Просто было страшно. Так ошибиться в Аньке! Вот я идиотка, сама ей выложила все свои подозрения. Чернохрамову Храму ничего не сказала. И вообще всё это выглядит слишком подозрительно. Неужели Храм — убийца? Как-то не похоже на него. Как, впрочем, и на Аньку не похоже. Я оценивающе окинула взглядом подругу. И та возмущённо выпалила:

— Лейк, захлопнись! Понимаю: токсикоз, гормональные сдвиги и всё такое. Но штука евро тебе не помешает. Даже сейчас. Деньги имеют свойство быстро заканчиваться. Тащи

бумагу и ручку, быстренько что-нибудь наваяем. Например, нетленку для «Сверкающих». Даже пару нетленок.

Вот совсем мне не хотелось что-либо ваять. Не верила я Андре. Ни на грош. Но сил спорить с Анькой не было, и я предприняла последнюю отчаянную попытку отделаться от текстов:

— В квартире — погром. Я — в полном раздрае. Перевод нужно было отослать две недели назад. Ань, отцепись, по-хорошему прошу! Не желаю ничего писать.

— Ну кисюнь, одно дело другому не помеха. Сейчас позвоню в клининговую компанию, которая всегда у меня в квартире убирает. Придут приятные мальчики и девочки, и через пару часов у тебя тут будет всё блестеть. Считай, это мой подарок тебе.

Андре, не слушая моих возражений, взялась за мобильный. Продиктовав по телефону мой адрес, подруга ослепительно улыбнулась:

— Завтра с утра приедут и всё тут вылижут. Где у тебя кофе? Давай я сварю. Вообще-то от тебя, Лейк, требуется только поучаствовать в мозговом штурме: кинуть мне пару необычных рифм, я сама быстро тексты напишу. А ты можешь параллельно своим переводом заниматься. Тащи всё сюда. Ты не против, если я в окошко курить буду?

Я только вяло махнула рукой, понимая, что сопротивляться Анькиному напору бесполезно. Пока подружка боролась с туркой, плитой и кофе, я притащила на кухню ручку и две стопки листков. Первая, огромная, — русский текст, распечатка. Вторая, совсем тоненькая, — мой перевод на английский, от руки. Вот как объяснить Аньке, что мне надо сосредоточиться для перевода. А ещё лучше — обложиться словарями и открыть программу-переводчик на компьютере. Английский я знаю лучше китайского, но хуже французского.

Хотя — да, компьютер приказал долго жить... Я сникла. Ладно, на худой конец всегда можно позвонить маме, она лучше всякой программы посоветует. Правда, мозги вынесет начисто. Так что это — на самый крайний случай. Попробую справиться сама.

Анька, прикурив и старательно выпуская сигаретный дым в открытое окно, что-то бормотала себе под нос, разливала кофе по чашкам. Так, на чём я там остановилась? «Сложная смесь ферментов» или «комплексный ферментативный препарат»... — Я задумалась.

Всегда, когда имеются сложности с английским, у меня из памяти выскакивают сначала китайские и французские варианты. Учитывая, что в английском более половины слов сходны с французскими, это иногда помогает. Но не всегда. «Смесь» по-французски «микстюр»; отсюда и русское «микстура». По-английски, если правильно помню, практически так же — «миксча». Как же перевести? «Камплекс инзайм миксча»?

Анька продолжала бубнить себе под нос, потом потребовала от меня рифмы к словам «дорогой», «роман» и «этажи».

Отделавшись словами «родной», «сам» и «скажи», я все-таки решила взять помощь мамы. Не хотелось выслушивать нотации и поучения, но словосочетание «комплексный ферментативный препарат» встречалось в тексте практически в каждой фразе. А в патентах требуется точность формулировки — знаю из собственного опыта. Вот почему мне почти никогда не попадаются нормальные, лёгкие тексты?

Дозвониться маме удалось только с третьей попытки. Желая увильнуть от очередной лекции из области этимологии, я звонила с мобильного:

— Мам, извини, что дёргаю. Как правильнее перевести... — поведала я о возникших затруднениях скороговоркой. — И если можно, ответ побыстрее, у меня деньги могут

кончиться, с мобильного звоню.

— Лиюшка, ты ничуть не меняешься, — вздохнула мама. — Опять у тебя «редокс-потенциал».

Я стиснула зубы. Начинается. «Редокс-потенциал» — нарицательное выражение, которым мама любит меня «приласкать» в подобных случаях, когда перевод в лоб, без знания специфики.

Впервые это выражение я услышала в глубоком детстве, когда папа, давясь от хохота, рассказывал, как он дивно повеселился на международной конференции биохимиков, проходившей в Москве в Большой химической аудитории МГУ. Докладчики были русско— и англоязычные. Для удобства советских учёных пригласили переводчика-синхрониста. И всё шло замечательно, пока тот не стал выдавать шокировавшие аудиторию фразы типа: «Потенция красного быка равнялась сорока милливольтам» или «Имелась очень высокая потенция красного быка». Сам переводчик всё больше менялся в лице, с изумлением и растерянностью поглядывая на докладчика. Недоумение аудитории сменилось лёгкими смешками, потом гомерическим хохотом после слов ошарашенного толмача: «Только когда потенция красного быка на нуле, происходит взаимодействие».

Биологи и химики поняли, что синхронист просто перевел в лоб «Редокс-потенциал»^[5]. Синхрониста быстро поменяли, но я возненавидела его лютой ненавистью. На всю жизнь. Когда мама желает в очередной раз «пролечить» меня и мою лень, она постоянно припоминает эту «краснобычью потенцию». Вот и сейчас:

— ...Читать надо в оригинале чаще. Правильнее всего будет «инзаймс камплэкс препарейшн», хотя допустимо и «камплэкс препарейшн оф инзаймс».

Наконец мама ответила на мой вопрос. На десятой минуте. Вздохнув, я попрощалась с ней. Дальше должно быть легче.

— Лейк, а к слову «ложе» какие рифмы есть? — Анька что-то усердно строчила.

— «Себе дороже», — буркнула я, погружаясь в перевод ненавистного текста. Но пообещала ведь — значит надо делать.

— Ага, это идея. Пусть в конце песни влюблённые в мужика дурочки убивают его. — Андре кровожадно прищурилась. — Когда узнают, что он переспал с ними, со всеми сразу.

— Ань, ты с дуба рухнула? — вздрогнула я. — Тебе мало сплетен про харакири, решила ещё и «Сверкающих» подставить? Забудь ты наконец про Стаса!

— Нет, решено. Это будет хитяра. И клип сразу же просится — в самом конце девчонки тащат покойника закапывать...

Мы с Анькой переглянулись. Хм, как странно, оказывается, проявляется сублимация — Андре так же, как и я, не могла забыть последние события. Но виду не подавала.

— Решено, бабника в тексте песни в последнем запеве мочим, — Андре с прищуром посмотрела на меня. — А что у нас из рифм к слову «смерть»?

— Нет сил уже терпеть! — рявкнула я. — Отстань, мне ещё всю ночь перевод делать, а руки уже трясутся. Спасибо тебе за приятные воспоминания.

— А это идея, «терпеть»... — снова забормотала Анька. — Нет сил уж бабника терпеть, он на себя накликал смерть... Нет, лучше так: не надо бабника терпеть, его подружкой станет смерть... Или...

Я, заорав, бросила в Андре толстенный англо-русский словарь Мюллера.

Через какое-то время Анька начала исчеркивать свои листы, я — свои.

Ненадолго воцарилась блаженная тишина. Вот никогда не задумывалась, что сочинять

тексты для песен не менее сложно, чем заниматься переводами. Анька периодически продолжала отвлекать меня вопросами, напевая рождающиеся строчки. Я критиковала, параллельно продираясь через хитросплетения английского и биохимии. Даже что-то общее нашлось в этом: необходимо максимально точно подобрать слово. Ночь предстояла весёлая. У Аньки — два текста, у меня — проблемы с потенцией красного быка: вот уже не знаю, как переводить другое словосочетание...

Кто ближе к огню, тот первым и сгорает.

Китайская пословица

После бессонной ночи я себя так неважно чувствовала, что любые гости были бы некстати. Но с клининговой компанией действительно всё получилось просто замечательно: мой дом такой чистотой не мог похвастаться никогда. Спасибо Аньке.

К обеду зверски захотелось спать, однако неугомонная подруга настаивала на встрече с Храмом, так сказать, по горячим следам:

— Он сам подкатит, не переломится. Лейка, нельзя упускать возможность подзаработать. Поговорим о получившихся текстах. У плиты не надо стоять, еду закажем.

Но я всё равно встала к мартену. Достала свинину и приготовила её в хреново-луковом соусе по своему рецепту.

Гость — это святое. Как стол не накрыть? Вымыла новые бокалы, купленные в «Ленте». Постелила белую льняную скатерть. Нарезала салатов. Разложила фрукты. Надька потребовала крепкие напитки, хотя Анька склоняла нас по привычке в пользу очень крепких. В результате на столе выстроилась батарея из вин, шампанского, коньяка.

— Ну и весёлый разговор у нас получится! — смеялась я.

— Угу, точно, будет нескучно. Одно плохо, — вздохнула Анька, — надо было всё-таки абсента прикупить. Он закончился.

Мы с уважением посмотрели на подругу: уговорить за сутки почти полтора литра абсента — надо суметь. Даже списывая на последние события — многовато будет. Может, стоит серьезно поговорить с Андре? О вреде бытового алкоголизма. Хотя нет, не надо — себе дороже.

— А я бы на твоём месте только радовалась, — нетактично ляпнула Надька. — Вспомни: тогда, в мастерской, тоже всё весело начиналось, и ты пила именно абсент. Признавайся, не наметила случайно Храма как очередную жертву?

Анька бросила ошарашенный взгляд на подругу, державшую фужер. Когда это мы успели открыть коньяк? Так, вечер начинает быть интересным.

— Ну ты и дуррра коншенная, Надюши! — Через сжатые зубы процедила Андре, пытаясь открыть винную бутылку. — Если бы я хотела замочить Шрама, то давно бы это щделала. Только не у Лейки дома. И не после шого, как тут всё отмыли.

Анька сражалась с пробкой, зажав бутылку уже между ног и натужно таща штопор, а мы с Надькой переглянулись. Я глазами показала на Андре. Надька быстро кивнула, поняв, что мне надо сказать ей что-то наедине.

— Лейк, вот тебя убить давно надо было! — вдруг рявкнула Анька. — Ты когда нормальный штопор купишь, а? Который с ручками...

В этот момент пробка поддалась и, нанизанная на штопор, вырвавшийся из рук Андре, просвистела в миллиметре от моего носа. Я отшатнулась, зацепив локтем бутылку шампанского. Та, падая, задела стоявшую рядом ёмкость с водкой, а эта зацепила коньячную. Мы поражённо уставились на «алкогольное домино».

Первой моментально отреагировала Надька, поймав на лету открытый коньяк. Ещё бы, он был у нас один, а своя шкурка, как говорится, ближе к телу.

Я успела спасти шампанское, а Андре — водку и вино. На полу кухни с осколками стекла смешивались полусухие и полусладкие вина, дополняемые вспенившимся шампанским.

Мы переглянулись и оглушительно расхохотались.

— А чего, Надюх, вот тебе и постелька готова, — икая от хохота, — выдавала на-гора Анька. — На том же самом месте... Ты того, не раздеваясь, укладывайся... Коньячком заполируешь — и на сутки в отключку, тебе не привыкать.

После каждой фразы Андре мы начинали истерически хохотать снова. Видимо, напряжение последних дней как-то подточило нашу психику.

— Анют, блин, ты сколько отвалила ребятам из клининговой компании? — тихонько подвывала от восторга Надин. — Сколько-сколько? Зря! Видишь, за ними полы перемывать приходится. «Хванчкарой» и «Золотой коллекцией». Лейка у нас капризная — на меньшее не согласна.

— Ну вы и жадины, — я хохотала, прижимая к себе единственную выжившую бутылку шампанского. — Одна для мытья линолеума коньяку пожалела, другая — водки. А ещё подруги называется...

Быстро ликвидировав последствия «аварии на ликёро-водочном заводе», как изящно выразилась Анька, сели за стол, наполнили фужеры и чокнулись. Я могла себе позволить только пару глотков шампанского: боялась за ребёнка, да и тошнота не отпускала. Из еды, кроме фруктов, и смотреть ни на что не хотелось.

Храм явился без опоздания. Старался улыбаться, но в нём чувствовалось какое-то напряжение. Да и Анька была как на иголках. Чтобы сгладить шероховатости общения, гость и певица начали заливать за воротник.

— Ну, так как насчёт текста, девушки? Есть намётки? — наконец спросил гость.

Анька легонько подтолкнула меня в бок. Я вытащила заранее приготовленные листы с набросками песен. Продюсер, оставив пустую рюмку, тут же стал читать вслух строки. Строки, рождённые Анькиной неутомимой энергией и моей усталостью и недоверием. Я с некоторым удивлением прослушала получившиеся варианты: со стороны они казались чужими, будто и не мы с Анькой их придумывали.

— Хм, вот тут неплохо... А вот это никуда не годится, «встать, сказать и выпить чаю» — много согласных подряд, не будет петься... В «Сверкающих» только две солистки могут записать более-менее нормальную фонограмму, остальные-то на подпевках. Последовательность действий опять же нарушена. Может, «сесть, с улыбкой выпить чая»? — Храм налил себе водки и залпом опрокинул рюмку.

Андре, набрав побольше воздуха, тут же бросилась на защиту нашего с ней коллективного творчества. Я не встревала, мне замечания Храма как раз показались разумными. Продюсер подливал себе водки, Андре — красного вина. А мне — шампанского в маленький бокал, который я всё время отставляла подальше, чтобы не добавляли. Гость же постоянно настаивал на доливе. Надька вяло слушала перебранку. И наворачивала свинину, периодически запивая её коньяком. Изредка хихикала и отпускала язвительные замечания. Как ни странно, одно из них, про рифму «ложе — себе дороже», даже попало в «десятку». Надька, не дожидаясь луково-хренный кусочек мяса, вдруг выдала:

— Не «себе», а «тебе дороже»!

Вот она, правда жизни. И разница между мной и Надин. В чистейшем, незамутнённом виде. Анька и Храм, уставившись на художницу, тут же ринулись перекраивать и

переделявать текст с учётом её гениально-эгоистического экспромта. Я показала Надьке глазами на дверь за её спиной и вышла. Якобы по надобности, о которой настоящие леди никогда не говорят прямо. Вскоре ушла с кухни и Надин — покурить на лестницу. И я тут же, нажав на кнопку смыва воды, хотя унитаз не выполнил своего предназначения, покинула туалет. С кухни были слышны разгорячённые спором и спиртным голоса Аньки и Храма. Встав у входа в квартиру спиной к кухне, я поманила пальцем курящую на площадке Надьку:

— Надь, мне страшно. Я тебе потом всё расскажу, но эти посиделки не к добру. Андре в сговоре с Чернохрамовым, я случайно подслушала их разговор.

— Лейка, будем смотреть в оба. Ты аккуратнее, ага. А из-за чего всё, как ты думаешь? — оглушительно прошептала мне прямо в ухо Надин, выдыхая мерзкий, вонючий дым в сторону.

Я закашлялась, помахала рукой, разгоняя смог:

— Надь, перестань хоть сейчас курить!

— Я для конспирации!

— А меня тошнит. От дыма и всего этого. Причина, наверное, простая — файл, который мне Стас прислал по мылу. Я про него никому из вас не говорила. Но как-то всё с этим файлом, видимо, связано...

Я осеклась, увидев, как расширились Надькины глаза. Медленно развернулась, почти зная, что увижу. Спина Храма удалялась по направлению к кухне.

— Он с-слышал про фа-файл? — от волнения я начала заикаться.

Надин судорожно кивнула.

— Может быть, уйдём прямо сейчас? — пролепетала я.

— Делаем вид, что ничего не случилось. Если спросит — говорили про другого Стаса, друга Альки, например. Идём, иначе будет подозрительно.

Войдя, как мыши в мышеловку, мы с Надькой уселись за стол. Храм с Анькой разговаривали, обсуждая что-то своё. Но через какое-то время я поймала очень пристальный взгляд Андре.

— За наш успех! — Храм, подлив мне шампанского, поднял бокал. Руки у него сильно тряслись.

Анька как-то подобралась, затем внезапно схватила мой бокал. Я не успела сообразить, зачем и почему.

— А-а-а-ань? — пролепетала я от изумления.

— В бутылке ничего не осталось. — Подруга перевернула пустую ёмкость вниз горлышком и выпила до дна из моего бокала. — А я за наш успех хочу шампанского!

Храм побледнел. Анька смотрела на него торжествующе, но в глазах у неё почему-то застыл ужас.

Как-то очень быстро собравшись, Храм почти выбежал из квартиры, успев только пообещать перезвонить по поводу текстов.

— Вот и всё. — Андре тяжело дышала. — Вот и всё, девочки. Лейк, вызывай «скорую». Прямо сейчас.

Мы с Надькой замерли.

— Прямо сейчас вызывайте, — пьяно расхохоталась Анька, почему-то обмякнув на стуле. — Лейк, у тебя от отравлений... пищевых... что-нибудь есть?

Казалось, каждое последующее слово даётся ей всё труднее. Надька ожесточённо дозванивалась до «скорой», а я вспомнила про «Что-то-там-сти». Купленное для Авраашки,

когда он траванулся алкоголем после поступления. Быстро найдя таблетки в коробке для лекарств, протянула драже Аньке. С трудом проглотив одну таблетку, требовала ещё и ещё, запивая их водой. Анька чувствовала, как в голове похолодело и дышать становилось труднее, будто в груди — одна за другой — закрывались невидимые дверки. Она судорожно хватала воздух...

— Во всём виноват Храм... — через силу прошептала Андре. — Лейк, я тебя люблю, прости за всё.

Мы с Надькой остолбенело замерли: Анька потеряла сознание.

«Скорая»! — заорала Надин, наконец дозвонившись. — Выезжайте, у нас женщина умирает...

Следующие десять минут мы с Надькой сидели, обнявшись, и выли в голос. Аньке, казалось, уже ничто не может помочь. Дыхание у неё становилось всё реже, пока почти не пропало. Именно в этот момент позвонили в дверь — приехала «скорая».

— Что с ней? — Двое мужчин резко шагнули в комнату.

— Отравилась.

— Чем?

— Не знаем.

Медики проверили пульс, поднесли ватку с нашатырным спиртом к лицу Аньки. Она слабо дёрнулась. Врач назвал какое-то трудно произносимое лекарство, и молоденький парнишка, сломав ампулу, тут же набрал полный шприц.

— Как глубоко сосуды! — чертыхнулся он, не попав в вену с первого раза и продолжая цеплять кожу. С третьей попытки он щедро влил в Анькину кровь кубов двадцать какого-то зелья. Потом ещё десять — другого.

А дальше — кислородная маска, носилки, и Аньку бегом понесли к машине. Я только запомнила, как беспомощно свисала её белая холёная рука с прекрасным маникюром. И в ту секунду подумала, что с радостью бы весь год мыла за ней посуду, лишь бы подруга осталась жива.

Глава шестая,
*в которой поднимается Анька, но падают: Надька
вместе с Матвеем, моё самомнение — из-за них, и
Храм — сам по себе*

Хорошие манеры состоят из мелких самопожертвований.

Ралф Эмерсон

В машину «скорой» разрешили сесть только одной из нас. Поехала Надька. Она всё время держала бесчувственную Анькину руку, посылая ей все свои силы в эти ужасные минуты. Но в приёмном покое подругу сразу отогнали, Андре окружили врачи и почти мгновенно увезли на каталке в реанимацию. Надька пыталась бежать следом, но дверь захлопнулась, и только один сердобольный врач посоветовал ей приходить утром. Раньше всё равно ничего не скажут.

Побродив у справочного и тоже не добившись никакой информации, Надька вернулась домой. Ночью мы практически не спали.

— Как ты думаешь, где сейчас эта сволочь Храм? — спросила Надька.

— Ой, да меньше всего о нём думаю. Он теперь спрячется так, что не сыщешь, — отвечала я вяло, напившись под завязку пустырника и валерьянки.

Перед моими глазами стояло посиневшее лицо Аньки. Было так тяжело, что уже ничего не хотелось скрывать. И я в подробностях рассказала Надьке про файл и посещение салона красоты, где я выяснила, что страз на ногте Аньки переклеивали. И про подслушанный разговор на лестнице.

— Вот ведь предательница! Знала, что Храм убил Мыша, и, может, даже помогала ему писать записку! Как она могла? — разозлилась Надин.

— Не говори так, — откликнулась я. — Анька такая же жертва, как Мышь.

— Но почему она пошла на это?

— Надь, сейчас надо молиться за её здоровье, а не орать.

— Нет, ну Лейка, ведь Анька по заслугам получила! Она ж обманывала нас!

— Да не хотела Анька никого обманывать, Храм запугал её. Неужели ты не понимаешь? — мне было так жалко нашу добрую, весёлую Аньку, что слёзы текли из глаз без остановки. — Я так боюсь за неё. Так боюсь... Давай молиться, Надь, а то мне страшно...

Я вспомнила, как Анька принесла нам круассаны с морошкой и лягушачьи лапки, и зарыдала в голос.

Под утро нервное напряжение стало невыносимым. И мы помчались в больницу. Но к Андре по-прежнему никого не пускали. Надин тоскливо зависла возле таблички «Реанимация». Дверь была заперта, и она решила позвонить в звонок. Едва в коридор выглянул врач, мы набросилась на него с вопросами.

— Вы её родственники?

— Нет, подруги.

Врач посмотрел на моё серое от недосыпания лицо и вздохнул.

— Состояние стабильное, средней тяжести. Ненадолго приходила в сознание. Мы провели гемодиализ, чтобы вывести токсические вещества из организма. Лёгкие на искусственной вентиляции.

— Она поправится?

— Мы делаем всё возможное, поверьте. Вот телефон, по которому можете звонить и

узнавать о самочувствии.

Наша подруга лежала за стеной, но мы не могли увидеть её, не могли помочь. Меня охватила апатия. Надька же была переполнена гневом и хотела отомстить Храму.

— Лейка, ты иди домой отсыпаться, а я сбегаю в мастерскую. Вдруг там какие-то следы этого гада? Убила бы собственными руками!

— Да не пойдёт теперь Храм туда. Он, наверное, уже далеко от Питера.

Но Надька на волне истерики умчалась искать ветра в поле. А я поплелась домой.

На лестнице столкнулась с дочкой Ады:

— Это к вам «скорая» вчера приезжала?

— Подруге стало плохо, — не пожелала я раскрывать подробности.

Дома упала без сил на кровать и провалилась в бездну сна.

Проснулась уже поздним вечером и услышала, как Надька говорит по телефону:

— Вот как? Спасибо! Да, конечно...

Надин вихрем ворвалась в комнату:

— Лейка! Анька пришла в себя! Ей лучше! Может быть, завтра к вечеру переведут в обычную палату. Правда, говорят, возникли проблемы с милицией. Уже следователь приходил, но Андре пока не в состоянии отвечать на вопросы.

Слёзы опять потекли из глаз, но уже от радости.

— А что в мастерской?

— Без перемен. Никаких следов. Тихо.

На следующее утро мы точно узнали, что Аньку переведут из реанимации в палату после обеда и что её можно навестить.

Надин принялась собирать передачу, хотя я убеждала её, что продукты не нужны. Но Надька по-своему понимала дружбу и совала бананы с яблоками в сумку.

Возле метро я купила для подруги охапку флоксов: белых, розовых, лиловых. Старушка продавала цветы прямо из садового ведра. И в них было столько жизни! И так хотелось донести эту жизнь до Аньки.

Открывая дверь в палату, дико волновались. И не зря. Анька за пару суток сбросила, наверное, не один килограмм веса. Её лицо показалось худым и измождённым. Правая рука, исколотая капельницами, была забинтована в локте.

— Привет, — тихонько сказала я.

Аня кивнула. Перевела взгляд на цветы. И улыбнулась. Видно было, что ей трудно говорить и двигаться из-за слабости.

Надька насупленно смотрела на подругу, всё ещё давясь обидой из-за Мыша. Но была безумно рада видеть её.

— Храм подсыпал яд. В твоё шампанское. Я видела, — почти шепотом, делая долгие передышки между предложениями, сказала Андре.

— Так ты знала, что там яд? И выпила?

Анька через силу стала припоминать события того ужасного вечера.

*Глупые никогда не прощают и не забывают;
наивные прощают и забывают;
мудрые прощают, но не забывают.*

Томас Шаш

Когда я так опрометчиво выскочила в туалет, Храм взял мой фужер и плеснул в него шампанского. После чего молниеносным движением что-то туда бросил. Андре, занимавшаяся правкой текста, боковым зрением заметила маневры Храма, но тут же засомневалась — было или не было? Настолько быстро всё случилось, за какую-то секунду.

Да, было, конечно, было! Не настолько же она пьяна, чтобы почудилось...

«Какой же ты подлец, Храм», — подумала Андре, глядя на его невозмутимое лицо, оцепенев от страшных догадок и мучительных предчувствий.

Значит, Храм ей врал. Тогда, в мастерской, когда прикончил кота, объясняя, что либо кот, либо Надька. И когда говорил, что записка и кот никак не связаны с обыском в моей квартире.

Продюсер же, бросив беглый взгляд на уткнувшуюся в текст Аньку, тихо выскользнул в прихожую. Но практически сразу же вернулся. Лицо у него застыло как маска, руки тряслись.

Едва мы с Надькой сели за стол, Храм поднял тост:

— За наш успех!

Певица вздрогнула. Что же делать? Дать понять своему продюсеру, что тот вышел из доверия, нельзя: Храм в очередной раз клятвенно пообещал, что в конце года перепишет квартиру на неё. Но, с другой стороны, Лейка беременна, и малейшее отравление может повредить будущему ребёнку. Всё это молнией пронеслось в голове Андре, прежде чем она выпила шампанское из моего бокала. Если ей показалось, то всё обойдётся, а если нет, то... она поступила правильно.

— И ты не боялась? — Я взяла подругу за руку. — Почему ты просто не вылила шампанское или не смахнула бокал на пол, вроде бы случайно?

— Знаешь, Лейка, я ведь тебе в спортбаре не про всё врала, — еле выдохнула Анька. — Я не способна на убийство. И Храм, думала, тоже. А он так жестоко кота зарезал. Меня ведь Мышь в мастерской поцарапал. А я тебе сказала, что сама, об гвоздь. И в этот момент почему-то решила: раз умолчала, хотя могла вам рассказать про Мыша сразу, но не сделала, значит, тоже виновата. Пусть бог решает, жить мне или нет.

— Тише, тише, Ань, — Надька откровенно плакала. — Честно говоря, я кошака сама обещала убить сто раз. Эта скотина рыжая все углы мне в общественный туалет превратил. Так что, можно сказать, ты мне помогла...

Анька слабо кивнула, глядя только на меня:

— Лейк, прости. Вот не думала, что наврежу тебе...

— О господи... — Я обняла Аньку и взахлёб заплакала.

Надька смахнула слезу, но всё-таки не упустила момента укольнуть:

— Но разве после смерти Мыша и записки в мастерской тебе ещё было не ясно насчёт Храма?

Анька трагически посмотрела на Надин и поняла, что та всё знает.

— Прости, — только и произнесла Андре почти беззвучно, одними губами.

Тут и Надька не выдержала и обняла подругу. Мы с Надин с двух сторон обливали слезами отравленную Аньку, простив её и радуясь, что она жива.

— А ведь ты мне жизнь спасла... — прохрюкала я. — Мне и ребёнку. Будешь крёстной моему малышу?

Подруга кивнула и улыбнулась светло и счастливо.

Тут принесли капельницу, и нас с Надькой выставили за дверь.

Зато на следующий день Анька уже болтала вовсю.

— Ну ты молодчина! Отлично выглядишь! — сказала я.

— Ага, не считая синяков под глазами, смотри какие чёрные круги — как у панды.

Певица уже раздобыла где-то зеркальце и лёжа осматривала своё лицо и причёску.

— Девчонки, принесите мне косметичку. Срочно! И ещё пасту, щётку, тапки, рубашку, мыло, туалетную бумагу...

— Лейка, записывай, я не запомню! — приказала Надька.

Жизнь потихоньку входила в привычное русло. То есть до привычного было, конечно, далеко, но самое непоправимое нас миновало, и мы по-новому наслаждались обыденными мелочами.

Надин опять начала работать. Натянула на подрамник новый холст размером сто двадцать на сто сорок и приступила к картине «Раскаяние Анны-Магдалины». Только у этой раскаявшейся дамы почему-то были отчётливые синяки под глазами, как у панды.

А я готовилась к приезду детей. Лето подходило к концу, впереди маячило первое сентября и школа. И от этих забот ещё ни одной матери не удавалось увернуться. Хорошо ещё, Матвей сам предложил, что заберёт ребят от бабки и доставит домой. Мне это оказалось только на руку.

Плачут не тогда, когда детей нет, а тогда, когда они есть.

Японская народная пословица

— Мамуль, кинь сто рублей на телефон, завтра возвращаемся домой. Как подъедем к окружной, сразу позвоню! Соскучилась. Как ты?

Я начала отвечать, но через минуту разговор прервался: у Забавы кончились деньги. А у меня на счету — копейки.

— Надь, пойду деньги на сотовые положу!

Подруга никак не отреагировала. Она по телефону обсуждала с Андре предстоящий выход в свет. Их пригласили на презентацию, и Надька с упоением планировала, что надеть, где причесаться и сделать маникюр. Андре с больничной койки умудрялась давать советы, клятвенно обещая, что через пару дней, в понедельник, сбежит из стационара, поскольку чувствует себя просто превосходно.

На улице свежо после дождя. Конец лета, даже если всё вокруг хорошо, добавляет в настроение грусти. Питер стал привычно прохладным и меланхоличным. На рынке — ранние дыни, виноград. Накупила всего, еле до дома доволокла.

Перед приездом детей спохватилась делать уборку: пылесосить, стирать, драить. Надьку и не пыталась напрягать — бесполезно. Тут уж или наряжаться, или... Грустинки так и сыпались на чисто вымытые полы, но я не позволяла себе расслабиться. Настраивала себя, что всё «ок», как говорит Али.

Воскресным утром дети ворвались в квартиру. Рюкзаки полетели в одну сторону, кабачки с огорода бабы Сары — в другую. Забава повисла на шее, от неё пахло лесом и ветром.

— Привет, мамзик. — Али снисходительно похлопал меня по плечу. И достал из мешка жёлтый пухлый овощ килограмма на четыре.

— Ну и поросята у вас выросли!

— Это тыква. Мы её поливали!

— А где же хваленые помидоры от бабушки Сары?

Забава затараторила:

— Мамуль, они ещё не созрели. Но соседи подсказали, что помидоры краснеют быстрее, когда они вместе с бананами. По радио так вроде говорили. Теперь бабка Сара привязывает к каждому помидору маленький банан и сверху накрывает полиэтиленовым кулёчком, чтобы запах от банана не выветривался. От запаха-то помидоры и краснеют...

Я представила российский огород, где к помидорам сплошь привязаны бананы, и осела от изумления.

Забава с пониманием посмотрела на меня.

— Хорошо ещё, что помидоры лежат на земле, а не висят на ветках. Сорт такой — лежачие помидоры, иначе бы бананы отваливались.

— Что творится...

— Гламур, мать, дачный гламур! — захохотал сильно похудевший Авраашка.

Джулька, тоже отощавшая, но резвая, носилась по квартире, обнюхивала тараторящую по телефону Надин, искала свою миску с водой и подстилку.

— Тетя Надин и тетя Андре проживут у нас немного, — начала я пояснять. — Только тетя Андре сейчас в больнице.

Али и Забава нисколько не удивились. Только Авраам насторожился:

— А что с ней?

— Ну так, отравилась. Сейчас она в полном порядке. — Я мучительно пыталась выкрутиться, не говоря лишнего. А ведь теперь и дети дома. Господи, когда же всё кончится?

Не дослушав, сорванцы разбежались по комнатам. Козлята рвались к компьютеру, телевизору и городскому телефону.

Не тут-то было! Сказать, что дети были разочарованы тем, что наш старенький компьютер сломан, а ноутбук Авраама пропал, — не сказать ничего. Я попросила старшего посмотреть системный блок, и сын мне сразу доложил, что жёсткий диск кем-то вынут. И умный ребёнок стал с интересом допытываться, зачем три тётки за месяц так раскурочили технику. Пришлось придумывать нелепую легенду: якобы вызвали мастера чинить поломку, а тот надул и телефона не оставил. Да ещё и ноут прихватил по пути. Звучало бредово, но ничего другого в голову не приходило. Аврашка, похоже, не поверил. Тем более врать я не умею. Но про взлом квартиры рассказывать не хотелось.

— Угу, ноутбук, значит, свалил из дома под мышкой у мастера на ваших глазах, тётя Андре в больничке, а в квартире подозрительно чисто...

Сын задумчиво посмотрел на меня. Вот всегда знала, что старший у меня не дурак. «Слишком ты умный, когда не надо», — пробормотала я, злясь на то, что не успела купить сыну ноутбук взамен украденного, а себе — компьютер. Вопросов было бы точно меньше. Надо исправлять положение.

— Ничего, я тут неплохо без вас подзаработала, можем купить два ноута. И новый компьютер мне.

От радостного вопля детей я чуть не оглохла. Через пять минут было задействовано всё. Забава пыталась подружку по телефону по поводу крутейших моделей, справедливо подозревая, что второй ноут достанется ей. Али с Аврашкой с пеной у рта спорили, какой компьютер купить мне (как самому маленькому, Альке приходилось делить его со мной).

— Тихо! Прямо сейчас покупать ничего не будем, — пытаюсь переорать детей, я отчаянно соображала, как жить дальше. — Вот поедем на ярмарку закупать канцтовары к первому сентября, там и выберем.

— Угу, я так домой торопился, думал, наконец оттянусь в инете... — Аврашка смотрел на меня глазами голодной Джульки. — А тут полный пилипец!

— Ну, пару дней потерпеть можно... — начала было я и осеклась.

Дети стали демонстративно общаться друг с другом, полностью игнорируя «мать-ехидну». И это пока их ещё трое...

— Ладно, изверги, собирайтесь. Авраш, спроси дядю Матвея, не поможет ли он нам?

От радостного ора у меня заложило уши.

Если уж судьба подложила тебе свинью, постарайся наладить с ней отношения.

А. Подводный

С утра в понедельник в нашу дверь начали трезвонить без остановки.

Накануне мы долго выбирали компьютеры, потом ещё дольше дети не могли успокоиться, с упоением изучая все прибабасы в купленных ноутах. Восстанавливали Интернет, настраивали «вай-фай».

Сумма в тринадцать тысяч евро перестала мне казаться такой уж большой, деньги таяли катастрофически. Измученная постоянной тошнотой, я плохо спала ночью.

Дверной звонок продолжал надрываться. Вот ни за что не пойду открывать, народу в доме хватает. У Надьки первой не выдержали нервы. Шёпотом матерясь — я отчётливо слышала её пассажи, — подруга зашаркала тапочками по коридору. Надо бы ей напомнить, что теперь каждому слову внимают три пары любопытных детских ушей.

— Ты что, сдурела?! — раздался вопль Надин.

Я, мигом выскочив из уютной постели, рванула к входной двери. И, уставившись на лучащуюся довольством Андре, только и смогла сказать:

— Мама дорогая...

Посмотреть было на что. Всклокоченные волосы, круги под глазами, на лице ни грамма косметики, в замызганном полосатом халате на голое тело и в тапочках. Разных. Неужели это Анька? Глаза у подруги тем не менее сверкали.

— Надь, отнеси быстренько таксисту деньги, я с ним за пятьсот рублей договорилась.

Мы оторопело уставились на подругу. В этот момент из комнаты мальчишек, зевая, в коридор вышел Авраашка. Вздвогнув, внимательно рассмотрел нашу скульптурную композицию, затем брякнул:

— Думал, глюки. Вы прямо «Восставшие из ада-3».

Авраам прошёл в туалет мимо трёх растрёпанных женщин.

Я, переведя взгляд на Надин, вдруг поняла: её внешний вид тоже, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Скорее всего, как и мой. Видимо, к сходным выводам пришли и подруги, потому что следующие пару минут мы втроем ржали как сумасшедшие.

— Нет, Ань, ну почему у тебя тапки-то разные? — Надька ехидно ухмылялась, тем не менее пристально, особым взглядом, рассматривая Андре.

— Улепётывала из больнички в спешке. Лейк, а ты себя в зеркале ещё не видела? Иди посмотри, там ужасы покажут. Правильно Авраашка сказал.

Я уже решила возмутиться, но Андре переключилась на Надин:

— Надюх, ты бы свои титьки чем-нибудь прикрыла — в доме мужчины.

— А там и прикрывать нечего, — ляпнула я. — У Надьки же не выпуклости, а сплошные впуклости. Но вообще да, хватит перед моими сыновьями грудями трясти. И материться тоже!

Надька, прошипев что-то в адрес наших матерей и выдав пассаж по поводу «слишком больших доек у кое-кого, которыми только асфальт подметать», скрылась в комнате Забавы.

— Ладно, видно, самой придется деньги нести, — вздохнула Андре. — Нет бы мне

промолчать... Лейка, дай пятьсот рублей, а то таксист с моим айфоном укатит, я его в залог оставила. Не хотела в таком виде опять на улице показываться, но что поделаешь.

Пока Анька выручала свой телефон, я потащилась на кухню — скоро все захотят поесть. А что в холодильнике? Угу, опять мышшь повесилась. Хм, а вчера утром всё было забито. Раз болезная наша неплохо вроде себя чувствует (по крайней мере, язык у неё работает по-прежнему), ей и идти в магазин. Надежду теперь вряд ли упросишь. Как и детей.

— Ань, а чего ты ко мне-то приехала? — спросила я вернувшуюся подругу. — Нет, я, конечно, не против, живи, пожалуйста, сколько хочешь. Просто подумала, ты к себе вернёшься.

— Лейка, ты сдурела? — Андре аж перекошило от моего вопроса. — Пока замки не поменяю в своей квартире, ни за что там не останусь. У Храма есть ключи от неё.

Тут подруга, загрустив, замолчала. Я понимала ход её мыслей. Квартира-то официально Храма, и вряд ли тот простит ей всё случившееся.

— Ладно, не бери в голову. Лучше попробуй влезть в мои джинсы и Аврашкину футболку. И марш в магазин! Надо купить еды, в этом доме продукты подозрительно быстро исчезают.

Анька даже не пыталась спорить со мной, и настроение у меня резко ухудшилось. Так же молча Андре переделалась и, взяв деньги, отправилась в магазин. Не накрасившись! Как ни странно, мои джинсы оказались ей впору. Мне стало её невыносимо жаль.

Всякая жалость исчезла без следа, когда через полтора часа я судорожно носилась по кухне, пытаясь на скорую руку приготовить хоть что-нибудь, а Анька всё не возвращалась! Позвонив ей на мобильный, выяснила, что расстроенная подруга забыла его на кухонном столе.

Дети хотели есть. Надька требовала хотя бы бутербродов, но последний хлеб она же и доела ещё вчера вечером. Все были голодны и раздражены, но в магазин никто не торопился.

— Сбегала тут одна за пивком, — многозначительно ответила на мою просьбу Надин, — а её чуть машина не переехала. Никуда не пойду, пусть эта силиконовая кошкопотрошительница отдувается.

— Надь... — предупреждая обронила я, показывая глазами на детей. — Перестань! Сейчас же. Неужели с Анькой что-то случилось?

— Ну не смотри на меня так! Простила я её, простила, — вздохнула Надежда. — Но не забыла. Ничего ей не будет — в одну воронку, как говорится, два раза не... писают. Теперь твоя очередь.

— А почему не твоя? — Я поражённо уставилась на подругу.

Дети подозрительно тихо пили пустой чай, внимательно прислушиваясь к нашему разговору. Я опять выразительно показала на них глазами.

— Есть хочется, ежа бы слопала, — моментально перевела разговор Надька.

— Может, по-быстрому тыквенную кашу-размазню сделать? — нехотя предложила я. — С рисом. Картошка и хлеб кончились, свинину размораживать и готовить долго. А ежей у меня нет.

Только я вытащила тыкву и начала отмывать её под струей воды, раздался звонок на айфон Андре.

— Надь, возьми, у меня руки мокрые. Может, Анька догадалась нам позвонить?

— Да! Кто-кто? Мордасов? Нет, это не Мадемуазель Андре. Это я, твоя любовь до гроба. Твоего. Не узнал? Да ты что...

Мы поражённо уставились на Надьку. А та продолжала, ехидно шурясь:

— А я почём знаю, где она. В больнице, наверное. Кстати, как твоя рука, уже срослась?..

Ага, вот теперь признал... Мордасов, твоё счастье — здесь дети рядом. Я потом, на допросе, тебе укажу все адреса, куда ты совершишь маленькие, но незабываемые эротические путешествия. И тебе не кашлять, товарищ милиционер. Ой извини, полицай.

Надька, брезгливо бросив мобильник, задумчиво забарабанила пальцами по столу. Затем перевела на меня многозначительный взгляд:

— Я на лестничную площадку — покурить.

— Угу, иди, — я продолжала автоматически натирать под водой тыкву до зеркального блеска.

В этот момент раздалось «Гитар-гитар-гитар» уже на моём мобильном.

— Надь... — просительно уставилась я на подругу.

— Ладно, Лейка, только ради тебя. Аллё... — Надин приложила к уху трубку. Затем начала давиться хохотом: — Мордасов, ты уже успел по мне соскучиться? Или адреса хотел записать? Нет, Лия сейчас подойти не может. Как не полицай? Вас же вроде переименовали. Пока, Мордасов, не кашляй. Под ноги посматривай, когда по лестницам спускаешься. Целую в засос.

Мы с Надькой идиотски засмеялись. Дети уставились на нас, как на сумасшедших. Потом, перебивая друг друга, стали спрашивать про Мордасова и допрос. Надин только отмахивалась, затем заявила, вставая:

— Всё, Лейка, я — курить. Ещё одного звонка из милиции я не выдержу.

Именно в этот момент раздался звонок на мобильный Надьки.

— Да, я. Когда? Хорошо, буду. — Она вздохнула и ушла с кухни.

Вопросами засыпали уже меня, пришлось выкручиваться. Не хватало ещё детей во всё это втянуть. Быстренько собрав шкурки тыквы в пакет, я пошла выносить мусор.

Сколько голов — столько умов.

Русская пословица

На лестничной площадке мы устроили совещание без любопытных детских ушей.

— Следователь Петрова звонила. Вызвала на допрос сегодня к трём дня. — Надька, затягиваясь сигареткой, смотрела на дверь в квартиру.

Ага, караулит. Правильно. Присев на подоконник, я постаралась размышлять дедуктивно.

— По поводу Стаса или...

— Чёрт их знает. Но и тебя с Анькой тоже ждут в ментовке. Блин, Мордасов, чудак, мог бы и нормально сказать, по какому поводу нас дёргают.

— Надь, мне кажется, из-за отравления Андре. Она же не успела дать показания в больнице, — внезапно осенило меня. — Что будем рассказывать?

— Надо Анюту дожидаться, с ней обсудить, — прикурив следующую сигаретку, размышляла Надька. — А, вот наконец и наша пропащая! Легка на помине.

По ступенькам поднималась Анька с пакетами в руках. Выглядела она неважно.

— Ты куда пропала? Тут тебе обзвонились! — накинулась на неё Надька. — Не говоря уж о том, что всем жрать хочется.

— Остынь, Лятрекша. Может, в последний раз наешься сегодня. Наслаждайся жизнью, пока можешь, — устало, на автомате откликнулась Анька.

Мы оторопело уставились на неё. И тут из двери высунулась хитрая мордашка Забавы:

— А чего вы тут делаете?

— Доча, помоги тёте Андре. Видишь, ей тяжело... — я умоляюще посмотрела на подруг. По молчаливому согласию мы решили отложить обсуждение на потом. Всё-таки понимающие они у меня — надо отдать должное.

Часа через три я, Надька и Анька с опаской спускались по лестнице, строго-настрого приказав детям не высовывать носа из квартиры и никому не открывать дверь. Я не могла дожидаться, сходя с ума от страха, когда же можно будет поговорить в открытую.

Во дворе нас уже ждала машина. Такси, заказанное на полвторого дня. На наши вопросы Анька отмалчивалась, предложив обсудить всё в кафе. Но едва мы вышли из подъезда, Андре судорожно сдвинула мне руку и зашептала:

— Вот он, на скамейке сидит. В сером костюме. Это он меня пас. Везде за мной хвостом ходил. Думала, живой не вернусь, больше часа по супермаркету бродила. Быстро идём в такси.

Мы с Анькой рысью бросились к машине, а Надька... к мужику в сером, заорав еще издали:

— Какого хрена ты тут шляешься, блин? Что тебе надо?

— Успокойтесь, гражданочка. Тихо, не надо так кричать! — Мужик, привстав, что-то достал из кармана пиджака и продемонстрировал Надьке. Подруга сразу же сникла и неторопливо зашагала к такси.

— Мент, — остервенело хлопнув дверцей, ответила она на наш немой вопрос. — Ну, чего стоим? Кого ждём? Поехали!

Анька потеряла дар речи. Как, впрочем, и я.

— Да народ вообще обнаглел, — буркнул таксист, — скоро в туалет на такси ездить будет. Тут пройтись-то пешком пару минут...

— ...ять, тебя только не хватало! — рывкнула разозлённая Надька. — Заказ принял? Рули давай! Сверху сто рублей накину, не ной.

Через пять минут мы сидели за пластиковым столом под тентом летнего кафе «Кувшинка». Через дорогу от отделения милиции, куда нас вызвали на допрос.

— Девчонки, у нас чуть больше часа. Давайте решим, что будем сливать ментам. — Надька, закурив, с подозрением посмотрела на официантку, протиравшую пыльный пластик тряпкой сомнительной чистоты. И сквозь зубы процедила, демонстративно стряхивая пепел в вазу с цветами: — Пепельницу принесите.

Дождавшись ухода сонной официантки, мы стали бурно обсуждать последние события, строя версии и тут же их опровергая. Анька рассказала про убийство Мыша. И про то, как познакомилась со Стасом. Выяснилось, что по просьбе Храма — ему это зачем-то было нужно. Андре и не предполагала, что её отношения с сыном губернатора зайдут настолько далеко (насколько я знаю, она и правда, в отличие от Надин, из постели в постель не прыгает).

— И что ты наспионила для Храма, мать? — Надька с невозмутимым видом подначивала подругу. — Мата Хари прямо!

— Да я только и успела узнать, что Стас по просьбе отца распутывает какое-то тёмное дело. Что-то про нарушения с документами. — Андре виновато посмотрела на нас. — Храм давил на меня, требовал какой-то файл.

Я, выдохнув, наконец-то изложила все подробности про полученный от Мультивенко-младшего таинственный файл.

Замолкали мы только при появлении официантки. В какой-то момент стала вырисовываться вся картина, начиная с убийства ненашего Стаса.

— Значит, что у нас получается... — Хлебнув растворимого кофе из пластикового стаканчика, Надька решила подвести итог. — Первой с Мультивенко-младшим познакомилась ты, Аня. По наводке Храма.

— Да, он нас и познакомил. У Храма и Мультивенко были какие-то свои дела. Но спать со Стасом я не собиралась, это уже Мультивенко расстарался. Он мог быть таким...

— Понятно, можешь не продолжать, — быстро сказала я, перехватывая инициативу. — Стас был хронический бабник. Вешал тебе лапшу на уши, а спал с другими бабами. С Надькой, например. Кстати, Надюш, ты-то где с ним познакомилась?

Подруги вдруг переглянулись.

— Эээ... Ааа... Ну да, я его привела на одну из выставок, — краснея, промямлила Анька. — И сама, дура, с Лятрекшей и познакомила.

— Ты же его представила как «просто знакомого»! — рывкнула Надин. — Я ещё и спросила у тебя тогда, помнишь, спишь ли ты с ним.

— Так бы я тебе и сказала сразу всю правду... — вздохнула Анька. — Нет, теперь-то уж точно сказала бы. Но кто знал, что всё так получится?

— Дальше Стас крутит роман с тобой, Надь. Я правильно поняла? Ты ему говоришь про «Книгу перемен». — Я только вздохнула, вспоминая результаты гадания.

Можно ли было предсказать, что, желая сделать приятное Надин, Стас решит купить книгу именно в моём киоске? Судьба порой любит пошутить — Мультивенко-младший

никак не мог знать, что мы с Надькой подруги. Чистейшей воды случайность. Я впервые за много лет потеряла голову и рванула на свидание с сыном губернатора. Ещё и Надьке похвасталась, правда не называя имени кавалера. Эх, кабы знать...

Обсудив все события, мы пришли к выводу, что Храм точно замешан во всём. Он знаком со Стасом. Храм давит на Андре по поводу файла, который ему зачем-то очень нужен, и именно Храм заставляет Аню провести его в мастерскую Надьки. (Анька знала, что ключ всегда хранится над притолокой и где кинжал хранится тоже.) А потом он на её глазах зарезает Мыша, оставив ту жуткую записку. Анька теряет страз с ногтя. Причём Храм клянётся и божится, что к смерти ненашего Стаса не имеет никакого отношения. Анька верит ему — ей кажется, что Храм вряд ли способен на убийство. По крайней мере, человека.

Поняв, что его угроза Надьке не сработала, продюсер продолжает давить на Андре. Та признаётся, что со Стасом успела познакомиться и я. Анька категорически отказывается искать у меня файлы или спрашивать про них — она меня слишком хорошо знает и любит. Но Храм не отстает. Тогда-то и возникает идея про тексты песен, которую Храм мне и озвучивает после выставки, решая, что разведает почву сам.

— Стоп! Ань, помнишь, мы сидели в спортбаре в тот вечер, когда Стаса нашли мёртвым? — Мне вдруг стало жутко. — Храм ушел, говоря по телефону, и его довольно долго не было. Стас жил рядом с тем баром, минутах в десяти ходьбы.

У Аньки затряслись губы.

— То есть ты думаешь, что Мультивенко-младшего тоже Храм пришёл? Я уже ничему не удивлюсь. Но я спрашивала у него про кинжал, он всеми святыми клялся, что больше не был в мастерской. Хотя веры ему теперь нет...

— Значит, Храм пришёл ко мне в мастерскую, — подытожила Надька, закурив, — отыскал кинжал и специально назначил вам встречу в спортбаре рядом с домом Стаса, чтобы обеспечить себе алиби, а меня подставить. Я же дома у Лейки тогда одна осталась. И кинжал-то мой.

— Да. И только Храм знал, что у меня дома никого нет, он же нас сам в Москву отправил, а в квартире как раз устроили обыск, — продолжила я, одновременно настойчиво пытаюсь поймать какую-то ускользающую мысль.

— А тогда зачем же он решил тебя отравить, Лейка? — Надька задумалась. — Ведь если Храм стащил компьютеры, ему это уже не нужно — файл и так у него.

— Но я же сказала, что Стас прислал мне файл по мылу...

Мы поражённо уставились друг на друга. Первой заговорила Надин:

— Ты думаешь о том же, о чём и я? Значит, файл сохранился у тебя в почте, во входящих. И его можно скачать. А раз Храм хотел тебя отравить — да Анька, молодец, помешала! — то он всё понял. Этот файл содержит какую-то бомбу. Если её рвануть, Храму будет кисло. Вот он и решил убрать сначала Стаса, потом тебя.

— В милиции ни слова про файл! Мне ещё жить хочется. — У меня от волнения задёргалось левое веко. — Девчонки, если со мной что-то случится, запомните пароль от моего ящика: набрать дважды «Лейка», глядя на русские буквы при включенной английской клавиатуре. А адрес мой ты, Анька, знаешь. Да и дети, если что, подскажут...

— Так, рано прощаться с жизнью. Через десять минут делаем признание в милиции — про Храма. Говорим почти правду. Но не всю, как договорились.

Ещё через пять минут мы решили, какие показания будем давать против Храма —

слегка скорректированные: Анька рассказывает про ситуацию с её квартирой — Храм решил заставить её замолчать. Мы видели, как он что-то подсыпал ей в бокал, но не успели подругу предупредить. Пусть Храм побегает — ему полезно. Ни слова про ненашего Стаса и файл. На том и порешили.

Милиция призвана следить за порядком, беспорядки её не интересуют.

Неизвестный источник

На этот раз визит в милицию ничем не напоминал предыдущий. Опрашивала нас по очереди следователь Петрова. Первую Аньку. При этом мы с Надькой, пока ждали, не могли даже парой слов между собой перекинуться — в комнате, подозрительно напоминающей «красный уголок» биологического факультета ЛГУ в мою студенческую бытность (только вместо кумачового стяга с серпом и молотом здесь висёл российский триколор), за нами зорко бдил «товарищ генерал Ивашкин». Пытаясь поудобнее расположиться на деревянных откидных стульях, соединённых по пять в жуткую конструкцию времён социализма, мы с подругой пытались как-то поддерживать разговор, но неизменно натыкались на противодействие лейтенанта. Видимо, Андре ему здорово насолила, надо бы спросить, как прошло назначенное ею свидание.

Затем вызвали Надин, и теперь я переглядывалась уже с Анькой. Причем Ивашкин, нещадно пресекая все попытки разговора, игнорировал мою подругу, будто вообще с ней не знаком.

Наконец пришла моя очередь. Надька ворвалась в «уголок ожидания», покрасневшая, растрёпанная. Вполголоса чехвостя некоторых полицаев «ну с очень уж большими мордами», Надин попросила меня пройти в кабинет номер двадцать восемь. В кабинете, кроме следователя Петровой, я увидела взмыленного мужчину в форме, который двумя пальцами набивал что-то на компьютере. Так вот он какой, Мордасов. Понятно, почему Надька взъерошенная вернулась. Но лицо-то вроде у мужика нормальное. Тут Надька против истины погрешила.

Как ни странно, со мной общались очень вежливо. Да и в прошлый раз, по-моему, не повезло только Надин. Ну да, сама, скорее всего, виновата — я слишком хорошо знаю невыносимый характер моей подруги-художницы.

Изложив заготовленную версию, я уже думала, что меня отпустят. Не тут-то было: вопросы о произошедшем на моей кухне задавались снова и снова. Но я очень ярко представила себе «альтернативную историю» и свято её придерживалась, иначе прокололась бы сразу — врать у меня получается отвратительно. Всегда попадаюсь.

В какой-то момент я не выдержала и обиженно произнесла:

— Лучше бы вы расследование вели, как полагается, а не пытали тут свидетелей почём зря. Хотя — пара дней, и свидетелей у вас может вообще не остаться.

Следователи поражённо уставились на меня. Мордасов даже от компьютера оторвался. И я стала рассказывать про неприятности, которые сыпались на меня в последнее время, умолчав только о взломе квартиры и пропаже компьютеров.

— А тут ещё сегодня за Андре следили... У меня трое детей, и мне надоело жить в страхе. Когда вы арестуете Чернохрамова? — Я почти плакала от бессилия.

— Лия, успокойтесь, — сочувственно посмотрела на меня Татьяна Петрова, — вашим детям ничто не угрожает. Вообще-то я не должна вам говорить, в интересах следствия подробности не разглашаются, но я сама мать... За вашим домом установлено наблюдение.

Мы это сделали по звонку неделю назад. Вы понимаете, у кого это дело на личном контроле?

— А гражданин Чернохрамов, скорее всего, в Москве, — добавил Мордасов, пристально глядя на меня, — если не за границей уже. Забился куда-нибудь и, наверное, ещё долго не объявится. Только — просьба не разглашать всё, что мы вам сказали.

Подписав протокол, я вышла из комнаты. Вместе с подругами мы спустились по злополучным ступенькам, обсуждая результаты допроса. Выяснилось, что причина Анькиного отравления — тубокурарин-хлорид. Это белый кристаллический порошок, легко растворимый в воде. Аньке об этом рассказал Мордасов — на основании результатов анализов, поступивших из больницы.

— В хирургии, оказывается, тот гадский порошок, который сыпанул в шампанское Храм, используют для расслабления мышц. Вот меня и расслабило, — делилась с нами Анька. — Но при передозировке может развиваться дыхательная недостаточность, и тогда всё, кирдык. Там слово какое-то мудрёное — забыла... Ну, когда мышцы полностью расслабляются...

— Миорелаксант? — я на автопилоте припомнила латинское название этой группы соединений.

— Точно! Только очень много надо этого порошочка, если пить... Обычно его внутривенно вводят при столбняке. Это мне Мордасов рассказал. Причем, Надь, очень сокрушался, что бокал с отравой мне достался, а не тебе. — Анька с улыбкой подначила подругу.

— У тебя с Мордасовым столбняк мозга по жизни, — огрызнулась Надька, впрочем, как-то вяло.

— А неприятностей бояться нам больше не надо, — понизив голос, известила я подруг. — За нами установили наружное наблюдение.

— И тебе сказали? — выдохнула Надин. — Ну всё, значит, теперь об этом узнает весь Питер. Часа через два — тебе только до телефона добраться.

Я даже и не подумала обижаться. У меня внутри всё пело — можно наконец жить нормально. По крайней мере, не вздрагивать из-за детей. Вот только ощущение, будто я что-то упустила, немного отравляло (тьфу-тьфу!) настроение.

Товар полюбится — ум расступится.

Русская пословица

Возвращение отпрысков сопровождалось частыми походами в ближайшие ларьки за чипсами и лимонадом. Бабка Сара не потакала детским слабостям, и ребята с отвычки голосили от радости при виде двухлитровой колы и «лейсов» с крабовым вкусом.

До начала учебы оставались считанные дни, и все по-своему готовились к первому сентября: Авраша выбирал парфюм от Hugo Boss, Али расписывал баллончиками стену вокруг школы, Забава наглаживала юбки и блузки. Дети шалели от последних дней свободы и непривычного ощущения, что в доме есть деньги... Их заветные мечты легко осуществлялись.

— Мать, хочу в кино на «Обитель зла»! — прокричал из детской Авраашка.

— А я на «Вампирский засос»! — следом прокричала Забава. — Мамуль, можно?

— Мамзик, пойдешь со мной на «Пираньи»? Или я друзей приглашу? — Али хитро посмотрел на меня.

Мне наперебой показывали рекламные ролики, где кровь на губах вампиров сменялась кусками мяса на зубах жадной стаи рыб-мутантов.

— Давайте лучше завтра поедем на школьный базар, купим что нужно.

— Опять на кассе будут ножницы, лупы, блокнотики — каждый год одно и то же, — Авраам всем видом показывал, что перерос эти школьные радости.

Али и Забава согласились, и даже Аврашу уговорили. Хорошо ещё, что Алька как-то сдружился с Матвеем (бегал к нему каждый вечер в гости, и они вместе резались в «плейстейшн»).

Понимая, что на этот раз можно прикупить побольше, Али попросил друга подсобрать. Я не могла запретить соседу предложить нам помощь, но внутри всё сопротивлялось. Он же совсем ещё молодой, зелёный — этот красивый мужчина. Зачем же ему портить жизнь? Хотя, если быть до конца честной, Матвей мне нравился.

Он довёз нас на машине до супермаркета, предложив подождать. А в магазин идти категорически отказался, отшутившись тем, что просто умрёт в процессе шопинга.

Дети сгребали на развалах карандаши, ластики, тетрадки, ручки, циркули, мало применимые папки и дорогие наборы принадлежностей. Всё, что раньше не позволялось, теперь складывалось в корзину, и в этом был особый кайф — выбирать, не подсчитывая каждую копейку.

Школьный базар плавно перерос в поход по продуктовым отделам. Оголодавшие у скаредной бабки Сары козлята жадно набивали тележку всем, что попадалось на глаза: полуторакилограммовый хлеб пшеничный, морская капуста с баклажанами, мармелад дынный, печенье с шоколадом, вареники с вишней, арбуз, колбаса, две бутылки кетчупа по цене одной (последнее на автомате взяла уже я).

Авраам прогуливался вдоль полок с чаем, когда на него налетел Али и зашипел:

— Только не вздумай брать чай с бергамотом! От него не стоит!

Я сделала вид, что ничего не слышу, просто рассматриваю банку кофе. Ну, ужас какая интересная банка. Как же быстро растут мальчишки, а?

Авраша застыл с пачкой ароматизированного «Гринфилда».

— Мне Руслан из нашего класса сказал: от бергамота не стоит.

— Руслан просто псих.

Однако Авраша покосился на брата и взял «Липтон» обыкновенный.

Но самая кровопролитная битва началась, когда добрались до гелей и шампуней.

— Али, зачем тебе гель от угрей, у тебя же их нет?

— Для профилактики, — упирался Али, пряча за спиной баночку.

— Ты только кожу испортишь.

— Ма, не спорь, мне нужно!

Забава под шумок совала в тележку какую-то косметику для девочек, шампуни и освежители для туалета.

Наконец двинулись к кассе. По пути мы здоровенной тележкой дважды переехали оброненные букеты из розовых гвоздик. Их сунули назад в общую кучу. Достоят ли цветочки до первого сентября? (Забегая вперёд, скажу, что не только достояли, но и распушились пуще прежнего.)

Когда начали выгружаться, кассирша громко предупредила очередь:

— Здесь не занимайте, они надолго.

Мы горкой завалили ленту перед кассой. Домашние тапки, канцелярия, сосиски и шампуни вперемешку сыпались в пакеты.

— Мамзик, здорово мы в этот раз отоварились — весело и вкусно! Настоящий праздник! — радовался Али.

Я кивнула, почувствовав, как приятно забыть вечный страх, что денег не хватает и надо постоянно экономить. Но, вспомнив Храма и неоконченные дела с Надин и Андре, ощутила холодящую тревогу: какие ещё события впереди?

Вам помочь или не мешать?

Михаил Жванецкий

Матвей довёз нас до дома, помог перетаскать пакеты в квартиру. Разбирая покупки, я не сразу услышала звонок телефона. Затем, подняв трубку, не сразу поняла, что звонит дочка Аделаиды Ильиничны:

— Лия, я очень прошу, зайти к нам.

Я пообещала, хотя не ожидала ничего хорошего. Бабу Аду я уже воспринимала как родную, пусть и с заскоками. Но вот дочка с её намеками о пропаже серёжек. Ох, и не хотелось же мне спускаться к ним в квартиру. В такие моменты я обычно уговариваю себя: понижай важность, Лия. И иди!

На звонок выбежала дочь Аделаиды, обняла меня с порога (к чему бы такая приветливость?) и предложила:

— Давай по кофейку?

На кухне, где я летом выламывала хека из морозилки, всё было по-прежнему. А у меня столько изменилось...

— Лия, я ведь тебя позвала, чтобы извиниться. Подумала грешным делом, что это ты взяла серёжки. Прости дуру! Нашлись они. Оказывается, мама сама убрала их в тумбочку под телевизором, а сверху завалила программками, журналами. И забыла. Склероз. Да и не только. Всё сказывается на памяти — и инсульт, и Паркинсон. Сегодня я уборку генеральную делала и обнаружила. Ты уж извини. Просто очень переживаю за маму. Она ведь меня одна растила, без отца, и это в советские времена-то, на руководящей должности.

— Конечно, — я с трудом допила кофе с конфеткой.

Какая-то мучительная нота звучала резонансом внутри. Говорила дочь Ады, а я почему-то слышала голос отца Стаса. Вот так и мой ребёнок тоже будет расти безотцовщиной.

— Ты заходи к маме, она хотела пообщаться.

— Да, сейчас. Спасибо.

Я босиком пошлёпала в дальнюю комнату к старушке.

— Ну, здравствуй, дорогая! — Аделаида Ильинична протянула ко мне руки, пытаюсь обнять.

Закрыв за собой дверь, я присела рядом с кроватью.

— Линейка, ты чего такая невесёлая? Дочка порадовала тебя, что серёжки мои нашлись? Извини, что она тебе наговорила всякого...

— Да мне не привыкать, — вырвалось непроизвольно.

И вдруг к горлу подкатил комок. Я не собиралась плакать, но слёзы сами полились. Почему-то вспомнились обидные слова Мультивенко-старшего в ресторане, которые, как вкус того изысканного салата, застряли во мне чем-то несъедобным и горьким. Плечи затряслись от всхлипываний.

— Лия, что с тобой?

Я покачала головой, всеми силами отгоняя грустное. Перенапряжение последнего времени внезапно прорвалось, и я захлебнулась в рыданиях.

— Да чего ж ты плачешь, деточка? — Старушка от испуга сжала мою руку. — Что

случилось? Признавайся.

Жизнь так редко дарит головокружительные подарки вроде памятной встречи со Стасом. Ну почему, почему так беззащитны наши чувства. Так хрупки... Мне вдруг отчаянно захотелось поделиться мучившей меня душевной болью. И я начала рассказывать Аде летнюю историю своей влюблённости. Начиная с той самой минуты, как увидела Стаса Мультивенко. А дальше уже не могла остановиться, продолжала исповедоваться...

Я нисколько не стыдилась своей слабости, потому что и не слабость это была, а жизнь. Жизнь, которая состоит не только из котлет, но и из упоительных безумств. И я ни на секунду не пожалела, что поехала в ту ночь со Стасом. Я ведь прекрасно понимала, что если принимаешь сказочные дары, то не отмахивайся и от того, что ворвётся в твою судьбу вместе с ними. То есть от самых невероятных перемен.

Нет, я не боялась этих перемен. Но отец Стаса сделал мне больно. Так больно, будто бы сам Стас вдруг отвернулся от меня с презрением и неприязнью. Я не могла рассказать об этом ни маме, ни подругам. И вдруг чужому человеку выплакала всё, что наболело. Ничего не скрывая, ничего не утаивая. Наверное, так было надо. Рассказала я и про беременность, и про встречу с губернатором. Описала разговор и прощание. И то, как шла домой, не видя ничего от слёз.

Аделаида слушала очень внимательно. Немного удивлённо, но с пониманием.

Вот уж не ожидала, что разоткровенничаюсь со своей бывшей вредной подопечной. Но порой не мы ведём судьбу, а судьба ведёт нас.

— Глупышка, — погладила она меня по голове, когда я замолчала. — Так ты говоришь, сын губернатора? Стас Мультивенко? А я и не знала, что он погиб.

Кивнув, я попросила:

— Вы никому не рассказывайте обо мне. Пожалуйста.

Но тут же подумала: да кому ей рассказывать, ведь Ада сколько лет на улицу не выходит. Радует, небось, что я её развлекла своим «мексиканским сериалом». Но на душе удивительно полегчало, когда я поделилась своими тревогами, пусть и со случайным слушателем.

— Спасибо.

— Да за что? — как-то очень внимательно посмотрела на меня старушка.

— Что выслушали, — вымученно улыбнулась я.

— Разве за это благодарят? Наивная ты, Лейка. — Аделаида Ильинична даже забыла приколоться надо мной по обыкновению. — Поддай-ка мне телефон, красавица. И слёзы вытри.

Я переставила на постель телефонный аппарат и хотела попрощаться, но Ада махнула рукой, мол, присядь. Я опустилась в кресло, не понимая зачем. Расслабившись, глядела в окно на желтеющие листья клёна.

Аделаида Ильинична набрала номер.

— Алло! — громко, командирским голосом проговорила она в трубку. — Саш, ты, что ли? Узнал? Ну да, мой голос ни с чьим не спутаешь. — Пожилая женщина хрипло рассмеялась. — А помнишь, как ты боялся меня, когда первый раз пришёл в кабинет? Да-а-а, боялся. Тре-пе-тал! Теперь-то зазнался, а ведь ходил за мной, как щенок, всему учился.

Аделаида кокетничала с неведомым мне Сашкой. Не упуская момента подколоть по старой начальственной привычке.

— Ох, Сашка, несносный мальчишка! Скажи, ты зачем мою девочку обидел?

Тут я впервые встрепелась, заподозрив... невозможное.

— Как какую? Лию, красавицу мою. Хорошая она, я бы на её месте тебя не простила. Ну как не обижал? Она к тебе со всей душой, существо доверчивое, как мотылёк, а ты... Знаю я её, конечно. И всю её историю знаю получше тебя. Лие я доверяю полностью. Чистой души человек. Так что, Сашка, недобровольно тебе, если не исправишься. Ты ж знаешь Аду, житья тебе не дам!

Старушка опять засмеялась, ни разу я не видела её такой важной и игривой одновременно.

Услышав, что речь идёт о Лие, я сидела, вжавшись в стул, готовая провалиться сквозь землю. С одной стороны, мне казалось, что говорили не обо мне — настолько непривычные эпитеты навешивала на меня Ада. С другой стороны — вроде обо мне. Ведь других Лий поблизости не наблюдалось.

Затем Ада долго соболезновала Мультивенко по поводу смерти сына:

— Слышала, Саша, про твоё горе, недавно узнала. Соболезную. Тебе и Наташе. Стасика маленьким помню... Мне до сих пор не верится. Что за времена? Страшные...

Закончив разговор на властной ноте, как и начинала, Аделаида Ильинична, раскрасневшаяся и довольная, повернулась ко мне.

— Ну что, всыпала я этому мальчишке! Он ко мне сопляком пришёл работать после института, а я тогда величина была — зам. первого секретаря обкома. Всему Сашку научила. Знаю и его семью. Ужасно, конечно, что с сыном так случилось. Стасика крохой знала. Балованный он всегда был. Любимец Наташкин. Какое горе! Но ведь и горе не повод, чтобы обижать невинных. Сказала я ему всё, Линейка. А там уж пусть Сашка своей головой думает. Взрослый уже.

Я была в такой растерянности, что ни единого слова выдать не могла.

— Не говори ничего сейчас, — поняла мое состояние старушка. — Иди домой, лежи, вон как расстроилась... Может, следующим летом выведешь меня погулять на улицу? А то дочка всё отказывается. Говорит, невозможно. А ведь нет ничего невозможного? Так? Погуляем ещё, обещаешь бабушке?

— Постараюсь. То есть обещаю, — кивнула я, плохо соображая от волнения.

— Ну иди, иди.

Мы обнялись, и я пошла к себе, не веря, что услышанное — правда. Что бабушка Ада звонила Мультивенко.

Дома Надька в комнате Забавы дописывала картину «Кающаяся Анна-Магдалина». Подруга хотела довести все детали до совершенства, накладывая всё более и более густые тени под глаза. Анька на картине ещё больше похудела и почернела. С каждым новым штрихом её раскаяние становилось всё больше. Бедная Андре, ходить ей осунувшейся ещё долго. Сила таланта у Надин бронебойная, я несколько в этом не сомневалась.

— Надь...

— Чего?

— Бабушка Ада позвонила губернатору. Мультивенко.

— Зачем? — опешила подруга.

— Оказалось, что она его бывшая начальница.

— Ни фиги себе! И что?

— Рассказала ему всё про меня. Вот и не пойму, хорошо это или плохо? Но теперь уж как вышло...

Зайдя к себе, я первым делом увидела Забаву, раскладывающую кресло.

— Мамуль, я тут спать лягу, в моей комнате красками воняет — жуть. А почему тётя Надин не в мастерской своей рисует?

— У неё сложный период, потерпи, — вздохнула я. — А тётя Андре где?

— Уехала домой, сказала, что не хочет нам мешать. — Застелив постель, дочь плюхнулась на неё, включив новенький ноут.

— Забав, завтра — первое сентября, долго не засиживайся! Вставать рано придётся.

Судя по «угу» и клацанью клавиатуры, дочь просто не обратила внимания на мои слова. Махнув рукой, я поплелась в ванную. День выдался на редкость утомительным. Как там Анька, одна в своей квартире? Надо бы ей позвонить.

Никогда не оказывайте услуг, о которых не просят.

Оноре Бальзак

Яблоки осенью — для меня что-то особенное. Люблю покупать их на рынке. Чтобы были из своего сада, только что сорванные, ароматные, с красным бочком. Именно такие мне сегодня и достались — дочка Аделаиды Ильиничны принесла корзину анисовки вскоре после того, как Забава и Али ушли в школу, а Авраам поехал в институт. Я уже второй год не провожала детей на первое сентября — после того, как младшенький стал стыдиться.

На кухне разлился умопомрачительный запах свежести и сена.

— Анис полосатый — мой любимый сорт!

— Кушай на здоровье. Привезли с дачи полные сумки, не знаю, куда девать. Урожайный год.

— Спасибо! — Я с радостью захрустела и тут же затеяла делать шарлотку.

Нарезала яблоки на противень. Сверху залила тестом, сунула в духовку, и такой вкусный запах по всей квартире — наслаждение!

Надька с утра пошла в мастерскую за кисточками и куда-то запропастилась. А я и рада, что никого нет. Иногда хочется побыть дома одной — подумать, помечтать...

Разрезав шарлотку, сразу отделила кусочки соседям: угощу бабу Аду и Матвея. Он столько помогал мне в последнее время, а я всего пару раз пригласила его на ужин, неблагодарная.

Он живёт один, питается только консервами да заморозки подогревает в микроволновке. Уж пирогу точно обрадуется.

Сбросив передник, я взяла треть шарлотки и зашла сначала к Аделаиде Ильиничне. Там пришлось посидеть за чаем. Среди прочих новостей старушка призналась, что звонила не только Мультивенко, но и его жене, Наталье Васильевне.

— Линейка, я ей как женщина женщине всю твою историю рассказала. Она искренне растрогалась и захотела повидать тебя. Очень душевная женщина. Я дала ей твой телефон, ты будь поласковой с Наташей. Она — редкий человек, сама увидишь.

Я уже не удивлялась сюрпризам от Ады. Только кивала, соглашаясь и не споря. А потом, вырвавшись от соседки, взяла дома второй кусок пирога и пошла к Матвею. Хотела позвонить, но увидела, что дверь приоткрыта... Из подсознания всплыл ужас: после стольких убийств в голову приходили только страшные мысли. А Матвея-то за что убивать? Может, квартиру взломали? И взломщик ещё там? Меня зазнобило...

Поколебавшись, всё-таки открыла дверь и заглянула. Тихо. Прокралась до двери в комнату — и остолбенела. На кровати под массивным мужским телом извивалась и стонала маленькая щуплая Надин. Лицо её было запрокинуто. Руки её обхватывали широченную спину с нарисованным между лопатками чёрным драконом, длиннющий хвост которого, переплетаясь с красными сполохами огня, извивался до поясницы. Крылья цветной твари задевали купола церквей возле лопаток, между которыми дракон пытался протиснуться.

Не знаю, сколько секунд я стояла в оцепенении. Тело Матвея, за исключением лица, шеи, и нижней части рук и ног, было сплошь покрыто татуировками. Мне даже сначала показалось, что он в купальном костюме. Подрагивание мускулов и изгибы тела оживляли

рисунки. Бронзовые карпы, по одному на каждой ягодице, шевелились в такт движений, упругие змеи ползли по стройным сильным бёдрам. Ветки, кинжалы и чёрные иероглифы переплетались в единую причудливую картину.

В этот момент бесстыжие глаза Надьки изумлённо распахнулись и остановились на застывшем в дверях моём изваянии. Подруга попыталась что-то сказать, но Матвей властно накрыл её рот своим. Я бросилась вон из квартиры. А там откусила от пирога и, не останавливаясь, слопала три куска. Еда всегда меня успокаивает. Сердце колотилось как бешеное.

Ну, Надька! Ну, стерва! Конечно, Матвей мне нравился. Как друг, в постель я бы с ним не легла. Но всё равно было обидно. Мне-то казалось, что я ему тоже нравлюсь. В тот день, когда девчонки меня нарядили и накрасили на выставку, я встретила Матвея на улице. И как же у него отвисла челюсть от восхищения — сразу предложил пожениться. Пусть даже в шутку. И после при каждой встрече он заговаривал, старался предложить помощь. С детьми сошёлся, Алька его обожает...

Входная дверь скрипнула. Надин, налившаяся красками удовольствия, томно повиливая бёдрами, вошла в кухню. И заговорила вкрадчивым голоском:

— Лейк, ну ты чего?

— Да ничего!

— Обиделась? Ну и глупо. Всё случайно получилось. Я встретила Матвея на лестнице и сквозь ткань рубашки увидела тату. А парень рукав задрал, я попросила — выше. Ну, он сказал: пошли домой... я там сниму рубаху. А я сама с него всё сняла. Оххххххх, Лейка, он же ходячая картина! На коже все татушки, как живые. Ну я ему: потрогаю? Он: трогай. И я погладила сначала по спине. Потом рука сама скользнула на живот. И он такой горячий. Я просто не могла остановиться... Ну, это выше моих сил!

Надька жадно надкусила яблоко. Я молчала.

— Ты не поймёшь...

— Ну отчего же? — подкипела я. — Очень даже понимаю.

— Матвей — ходячее произведение искусства. А какая ветка сакуры у него в интимном месте! Я как увидела, чуть не скончалась... — Надька продолжала переживать сладость соития. — А ты заметила меч на левом плече?

— Больше мне делать нечего, как вглядываться в его бицепсы! — взбесилась я.

— А чего тогда так долго на нас пялилась? — съязвила Надин.

— Ну-у-у, знаешь, Надь, мало того что я разволновалась, а мне это сейчас вредно, ты ещё и издеваешься! Спишь с кем попало, а я должна на вас натыкаться?

— Вот не надо приходиться к мужчинам с дурацкими плюшками. Думаешь, им пироги нужны? А вот я, кстати, от шарлотки бы сейчас не отказалась.

Я почувствовала себя полной идиоткой: Надька успела рассмотреть не только мою растерянность, но и несчастный пирог в руках. Молча подвинув к подруге тарелку, я опустила голову, не желая видеть довольное лицо Надин.

— Лейка, не обижайся. Я ж пошутила. Ты у нас хорошая, красивая. Захочешь — Матвей может и с тобой переспать. Он, судя по всему, без комплексов. И любовник отличный.

— С дуба рухнула! Оно мне надо? — Я подскочила от негодования, припомнив, что Надька и со Стасом опередила меня в постели.

Но уж теперь дудки! Тем более Матвей — не Стас. Мне нравится в мужчине шарм, остроумие, обаяние — всё то, чего и близко нет в Матвее.

— Скажи, а зачем ты трахаешься с мужиками? — После сегодняшней сцены у соседа я уже не выбирала выражений.

— Для вдохновения. Ни один мужик не стоит картины, но может вдохновить. Секс — как наркотик, я беру из него ту силу, которую переношу в полотна. Конечно, мне нужен не тупой секс. А так, чтоб чувствовать себя желанной. Обольстительной. И самой быть в состоянии влюблённости. И чувствовать влюблённость в себя. Без этого ничто не рождается и не возвращается во мне. На самом деле, когда я пишу картину — это наивысший оргазм, это дикое удовольствие, сильнее, чем с любым мужиком. Но без эротической подпитки картины получаются сухие, безжизненные.

Надька уничтожала остатки шарлотки, жуя без остановки. И так же без остановки продолжала рассуждать.

— А вот когда во мне бродит желание и я нравлюсь, знаешь, какое всё живое и наполненное получается. Вот ты сразу сможешь отличить, что написано, когда я была влюблённой, и что написано, когда у меня не было мужика.

— «Красные маки» — это точно от большой страсти?

— Ага. Угадала. У меня тогда такой любовник был потрясающий. Самец. Мы прямо в мастерской на полу как две змеи сплетались. А потом он уходил, а я писала всю ночь как одержимая. Он так и называл меня «женщина с кисточкой».

— А твой натюрморт с вазой невыносимо скучен.

— Я механически его нарисовала. В унынии, что нет любви.

— А почему ты ко всем так быстро остываешь? Может, тебе найти кого-то одного и любить только его?

— Ты не понимаешь! Мне постоянно нужны новые впечатления. Острые, сильные. Они стимулируют к творчеству. Я могу любить. Мужа своего любила. Целый год! Но привычка ослабляет чувства. А быт тем более. И всё... Понимаешь, всё! Кончается желание. Кончается интерес друг к другу.

Шарлотку подруга осилила полностью, удовлетворённо откинувшись на кухонном уголке. Глисты у неё, что ли? Столько всё время ест и ни капли не полнеет.

— Нет, я не понимаю, ведь если любовь настоящая, она сразу не кончается. Ты живёшь любимым человеком, дышишь им — каждый день. И не надоедает. Нисколько. Наоборот, скучаешь без него. — Я тоскливо пыталась спорить с Надькой.

— Лейка, мы о разном говорим. Ты — наседка. Полюбила — замуж вышла — родила. Кастрюли, котлеты, пелёнки. Я бы сдохла от такой скуки. И картины писать перестала бы. Мне нужен полё-ёт! Лёгкость! Свобо-ода!

Нельзя сказать, чтоб я не понимала Надьку. Понимала. Она натура творческая, мятежная. А я — простая. Мне в любви всегда хотелось преданности. Что за радость — переспать и навсегда расстаться? Только сердце надрывать... Ну, получилось так со Стасом... Но ведь не по моей вине. Я верная. Да только кому это нужно?

— Лейка, не грусти. И на твоей улице перевернётся грузовик с пряниками. — Надин обняла меня за плечи. И ушла в душ.

Если собака взбесилась, значит ли, что взбесится и корова?

Корейская пословица

Бывают дни, когда карты раскладываются в ненужные пасьянсы, а звёзды выписывают головокружительные комбинации, чаще всего — неприятные.

Всё ещё негодую на Надьку, я пыталась успокоиться, накрывая на стол. Скоро дети вернутся, наверняка голодные. Да, я клуша. И не могу переспать с мужиком просто так.

Добило меня окончательно то, что теперь опять придётся что-то готовить: пирог уничтожен, а фруктов с борщом моей ораве не хватит.

Джулька хвостом вертелась возле меня, заискивающе поцарапывала лапой, скулила. Затем начала требовательно лаять. Ох, я же забыла её выгулять, бедная собака. Надо срочно идти, но тогда не успеваю ничего приготовить. А Надька, зараза, застряла в ванной.

Спас меня звонок в дверь. Напевая «Осенний поцелуй», в прихожую ввалилась Андре. Сапоги цвета ржавой листвы, гламурный шарфик поверх распахнутого лёгкого плаща, элегантная сумочка. На высоченных тонких каблуках она казалась миниатюрной — ага, сказывается Надькино тлетворное творчество, тьфу. «Кающаяся Анна-Магдалина», однако, выглядела вполне довольной жизнью.

— Ань, пожалуйста, погуляй с собачкой! — Я заискивающе посмотрела на подругу. — Только её никак нельзя спускать с поводка, опять ведь забеременеет.

— Ладно, похожу с ней пару минут вокруг дома. Но с тебя вкусный обед!

— Ага. — Я уже резала соломкой картошку.

Глянув на себя в зеркало, Анька осталась довольна и гордо повела мою дворняжку на прогулку.

Надо отметить одну особенность Джулькиной натуры: она ненавидит гулять на привязи. Оказавшись на улице, псина начинает бешено рваться, хрипит из-за давящего ошейника, но усердно загребает лапами и тащит меня за собой, как лошадь телегу. Обычно нервы и руки не выдерживают этой пытки, и я отпускаю животное на все четыре стороны. Когда у неё течка, то муки прогулки умножаются на десять, потому что собака не просто рвётся с поводка, а буквально вешается на нём, к тому же дико подвывая от истомы.

Всё это произошло и с Анькой. Пробежав метров десять и чуть не лишившись правой руки, она отпустила бешеную псинку. Та, не оборачиваясь, умчалась вглубь дворов, где и пропала.

— Джуля, кис-кис-кис...

Андре не спеша посеменила следом. Но пройдя несколько кварталов, не на шутку растревожилась и уже тоскливо покрикивала «Джуууууууууляяяяяяя», не особо надеясь на отклик. Вдруг ей показалось, что за мусорными бачками мелькнула знакомая рыжая шкурка. Проваливаясь каблуками в песок, Анька свернула к помойке.

— Джууууууууля, девочка, иди ко мне, — тут Анька осеклась. Глазам её предстала следующая картина...

На низкорослую дворняжку взгромоздился довольно крупный пёс породы колли. И совершал то самое, к чему стремятся все самцы возле помоек — мерно двигался над Джулькиным задом.

Анька завопила, как подорванная:

— Во-о-о-н! Пошёл вон!

Самец не реагировал. Желая защитить Джулькину невинность, Андре схватила ивовый прут и хлестанула колли по спине. Тот продолжал свои упражнения. Удары поводком тоже не приводили кобеля в чувство. В отчаянии Анька пнула неподатливую псину каблуком.

После этого Джуля попыталась бежать, и колли поехал на ней сверху, не отцепляясь. Как приклеенный.

— Ах ты, развратник! — рассвирепела Анька. И набросилась на него с новой силой. — Моя бедная девочка... — приговаривала она, покуда не увидела сладострастную морду сучки, на которой было написано не только непротивление злу насилием, но и откровенное удовольствие.

Растрёпанная Анька с ивовым прутком в руке задумалась, стоит ли лупить совратителя дальше... А в это время из кустов вынырнул накачанный мужичок в спортивном костюме с воплем:

— Дама, вы покалечите моего Джерри!

— Вы про этого охамевшего кобеля?

Джерри продолжал случаться с Джулькой на глазах бранящихся хозяев.

— Отсоедините вашу собаку от моей! — заорала Анька.

— Это невозможно, пока он не закончит.

— Так, значит, вы его одобряете? — прищурилась Андре.

— Конечно нет! Подлец сорвался с поводка! Я ничего не одобряю. Но знаю, что пока не брызнет семя, ему не отсоединиться. Учите анатомию собак, мадмуазель... Там есть такая косточка в теле полового члена, которая не позволяет...

Джерри наконец отошёл от Джульки. И интересовался уже не ею, а выброшенными костями. Потрёпанная дворняжка вернулась к Андре, которая, чуть не плача, пристегнула собаку на поводок. Аньке было досадно и стыдно, будто она сама участвовала в случке, поэтому она не сдержала эмоций:

— Шлюха! Дура конченная!

— Да что вы так близко к сердцу принимаете? Они ж животные, — утешал Аньку хозяин кобеля. — Позвольте мне вас проводить.

— Не надо. — Анька тяжело дышала после битвы.

— Ну, дайте мне хотя бы телефончик. Я позвоню узнать, как поживает ваша собачка.

— Восемь... четыреста девяносто пять... сто двадцать три, сорок пять, шестьдесят семь. — Начала диктовать, как всегда, московский номер певица.

— О, эту разводку я знаю, — захохотал мужик.

Тут Андре поняла окончательно, что сегодня не её день. И, подобрав с земли гламурный шарфик, решительно зашагала в сторону нашей улицы. А дома сорвала всю злость от неудачной прогулки на мне:

— Лейка, ты бы видела морду своей собаки! Вся в тебя! Развратница! Теперь я понимаю, как ты соблазнила Стаса!

Я без тени изумления выслушала историю походов Джульетты. Сценарий был знаком, разве что телефончик у меня не спрашивали. Надо же, в один день подружки назвали меня клушей и развратницей. И чему, спрашивается, верить? Ведь вроде взаимоисключающие вещи, клуш-развратниц в природе не бывает. Настроение стало стремительно повышаться.

— Ань, как биолог и справедливости ради скажу: тот мужчина прав, собаки не могли рассоединиться.

— Только не рассказывай мне опять про эту половую косточку! Хватит! Лучше сшей своей собаке трусы!

— Железные, чтоб носила их, как пояс верности, — заржала Надька, под шумок слопавшая всю картошку со сковороды.

— Себе купи, — пробурчала я, всё ещё злясь на Надин.

— После такой прогулки только в душ, — Анька хлопнула дверь.

Джюлька, свернувшись калачиком у двери прихожей, так крепко уснула, что даже не заметила сосиски. Прогулка оказалась слаще, чем еда.

Ночью мне приснились упругие ягодицы с бронзовыми карпами. Рыбы призывно виляли хвостиками, и их мучительно хотелось погладить. Я, поддавалась своим желаниям, гладила рыб и всё остальное... А утром тихо ненавидела себя и Надьку. Не говоря о Матвее, которого и видеть больше не желала. Хотя есть, наверное, всё-таки у меня что-то общее с Джюлькой...

Школьные учителя обладают властью, о которой премьер-министры могут только мечтать.

У. Черчилль

Вторая неделя сентября плотно навалилась на меня школьными заботами.

— Мамуль, я больше на физику в школе не пойду, хоть убей! — заявила однажды Забава, швырнув сумку возле входной двери.

Так, луковый суп-пюре по фирменному рецепту отца может подождать, только огонь сделаю потише. А вот у дочери, судя по всему, проблемы — Забава ничком лежала на разложенном кресле. Глядя на вздрагивающие плечи дочери, я только вздохнула:

— Что такое? Оценку плохую получила?

— Если бы, — всхлипнула дочка. — Ирина Сергеевна мне только пятёрки ставит. Но она надо мной издевается! И над классом...

Из сумбурного рассказа дочери я выяснила такое, что была не просто потрясена — шокирована.

Физичка почему-то выбрала Забаву козой отпущения. Например, девочка несколько уроков простояла у доски от звонка до звонка, решая задачи. И хотя моя дочь — круглая отличница, каждый раз, когда ставилась оценка «пять», подчёркивалось, что это делается исключительно как одолжение.

Имя Забавы учительница постоянно коверкает, как хочет, переделывает, над фамилией «шутит». Скажем, говорит: «Непийвода, не пей воду. Она нам для эксперимента пригодится».

Зная, как мучается дочь с редким именем и потому не признаёт никаких искажений, я только вздыхала, слушая её рассказ:

— Ну вот, представь! Физичка говорит: «А теперь у нас забава — у доски будет решать задачу Забавка!» И класс гогочет.

Других учеников учительница на уроках называет дебилами, кретинами и уродами. Добило же дочь окончательно то, что на одном из уроков физичка вытащила за ухо из-за парты классного хулигана Совихина. Он орал, сопротивлялся, но Ирина Сергеевна волоком протащила его по классу, зацепив учеником парту. Парень поранил себе руку — потекла кровь.

Конечно, я пообещала, что на физику Забава и правда больше не пойдёт. Слава богу, деньги есть — позвоню студенческому приятелю, Ромке с физфака, он мне не откажет, позанимается с дочкой как репетитор. Затем, собравшись с духом, написала заявление о переходе дочери на обучение «экстерном» по физике и стала собираться на приём к директору школы. Владимир Алексеевич всегда производил на меня приятное впечатление. Ухоженный, спокойный, радеющий за школу. Неужели не поможет? Наложив боевую раскраску «а-ля Андре» и упаковавшись в фирменный прикид, подобранный мне подругами для выставки, вышла из дома. До школы, в которой учились дети, пять минут пешком. Надо что-то придумать: как объяснить, как сказать. Конфликтов не хочется, но и обижать моих детей никому не позволю: в такие минуты во мне просыпается ярость и гнев.

Владимир Алексеевич, выслушав меня, только и сказал:

— Давайте заявление — подпишу, так действительно будет лучше. Забава — хорошая девочка, умница. Думаю, на золотую медаль может потянуть. А вот Ирина Сергеевна... К сожалению, пока я ничего не могу сделать. Не вы первая жалуетесь. По секрету скажу, она даже бьёт учеников. Недавно на уроке дала пощёчину парню из одиннадцатого, и это оказалось последней каплей. У него были проблемы с девушкой, родителями, а тут унижение перед всем классом. В котором и его любимая девушка училась. Парень из окна седьмого этажа выбросился. Насмерть. Вы, наверное, слышали о той истории? Так вот, даже после этого я не могу её уволить. Заслуженный учитель, нет жалоб от родителей. Немногие, как вы, могут вот так прийти.

— Боже, какой ужас! — вырвалось у меня. — А других учителей физики разве нет? Может, ей просто не давать класс Забавы?

— Вы не понимаете. Уволить учителя невозможно без его желания. Как и отобрать класс. А Ирине Сергеевне уже семьдесят шесть лет, и уходить из школы она не собирается. Детей нет, одинокая. Для неё школа — вся жизнь. Она в этом кабинете и на меня орёт периодически. Да что я вам рассказываю... — директор нажал клавишу селектора на столе: — Анна Николаевна, пригласите Ирину Сергеевну ко мне в кабинет. И Клавдию Ивановну тоже.

Я ошарашенно посмотрела на Владимира Алексеевича. Он, грустно улыбнувшись, ответил на мой немой вопрос:

— Разговаривать с учительницей лучше в присутствии завуча. И очень вас прошу: не забирайте своё заявление.

Следующие полчаса показались для меня адом. Ирина Сергеевна оказалась довольно бодрой старушенцией с фиолетово-розовыми волосами. Салатовый брючный костюм, маникюр. Неужели ей семьдесят шесть?

Полчаса физичка ломала комедию, якобы не понимая, о чём идёт речь. В какой-то момент её прорвало: такого ора я давно не слышала. Что-то во мне вскинулось — и я начала орать в ответ.

Завуч прятала улыбку, директор невозмутимо слушал нашу перепалку. Я, не выдержав, вскочила и, на бегу попрощавшись, вылетела из кабинета директора.

Пытаясь отдышаться на глазах удивлённого охранника, я вдруг почувствовала, как мою руку сильно сжали. Хватка Ирины Сергеевны оказалась стальной.

— Ну, и что вы там такое устроили у директора?! Ваша дочь — хорошая ученица, у неё же пятёрки, — физичка выдохнула мне слова непереносимыми миазмами. Явно — проблема с ротовой полостью и пищеварением.

— Отпустите мою руку! — Я тщетно пыталась вырваться из стального плена. — Да отпустите же меня! Забава никогда больше у вас учиться не будет! Вы — чудовище! И рот вам следует полоскать чаще — воняет во всех смыслах!

На мои крики стали сбегаться учителя и дети. Физичка орала мне какие-то слова, плюясь в лицо. Я судорожно пыталась выдернуть свою руку, затем на меня накатило.

Оттолкнув «заслуженного учителя», я на одном дыхании выплюнула всё, что узнала от дочери и директора. И что сама думаю по этому поводу. Не выбирая слов.

Ирина Сергеевна схватилась за сердце. Я выскочила из школы. По пути домой думала, как рассказать всё Забаве. Ведь наверняка просто так эти события для неё не пройдут.

Пока, успокаиваясь, медленно брела домой, решила: ничего говорить Забаве не буду. Кроме того, что физикой она теперь занимается с репетитором.

Если Ромка откажется, всё равно кого-нибудь найду. Нормального.

Не презирай слабого детеныша — он может оказаться сыном тигра!

Монгольская пословица

Аврашка, вернувшись из института, уплетал луковый суп и взахлёб делился новостями.

— Я так доволен, что наша кафедра в главном здании. И Интернет везде бесплатный, пользуйся, сколько влезет. В коридоре возле каждой розетки россыпи присосавшихся с ноутбуками. — Сын перескакивал с темы на тему. — Представь, многие ребята до сих пор не получили мест в общежитии, снимают комнаты. В нашей группе из семнадцати человек я один из Питера, остальные — приезжие. Победители каких-то олимпиад, есть мальчик — лауреат премии Путина. Двое, прикинь, проучились год на физмате в Большом универе и перевелись к нам. Говорят, в ИМХО интереснее, да и учиться легче, хотя мне программа не кажется простенькой, — Аврашка засмеялся и достал из сумки кучу методичек. Я полистала: вместо слов — одни графики и формулы.

— А как твои одноклассники, те, кто платно поступали?

— Они — «блатнички». В других группах. Пересекаемся в столовке, в библиотеке. У них своя туса. Но дружим, конечно. Тут у нас намечается день первокурсника и ночь первокурсника. Староста уже билеты выдал.

— А девочек много?

— На приборостроении и в группе программистов, как ты понимаешь, почти нет. Зато у дизайнеров — одни девицы. У нас общие лекции по высшей математике, так они ничего не понимают. Сидят, играют на мобилах. Преподы над ними подшучивают: «Дизайнеры, зачем вам „вышка“? Идите в коридор, расписывайте ноготочки под хохлому».

Я улыбнулась. Сама с трудом сдавала высшую математику в универе.

— Мать, а чего ты такая рассеянная? — Авраам внимательно посмотрел на меня.

Вздохнув, рассказала про ситуацию с Забавой, физичкой и директором. Сын, доев суп, хихикнул, как-то оценивающе посмотрев на меня:

— Да Ирина Сергеевна всегда такая была! Я когда сидел за первой партой, она так указкой стучала по ней, что у меня карандаши и ручки разлетались. А по пеналу попала — хряснул пополам. И слюной брызжет во все стороны, ух, как вспомню... Дневник мой рвала публично. — Авраам поморщился. — Мы на физике боролись за места на последних партах. На первых — вытираться не успевали...

Я с лёгкой грустью покаялась сыну про стычку в коридоре.

— И ты правда ей сказала: «воняет»? Вот это да! Мы мечтали об этом до конца одиннадцатого класса. Она очень любила схватить ученика за руку, поставить перед собой и устроить газово-психическую атаку.

Аврашка, широко улыбаясь, приобнял меня.

— А вообще, ты у нас — боец. Помнишь, как с Алькиной курткой было?

Конечно, я помнила и про куртку. Что ж, приходится грудью вставать на защиту детей. По самым разным поводам.

Не так давно Али поехал с другом на рынок. Дала ему полторы тысячи. И куртка была присмотрена заранее, оставалось только купить, чего же проще. Но нет. Звонит мне сынок

по сотовому: «Мам, куртку не купил, деньги отобрали!» — «Кто отобрал?» — «Охранник на рынке». — «За что?» — «Я пописал в неустановленном месте». — «Полторы тысячи отобрал?» — «Ага, а иначе б он отвел меня в милицию»...

Я быстро смекнула, что Али несовершеннолетний. И без родителей с него нельзя брать никакие штрафы. Разъярённая, понеслась на рынок.

Нашла своё чадо возле ангаров со стройматериалами. Там, где уже начинался пустырь, Али и пописал. В уголке. И тут его настиг детина в камуфляжной форме, забрав все деньги якобы в уплату штрафа. Друг Али от страха свинтил домой. А мой мальчик сидел, пригорюнившись, на куче распиленных досок.

— Ну веди, показывай охранника.

— Вон он. Стоит при входе в магазин. Огромный такой.

Ворвалась. Стоит. Огромный.

— Вы отобрали деньги у моего сына?

— Какие деньги? Ничего не знаю. Первый раз его вижу.

И тут я решила действовать согласно придуманному дома сценарию. Спокойненько набрала номер телефона милицейского участка (заранее выписала из справочника) и громко сказала, что по такому-то адресу у моего несовершеннолетнего ребёнка отобрали деньги. После чего спокойно кивнула Али:

— Милиция сейчас будет. Подождём.

Пугало сработало. Охранник резко изменился в лице и заорал:

— Зачем милиция?! Не отбирал я у него ничего! Мальчишка сам отдал! Пригрозил ему, что писает в неположенном месте, вот он и отдал. А я положил их под конторскую книгу и руками не трогал. Вот его деньги, забирайте.

На столе, как по волшебству, появились купюры: тысяча и пятисотка.

— Я не просил его ничего давать.

Тут не выдержал Али:

— Мам, он врёт! Он ещё сказал мне: «Бесплатно даже жена мужу не даёт, а ты хотел посс... пописать на халяву?»

Я с ненавистью посмотрела на гада в форме. Ждать милицию или нет? Если заводить дело о вымогательстве, то потащат в участок: допрос, следствие. Решила не мучить ребёнка. Взяла деньги и пошла, не удержавшись от комментария: «Урод, малолетних грабишь!»

Вызванная мною милиция прибыла только через четыре часа. Они перезвонили мне, когда мы уже спокойно сидели дома с курткой. И чувствовали себя победителями. Али похвастался по телефону другу:

— Моя мать поддала тому громиле! Он сам чуть не описался и деньги сразу вернул. А прикидывался, что не брал. Но ма его раскрыла.

Конечно, не обошлось и без серьёзного разговора с младшим сыном о том, что лучше заплатить за вход в туалет, чем создавать себе проблемы...

Я отвлеклась от воспоминаний и пожалела о своей вспышке в школе.

— Ох, Авраш, как бы Забаве хуже не было.

Наша истинная национальность — это человечество.

Герберт Джордж Уэллс

Однако Забаве хуже не оказалось. Вернувшись домой из школы на следующий день, дочка взахлёб рассказывала мне последние новости. Оказывается, мама у нее — потрясающая женщина. Так дочери нескольких учителей сказали, у которых дети учились или учатся у Ирины Сергеевны. Все благодарили тихонько, говорили, что наконец-то нашёлся человек, который не побоялся выдать правду.

Глазёнки Забавы блестели, девочка довольной змейкой вилась вокруг меня. И тут в мою комнату ввалился с недовольным видом Али. Неужели и у него проблемы с физикой? Как-то не хочется идти ещё раз в школу. Ах да, он же в пятом классе учится, у него пока нет физики. Проблема, однако, всё же была. Сыну в школе задали сочинение на патриотическую тему: «Я — русский, и этим я горжусь...»

Забава только хихикнула.

— Ну, мамуль, это тебе выкручиваться, — глядя на смуглого брата с ярко выраженными нерусскими чертами, дочь откровенно веселилась.

Али насупился. Забава, от греха подальше, убежала гулять.

Раздумывая, как выкрутиться с сочинением, я рассматривала притихшего сына. Алька за последнее лето сильно вытянулся. Что за идиотизм с этой темой? Неужели учительница не понимает, что в классе у младшего сына как минимум почти половина ребят нерусских национальностей?

Так, что там вождь всех времён и народов говорил на эту тему? Политэкономии нам вбивали в ЛГУ так, что до сих пор помню почти наизусть многие определения. Потому как «ненаизусть» невозможно — не сдала бы зачёт. Но лучше подстраховаться. Порывшись в университетских лекциях, которые бережно храню, на всякий случай, наткнулась на нужную цитату Иосифа Сталина: «...Нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей...»

Ага, что-то в этом есть... Сбил меня с неожиданной спасительной мысли Алька:

— Мамзик, ну что мне писать? Какой я, на фиг, русский? А, кстати, кто ж я по национальности?

Я с изумлением посмотрела на сына.

Такой вопрос мне даже в голову не приходил. Хотя Алька, наверное, прав — до русского ему далеко.

— А вот давай вместе прикинем. Смотри... — Мы с сыном погрузились в арифметико-генетические расчёты на листочке, который я начала заполнять по принципу генеалогического древа.

— Вот этот кружок — бабушка Хадиджа. И она, и твой дед — её муж — обозначим его квадратиком — таджики. У них восемь детей — и провела линию и нарисовала пять кружочков и три квадратика ниже, — и все стопроцентные таджики.

Алька заинтересованно смотрел на разрастающийся рисунок.

— Среди них твой папа. — Тут я поморщилась: мы с сыном почти никогда не говорили про его отца. — Пусть будет вот этот квадратик. От него тебе досталась половина крови,

значит, на пятьдесят процентов ты — таджик.

— Значит, на оставшиеся пятьдесят я — русский? — Алька светился от восторга.

Я внутренне опешила: считая себя русской, никогда не раскладывала свою кровь в процентах.

— Нет, сын, со мной всё гораздо сложнее. Давай возьмём другой листок. Начать придётся с китайской бабки Ли.

Последующие пятнадцать минут были для меня самым настоящим потрясением. Я вдруг чётко поняла, что и мне самой до русской — неблизко. В результате нехитрых подсчётов получилось, что я — на четверть китайка, на вторую четвертинку — француженка. Это по папиной линии. Но, припомнив, что моя мама Элеонора Михайловна — наполовину русская, наполовину украинка, я опешила. Выходит, во мне русской крови не больше четверти. А я-то во всех анкетах без тени сомнения писала в графе национальность — «русская».

И получается, что Али только наполовину таджик, а китайской, французской, русской и украинской кровей в нём по восьмушке.

Мы ошарашенно переглянулись с сыном.

— И что мне писать в сочинении?

Я задумалась. Припомнив Сталина, решительно посоветовала:

— А ты напиши про всех своих родственников. А в конце — что ты и есть самый настоящий русский. Потому что говоришь на этом языке, думаешь на нём, родился и живёшь в России. И этим ты гордишься.

Сын начал вдруг хихикать. Я непонимающе уставилась на него.

— Представляю, как Аврашка бы корячился. Ему вообще не рассчитывать...

Тут я пригорюнилась. Да, если по моей линии всё предельно ясно, то с отцом моего первенца — Иаковом — разобраться сложно. Сара Моисеевна родила сына без мужа. Потому и не смогла, видимо, оторвать чадо от себя. Версии о том, кто дед Аврашки, из года в год обрастали противоречащими друг другу сногсшибательными подробностями: генерал, разведчик, лётчик и так далее. Я уже давно перестала их запоминать. Слава богу, Аврааму не писать такого идиотского сочинения.

— А вот Забашке проще, — вошёл во вкус генетических изысканий Алька. — У неё дед и бабка по папе — хохлы. Полный пилипец.

— А вот и нет, — рассмеялась я. — Дед Забавы, действительно, украинец. А вот бабушка твоей сестры — наполовину полячка (или полька? — проскользнуло у меня), на четверть белоруска (или как там?) и только на четверть — украинка. — Я слишком долго выслушивала свою вторую свекровь, чтобы не запомнить этих подробностей. — Но считать в процентах я не буду, даже и не проси. Марш писать сочинение...

Оставь привычку ловить рыбу со спичку.

Неизвестный источник

Бабье лето в начале сентября было едва ли не горячей небабьего. И на выходных хотелось за город. В воскресенье решили поехать в Петергоф. Я-то, конечно, забыла про свой день рождения, но дети прибежали в комнату с букетом гвоздик и открыткой.

— Ма! Поздравляем!

— Ох, и правда, двенадцатое сентября, — стукнуло меня.

Мама мне звонила обычно в выходные, после праздничной даты — в будни она слишком занята в МГУ. Но на этот раз мой день рождения совпал с воскресеньем, и родительница в кои-то веки поздравила меня не задним числом.

Выслушав все положенные случаю пожелания и нравоучения, я вдруг неожиданно для себя брякнула:

— Знаешь, мы тут с Алькой считали в процентном соотношении его национальность. И вдруг выяснилось, что я сама — всего на четверть русская, по тебе.

Мама, секунду помолчав, вдруг огорошила меня:

— А с чего ты решила, что ты — русская на четверть? Это у меня четвёртая часть русской крови — по моему отцу, твоему дедушке, царство ему небесное.

— Не поняла. Ты же...

— Да, да я всегда так говорила, — мама вздохнула в телефонную трубку. — Но мой отец только наполовину русский — его мать, моя бабка, была еврейкой, что тщательно скрывалось. Сама понимаешь почему.

Вот это пироги с котятами! Закончив разговор, вдруг подумала: не буду рассказывать детям такую новость. Кошерное замучаюсь готовить. Нет, ну надо же! Я ещё и еврейка? Упасть не встать. Самый русский, получается, у нас будет ещё не родившийся малыш. Хотя фамилия Мультивенко сама за себя говорит...

Оторвали меня от размышлений явившиеся в приподнятом настроении подружки, которые просипели нестройными голосами:

— Лейка, хэппи бёздэй!

Так, судя по всему, приподнятым был и градус спирта в их крови.

— Спасибо, милые! — У меня было странное настроение, но я решила его сделать праздничным. — Чур, сегодня я не готовлю! Для меня это лучший подарок.

— Тогда поедем гулять. Куда? В Царское Село или в Петергоф?

— Петерго-о-о-ф! — в один голос заорали мои младшие. И стали собирать рюкзачки.

По дороге я рассказывала Аньке и Надин про то, как мою маму привезли двенадцатого числа со схватками в роддом. Она страшно боялась родить тринадцатого, в чёртову дюжину, поэтому изо всех сил тужилась, и ровно за пять минут до полуночи разрешилась. С тех пор я всегда успеваю сделать самое важное в последний момент.

В Петергофе гуляла тьма народа. Сначала мы обошли уже сто раз виденного, но не надоедающего «Самсона».

— Вылитый Матвей, не хватает только татуировок, — засмеялась Надька, оценивающе оглядывая позолоченную мужскую фигуру.

Я мрачно промолчала. Анька толкнула подругу в бок. Мы хаотично разбрелись по парку. Дети потащили меня на фонтан-шутиху «водяная дорога» (наступаешь на камешки, а из-под них внезапно вырывается фонтанчик и обливает с ног до головы). Андре по забывчивости присела на шутейную скамеечку, и её тоже обдало водой.

— Вот сколько раз была здесь, вроде все фишки знаю, а всё сухой не выйти, — по-детски захохотала она.

Через пару часов блуждания по парку Али и Забава стали просить чего-нибудь покушать. Аврашка, как старший, мужественно терпел молча. Анька, не выдержав нытья мелких, предложила:

— Здесь есть местечко, где ловят осетров. И сразу их готовят.

— Твои гламурные замашки нам дорого обойдутся! — напомнила о себе моя ввевшаяся в кровь привычка экономить.

— А мы с Андре решили в этом году подарить тебе экстрим, — тут же весело откликнулась Надька. — Рыбалку на пруду. Вытаскиваешь осетра или форель — фирма гарантирует. Тут же рядом и приготовят. Соглашайся быстро, пока мы не передумали. Цены там космические! Кило пойманной рыбы около двух тысяч стоит.

Я ошарашенно посмотрела на подруг. И вдруг мне так захотелось какого-то безбашенного поступка...

— Хватит ломаться, дурында! Трубы уже горят — сил нет, как хряпнуть хочется. Соглашайся! — просипела Надин.

— Да, кисюнь, соглашайся, — лучезарно улыбнулась Андре. И добавила, пристально сверля Надьку взглядом: — А выпить и на рыбалке можно.

В прудик царя возле крошечного дворца Петра Первого «Монплефир» кто-то предприимчивый запустил осетров. Рядом с местом рыбалки стояли весы, толстая тётка в белом грязном халате за ними и мужик с удочками различного вида. Надпись возле весов на серой картонке вещала: «Царская рыбалка. Бесплатно. Оплачивайтесь только вес пойманной рыбы. Осетр — 2 тыс. руб./кг. ФАрель — 1 тыс. руб./ кг».

Лингвист во мне возмутился, однако мужик с удочками оказался убедителен. На глазах фотографирующих иностранцев в течение следующих десяти минут я забрасывала удочку раза три. Наконец поплавок рывком исчез под водой. Я поняла, что попалась какая-то особо крупная рыбка, и ещё неизвестно, кто кого куда утащит. Следующие минут пять я отчаянно пыталась удержать удилище, а мужик — меня на берегу. Общими усилиями с помощью подсачника из тёмной воды было извлечено шестикилограммовое бронированное чудовище с плавниками. «Бесплатная» рыбалка облегчила кошельки моих подруг на двенадцать тысяч рублей. И ещё пять они отдали за «приготовить тут же, рядом».

Но вкусно было запредельно. Рыбу нафаршировали овощами, гарнир на огромном блюде потрясал воображение. Доесть это великолепие помогли дети. Вот никогда не знала, что они у меня такие прожорливые...

После дорогостоящих, но незабываемых забав с осетрами мы решили пойти к Финскому заливу. Вышли в том месте, где есть пляж. Дети быстро вытащили из рюкзаков купальники, плавки, полотенца и ринулись в балтийские воды. Троица бегала, плескалась, как первобытные зверята.

— А прохладненько, — потрогала воду босой ногой Анька.

Мы сидели у самой кромки прибоя, смотрели на залив. Йодисто-озоновый запах, брызги волн, припекающее осеннее солнце... Я подумала, что это один из моих лучших дней

рождений — весёлый, без утомительной готовки на кухне, да ещё с царской рыбалкой. Немного подпортила настроение Анька, вспомнившая:

— А мы с Храмом здесь, в Петергофе, в последний раз гуляли вместе.

— Ох, ну чего сейчас-то о нём!

— Девчонки, а я и на отдыхе не могу нормально расслабиться — где-то скребёт на подсознанке, что мы в опасности.

— А ты постарайся, — сказала Надька, решившая загорать топлес.

— Опять ты свои впускости на обозрение детишек выставила! — зарычала я.

— А что? Пусть мальчишки привыкают к красивому женскому телу, — томно парировала та.

— Это кто тут с красивым-то? — протянула Анька, плотно умявшая пышные формы в закрытый купальник.

— Я, естественно, — мурлыкнула Надька, продемонстрировав маленькую татушку в виде черепахи на лопатке.

— Когда успела? — ахнула я.

— Матвей сделал. А может, и сама переползла во сне с его плеча на моё, — игриво ухмыльнулась Надька.

— Ну и змеющая ты черепашка, Лятрекша! — прищурилась Андре, видя мою поникшую голову. Она догадывалась, я переживаю, что Матвей перешёл из стана моих поклонников в разряд Надькиных любовников.

— Почему ты путаешься с этим... Лейкиным соседом? — продолжала подначивать Анька.

— Потому что он прекрасен в постели, — голос Надьки стал ленивым и томным. — Настоящий самец. Только поэтому. А этого и достаточно.

Я разрезала арбуз. Он был невероятно красный, как на картинах мексиканской художницы Фриды. Выточив на зернистой мякоти ножичком «Viva la vida!» (да здравствует жизнь!), отрезала ломтик с надписью и съела.

— Девчонки, как хорошо! Хотя бы один спокойный день за столько времени... Я вот сегодня не думаю об опасностях. Мне кажется, мы далеко от них. Ну в день-то рождения можно обойтись без камней в спину?

Только я это сказала, как в спину мне ударил маленький камешек... Фу-у-ух. Оказалось — брошенный детьми. Но страх тут же подкатил к сердцу. Нет, всё-таки права Анька, все мы постоянно в напряжении. И пока тянется эта запутанная история с трупами, никто из нас не успокоится и не почувствует себя в безопасности.

Милосердие торжествует над судом.

Иаков, Новый Завет (2.13)

— У меня традиция: осенью ходить в Летний сад пошуршать листьями, — сказала Наталья Васильевна по телефону. — Давайте вместе погуляем? Погода великолепная.

— Конечно! — согласилась я.

Мы встретились у входа и сразу узнали друг друга.

— Лия? — спросила она.

— Да, — растерянно улыбнулась я.

Жена Мультивенко выглядела так молодо, что я изумилась. Сколько же ей лет, если Стасу было тридцать восемь? Издалека она казалась совсем юной: тонкая талия, девчоночья стрижка. Но морщинки вокруг глаз всё-таки выдавали возраст. Кстати, говорят, что добрые люди дольше не старятся. Вот уж точно про эту женщину. С ней было удивительно легко.

Я ехала, переживая, как мы будем общаться. А всё Аделаида Ильинична — не успокоилась бабка Ада, пока не поговорила с женой Мультивенко.

Тревоги оказались напрасными. Напряжение сразу ушло, как только мы побрели по аллее...

Летний сад находился на реконструкции, и туда не пускали посетителей. Но на супругу губернатора (и на меня заодно) запрет не распространялся. Охранники провели нас за ворота, а сами остались дожидаться у входа.

— Я сказала, что приехала осмотреть ход реконструкции. Лия, здесь нам никто не мешает поговорить наедине. И в безопасности.

Листья шуршали под ногами. Наталья Васильевна с удовольствием зарывала в них туфельки и улыбалась.

— Мы часто в Летнем саду гуляли, когда Стасик был маленький. Я потому мужа и попросила, чтобы всё здесь привели в порядок. Знаешь, в молодости хочется, чтоб дети поскорее повзрослели, а потом так не хватает прогулок с маленьким, доверчивым человечком, который держит тебя за руку и задаёт глупые вопросы. Но тебе-то, наверное, скучать не приходится?

— Да, точно, — рассмеялась я. — Хотя держать их за ручку уже не получится, но вопросов задают предостаточно, не всегда и найдёшь ответы.

— Давай посидим на скамеечке?

Мы сели, и мама Стаса достала из сумочки фотографии белобрысого мальчишки в беретике и матроске.

— Это Стасик в садике. Он был такой беленький, пухлый, и нянечка называла его «пшеничный» ребенок. Нет, даже не так — «пашаничный». Она была малограмотная женщина. Но очень любила его. А вот это Стас пошёл в школу...

На фотке — коротко стриженный мальчишечка с озорным взглядом и огромным букетом гладиолусов, как у всех первоклассников. Мой Аврашка тоже стоял с таким. А для Али я всегда покупала простенькие хризантемы, потому что на линейке он неизменно дрался ими и до учительницы доносил полуоборванный веник.

— Иногда я думаю: какое же счастье — растить ребёнка. Мы ворчим на трудности,

недосыпание, тревоги. И только потом, когда дети взрослеют, понимаем, как не хватает нам этих забот.

Наталья Васильевна замолчала. Повисла пауза.

— Лия, я всё знаю. Мне Саша рассказал. И Аделаида Ильинична звонила. Знаешь, после смерти сына в моей жизни такая пустота, что и не передать... — Наташа достала платок и вытерла слёзы. — Муж всегда был увлечен работой, а я жила Стасом. Может, я не строгая мать и баловала свыше меры, но ведь он у меня был единственный. И даже взрослый всё равно оставался для меня ребёнком. В нём была вся моя жизнь. И вот теперь... Я просыпаюсь, думаю о нём, еду на кладбище, возвращаюсь домой. И снова всё о нём... И мысли, и воспоминания. Не дай бог никому такого. Пережить своего ребёнка — это страшно.

Я не могла себе представить подобного ужаса. И очень жалела Наталью Васильевну. Через её рассказ Стас стал мне неожиданно роднее. Как будто мне не хватало фотографий, где он маленький, где он — школьник. Ведь мой малыш будет похожим на него. Я всегда знала, что мужчина, от которого женщина родила ребёнка, никогда не сможет стать ей чужим. Даже если они не вместе или расстались. Через детей невидимые нити связывают родителей. До самой смерти. А может, и после неё.

— Лия, я очень хочу, чтобы родился ребёнок Стаса. И буду помогать тебе всем, чем смогу. Когда я узнала про внука, для меня снова зажглась надежда, понимаешь? Родная кровинка, какое счастье, что она есть. Что ты есть.

Наташа взяла меня за руку. И я впервые почувствовала, что кто-то, кроме меня, ждёт этого ребёнка. И очень хочет его.

— Спасибо вам!

— Давай на ты? Лия, я так мечтаю нянчить твоего малыша. Малыша Стаса. Вот, веришь ли, я как узнала о твоей беременности, сразу поняла, что это дар божий. И для меня тоже. В квартире Стаса после его смерти на столе нашли открытую книгу с записью на форзаце... Там сын про тебя написал...

Я поражённо уставилась на Наталью:

— «Книга перемен»?

— Она самая. Стас нарисовал профиль. Смешно так, по-детски. Но теперь я понимаю, что твой. Очень похоже. И подписал: «Ли-я?». Именно так: с большой буквы, через дефис, с вопросительным знаком. А ниже «*Unelma Asu!*» с восклицательным знаком в конце.

Я с трудом сглотнула. Наташа, с печальной улыбкой посмотрев на меня, сказала:

— По-фински это значит «живая мечта»...

У меня навернулись слёзы. Я, стиснув зубы, отчаянно запрещаю себе разрыдаться. Повисла долгая пауза.

Мы встали и побрели по аллеям. Я рассказывала матери Стаса про своих детей, она захотела с ними познакомиться. Расспрашивала меня о здоровье, о проблемах, обо всём. Предложила телефон своего врача для наблюдения за беременностью.

Я не привыкла к такой заботе, мне и в обычной женской консультации было нормально. Мы с Джулькой, как две дворняжки, не требовали многого от жизни.

Ярко раскрашенные клёны, пожелтевшие липы и вязы. И мраморные изваяния. Самый старый сад Петербурга. Почти ровесник города.

Вспомнился он мне заснеженным, морозным. И как долго мы с Мечиком целовались и обнимались за статуей, плотно укрытой на зиму досками. Мы спрятались за ней, потому что

она была самая крупная в Летнем саду... А весной, когда статуи открыли, прибежали посмотреть, что же скрывалось под громоздкой зимней обшивкой, — оказалось, это знаменитая мраморная композиция «Амур и Психея». Психея с лампадой склонилась над лежащим Амуром, чтобы осветить и рассмотреть прекрасное лицо бога. История о человеческой душе, стремящейся слиться с любовью...

Жена губернатора вдруг порывисто взяла меня за руку:

— Лия, дорогая, я не должна была тебе этого говорить, но теперь понимаю, что обязана. Остерегайся мужчин в своем окружении. Один из них очень опасен. Ты считаешь его другом, но он может навредить тебе. Старайся быть осторожной, береги себя.

— Но кто это? Кто? — Едва спросив, я вдруг сразу поняла, о ком речь.

— Не имею права назвать имени и так сказала слишком много. Но я вижу твою беззащитность, и мне хочется уберечь тебя. И внука. Я буду молиться за вас.

— Думаю, я уже в курсе насчёт мужчины. Мы были с подругами на допросе. И догадались, кто он. — Я с неприязнью помянула про себя Храма нехорошими словами.

— Надо же... — удивлённо посмотрела на меня Наташа. — А Саша приказал ничего не рассказывать.

— Вы не волнуйтесь, нас будут охранять. То есть будут присматривать. Я хоть немного теперь за детей успокоилась.

— Ну и хорошо, — с облегчением вздохнула жена Мультивенко. — Ты не сердись на Сашу, что не поверил тебе. Мужчины, они стараются всё логикой проверять, А мы, женщины, интуицией. Я к тебе сразу расположилась, как только увидела.

— И я сразу! — я по-детски радовалась теплу и пониманию. — А приходите к нам домой в гости вместе с Александром Владимировичем?

— Придём. Непременно придём.

Мы остановились с Наташей у статуи сивиллы Либии, в руке она держала свиток с надписью: «REGNABIT DEUS IN MISERICORDIA».

Насколько я смогла понять, это означало — «Господь воцарится в милосердии».

Умереть — внезапно перестать грешить.

Элберт Грин Хаббард

В начале октября, чтобы окончательно освоиться с новым компьютером, позвала сына поставить нужные программы. За пару часов он загрузил мне с дисков основную начинку. До этого мне приходилось пользоваться обычным текстовым редактором для набора переводов.

Наконец-то я дорвалась до Интернета. Первым делом проверила версию, по которой файл, за которым все охотятся, мог сохраниться в моей электронной почте. Грабители вынули жёсткий диск, а про письмо могли забыть. У меня же пароль от почты сохранён — заходи и читай. Или стирай, что хочешь. Почти вплотную приблизила к себе монитор — у меня редкая особенность зрения: хотя в быту с ним проблем нет, на расстоянии менее двадцати сантиметров почти ничего не вижу, и приходится утыкаться носом в электронные символы. Книжки, как ни странно, читать могу нормально.

С замирающим сердцем открыла e-мейл. Есть!

Я попыталась открыть его, но снова натолкнулась на непонятный, нечитаемый формат. Так же, как той ночью, когда впервые получила странное письмо. Эх, содержимое просмотреть не удастся. Но надо хотя бы на флэшку скопировать, на случай новой зачистки квартиры.

Спрятав флэшку, опять уселась за монитор. После разговора с Аделаидой мне не терпелось почитать новости. И поискать сведения. О ней. И о Мультивенко-старшем. Начав рыскать по поиску, я и не думала, что обнаружу нечто такое, что потрясёт меня и вновь заставит умирать от страха.

Сначала мне попались подтверждения правдивости слов Ады. Аделаида Ильинична действительно была когда-то заместителем первого секретаря обкома КПСС Ленинграда. И ссылки на неё, хоть и нечасто, до сих пор встречались. А уж на Александра Владимировича Мультивенко выскакивало столько новостей, что я едва успевала просматривать. Главная тема, по которой он светился, — строительство высотки «Нефтапрома». Ни один строительный проект не обсуждался в Питере так бурно, как этот.

Интеллигенция активно возражала против зеркальной башни стоимостью полтора миллиарда евро. Тем более что финансировать её планировалось из городского бюджета. Верхушка власти в свою очередь давила на то, что строительство ускорит экономическое развитие региона. И те, и другие приводили аргументы. Защитники старого города писали: *«Трёхсотметровая вышка „Нефтапрома“ разрушит гармонию Северной Венеции и её архитектурный ансамбль».*

Администрация сдержанно соглашалась, что *«вопрос требует деликатного подхода, и она понимает озабоченность жителей».*

Замешан в историю со стройкой оказался и тот самый господин Телюк, что купил Надькины «Мидии» (естественно, он был на стороне администрации города). На выставке я отлично запомнила его неприятную физиономию и теперь повсюду натыкалась на неё в Интернете. Телюк, как тень, следовал за Мультивенко, на всех совещаниях и встречах маячил за спиной губернатора. И уверял в своих интервью, что *«широкомасштабный проект*

строительства, реализованный на площади в семьдесят гектаров, даст толчок к развитию деловой активности в Санкт-Петербурге».

Мультивенко-младший, как владелец крупной строительной компании, тоже фигурировал в обсуждениях строительства высотки. Смерть Стаса напрямую связывали с этой одиозной стройкой.

Чем больше я читала, тем сильнее запутывалась. Игры вокруг «Нефтапрома» наводили на мысль, что многое остаётся за кадром. И по статьям из Интернета не выяснить истинную расстановку сил и интересов.

Устав от политики, я переключилась на новости шоу-бизнеса, надеясь найти что-то свеженькое об Анькиной песне. Про «Дайкири», к сожалению, ничего нового не светило, но неожиданно мелькнула строчка, от которой похолодело сердце: *«Четвёртого октября в пригороде Петербурга обнаружен труп известного шоу-продюсера Андрея Чернохрамова»*. У меня всё поплыло перед глазами.

— На-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!

Мадам Дельфинина оторвалась от «кающейся Аньки» и с кистью ворвалась на кухню.

— Лейка, ты становишься навязчивой. Дай спокойно поработать!

— Смотри... — Я открыла страничку, где скупо сообщалось:

«Андрей Чернохрамов был задушен в своей машине на окраине Петергофа. Преступление совершено с особым зверством, у убитого отрезаны уши и язык. Следствие выдвигает две версии: ограбление и заказное убийство».

Надька отшатнулась. У меня поползли мурашки по коже.

— Как ты думаешь, кто его?

— Наверное, те же извращенцы, что и ненашего Стаса распотрошили.

У Надьки затряслась кисточка в руке.

— Аньке скажем?

— Может, не надо? Ей и так досталось, чего волновать лишний раз.

Надин доплелась до буфета и налила себе коньяка.

— Лейка, давай хряпнем, не чокаясь. Помянем.

— Нет, после того шампанского я завязала с выпивкой. Вообще. Так что помяни без меня.

Стуча зубами по краю рюмки, Надька отхлебнула. Занюхала чёрным хлебом.

— Нет, я всё-таки скажу Андре.

— Ты уверена, что новость о смерти Храма её порадует?

— Я должна ей сообщить, — бормотала Дельфинина, — я должна. Какой кошмар!

Надька, набирая номер подруги, ушла в комнату Забавы. До меня доносились обрывки фраз, в которых Надин загробным голосом рассказала про отрезанные уши и язык.

А через полчаса Анька была у меня. И коньяк тут же быстро испарился. Надька оделась докупить выпивки для поминания. Обе подруги вспоминали теперь о покойном почти с нежностью — ведь всё-таки не чужой он был для Андре. Любая смерть для нормального человека — потрясение. А смерть знакомого — тем более.

Меня же скрутила паника. Чувство защищённости, робко поселившееся в душе после визита в милицию, испарилось. И страх стал терзать с ещё большей силой. Ведь теперь вернулись козлята, и я должна думать о том, как обезопасить детей. Они-то уж точно никаким боком не виноваты в этой истории.

Но самое страшное было в другом. Если Храм мёртв, то кто же убийца Храма и двух Стасов? И где он? Да где бы он ни был, скорее всего, файл его ещё интересует. И значит, убийца за ним вернётся. Сюда.

Глава седьмая,
*в которой падает тот, на кого бы я никогда в жизни
не подумала, и наконец всё выясняется. Кроме того,
в ней никого не убивают — впервые за всю книгу*

У суки щеня, и то дитя!

Русская поговорка

Джулька развалилась на полу кухни. И тут Анька впервые заметила, что псинка раздалась в боках:

— Лейк, смотри, а чего у неё живот такой странный?

— Ну живот. Беременный.

— А может, Джулька объелась?

— Ну, тогда она хронически объевшаяся. У неё такой живот каждый день. И будет ещё больше.

Псина мирно поглядывала, как я разделяваю свинину на столе. И не скрывала своего интересного положения. И аппетита тоже.

Андре после убийства Храма была вынуждена съехать на съёмную квартиру — ту, в которой певица жила, опечатали. Решалась проблема перехода жилья по праву наследования к государству: у Андрея Чернохрамова не оказалось наследников. Завещания тоже. Анька не находила себе места, плакала, ругалась в милиции при даче показаний, объясняла, что квартира куплена на её кровные деньги. Всё было бесполезно — доказательств Анька представить не могла.

— Нет, ну прикинь, Лейк, — рыдала на кухне подруга, — та квартира, на которую я жизнь положила, теперь замороженное имущество. Дура я конченная, всё надеялась на что-то лучшее! Замороженная жизнь, замороженная квартира...

— Может, выморочное имущество^[6]? — с сочувствием поправила я, припоминая один из тяжелейших в моей жизни.

— Да какая теперь разница? — всхлипнула Андре. — На новую квартиру всё равно вряд ли накоплю. Практически нереально. Хоть и куча предложений гастролей и корпоративов. Может, мне в Москву податься, Лейк?

Я знала, что периодически на день-два Андре улетала на гастроли, взяв на время вместо Храма нового концертного директора, совсем ещё мальчишку. Мне было безумно жаль Аньку. Вот ведь как бывает в жизни: популярная певица, огромные, по моим меркам, гонорары, а жить негде.

— Ань, мне будет тебя очень не хватать, — я сама чуть не заплакала. — И потом, ты же обещала быть крестной мамой малыша! Хочешь — живи у меня, сколько будет нужно.

— Нет, Лейк, это не выход. У тебя и так Лятрекша прописалась. Но за предложение спасибо, кисюнь. Ладно, прорвёмся.

После того разговора Анька стала чаще бывать у меня, иногда оставаясь на ночь.

Жизнь текла своим чередом, вроде бы входя в нормальное русло. Иногда мне звонила Наталья Васильевна, спрашивала про здоровье и житьё-бытьё, предлагала всяческую помощь, но я категорически отказывалась. Зато настойчиво зазывала её в гости. Только каждый раз она старательно переводила разговор на другую тему. Сам же Александр Мультивенко не позвонил ни разу. Я не знала, что и думать.

В начале ноября Джульетта разрешилась от бремени. До этого, в ночь с понедельника на вторник, она скребла ковёр когтями и нервничала. Днём залезла в кровать Али, пытаюсь

свить себе гнездо. А с обеда стала дышать тяжело, как будто от страшной жары, хотя в комнатах было прохладно.

Я настелила роженице на полу чистую простыню.

— Обычно она легко рожает, а тут чего-то не то... Мне кажется, ей плохо. — Я волновалась. И названивала во всякие ветеринарные клиники — посоветоваться.

— Да, собаке десять лет. Не молодая... Почему так поздно рождает? Да потому что... — я покосилась на Аньку, — духом не стареет.

— Она у тебя, мать, как столетняя Сара, — заржала Надька.

По другому телефону ветеринар пытался запугивать и развести на деньги:

— Думаете, ей плохо с сердцем... Сколько говорите? Десять тысяч за кесарево... А с анестезией больше?

Наконец опытный собачий акушер подсказал мне, что вызывать врача надо не раньше, чем покажется плодный пузырь. Но, по счастью, мы обошлись без посторонней помощи.

К вечеру вторника Джуля скулила и тряслась всем телом. Потом начала тужиться. Сначала стоя, но вскоре обессилев, легла. Забилась под письменный стол Аврашки, посчитав это самым надёжным убежищем в квартире.

В перерывах между моими метаниями Надька предлагала мученицу то усыпить, то утопить, то кремировать, подсовывая мне соответствующие рекламки из почтового ящика.

— Надь, даже не начинай опять! — рявкнула я. — Из года в год одно и то же.

Пока Надька за чаем продувала свою излюбленную тему об усыплении домашних питомцев, мне было не до шуточек. Джульетта старела вместе со мной, и я искренне переживала за «старородящую». Именно это чуждое слово услышала про себя в женской консультации — значит, и Джульке оно подойдёт. Я то и дело заглядывала сучке под хвост в надежде увидеть пресловутый пузырь.

Но вместо пузыря через какое-то время показался алый кончик языка! А вскоре и передняя часть посиневшей мордочки!

Через пару минут дети прокричали:

— Первый родился!

Щенок был угольно-чёрный с белыми пятнами.

Совершенно не похож на свою мать. И не похож на колли! Которого, хоть и считали подлецом, но всё-таки — отцом. Собака тщательно вылизывала новорожденного. Особенно в районе пуповины, пока не перегрызла её. Следующие щенята выходили быстрее и безболезненнее — угольно-чёрный, рыжий с белым. Цвета шоколада. И ещё два тёмно-коричневых с белыми пятнами — с перерывом в час-полтора. Все щенки — вылитые морские свинки. Тупые мордочки, толстые тушки. Густая шерсть и весёлые хвосты.

К ночи шестеро слепых кутят лежали в ряд у сосков.

— Не может колли быть отцом этой пестроты, — я недоумевала. — Анька, наверное, у помойки был не первый случай, точнее, не первая случка.

— Кем бы ни был наш кобель-производитель, надо потребовать с него алименты, — сурово отрезала Надин. И тут же засомневалась в осуществимости выплат. — Судя по внешности щенков, отец их — бомж и нищий...

— Да, а колли-то был породистый. Зря я его лупила, — вздохнула Анька.

Дети рассматривали новорождённых и говорили, кому какой больше нравится. Звонили друзьям и активно предлагали разбирать щенков, когда те подрастут. Надин и Анька отметили событие по-своему — громким чоканьем бокалов и перетиранием баек про

«самцов-подлецов».

...Последний, седьмой, щенок родился глубокой ночью, когда все в изнеможении уснули. Обнаружили его утром — у Джулькиного живота. Он был самый маленький и рыжий. Больше всех похожий на мать.

Если с Джулькой наконец-то всё прояснилось, то над расследованием обстоятельств смерти Стаса продолжал витать туман.

Некоторые разъяснения я ожидала получить от Мультивенко. Да, губернатор позвонил-таки мне на следующий день после того, как Джулька разрешилась от бремени. Я не удивилась. Во-первых, роды у собак — к счастью. Во-вторых, интуиция подсказывала, что мы обязательно должны встретиться. Разговор по телефону был коротким, но очень добрым. Все тревоги улетучились, доверие восстановилось полностью.

Я пригласила Александра Владимировича к себе домой. Вместе с женой. Договорились на ближайшее воскресенье.

На что и клад, когда в семье лад.

Русская пословица

Подруги ели оладьи из кабачка, макая их в двадцатипроцентную сметану. Надьку здорово разнесло за последний месяц, но, по счастью, она этого не замечала. Правда, похудевшая Андре вдруг спохватилась, припомнив раздельное питание и то, что есть нужно из крошечной тарелки, а не из «той здоровенной миски, в которую я ей наваливаю». Но потом подруга забылась и снова трескала от души...

— Лейка, спасибо! Вкуснятина!

— Бабе Саре спасибо скажите.

— И мне, — встряла Забава. — Кто кабачки поливал? И муравьёв выковыривал из них.

Да, судя по всему, кабачки с муравьями — это надолго. Выбросить подарок бабки Сары рука не поднималась, а храниться они будут до весны — ни одного пятнышка гнили на толстых шкурах.

Дочка сложила грязные тарелки в новую посудомойку, купленную Андре под нажимом Надьки, ненавидевшей мытьё посуды.

— Ну вот, мать, теперь ты можешь в свободное время на фитнес ходить, а не у раковины стоять.

— И нас пилить перестанешь, — лукаво кивнула Андре. — Тем более это подарок. От нас с Лятрекшей.

Надька поперхнулась на полуслове, но промолчала. Я недоверчиво посмотрела на «адский агрегат». Однако Забава быстро сообразила, куда что совать. Хлоп дверкой, нажала кнопку, и вода зашумела внутри. Моется вроде, аж не верится.

— Сообразительная девочка. Умница, вся в меня, — пошутила Анька, одобрительно глядя на пышную фигурку дочери.

С Забавой у Андре сложились самые тёплые отношения. Если над моими мальчишками подруга в основном подшучивала, по-прежнему не особо доверяя мужскому полу, то с Забавой могла шушукаться часами. Дочь очень часто расспрашивала Мадемуазель Андре о гастролях, выпытывала подробности про звёзд отечественной эстрады. Певица таскала девочку по модным бутикам, прикупая ей брендовые шмотки. Я пыталась возмущаться, но с позором проиграла битву с гламуром. В силу численного перевеса последнего.

Надька целыми днями пропадала у Матвея. С моими детьми она держала дистанцию. Да и они были не в восторге: вонь от красок раздражала не только мою астму. Слава богу, сейчас у мадам Дельфининой наблюдался творческий простой. Я даже подозревала, с чем, вернее, с кем это связано, но мысли держала при себе.

От размышлений меня оторвал вернувшийся из школы Али. Помыв руки и наскоро переодевшись, плюхнулся за стол рядом со старшим братом и стал с жадностью хлебать куриный суп. Я заметила синяк под глазом и распухшую переносицу.

— Подрался с кем-то?

— Мамзик, с чего ты взяла?

— Авраш, вот скажи, ты видишь у брата фингал?

— Нет, не вижу, он сливается с кругами под глазами. Али обдурился за компом, до двух

ночи вчера сидел...

— Сам ты, эльф двадцать пятого уровня, до утра сидел, — оскалился младший брат на старшего. — И в «ВОВ». Я ночью, когда пописать ходил, всё-всё видел.

— Авраш, что за Великая Отечественная? — изумлению моему не было предела.

— Мать, это игра, сетевая. Ворлд оф варкрафт, сокращённо — WoW. А один гад теперь сам всё решать будет. Стукач.

Али насупился. Я знала, что он ленился решать примеры по математике и подсовывал их под дверь Аврашке, предлагая за правильные ответы стольник.

Старший брат не соглашался, говорил, что за стольник — пошло. И только когда Алька просил: «А как брату? В дружбу», — Авраам решал ему не только примеры, но и задачи.

После ужина Андре, как всегда, когда оставалась у меня, уселась помогать Забаве. С упражнениями по физике и русскому. К педагогическому процессу присоединилась Надька. Обе подружки упоённо вспоминали свои неудачи в школе и двойки у доски. Забава снисходительно слушала их советы, Аврашка давился от хохота, наблюдая, как, склонившись над тетрадкой, подружки гадали:

— Как пишется «натошак»: слитно или отдельно?

Надин приказала:

— Включи мозг, дурында!

— Я живу эмоциями, мозги у меня отсутствуют, — притворно вздохнула Анька.

— Ничего, мать, это дело наживное.

— Ты что, как можно нажать мозги в сорок лет?

— Наука идёт вперёд. Пересадят.

— Значит, есть на что надеяться. Тебе, кисюнь, тоже можно будет что-нибудь пересадить. На грудь.

Надька, обидевшись, свалила на кухню. В прихожей Али по сотовому делился с кем-то из приятелей:

— Да, я дал ему сдачи, подпрыгнул и завалил, и ещё башкой об пол припечатал. Возле столовой... Ага, он пошёл в медкабинет, а я не стал. Просто закосил историю, голова разболелась.

Значит, всё-таки подрался. Я тем временем смотрела, как Надин вытаскивает из «адского агрегата» помытую посуду.

— Ничего, привыкнешь, — хмыкнула Надька, поймав мой взгляд. — Смотри, как здорово!

— Блин, да как же она вымыла! Всё мыльное — в средстве, ты попробуй на ощупь — к рукам липнет! Ужас! — И, быстро перекидав посуду из посудомойки в раковину, отполоскала заново, получая неожиданное удовольствие от привычного труда.

— Ты маньячка! — заржала Анька, входя на кухню. — Ну признайся, что тебе просто нравится мыть тарелки.

Я не призналась, но и в самом деле мытьё посуды меня успокаивало.

Наконец подружки умотали в клуб на вечер памяти Майкла Джексона. Приглашали и меня пообщаться с бомондом, но настроение было не для вечеринки — умиротворённое, домашнее. Хотелось затихариться в уюте: укрыться тёплым пледом, похрумкать что-нибудь вкусное, почитать любимую книгу.

Дети смотрели «Универ», пили чай с ватрушками и добродушно веселились, отпуская в адрес друг друга шуточки и подколки. Сколько раз просила не таскать еду в комнату —

бесполезно.

Мне вдруг захотелось их спросить:

— Вы хотели бы ещё одного братика или сестрёнку?

Али откликнулся первый:

— Я не против. Вот смотри: Аврашка поддаёт Забаве, она поддаёт мне, а я — уже мелкому. А то сейчас и поддать некому, кроме Джульки.

— Боюсь, я не буду успевать поддавать всем одновременно, — отозвался Авраам.

— А я хочу катать коляску, — мечтательно произнесла Забава. — Мамуль, ты мне разрешишь?

— Конечно.

— Так ты не пошутила?! — Все трое обернулись.

Пришлось признаться, что не пошутила.

Мальчишки, каждый по-своему, озадачились. Забава с интересом, как-то по-новому окинула меня взрослым женским взглядом. С любопытством посмотрела на мой живот. Девочка-то подрастает. И как быстро!

Я радовалась, что материальные проблемы хотя бы на время отодвинулись на второй план. И сейчас волнения касаются только сердца и души.

— Мамзик, а как же ты?.. — Алька со жгучим интересом посмотрел на меня.

— В воскресенье всё узнаете. К нам новые бабушка с дедушкой приедут. Вас же не устраивают те, которые уже есть... — Я с удовольствием посмотрела на озадаченные рожицы детей. — Завтра поговорим, завтра! А сегодня — спать. Прямо сейчас.

Но дети имели собственное мнение — мне пришлось выдержать почти часовую пытку про новых родственников.

Ничто так не улучшает вкуса домашних блюд, как изучение цен в ресторане.

Неизвестный источник

В воскресенье утром Анька привезла полный багажник еды и специй по моему заказу. Я заранее распланировала, что и как приготовлю, — в грязь лицом перед губернатором никак нельзя было ударить. С подругами решили, что посидим все вместе — за большим столом. И Джуля — под столом.

Ещё с вечера я поставила свинину размораживаться на холодильник — в любом другом месте её бы утащила Джулька. Продумывая семейный ужин, решила приготовить блюда китайской кухни. Три перемены. Хорошо, что сладкое на себя взяли Мультивенко. Подготовка требовала некоторых особых ингредиентов и продуктов, поэтому Андре и предложила свою помощь.

Всё воскресное утро я суетилась у мартена, а девчонки, не забывая о любимых спиртных напитках, лениво комментировали мои судорожные метания.

— Смотри-ка, Надюх, Лейка ананасы жарит. Неужели у всех беременных так вкус портится? — Андре, выгацив прямо из кипящего на сковороде оливкового масла ананасовую дольку, торжествуяще посмотрела на меня.

— Жареный ананас с чесноком вряд ли подходит к абсенту. — Я, не отрываясь от сковороды, подрумянивала остро пахнущие дольки.

Надин ехидно ухмыльнулась, глядя на ошарашенное лицо Андре.

Но мне было не до подруг. Впервые я решила восстановить утраченный рецепт бабки Ли. (Мне всё детство отец рассказывал про вкуснейшую тушёную свинину с яйцами в ананасах, которую виртуозно делала его мать.)

До этого я готовила свинину во всех видах, но до фирменного семейного рецепта руки не доходили. То денег не было на продукты, то времени. Да и рецепт сильно отступал от традиционных китайских канонов. Но уж больно хотелось поразить чету Мультивенко.

— Так, перепелиные яйца сварились. Надь, надо их почистить, — я решила на свой страх и риск заменить куриные яйца на перепелиные. Их обжаривать удобнее на сковороде, да и выглядит изысканнее.

— Нет, Ань, чистить надо так, чтобы скорлупа по возможности оставалась по половинке — есть у меня одна задумка для оформления.

Подруги увлечённо выковыривали мелкие яички из пёстрой скорлупы, попутно проклиная мою китайскую бабку, меня и ненормальные фантазии некоторых сумасшедших беременных.

Я тем временем добавила мелко натёртый сыр в подрумянившиеся ананасы. Пока он плавился на тихом огне, на другой сковороде растопила сливочное масло и всыпала полстакана сахарной пудры. Теперь, главное — ничего не пропустить, колдовство со сковородками мне живо напомнило биохимические эксперименты в ЛГУ.

Сладкую золотисто-жёлтую патоку я разделила на две части, отлив на глазок половину в третью, самую большую сковороду.

— Не, Надюх, Лейку определено сегодня клинит. — Анька, допив абсент, подлила

себе в бокал ещё. — Никогда в жизни не готовила одно блюдо на трёх сковородах одновременно. Даже когда снималась в «Званом ужине».

— Ты, это, мать, не переборщи. А то будешь ловить фей на глазах у губернатора. Опозоришь нас с Лейкой. — Надька хлебнула коньяка.

— Тихо, самый ответственный момент: не мешайте! — рявкнула я, закидывая мелко нарезанную дольками свинину в закипающую паточку на третьей сковороде. Добавив по прописи бабки Ли соевый соус, вино, мелко порезанный лук-порей и имбирь, давленный чеснок (всё на глазок), я задумалась над порошком пяти специй. Перемешивая мясо, соображала: всыпать ли его?

О! Ананасы с сыром уже готовы — можно убирать с огня. Но что же делать с этим порошком? Я мучительно размышляла. Нет, без него никак — вкус будет не тот. Однако наличие в соусе измельчённых специй всегда мешало мне полностью насладиться вкусом.

Безусловно, сочетание гвоздики, семян фенхеля, корицы, аниса в звёздочках и сычуаньского перца-горошка, растёртых в мелкий порошок, даёт сказочный букет основному блюду, но и скрипит эта смесь на зубах тоже сказочно. Правда, я обычно покупала порошок подешевле, более грубого помола...

— Ань, а к порошку пяти специй не было приложения? В виде мешочков таких, специальных? — я с надеждой посмотрела на подругу.

— Ах да, кисюнь, забыла. Были там какие-то ослиные мешочки, в коробке, сейчас принесу. — Андре, пошатнувшись, встала.

— Дура, муслиновые мешочки. — Я облегчённо вздохнула.

Нет, всё-таки хорошо иметь много денег. Или щедрых подруг — не забыть, кстати, вернуть деньги Аньке за продукты. Хотя она скорее всего их не возьмёт.

Всыпав понемногу порошка пяти специй в три мешочка, я крепко-накрепко завязала их и бросила в кипящую массу. Подумав, добавила ещё чуток вина.

Убавив огонь под этой сковородой, стала обжаривать перепелиные яйца на другой до золотистого цвета.

Подруги смотрели на меня заворуженно. В четыре не особо трезвых глаза.

— Главное, потом не забыть вытащить эти ослиные мешочки... — пробормотала я, выключая огонь под всеми сковородками. — Надь, тащи огромное фарфоровое блюдо в виде раковины из моей комнаты. Икебану выкладывать будем.

Я всмотрелась в последние иероглифы старенькой записной книжки бабки Ли. Так, что-то про грязь, свинью и избавление. Вот тут я сникла — надо же было вчера не дочитать рецепт до конца! Толкований возможен миллион, я с ходу шгук десять придумала. Может, блюдо получится таким вкусным, что, избавив тарелки от еды, гости будут грязными, как свиньи? Или надо сказать, что свинью не мыли перед тем, как готовить, тогда — быстро избавишься от докучливых гостей? Бред, конечно...

Спокойно, не паниковать, будем рассуждать логически. С позиций современной биохимии. Блюдо подаётся в холодном виде. Угу, а главная проблема тушёной свинины — высокая жирность. В горячем виде нормально. В холодном — ужас просто. Точно, иероглиф «ни»^[7] «грязь» можно перевести как «жир» или «сало». С точки зрения биохимии так оно и есть: жир — страшная грязь для организма.

Ага, поняла: надо избавиться от свиного жира. Ну, это просто — расфасую свинину в две двухлитровые банки в горячем виде, утрамбу лучше и выставлю на балкон. Когда остынет, сниму корочку смальца. Кстати, на нём можно будет потом обжарить и рисовую

лапшу. Ох, нет, тогда Аврашка с Алькой её есть не будут.

Через час первая перемена была готова. На почти метровой перламутрово-фарфоровой раковине по краям в виде осколков лежали пестрые перепелиные скорлупки; в центре высилась горка из умопомрачающе пахнувшей повторно разогретой после обезжиривания свинины; окружала свиные дольки ананасово-сырная сладкая паста, в которой в художественном беспорядке были разбросаны золотистые перепелиные яички. Вуаля! Бабка Ли могла бы мною гордиться.

— Ну вот, не прошло и трёх часов, а первое блюдо готово, — я посмотрела на ошарашенные лица подруг.

— За дело, девочки, впереди у нас «гоцяомисянь» с белыми грибами и пармезаном и «янжоу паомо». И вот тут-то придётся действительно повозиться.

Подруги молча чокнулись бокалами, считая, видимо, что чокнулась я. Вечно голодная Джулька, постоянно крутившаяся под ногами, отчаялась привлечь моё внимание.

Псина села на потёртый кухонный линолеум и вдруг завывала. Скорее всего, по недоступным для неё деликатесам.

— Смотри, даже твоя собака в шоке от меню, — хихикнула Надька.

— Не, Джульетта просто не любит, когда Лейка матерится по-китайски, — возразила Андре.

Я только стиснула зубы. Ничего, впереди рисовая лапша: вот тут-то я на подругах и оторвусь. Авокадо поручу тереть Андре (с её-то маникюром!), а арахисовый соус с соевым попрошу смешать Надьку (ей дурно делается при одном только упоминании об арахисе). Когда будем готовить суп из баранины (его подавать только горячим — потому им заниматься надо в последнюю очередь, лапшу можно и разогреть), помоем и порежем кошерное мясо брезгливая Анька. А краснокочанную капусту нашинкует Надин (она терпеть не может грязновато-фиолетовый оттенок). Под общую раздачу, глядишь, и Джульке достанется — вот не дам ей ни кусочка со сковородки, пусть трескает сухой корм из миски. А ведь сколько раз говорила, просила, умоляла: когда готовлю — не мешать...

Меня то и дело отвлекали от кухонных экспериментов.

И не только отчаянно сопротивляющиеся Анька с Надькой. И даже не дети, которым было поручено вылизать квартиру до зеркального блеска.

Поскольку чета Мультивенко приезжала в гости впервые, Наталья Васильевна несколько раз звонила, упорно допытываясь, что подарить детям. А я отнекивалась, говоря, что ничего не надо.

Забава сзади дергала меня за джинсы и шептала:

— Пусть принесут нам шоколадки. Квадратиш-практиш-гут.

— И пива, — пошутил Али.

— Значит, теперь губернатор будет нашим дедушкой? — Авраам всегда соображал лучше всех.

— Выходит, так, — неуверенно произнесла я, вдруг испугавшись визита родителей Стаса. Как они воспримут выходки Али? А милые шуточки Забавы?

Тем, у кого дети хорошо воспитаны, моей тревоги не понять. Ведь от этих сорванцов можно ожидать чего угодно! Непосредственность в сочетании с диковатостью манер делают их не просто обаятельными, а сногсшибательными в прямом смысле слова.

— Очень прошу вас, козлятушки... Даже не прошу, требую! — Я сурово посмотрела в лица детей. — Когда губернатор придёт к нам, хотя бы ПРИТВОРИТЕСЬ приличными. Эт

ненадолго, часа на три всего.

— Тогда, может, я лучше с друзьями потусуюсь до вечера? — быстро нашёлся Аврашка. — Приличных в нашей семейке Адамс нету, притворяйся не притворяйся.

Среди суеты человеческого сердце часто теряет свою непосредственность.

*Афоризмы старого Китая. Вкус Корней Хун Цзычен
(Собрание Второе)*

Воскресный вечер начался чудесно. Все были в хорошем настроении. Мультивенко-старший, придя к нам в гости вместе с женой, первым делом спросил Али:

— Ты уже смотрел последнего Гарри Поттера?

— Да, посмотрел.

— Кажется, «Дары смерти»? О чём там?

— О том, как смерть подарила пацанам крутые вещички.

Губернатор едва не взорвался от хохота. Но сделал вид, что в тусе.

Стол Александр Владимирович оценил по достоинству. Наталья Васильевна, едва попробовав первое блюдо, тут же стала просить у меня рецепт.

Мы не спеша готовились к важному разговору. Девчонки очень хотели выложить губернатору все факты. Всё, что знали и пережили за последние месяцы. Но начали общение, как обычно, с простой болтовни о житейском.

Мультивенко покровительственно, почти по-отцовски расспрашивал про нашу жизнь. Я охотно рассказывала про Забаву и Альку. Про то, как Аврааму нравится быть студентом.

— А ты-то сама как?

Я опять про детей. Про их заботы, про школу. Про здоровье. Про Джульку, её беременность, про родившихся щенков...

От последнего у Мультивенко даже брови поползли вверх. Он, видимо, решил, что беременность и роды — основное занятие женской половины нашей семьи.

— Ты про себя ничего не рассказываешь, только о детях да о собаке.

— Так я и рассказала. Всё это и есть про меня.

Надин похвасталась последней картиной. «Кающаяся Анна-Магдалина» была внесена для обозрения и одобрения гостей. И получила наивысшую оценку.

Хуже стало, когда разговор каким-то боком коснулся политики Уго Чавеса. Али встрял в беседу с присутщим ему энтузиазмом:

— А-а, знаю. Уго Чавес — этот тот бразильский комментатор.

— У тебя в голове один футбол, — пнула его под столом Забава.

— Чего ты пинаешься? Не футбольный комментатор, а тот, который в стране перевороты делает.

— Диктатор? — догадалась я.

— Ну да, — невозмутимо подтвердил Али.

— У тебя в школе какие предметы любимые? — быстро спросил губернатор.

— Физкультура.

— А у меня была история.

Мультивенко, не переставая, улыбался. Это вселяло надежду, что детки ему нравятся. Ну, по крайней мере, они ещё не достали его окончательно.

— История тоже ничего, — одобрительно кивнул Али. — Но я не люблю заполнять

контурные карты, наносить на них всякие дурацкие города: Мемфис, Фифы...

— Чего?

— Фивы, — поправила я. — У Али дикция не очень правильная... — это был единственный раз, когда я соврала. За весь вечер.

Гораздо больше понимания нашли между собой Наталья Васильевна и Забава. Они обменивались рецептами печенья и обсуждали приключения Рапунцель. Обе так увлеклись, что под конец случилось то, чего я больше всего боялась. Забава рассказала Наташе про свиные подарки от бабушки и про то, как она любит некошерную поджарку в луково-хренном соусе. А вот свинину с перепелиными яйцами мама приготовила первый раз, специально для гостей. Ну вот кто тянул дочь за язык? Пусть бы чета Мультивенко думала, что для меня это обычное дело.

К концу застолья к нам присоединился Авраам, вернувшийся домой после прогулки с друзьями-сокурсниками.

— Здравствуйте.

— Привет студентам. Как учёба?

— Отлично. — Авраашка был немногословен, но едва зашла речь об ИМХО, язык у него тут же развязался. — ИМХО — лучший институт в городе. Клёво, что поступил именно к нему. Мне всё нравится: программа, наша группа. И даже туалет. Такой классный!

М-да, непосредственность — черта не только младших детей...

— А в столовке продают отменный бутер, всего за пятьдесят рублей, — сын продолжал заколачивать гвозди в крышку моего гроба. — Это разрезанный напополам батон, в который вложено... — и тут сынуля подробно перечислил все достоинства студенческой закуски.

— Сессия скоро? — поинтересовался Мультивенко.

— Да. Уже трясусь. Пока я по рейтингу на девяностом месте из пятисот.

— А что за рейтинг?

Авраашка рассказал о системе промежуточных аттестаций и про зачёты. Затем добавил, что стипендия в тысячу двести рублей, конечно, маловата.

За чаем разрезали вкуснейший торт, испечённый женой Мультивенко. Дети слопали сладкое в мгновение ока, и, к моему ужасу, Али вылизал языком с тарелки остатки крема.

А уже остатки остатков долизывала Джуля, всё это время караулившая под столом. Она изрядно растолстела после родов. И рычала, потому что дети по очереди приносили и показывали гостям её щенков.

Когда женщина говорит о надёжном мужском плече, то, как правило, имеет в виду шею.

Современный юмор у многих национальностей.

После чая Наталья Васильевна решила навестить бабушку Аду. Оказывается, они часто созванивались, но вот увидеться никак не получалось. Авраам пошёл проводить жену губернатора, а подруги затащили Мультивенко в мою комнату.

Пока загружался новый компьютер, Александр Владимирович молча протянул мне книгу — «И-Цзин». На форзаце я увидела смешной профиль и надпись «*Unelma Asu*». А ведь всё могло бы быть... Сами собой покатались слёзы.

— Лия, всё серьёзнее, чем ты думаешь. Успокойся, пожалуйста, — впервые я увидела на лице губернатора гримасу боли. Впрочем, Мультивенко быстро пришёл в себя и попросил изложить то, что мы знаем, максимально подробно.

Мы в лицах — по очереди с Анькой и Надькой — рассказывали про всё, что с нами случилось. Начиная с того достопамятного момента обнаружения трупа в мастерской. Услышав про ненашего Стаса, губернатор заволновался. Долго переспрашивал, что и как. Что-то мучительно соображал. А потом пришёл в страшное возбуждение, когда я вытащила из томика Гоголя паспорт, найденный в кармане пиджака убитого, и показала фотографию.

Попросив разрешения забрать документ, губернатор стал расхаживать по комнате, отрывисто задавая нам множество уточняющих вопросов. Пришлось ещё и ещё раз, в подробностях, пересказать, как обнаружили труп в Надькиной мастерской. Как вывозили его в морг и из морга, как потом закапывали. Анька не удержалась и упомянула о проблемах с квартирой после смерти Храма. А я поведала о взломе уже моей квартиры, о раскуроченных и пропавших компьютерах. А ещё про камни, которые в меня кидали, и попытку сбить машиной.

Рассказывая, мы пытались увязать события по-своему, как виделось нам. Но нас очень интересовало, как отреагирует Мультивенко. Надька была уверена, что отец Стаса многое знает и может пролить свет на историю, в которой мы окончательно запутались.

Лицо губернатора всё больше хмурилось по мере того, как цепочка событий последовательно разворачивалась перед ним. Он внимательно слушал, снова и снова переспрашивая мельчайшие детали. И поговорил отдельно с каждой из нас.

Потом губернатор спросил:

— Лия, а можно я посмотрю файл?

— Конечно!

Открыв почту, я скачала на рабочий стол файл в странном формате. Мультивенко тут же достал из внутреннего кармана пиджака необычную флэшку, вставил её в разъём и, запустив какую-то особую программу, открыл злополучный файл. По тому, как менялось выражение лица губернатора при прочтении, мы поняли: там содержится что-то очень важное. И секретное. Скопировав файл, Александр Владимирович заметно погрузился и озаботился. Но, к нашему разочарованию, ничего не сказал. Однако искренне поблагодарил за доверие и пообещал, что разберётся со всем в кратчайшие сроки. Причём так, что расследование не повредит никому из нас.

Мультивенко тоже нанёс визит бабке Аде, но очень быстро вернулся. После чего гости заторопились домой. Перед уходом Наташа обняла меня и сказала:

— Я отогрелась в вашей семье, Лия. Спасибо. Было так душевно!

— И я очень рада, — я говорила это совершенно честно.

Накинув шубку, проводила чету Мультивенко до машины.

Вернувшись, наткнулась на вопрошающий взгляд подруг:

— Всё отлично, девчонки! Губернатор — наш человек. Безо всякого пафоса и гламура.

— Не, ну ты слышь, Надь, она говорит, что мы без пафоса и гламура?

— Так и есть, — устало улыбнулась я.

— Ну да, мать, это ведь для публики ты «даёшь» Мадемуазель Андре. А среди нас, твоих смертных подруг, ты простая Анька, — съязвила Надин.

— Ну, Лейку простой смертной никак не назовёшь. У неё свёкор-губернатор. Да и тебя тоже, — как всегда, на автопилоте включилась в перепалку Андре. — Ты ж, кисюнь, у нас Пикассо и Ван Гог с Гогеном в придачу. В юбке. Художница... от слова худо. Но мы тебя с Лейкой лю-ю-бим! — и чмокнула обалдевшую Надин в щёку.

— Анют, а ты всего трёх художников помнишь, да? Изо всей мировой культуры? — подлила масла в огонь я.

— Нет, она ещё Тулуза знает, — поддержала мою шутку Надька, — Лотрека. За которого меня замуж выдала. Посмертно.

— Дуры вы, бабы, конченные. Если я включаю блондинку, то только «пользы для», — совершенно не обиделась на наши подначки Анька. — А художников я могу перечислять сутками. Был у меня один воздыхатель, на этом деле помешанный. Даже в постели жужжал о красоте раннего Гогена и буйстве красок. У этого перца, правда, Гоген в оригинале и висел, прямо возле кровати...

— У тебя, Ань, высшая постельная Академия, — резвилась Надька. — Отсюда и все твои познания.

— Чья бы корова мычала, — не осталась в долгу Андре. — Я, по крайней мере, не прыгаю из кровати в кровать как кенгуру-шизофреник.

— Одна я среди вас, девчонки, святая, — мне тоже зачесалось внести свою лепту в общее веселье. — Дева Мария прямо по сравнению с некоторыми. Коровами и кенгуру.

— Угу, точно. — Надьку несло уже без остановки. — Дева, да, Мария. Только беременная чуток.

Мы отрывались, как первоклассницы на переменке, вздохнув с облегчением и надеждой и наконец-то переложив часть своей головной боли на солидного человека. Которому можно не только доверять, но и от которого можно ждать помощи.

Всё было отлично. Настроение соответствовало новогоднему календарю, хотя до Нового года оставалось больше полутора месяцев. Мой любимый праздник, с детства. Хотелось прибраться не только в доме, но и звёздочки начистить на небе. И мысли прибрать. И всё-всё-всё вокруг наладить по-хорошему.

Медицина — одно из величайших заблуждений человечества.

Мольер

Я всегда благодарю предков за здоровую наследственность своего организма. Вспомнить хотя бы боевую китайскую бабку! Не одно поколение моих потомков будет ощущать в крови частицу её бунтарского духа. Впрочем, дед-француз тоже через моего отца привнёс мне стремление к независимости и справедливости.

Да и физически я вынослива и крепка, как степная кобылка. Курские гены. Как выяснилось, ещё и еврейские, помимо украинских. От мамочки.

Надька говорит мне:

— Чего ты, Лейка, на старости лет рожать собралась?

— А бабка ведь в Париже не побоялась родить моего папу! — огрызнулась я. — Ей тоже за тридцатник было. И я себя старородящей не считаю.

Более того, я чувствовала себя переполненной силами и желанием жить. Мне казалось, энергии хватит на всё — и на переводы, и на детей, и на заботу о маленьком. Сорок лет — время, когда уже не растрачиваешься на пустое, мудрость подсказывает правильные пути.

Однако события нынешнего лета и осени незаметно подточили мои крепкие нервы. Как ни старалась я философски относиться ко всему, что случилось с нами, хроническая тревожность накапливалась. А в таких условиях и стойкий боец может пошатнуться.

В тот злополучный день в конце ноября я, как обычно, сидела за компьютером, переводила статью, вплотную придвинувшись к монитору. Текст был тяжёлый, но очень интересный. Хотелось сделать работу хорошо и вовремя. Трое суток подряд до этого поздно ложилась спать. Вернее, уже рано утром. Чашечку кофе — одну, другую. Да покрепче...

И вот неожиданно после двух часов дня почувствовала головную боль. В висках застучали молоточки, а вскоре и кувалды. Я прилегла, но лучше не становилось. Тело трясло от озноба. Головокружение, слабость — казалось, сознание уплывает куда-то... Позвала подругу:

— Надь, что-то худо мне. Как думаешь, отчего? Голова раскалывается, тошнит.

— Давление. У моей свекрухи постоянно так.

— У меня никогда не было давления.

— Всё когда-нибудь начинается. Сейчас смотаюсь к себе, привезу тонометр и таблетки, которые свекруха пьёт.

— Беременным нельзя какие попало таблетки.

— Но тонометр-то можно. Жди! Я мигом!

Пришел из школы Али. Не дозвонившись, ключом открыл дверь.

— Мамзик, я дико голодный, кушать дай!

— Мне не встать. Перекуси сам.

— Ты чего? — Глаза у Али стали квадратные. Дети настолько не привыкли, что я болею. — Может, врача вызвать?

— погоди, — было трудно отвечать даже на простейшие вопросы.

Надин примчалась минут через сорок. Пристроила на руку тонометр.

— Ого, сто шестьдесят восемь на сто двадцать пять. Я в «скорую» звоню...

Аврашка, услышав про «скорую», прибежал из своей комнаты, где готовился к зачёту.

— Мать! Что с тобой? Забав, скорей сюда, маме плохо!

— Надь, у меня немеют руки и ноги. Я их не чувствую.

— Так бывает, потерпи. Уже вызываю. Алло! Беременная, сорок лет, сто восемьдесят на сто тридцать. Можно побыстрее, а? — Подруга, по своему обыкновению, слегка преувеличила показатели.

Дети столпились надо мной, и у меня мелькнуло: а вдруг я прямо сейчас умру? Так ведь случается — когда не ждёшь, настроишь кучу планов на будущее. А где-то там, наверху, решили по-другому. У меня выступили слёзы. Нужно успеть сказать детям самое важное, пока моя несчастная голова не отказала...

Надька-таки засунула под язык свекровкину таблетку, которая мешала мне вещать с дивана:

— Авраша, не бросай Али, заставь его окончить школу, выведи его в люди. Ты старший. И умница. Я на тебя надеюсь.

— Лейка, ты что, рехнулась? — зашипела на меня побелевшая от ужаса Надька. — Тебе ещё одного надо родить и вырастить, а ты с этими прощаешься!

— Забавушка, радость моя, доченька...

Ну, тут слёзы вообще полились рекой, — кровиночка Мечика моего родненького. Я любила дочку совсем иначе, чем сыновей, — нежней и трогательней.

— Присматривай за Али, ты ведь знаешь, какой он. Не покушает, уроки не сделает. И себя береги...

— Где эта «скорая»? Заблудилась, что ли? — Надька перезвонила в «03». — Чего так долго едете? Уже полчаса ждём! Ну и что, что вечер пятницы и снежные заносы? — орала она в трубку. — А тут человек умирает!

— Али, не груби Забаве и Авраше, слушайся их. Вы самые родные люди друг другу. Живите дружно, дети...

После Надькиного «умирает» я окончательно поверила, что так оно и есть. Положила руку на живот — а как же мой малыш? Что ему-то я скажу? Слёзы лились из глаз.

Надька снова измерила давление. От переживаний оно подскочило — сто восемьдесят пять на сто тридцать пять. Кувалды били изнутри черепа со всей дури.

— Надо же, оказывается, я даже преуменьшила, — с тревогой глядя на меня, пробормотала Надька.

Насупленный Али, стоявший в задумчивости, спросил:

— Ма, а кто нас теперь прокармливать будет? Тётя Надя?

Надька от неожиданности охнула:

— Я одна эту банду не вытяну. Только вместе с Анькой. Лейка, не вздумай копыта откинуть! Я тебя и на том свете достану!

«Скорая», видимо, совсем затерялась в сугробах и пробках.

— Всегда знала, что свекровка покупает дерьмовые лекарства! Ни фиги её таблетка не действует, — чертыхалась Надька. — Сейчас я тебе грелку с горячей водой под ноги положу.

— У меня нет грелки... Надь, поклянись, что не бросишь моих детей... Нет, поклянись... — я говорила через силу. — И Аньке передай: не поможет — проклянусь с того света... На кухне, за рисом, на второй полке, триста долларов.

— Молчи, дурында! — заорала Надька. — Доллары твои пропьём втроём с Анькой в караоке. Кипяток в бутылку налью вместо грелки, — у Надьки бутылка помогает в любых

условиях.

— Мать, ты чего в меня-то не веришь? — возмутился Авраам. — Я всех и выкормлю, и работать заставлю, — он сурово покосился на Альку.

— Мамуль, ты будешь жить! — зарыдала Забава, сделав обстановку ещё тягостнее.

После десяти минут нервной неизвестности Надин позвонила губернатору Мультивенко. Пока она с ним разговаривала, приехала Андре, оповещенная Надькой по сотовому. На такси, с другого конца города.

Тонометр в который раз показал, что таблетки Надькиной свекрови — скорее всего, обычный активированный уголь, упакованный цыганами на рынке.

Анька сразу же вытащила из сумочки ампулы, упаковку одноразовых шприцов. Разложила.

— Спирт есть?.. А водка?.. Ох, блин, да хоть духи тащите. И вату тоже.

Заправски отколола носик ампулы, протирая руки ваткой, смоченной в Надькином дорожном французском парфюме.

— Не бойсь, Лейка. Папаверин и беременным колют, сейчас легче станет.

Я ничему не сопротивлялась. Да и не могла — сознание практически отключилось.

Анька вкатила мне папаверин, но на этом не успокоилась. Стала ломать вторую ампулу. Укол оказался дико болезненным.

— Это магнезия, кисюнь, тихо. Ну, тихо же, потерпи. Теперь точно будешь в шоколаде.

— Мать, ты где жопы научилась так припечатывать? — ошарашенно смотрела на Анькины манипуляции Надька.

— На курсы медсестёр ходила когда-то. По молодости, — хитро улыбнулась Андре, поглядывая на часы, — и никто здесь не умрёт. Минут через двадцать будет наша Лейка как огурчик. У тебя обычный приступ гипертонии.

— Ничего себе обычный! Она тут уже со всеми нами попрощалась. Ты не в курсе, но Лейка завещала этот детдом, — Надька ткнула в сторону моих козлят, — тебе и мне. Сказала, иначе проклянет! С того света!

Когда наконец приехала «скорая», я окончательно и бесповоротно вернулась к детям и подругам. И выглядела если не огурцом, то по крайней мере не трупом.

Врач первым делом вытащил из чемоданчика ампулу магнезии.

— Уже сделали, кисюнь, — съехидничала Анька.

Доктор «кисюнь» потянулся за второй ампулой.

— И папаверин тоже.

— Тогда, может, снотворное? Сколько у неё сейчас?

— Сто тридцать на восемьдесят пять.

— Отлично.

Медработники, узнав, что нужные уколы сделаны, двинулись на выход. Напоследок обернулись:

— А вызывали-то зачем, если сами всё умеете?

— Пока вас дождёшься, помереть можно! Больше часа ждали! — заорала Надька, вытаскивая бутылку из-под моих ног.

— О! И до этого догадались. Bravo! Население спасается само, — улыбнулся врач. — Молодцы!

— А то... — гордо тряхнула бюстом Анька.

— Лицо ваше удивительно знакомо, — врач внимательно посмотрел на Андре. — Вы не

работали в четырнадцатой больнице?

— Нет, бог миловал. — Анька отошла от врача подальше, повернувшись к нему почти спиной.

— Всего доброго!

Весь оставшийся вечер Надин дежурила на телефоне, отвечая на звонки. Мультивенко выпытывал подробности про «скорую», которая ехала больше часа, — видимо, губернатор решил всерьёз разобраться в медицинском секторе Питера. Наталья Васильевна обещала навестить меня утром и приготовить обед детям. Позвонила даже Надькина свекровь, — спросить, помогли ли её таблетки. На что подруга язвительно ответила, что без её пилюль меня бы точно не откачали. И пусть она сама их пьёт до конца жизни...

Дети ходили тише воды ниже травы. Сделали без напоминаний уроки, тихо поужинали и легли спать. Даже посуду помыли за собой в посудомойке. Я цинично подумала, что, может, иногда их полезно и припугнуть. Хотя лучше бы такое больше не повторялось.

— Лейка, переволновалась ты за последние месяцы, вот оно и сказалось. И потом, ты режим дня и диету для беременных не соблюдаешь, — жуя бутерброд с анчоусами, вещала Анька. — Жрёшь, как трактор, всё подряд: и солёное, и острое, и кофеем запиваешь. Я теперь за тобой следить буду. Постный творожок и молочко, никаких компьютеров по ночам и прогулки три часа в день — вот что тебе нужно. Бросай хотя бы на время свои дурацкие переводы, не голодаешь ведь.

— Да она трудоголик просто, — кивнула Надька, — надо спрятать от неё монитор, и пусть лежит — о прекрасном думает, стихи читает. Режим соблюдает. Ишь, удумала: «Поклянись, триста баксов, прокляну...»

Врач со «скорой» успел-таки всадить мне напоследок димедрол в жопу, и скоро все разговоры подруг слились в тихий шелест. Мне снилось теплое синее море... Жёлтый песочек пляжа. И рыбки.

На следующее утро остаточные явления приступа ещё чувствовались, но в целом мне полегчало. Когда сознание вернулось в привычные берега, самым смешным мне показалось, что в полубеспамятстве я навязчиво думала про те триста долларов, спрятанные за рисом, и совсем позабыла, что у меня есть и немалые деньги с Надькиной выставки. Я объяснила это так: скопленные по крупиночке, заработанные кровью и потом сбережения представлялись мне спасительным кругом на чёрный день, вот и схватилась за них на смертном одре. А срубленный по-лёгкому заработок легко и испарился из памяти...

Потом я пересчитала пачку евро и пригорюнилась. Надо же, за четыре месяца умудрилась потратить больше пяти тысяч евро.

Ну да: новый компьютер и ноутбуки, бесконечные покупки детям... Впредь надо быть более экономной — на оставшиеся деньги придётся протянуть до рождения малыша.

Днём отослала по электронной почте клиенту текст злополучного перевода. И написала, что временно не беру заказы.

После школы Али и Забава почистили картошку. Наталья Васильевна привезла готовый обед в кастрюлях.

— Тебе лучше?

Я кивнула. Не привыкла чувствовать себя больной. И окружённой такими невероятными заботами.

— Знаешь, мы тут подумали с Александром Владимировичем... Тебе надо поберечься, нагрузки снизить. Всё-таки семья большая. Так вот, чего я тебе предложу — только сразу не

отказывайся, пару раз в неделю буду присылать тебе помощницу, мою домработницу Нину. Сделать уборку, закупить продукты, приготовить. Чтобы у тебя оставалось больше времени на себя — погулять, отдохнуть.

— Наташ, да я всегда сама справлялась!

— Ну всегда — это было раньше. А после вчерашнего мы рисковать не хотим и очень тебя просим. Не отказывайся от помощи, Лия. Лучше детям время удели. — Наташа умоляюще посмотрела мне в глаза. — Я не переживу ещё одну потерю. Мы так ждём внука! Ради меня, согласись!

— Хорошо, — улыбнулась я, понимая, что жизнь всё-таки придётся перестраивать. Хочется мне этого или нет. Заставят ведь.

И даже не верилось, что ещё в начале лета я не знала ничего о семье Мультивенко и не думала о прибавлении в семействе. Но мы предполагаем, а бог располагает. И видимо, права поговорка: что ни делается, всё к лучшему.

*Стоило Емеле слезть с печи,
как выяснилось, что его фамилия — Пугачёв.*

В. Шендерович

Ожидая ребёнка, я ощутила перемены, касающиеся не только физиологии, но и сознания. Точнее, осознания некоторых вещей.

Не первый раз я задумывалась над многофамильностью нашей семьи. Дочка — Непийвода, Аврашка — Хаимович, а мы с Алькой — Махмадали. И вот теперь родится малыш Мультивенко (бабушка с дедушкой мечтают об этом).

Получается, общая фамилия только у нас с Али. Остальные дети немного ревнуют Али, к его особому положению. Как будто он чем-то ближе к матери. Но я-то люблю всех одинаково! И мне хочется, чтобы они были в равном положении.

Мне уже давно казалось, что носить фамилию третьего мужа нелепо. Ведь двое детей не от него, а неродившийся малыш и вовсе представления иметь не будет, почему его мать — таджичка по паспорту. Поэтому в начале декабря я всерьёз решила вернуть себе девичью фамилию.

На этот раз мне не нужно выходить замуж за отца ребёнка. Обычно мужья требовали от меня принять их фамилию в браке. Как покладистая жена, всегда соглашалась. Но сейчас ничья воля не довлеет надо мной. И я вдруг вспомнила себя... Первоначальную.

Достала зелёное свидетельство о рождении, где в графе «фамилия» каллиграфическим почерком чернильной ручкой выведено «Лин». И перед мысленным взором пронеслась непростая история предков. Вспомнились легенды о бабке Ли. С возрастом начинаешь задумываться о таких вещах.

Раньше я выскакивала замуж, и мне было всё равно, как называться, Непийвода или Неешьсала. Думала, фамилия — просто запись в паспорте. А вот и нет. Имя и фамилия определяют путь.

Сколько раз я меняла фамилию, столько же раз менялась и моя судьба, делая то плавные повороты, то невероятные кувьрки. И теперь мне захотелось наконец-то вырваться на путь, который предназначен только Лии Лин. Настало время вернуться к себе, в родовые границы. И перестать быть Хаимович-Непийвода-Махмадали...

Конечно, частички каждой мужниной фамилии, как след прожитого, остались во мне. Но всё-таки я Лия Лин.

Улыбаясь, я вспомнила, как любил мой отец рассказывать, что именно он выбрал имя для дочки — Лия. Потому что по созвучию оно напоминало ему певучее материнское Ли... Отец тоже был уверен, что не бывает ни имён, ни фамилий просто так. И ещё он пересказал мне библейскую историю про мою тёзку, старшую дочь Лавана-арамейца. Для маленькой девочки Лии это была очередная отцовская сказка — в советские времена мало кто мог цитировать Библию. Незнакомые слова и их сочетания: «патриарх», «ложе», «на смертном одре» будили моё воображение. В груди что-то замирало, мечтами я уносилась далеко-далеко.

Лишь гораздо позже, уже учась в ЛГУ, я тайком перечитала ветхозаветные строчки про «утверждённую, слабую»^[8]. Вместе с библейской Лией негодовала по поводу Иакова-

многожёнца. Задумывалась над словами «особенное чадородие», поглядывая на симпатичных мальчишек-студентов вокруг.

По иронии судьбы первым моим мужем стал Иаков Хаимович, с которого и началась история переписывания фамилии Лии Лин.

Процедура изменения фамилии была не бесплатна и муторна. Ситуация осложнялась тем, что мои бракосочетания проходили в разных ЗАГСсах. Пришлось съездить в каждый и выцарапывать из архивов справки о том, какой датой заключался брак, какой расторгался и какие при этом присваивались фамилии мужу и жене.

Первым делом я помчалась в загс Калининского района, где первый раз невестой в белом платье бракосочеталась с Иаковом. Там меня одарили бумагой о превращении Лии Лин в Лию Хаимович.

На следующей неделе навестила ЗАГС Ломоносовского района, где мы расписывались с Мечиком. Белого платья при Мечике уже не было, на мне развевался расшитый сарафан и ленты в волосах. Здесь я заимела документ о переименовывании Хаимович в Непийвода.

Последней ходкой (по восходящей) отправилась в Колпинский ЗАГС, где из меня когда-то сделали почти что мусульманку. Мусульманкой по духу старался сделать меня третий муж, Мухаммед. Там я взяла подтверждение реальности метаморфозы Непийвода-Махмадали. Со всеми вытекающими...

Наконец с добытыми документами я оказалась в конце длинной очереди в ЗАГСе по месту жительства. Десятки тёток вроде меня мечтали вернуться к первоначальному имени и фамилии. Они рассказывали истории жизни. Делились воспоминаниями:

— Аттестат о высшем образовании у меня на одну фамилию, диплом кандидата наук — на вторую, а документ о присвоении звания профессора — уже на третью, — жаловалась седовласая дама. — Хочу хоть перед смертью вернуть девичью.

— Зачем?

— Чтобы, когда похоронят, на могиле написали по-нормальному.

В кабинете я изложила инспектору хронику своих хождений замуж, отдала справки.

— Через неделю приходите за свидетельством о перемене имени на Лию Лин. Выдадут и новые свидетельства рождения на детей, где мать будет одинаково записана — Лия Лин. Так положено. А дальше — в паспортный стол, менять паспорт.

Я не ожидала обмена детских свидетельств, но потом даже обрадовалась.

Выйдя на морозную улицу, с облегчением вздохнула, словно перевалила через горный хребет и предо мной открылась чистая долина. Не спеша, брела домой, представляя, как теперь буду везде подписываться своей старой фамилией. В школе я так долго училась делать неповторимый росчерк, а получалось криво и смешно. Но дело, конечно, не в подписи. Просто я, как та старушка из очереди, вдруг поняла, что на моей могиле должны быть написаны имя и фамилия, данные при рождении родителями. И это правильно. Не знаю, выйду ли я ещё когда-нибудь замуж. Но уверена, что если выйду, то только по любви. Но вот фамилию менять не стану ни за что. Лия — отличная жена и с китайско-французистой фамилией!

От мечтаний меня оторвали слащавые звуки мобильного рингтона «Гитар-гитар-гитар»:

— Лия, ты где? Одна? Так, зайти в ближайшее кафе. Какое там рядом?

Я ошарашенно слушала указания Мультивенко. Почему у губернатора такой встревоженный голос? Александр Владимирович, насколько помню, всегда разговаривал подчёркнуто спокойно. Даже несколько вальяжно: не говорил — глаголил.

Оглянувшись, заметила: рядом кафе «Кувшинка», в котором мы с подругами ещё не так давно пытались понять, что с нами происходит. А через дорогу отделение милиции, куда нас вызывали на допрос. Надо же — почти пришла домой.

Сообщив о своём местонахождении губернатору, раздражённо поплелась в кафе. Мультивенко, не отвечая на град моих вопросов, диктовал по телефону непрерываемым тоном: зайти в кафе, сесть возле окна, смотреть на дорогу, ждать его звонка. И ни в коем случае никуда не уходить.

Зимой предприятие общепита «Кувшинка» выглядело жалко, съёжившись до небольшого зала в торце трёхэтажного дома. Грязные пластиковые столы, казалось, перекочевали с улицы. Как и стулья. Заняв стратегический пост у окна, рассеянно пролистала меню. Хотелось сладкого и солёного одновременно. Сонная официантка, не моргнув глазом, записала в блокнотике заказ: мороженое с фруктами и взбитыми сливками и селёдка с луком.

Что происходит? Зачем мне сидеть в этой забегаловке? Я с недоумением рассматривала в окно пролетающие мимо машины.

Луковые кольца с селёдкой изумительно шли под мороженое со сливками и фруктами. Вку-у-усно! Одна беда — ненавижу пластиковую одноразовую посуду. Тем более сомнительной чистоты: пластиковая чайная ложка была жирной на ощупь. Меня замутило.

Через полчаса под окном кафе остановилась чёрная иномарка с тонированными стёклами. Тут же раздалось: «Гитаргитар-гитар»:

— Лия, сейчас иди домой. Спокойно, не оглядываясь. — Голос губернатора почти не дрожал. — Когда поднимешься к себе, дверь не закрывай. К тебе зайдут двое мужчин. Не бойся, это свои люди. Они останутся у тебя. Так нужно, дочка.

Мультивенко отключился. Я, расплатившись, потащила домой. Чёрная машина, обогнав, припарковалась у подвального магазина. Возле подъезда меня вырвало. Плохо переваренные парные кусочки селёдки и лука плавил белый снег. Утерев рукой рот, попыталась отыскать ключи от домофона в сумочке. Краем глаза заметила двух мужчин, выскочивших из чёрной иномарки и торопливым шагом направлявшихся ко мне.

«Да где же эти ключи? Каждый раз оказываются на новом месте. А эти „двое из ларца“ уже рядом...» Я наконец открыла дверь. Молча пропустив меня вперёд, мужчины поднимались следом по ступенькам. И так же молча вошли со мной в квартиру. Я повернулась к неожиданным гостям:

— Ну и что всё это значит?

Не обращая на меня внимания, один из мужиков, крадучись, прошёл на кухню. Второй, достав пистолет, просочился по коридору в комнату мальчишек, затем в мою. Я, как была в кроличьей шубке, стала тихонько сползать по стенке. Господи, что же происходит?

Ждать невозможно лишь тогда, когда ничего не делаешь.

Александр Дюма-отец

— Мальчики, берите пирожки. С капустой, кабачками и грибами. — Я заглянула в комнату, где притаились «гости». — Сейчас принесу кофе.

— Не положено, — не глядя на меня буркнул мрачный Глеб. — И заходить вам сюда нельзя, Лия Ванна.

— Да ладно тебе, Глина, — весело скалясь, второй «гость» с удовольствием взял тарелку с пирогами. — И, надкусив один, застонал в притворном восторге: — Лейка, выходи за меня замуж, а? Такие пирожки только моя бабушка пекла!

— Заткнись, Серый, — коротко бросил Глеб, тоже взяв пирожок. — Ты на задании. Лия Ванна, вам лучше уйти. Сейчас же. Кофе не надо.

— Глина, не перегибай, на мониторах — спокойно, — посерьёзnel балагур.

Вот уже третий день brave ребята жили в моей квартире. Вернее, в комнате мальчишек, в других местах их не видела. Неужели в спецназе даже в туалет не ходят?

Тогда, после кафе, события посыпались одно за другим. Губернатор по телефону строго-настрого приказал мне делать всё, что скажут эти парни. Причем снова назвал меня дочкой, и я поняла, что дело пахнет керосином. Сергей с Глебом провели со мной краткий, но ёмкий инструктаж. После чего жизнь нашей семейки кардинально изменилась.

Мне было категорически запрещено выходить из дома. Дети срочно отправились в Пилипец, якобы по приглашению бабки и деда. Ещё до каникул! Провожала детей Анька, которую я попросила временно не приходить ко мне, мол, неважно себя чувствую из-за беременности. Хотя ей и так было не до меня — в предновогоднюю неделю её разрывали по корпоративам. А Надька пропадала в мастерской и у Матвея, практически не заходя ко мне. Согласно инструкциям, я ни словечком не обмолвилась подругам ни о спецназе, ни о прочем. Скорее всего, потому что об этом мне было сказано несколько раз в ультимативной форме. Запрещено было даже упоминание про разговоры с Мультивенко.

В первый же день Сергей с Глебом чётким ураганом пробежались по квартире, развешивая во всех комнатах камеры. После чего явился «доставщик пиццы», притащивший, как выяснилось, кучу специального оборудования. Изображения с камер выводились на мониторы, установленные в комнате мальчишек, которая вдруг превратилась в странный гибрид казармы и центра управления космическими полётами. Там витал непередаваемый запах здоровых мужских тел, табака и пота, на батарее висели постиранные носки, а на жидкокристаллических экранах чётко отражались все закоулки квартиры, вплоть до туалета и ванной.

Последнее особенно возмутило меня. Балагур Сергей «успокоил», мол, на моё тело приятно будет посмотреть хоть на унитазе, хоть в ванне. Но его резко оборвал Глеб, с непонятным для меня прозвищем Глина, просто запретив мне думать об этом. Так нужно, и всё тут. К тому же при этом я должна вести себя естественно, кто бы из знакомых ни зашёл. Вроде как ничего в моей жизни не случилось, всё как всегда. Единственное — комната мальчишек — закрыта. Забыть о ней.

Я попыталась позвонить Мультивенко — тот не подходил к телефону. Его жена Наташа

ответила мне лишь один раз. Всхлипывая, она попросила меня держаться и быть очень осторожной. Больше дозвониться до неё я не могла.

Оказавшись практически запертой в собственной квартире с двумя, пусть и симпатичными, но крайне серьёзными, малоразговорчивыми мужчинами, я с горя начала безостановочно готовить. Востребованными оказались те рецепты, которые я вечно откладывала «на потом». Например, эти пирожки с грибами и кабачками — тут весь секрет в том, чтобы смешать мелкорубленое яйцо с жирным паштетом. Растопившись в духовке, он даёт пирожкам особой, очень нежный привкус.

Раздавшийся дверной звонок оторвал меня от воспоминаний. Мужчины, резко посерьёзнев, молча вытолкали меня в коридор.

Я пошла открывать и увидела... Матвея.

Просчитался злодей: враг хитёр, а мы хитрей.

Русская поговорка

Он стоял с тортом, цветами и зажатой под одной мышкой бутылкой шампанского. Под другой — тёмно-синяя папка. Матвей близоруко смотрел на меня сквозь свои нелепые очки. Затем, смущаясь, протянул мне «Тирамису» и букет прямо через порог.

— Лейка, привет! Мне сегодня премию выдали на работе, а отметить это дело не с кем. Надька пропадает в мастерской, идти одному куда-то не хочется. Может, посидим вместе у тебя?

Жестом пригласив соседа зайти, я задумчиво потащила за ним на кухню. Вот странно, одно время он мне очень нравился, а сейчас тот же Серый кажется в сто раз симпатичнее. Куда всё пропало?

Матвей по-хозяйски налил в чайник воды, попросив меня порезать торт. Ну да, красавчик-блондин много раз бывал у меня, пока не сошёлся с Надькой, чему удивляться.

— А дети почему так рано уехали на Украину? Али сказал, что они только после Нового года вернутся. — Сосед, открыв шампанское, разлил его по бокалам, которые сам же и взял с полки над посудомойкой.

— Да так получилось. Очень уж родственники настаивали. Да и мне спокойней будет. — Отказавшись от выпивки, я уплетала вкуснейшую выпечку, запивая чаем.

Матвей, ослепительно улыбаясь, виновато рассказывал про Надьку, про работу и проблемы с начальством. Последнее меня заинтересовало: оказывается, Матвею поручили перевести с английского на русский «Кодекс корпоративной этики».

— Ты что, в «Лайки-кола» работаешь? — Изумлению моему не было предела. — Но у них же целый штат профессиональных переводчиков. Почему именно тебе? Ты так хорошо знаешь английский?

— Лейка, под меня подкапывается начальница. — Матвей опрокинул второй бокал. — Она, судя по всему, виды на меня имела. А тут Надин, ну ты понимаешь... Нет ничего более жалкого, чем оскорблённая в ожиданиях женщина. Ну так как, ты мне поможешь? Вот этот кодекс. — Матвей ткнул в синюю папку, которую он кинул на край кухонного стола.

Я совсем не хотела быть жалкой, и уже через пять минут мы сидели в моей комнате у новенького компьютера.

— Так, что там у тебя, давай, — протянула я руку за папкой.

— Подожди, мне надо сначала зайти в почту, скачать файл с готовым переводом. Ведь почти половина уже сделана...

Матвей, отобрав у меня мышку, кликнул «Яндекс-почта». Высветилась страница с предложением ввести логин и пароль (Глеб в первый же день, удаляя тот самый злополучный файл из моей почты, переустановил браузер, снеся все сохранённые опции).

Сосед как-то странно посмотрел на меня.

— Так жаль, Лейка... Так жаль... Видит бог, ты мне даже симпатична... — Матвей медленно снял очки. — Вот зачем ты удалила автосохранение пароля? Что ж, сама виновата... Мне нужны логин и пароль от твоей почты.

Я сжалась в комок — настолько страшной была метаморфоза, происходившая с

соседом. Обычно, когда человек снимает очки, взгляд его становится по-детски незащищённым. Взгляд серо-стальных глаз Матвея, напротив, был тусклым, устрашающе-холодным. Точно-расчётливым. Впервые я заметила, что у соседа сломанный нос.

— Я не скажу тебе ничего... — чуть не задохнулась я от страха.

— Как жаль, — словно не слыша, повторил Матвей и резко схватил меня за волосы.

Я взвыла.

— Значит, так. — Он сильно рванул мои космы. — Первое, что я сделаю, — ударю коленом тебя по животу. Си-ильно. Если и после этого не зайдешь в почту, я позабавлюсь, Лейка. Здорово позабавлюсь с тобой! Мне нужен файл.

— Отпусти меня! Сейчас же! — Я практически хрипела, пытаюсь встать. — Файла ты не получишь, я его стёрла.

— Ага, так он всё-таки был у тебя, не соврала эта шлюшка, подружка твоя... — Матвей, ударив меня по лицу, вытащил из кармана брюк складной нож.

Упав на пол, я попыталась отползти к выходу. Из носа полилась кровь. Мужчина, раскрыв нож, перепрыгнул через меня, загородив дверь.

— Даже и не думай! Мне нужна твоя почта, очень нужна. Я должен убедиться, что файла нет.

«Глеб, Сергей, ну где же вы? Вы ведь видите, что происходит! — билась в голове отчаянная мысль. — Он же меня сейчас зарежет, как Стаса! Как Стаса, вот оно...» Словно в подтверждение Матвей присел рядом, рассматривая меня как экзотическое насекомое. Что же я раньше-то не замечала в нём эту изощрённую жестокость?

— Логин и пароль, сучка! — Садист стал водить лезвием ножа по моему животу. — Колись, если не хочешь ещё одно харакири!

— Матвей, ну, пожалуйста, я прошу тебя! Ребёнок же ни в чём не виноват! Логин «лиялин», английскими буквами. Пароль такой же, с двумя единицами.

Я понимала: скажу правду — тут мне и конец. Вдруг спецназ не видит? Всё может быть.

— Сейчас проверю. — Матвей отодвинул нож. — Не двигайся! Шевельнёшься — будешь вспоминать со вспоротым брюхом. Часа полтора протянешь.

Я закрыла глаза: «Отче мой, еже ты на небеси... Папа мой, папочка, твою девочку убивают. Помогите мне, оба...»

— Нет, сучка, смотри на меня! Я хочу, чтобы ты на меня смотрела! Как тогда, помнишь? Ты же хотела меня, шлюшка. Ты ТАК смотрела на меня. — Матвей, не прекращая говорить, уселся за компьютер. — Ничего, Лейка, потерпи! Потерпи, Лейка. Сейчас мы закончим с файлом. Работа прежде всего. А потом ты у меня получишь. Ты будешь стонать, сучка, тебе будет хорошо. Не закрывать глаза — смотреть на меня! Я буду тебя трахать, Лейка! Буду долго-долго трахать. А из тебя будет по капле уходить жизнь. Не переживай, сучка, я закопаю тебя рядом с тем хлюпиком.

От происходящего кошмара я оцепенела. Сейчас это животное поймёт, что я продиктовала неправильный пароль. А маньяк продолжал:

— Да-да, Лейка, я всё про тебя знаю. Знаю, Лейка, всё знаю. Ты правильно боишься шлюшка. Смотреть на меня, я сказал! Я знаю, где ты с подружками прикопала того таракана, я ж за вами прокатился до самой рожицы. Как его звали, Лейка? Отвечать!

Я молилась всем богам. Господи, любой национальности, можешь не защищать меня, но спаси моего нерождённого ребёнка! Пап, папочка, где бы ты ни был, помоги своей дочке! Я вдруг чётко поняла, что мне нужно делать.

— Его звали Стас, — я с изумлением, как-то отстранённо, услышала свой собственный голос. — И это ты, подонок, его убил. Как и сына губернатора.

— Умная ты девочка. Да, ты права, умная девочка. А как они кричали, оба этих хлюпика... как кричали, когда я им разрезал брюхо... Когда бил по голове одного. Как он кричал. Другой был трусом — на коленях валялся. Пришлось ему горлышко перерезать. Храм не помогал, нет, только смотрел. Пришлось и его наказать.

Я перестала дышать. Ну же, ребята! Я правильно всё поняла? Вы получили, что хотели?

— Придётся наказать и тебя, — повернулся ко мне Матвей. — Шлюха, пароль-то не тот! Пароль неправильный, Лейка...

В глазах садиста застыло страшное намерение, от которого у меня зашевелились волосы на голове. Лезвие блеснуло в руке маньяка...

И в этот момент будто вскипевшая пластилиновая масса сковала приподнимающийся со стула корпус насильника. Я даже не успела рассмотреть, когда Глеб просочился в мою комнату. Спецназовец в мгновение ока скрутил подонка. Теперь понятно, почему Глеба прозвали Глиной — его движения были пластичными и в то же время вязко-сильными.

Сергей серой тенью маячил на входе, невидимый Матвею, и глазами приказал мне лежать. Затем навёл на спину Матвея пистолет. Но всё уже было кончено: Глеб, выбив нож, заломил подонку руки за спину.

— Ох, а я уж думала, вы не придёте. Мальчики, как же я вас люблю! — со стоном выдохнула я.

Руки и ноги тряслись от пережитого стресса. Смерть была так близко... Мысль, что мучения уже окончились, наполняла каждую клеточку тела блаженством.

— Ребята, с меня обед Мань Хань Цюань Си^[9], если буду в состоянии его приготовить. Но ради вас — готова на всё!

Переглянувшись с напарником, Глеб впервые широко улыбнулся, лёгким нажимом придержав дёрнувшегося было Матвея. Смеющийся, как всегда, Сергей наклонился, вытер с моего лица кровь и выступившие от эмоционального перенапряжения слёзы. Протянул руку, помогая подняться.

— Лейка, тебе никто не говорил, что ты — классная телка? Не баба — молоток!

— Да какой я молоток, так — киянка... — наконец-то расслабившись, я тоже от души рассмеялась. Над собственной нелепой шуткой. Глубоко и свободно вздохнув, поднялась с пола, опираясь на руку Серого.

В каждой голове есть своя тайна.

Чечено-ингушская поговорка

Воскресным зимним вечером в моей квартире собралась почти та же компания, что и в первый визит четы Мультивенко. Не хватало только губернатора, который должен был вскоре к нам присоединиться, и детей, все еще дружно доводивших до очередного инфаркта бабушку с дедушкой на Сумщине. Слава богу — у козлят всё нормально, звонила им утром. Три мучительных дня до этого, начиная с того ужасного четверга, мы с подругами снова и снова отвечали на вопросы следователей в милиции. Припоминали мельчайшие подробности всех событий. Даже в субботу следствие не оставило нас в покое.

Наталья Васильевна помогала мне накрывать на стол, расставляя заказанную в ресторане еду. Мы тихонько переговаривались, а Андре с Надин спорили — строили и опровергали разные версии: Анька с задором, почувствовав просыпающийся в ней талант комиссара Мегрэ, Надька — вяло, всё более налегая на коньяк. Художница до сих пор не могла переварить до конца новость о том, что спала с маньяком-убийцей.

В принципе Наташа успела уже просветить меня, рассказав по секрету обо всем. В том числе и о том, как она переживала за меня, как умоляла мужа отменить операцию «Иуда». Но в ней было задействовано столько специалистов, что Александр Владимирович не мог дать «задний ход», ведь расследование деяний преступной группы, в состав которой входили высшие чиновники Питера, вступило в решающую фазу.

Главный чиновник города задерживался, предупредив Наталью по телефону.

Когда наконец губернатор приехал, мы уже успели незаметно для себя значительно поубавить угощение. И Александр Владимирович, отпустив охрану, весело посмеивался, наблюдая за моими судорожными попытками хоть как-то привести стол в порядок.

— Я не голоден, дочка. А вот коньячку пару бокалов пропустил бы. — Мультивенко посмотрел на жену, и Наталья, вздохнув, как-то особенно тепло улыбнулась мужу:

— Саш, сам знаешь, потом давление скакать будет. Но ты уже большой мальчик, тебе виднее.

«А ведь они до сих пор любят друг друга», — подумала я, глядя на пожилую чету. Надо же, столько испытали эти двое, а не озлобились, не скурвились. Ни деньги, ни власть, ни горе их не сломили.

Мне очень импонировала манера Мультивенко говорить — с лёгкими шутливыми нотками при полной серьёзности лица. Только морщинки у глаз выдавали затаённую грусть и боль.

Надька быстро плеснула из пузатой бутылки в бокал, протянула его губернатору. Мы, резко замолчав, смотрели, как Александр Владимирович неторопливо согревает коньяк в руках, затем делает круговое движение бокалом у носа.

— Саша, не томи девочек, имей совесть! — Наталья смотрела на мужа, как мать на подросткового сына. С улыбкой, но в то же время с лёгкой тревогой, желанием защитить. — Мы и так тебя заждались. Рассказывай давай!

Неторопливо плотнув коньяка и покатав его во рту, Мультивенко вдруг изобразил гримасу притворного изумления:

— Нат, можно подумать, ты ещё не всё успела выболтать Лии. Конечно же по величайшему секрету. — Губернатор, хитро ухмыльнувшись, посмотрел на нас.

Я, покраснев, опустила глаза.

— Лиюшка, не слушай его. Он всегда такой. Важная птица, высокий полёт! — Наталья Васильевна подмигнула мне. — Саш, мне ведь тоже многое непонятно.

— Да, история непростая, — Мультивенко глотнул ещё немного коньяку. — Про обычную человеческую жадность и нечеловеческую подлость.

Мы с подругами почти перестали дышать, внимая каждому слову Мультивенко.

— Началось всё больше года назад с моей просьбы к сыну... — Голос Александра Владимировича дрогнул. — Стас, где бы ты ни был, пусть тебе будет хорошо, сынок... Я так перед тобой виноват...

Наталья ободряюще сжала руку мужа.

*Богов предают апостолы!**Владимир Колечицкий*

Чуть больше года назад губернатор впервые получил доказательства, что в его команде завёлся «крот». До этого были только подозрения.

Санкт-Петербург — город федерального значения. Управлять им непросто. Однако Мультивенко горожане любили, он дважды побеждал на выборах.

Свою команду Александр Владимирович подбирал тщательно: окружали его крепкие профессионалы, знатоки своего дела. Не обходилось, конечно, без кадровых перестановок и увольнений, но в целом сложился отличный, работоспособный аппарат.

Тем неожиданнее оказалась волна скандалов — вскрылись злоупотребления во многих областях: завышение цен на тендерах, грубые нарушения правил застройки, вымогание откатов у бизнесменов при госзакупках. Всё делалось через длинную цепочку посредников, и выйти на «крота» не удалось. За решёткой оказались мелкие чиновники, непосредственно общавшиеся с бизнесменами.

Мультивенко попробовал разобраться и был поражён. Во всех скандальных случаях при крупных контрактах городского масштаба на документах стояла его собственная подпись! Это мог проверить только кто-то свой, из ближайшего окружения, поскольку Мультивенко подписывал документы либо тщательно их изучив, либо с подачи замов, которым доверял полностью.

Ситуация усугубилась, когда возник скандал с проектом строительства трёхсотметровой башни «Нефтапрома». Губернатор утвердил согласование, однако помнил, что по документам место для её возведения было отведено вне черты исторического центра. Более тщательно изучив документы, Мультивенко понял, что они были наглейшим образом фальсифицированы, и «заморозил» проект, отдав его на доработку и потребовав обсудить с общественностью. Тем не менее «резких движений» Александр Владимирович старался не делать — «крот» мог затаиться.

Хорошо обдумав ситуацию, губернатор пришел к выводу: ему нужна помощь со стороны. В противном случае есть вероятность, что он поручит разобраться с возникшими проблемами самому «кроту». И Александр Владимирович обратился к человеку, которому доверял абсолютно, — к собственному сыну. У Мультивенко-младшего — строительная компания, ему и карты в руки. Губернатор ввел Стаса в курс дела, и вместе они разработали план, как вывести «крота» на чистую воду.

Прежде всего требовалось найти средней руки компанию, которая пожелала бы выиграть тендер на благоустройство территории возле предполагаемого места строительства высотки «Нефтапрома». Самому Стасу светиться было нельзя, его слишком хорошо знают в городе. Губернатор просит сына найти доверенное «подставное юридическое лицо». Стас с энтузиазмом приступает к заданию. Он неожиданно обнаружил среди собственных подрядчиков своего тройного тёзку: руководителя небольшой строительной компании в Ленинградской области Мультивенко Станислава Александровича.

Фамилия Мультивенко — довольно распространённая как на Украине, так и в России. Но вот совпадение отчества! Да и имена почти похожи: Стас и Станислав. К тому же

должности — оба генеральные директора строительных фирм. Стас Мультивенко решил увидеться со своим альтерэго. Пригласил к себе в офис. Более того, встретившись, мужчины были поражены: они ещё и похожи друг на друга даже внешне! Оба до сих пор не женаты. Разница только в возрасте: Станислав старше на год с небольшим. Понимая, что такие совпадения маловероятны, Стас и Станислав, разговорившись, попытались понять ситуацию.

У Стаса закрадываются первые подозрения. И он, спросив у тезки имя и фамилию его матери, в тот же день встречается с отцом. А после уточнения некоторых деталей их расследования неожиданно начинает расспрашивать Мультивенко-старшего про его студенческие годы...

— Подожди! — перебила вдруг мужа Наталья. — Незадолго до смерти Стасик и меня расспрашивал про то, как мы с тобой познакомились.

— Да, Ната, именно от тебя наш сын услышал то, что подтвердило его подозрения. Станислав — его единокровный брат. И мой сын.

Мы все поражённо уставились на Александра Владимировича.

— Помнишь Ольгу Немченко? Ты с ней какое-то время дружила...

Губернатор протянул руку к бутылке коньяка. Надька молча придвинула её, выразительно переглянувшись со мной. Наталья Васильевна задумчиво посмотрела на мужа:

— Ты хочешь сказать...

— Да, она мать Станислава. Ната, клянусь тебе памятью сына, до того я ничего не знал.

— Саш, я всегда тебе верила. Верю и сейчас, не надо клясть, — еле слышно выдохнула Наташа, взяв мужа за руку.

Честная жена для супруга душа, а с хорошим умом и для всех хороша.

Русская поговорка

Чтобы прояснить ситуацию мне и подругам, Александру Владимировичу пришлось вернуться воспоминаниями во времена своей юности. Жена губернатора молча слушала, судорожно вцепившись в его руку.

Саша Мультивенко познакомился с Ольгой на втором курсе института. Красивая, ярко одетая девушка обращала на себя внимание с первого взгляда. На её фоне сразу было и не заметить подругу второкурсницы — Наталью Скицыну. Но студенческий роман Александра и Ольги продлился недолго — в конце второго курса Немченко завалила сессию и была отчислена из института. А незадолго до этого она рассталась с Сашей — закрутила роман с аспирантом.

Тихая, всегда спокойная Наташа Скицына, как могла, поддерживала отвергнутого Александра Мультивенко в его страданиях. Молодые люди, прогуливаясь по улицам Ленинграда, вместе вспоминали Ольгу, вернувшуюся к тому времени к родителям в Ленинградскую область.

Вскоре Саша понял, что за неброской внешностью и сдержанным характером Натальи скрывается умная, тонко чувствующая девушка, в которую можно влюбиться. На третьем курсе Александр сделал ей предложение — и получил согласие. В середине четвёртого курса Наташа ушла в «академ» — у них родился сын.

— Ты был таким романтиком... — слегка улыбнулась жена губернатора. — Помнишь, как слепил мне беременную снежную бабу под окнами роддома? — И вдруг Наталья неожиданно разрыдалась, шепча: — Господи, как же я могу в тебя верить, если ты забрал моего мальчика?

Мы с подругами отводили глаза, не зная, чем помочь горю матери.

— Тихо, родная, тихо... Стаса уже не вернуть... — Губернатор залпом опрокинул бокал коньяка.

— Простите меня, — сквозь слёзы прошептала женщина. — Стараюсь держать себя в руках, но получается плохо. Надюш, плесни и мне каплей пятьдесят... — Наташа, утерев слёзы, попыталась улыбнуться. — Саша, тебе сейчас вдвойне тяжело. Но не вини себя, слышишь! Надо найти Ольгу, как-то поддержать её.

— Как выяснилось, Оля умерла пять лет назад. — Александр Владимирович с болью смотрел на жену. — Сыну, по всей видимости, она так и не сказала, кто его отец. Даже перед смертью. Единственный намёк — его отчество и фамилия. То, что у двух моих сыновей оказались одинаковые имена — необъяснимое совпадение. Так вот, дальше... Конечно, узнав от матери, что у меня был роман с Ольгой Немченко, Стас пришёл к выводу, что Станислав — его сводный брат, и, по-видимому, он поделился своими умозаключениями со Станиславом.

— Но вам-то почему сын ничего не рассказал? — перебила губернатора Андре.

— Скорее всего, он не хотел, чтобы мы с Сашей поругались, — ответила вместо мужа Наталья. — Стасик всегда очень переживал за нас. И думаю, боялся, что наши отношения

испортятся, если я узнаю про внебрачного сына мужа.

Мультивенко напряжённо посмотрел на Наталью.

— Саша, ты ни в чём не виноват. Жаль, что мне не привелось узнать Станислава. Ты всегда хотел второго ребёнка — да бог нам не давал.

Мы с подругами тактично молчали. Александр Владимирович с благодарностью взял руку жены и нежно поцеловал. Вот не смущают же губернатора ни «маргаритки смерти» — старческие пятна на коже Натальи, ни присутствие посторонних людей...

«У них красивая старость, — подумалось мне. — И я хотела бы стареть так же. С кем-то, кто видит меня совсем другой. Красивой, молодой. Не обращая никакого внимания на возрастные признаки увядания».

— Саша, продолжай, я уже в порядке. — Наталья Васильевна с грустной улыбкой бросила взгляд на мужа.

Деньги камень расплавят.

Лезгинская поговорка

Итак, Стас и Станислав обо всем договорились. Подставная компания (она принадлежала ближайшему другу Станислава) подала заявку на конкурс по тендеру на благоустройство территории возле будущей высотки «Нефтапрома». Руководству фирмы-подставы недвусмысленно дали понять: тендер выиграть можно. Но для этого — десятка зеленыю сразу (за «правильное оформление документов») и откат десять процентов от суммы тендера потом, при перечислении денег на счёт фирмы, вышестоящему начальству (за положительное решение). «Крот» действовал осторожно.

Тогда Мультивенко-старший сделал ход конём — в условия конкурса вносятся дополнительные изменения: документы выигравшего тендер должны быть согласованы со всеми тремя заместителями губернатора. Ну да, к тому времени Александру Владимировичу уже стало понятно: зараза коррупции проникла в его ближайшее окружение. А ведь со своими замами губернатор был в отличных отношениях — дружили семьями, давно знали друг друга. Но проверить надо каждого. Поэтому Мультивенко даёт сыну указание: десять тысяч долларов чиновнику дать, но при этом отказаться от отката. Якобы невозможно освоить работы по тендеру при сумме за вычетом десяти процентов. Кто не подпишет согласование документа, тот — «крот».

Неизвестно почему, но Станислав постоянно находится рядом со Стасом. Возможно, мужчины прониклись взаимной симпатией друг к другу. Скорее всего, Стас полностью вводит в курс дела вновь обретенного брата. Они действуют вместе. Станислав узнаёт от друга, что того приглашают на беседу к продажному чиновнику, и рассказывает об этом Стасу. Последний через брата предлагает руководителю подставной фирмы согласиться. А чуть позже, чтобы его успокоить, лично с ним беседует и передаёт ему десять тысяч долларов. (Это было первой ошибкой братьев: они не знали, что за директором фирмы-подставы следят.)

Фирма выигрывает тендер — все три заместителя губернатора ставят свои подписи на документах. План Мультивенко-старшего по поимке «крота» провалился.

— Ничего не понимаю, — подливая себе и Наталье коньяка, сказала Надин. — Подставные фирмы, тендеры, «кроты»... Ведь Матвей сознался, что это он убил Стаса и Станислава. Ну когда требовал у Лейки пароль, мы же видели в милиции запись.

Я поёжилась. Мне совершенно не хотелось вспоминать тот эпизод.

— Матвей был лишь исполнителем. Руками, которые убивали, не головой. Но именно он, как выяснилось, следил за обоими моими сыновьями. И именно он предупредил «крота», — пояснил Мультивенко и стал рассказывать дальше.

Стас на свой страх и риск самостоятельно продолжает расследование. И, не посоветовавшись с отцом, идёт ва-банк: поочередно встретившись с тремя заместителями губернатора, намекает каждому, что «всё знает», но можно договориться. (Это была вторая ошибка Мультивенко-младшего: хоть он и говорил намёками, «крот» занервничал.)

События ускоряются. «Крот» подключает в помощь к Матвею Андрея Чернохрамова. По его любезной наводке Стас знакомится с Андре, которая, в свою очередь, знакомит его с

Надин.

— Стас всегда был слаб по части женского пола, — с лёгкой иронией Александр Владимирович бросил быстрый взгляд на певицу, затем на художницу.

Подруги смущённо потупились.

Наглый блеф Стаса тем не менее приносит свои плоды: «крот» проявляет себя, через посредников предлагая фирме сына очень выгодный строительный контракт. Стас якобы соглашается продать отца родного, требуя в обмен срочного визирования документов по застройке целого района Санкт-Петербурга. При этом все бумаги Мультивенко-младший сканирует, сохраняя в виде электронного файла, специальным образом зашифрованного. (В своё время отец и сын по ряду причин решили пользоваться сделанной на заказ программой по криптографической шифровке данных.)

— Так вот почему я не могла открыть тот файл... — впервые за всё время я перебила Александра Владимировича.

— Да, Лия. Нужна вторая часть криптопрограммы, которая и расшифровывает информацию. В общем, у Стаса оказались на руках доказательства причастности одного из моих заместителей к коррупции. Сын позвонил мне, и мы договорились встретиться в пятницу вечером. Кстати, фамилию «крота» сын назвал, но я ему не поверил. Как оказалось, зря...

Кто думает о последствиях, не может быть храбрым.

Чечено-ингушская поговорка

Итак, седьмого июля Стас получает через посредников свои копии инвестиционных контрактов, заключённых с нарушением всех законов, и договаривается о встрече с отцом девятого июля вечером. При этом не замечает, что его разговор подслушивают. Матвей, следивший за ним, сообщает «кроту» новости и получает приказ: любой ценой уничтожить документы. Как печатные, так и электронные.

Имея при себе копии — вещественные доказательства в распечатанном виде — Мультивенко-младший едет на переговоры с финнами, с которыми у него совместный бизнес, но попадает в пробку и идёт к киоску, где покупает «Книгу перемен». При этом знакомится с симпатичной продавщицей и неожиданно для самого себя предлагает ей встретиться вечером.

Почему Станислав следует за Стасом, можно только догадываться. Возможно, просто хочет подстраховать вновь обретённого брата. Но он почти сразу замечает слезку — за машиной Стаса тенью следует серая «дэу» с тонированными стёклами.

— Ой, я вспомнила! Эта машина чуть не сбила меня на перекрестке возле дома! — У меня пересохло в горле. — Извините, Александр Владимирович, продолжайте...

Стас ведёт Лию в ресторан, оставив папку с документами в авто. Станислав, припарковавшийся неподалёку, видит, как Матвей, профессионально вскрыв дверцу машины (сигнализация в джипе Стаса не срабатывает), забирает с заднего сиденья папку. Станислав звонит брату, сообщает о произошедшем и слезке. Стас, увлечённый встречей с красивой женщиной, тем не менее понимает, что надо как-то подстраховаться с единственным оставшимся на руках доказательством — файлом. Поэтому, пригласив домой Лию, решает принять меры — договаривается с ней о том, что пришлёт по электронной почте файл, с условием обратной пересылки в пятницу вечером.

Станислав везде следует за братом. Ждёт в машине возле ресторана, в котором проводят время вместе Стас и Лия, едет за ними к дому Стаса, а потом, почти под утро, — к дому Лии.

В это время Чернохрамов обыскивает мастерскую Надин, посчитав, что Стас мог прислать файл ей. Продюсер рассказывает Аньке про отношения Стаса и художницы. Анька потрясена: ей нравится Стас. Ничего не найдя в мастерской, Храм решает, что файл Надька прячет у себя дома. Тогда же, по-видимому, он увидел довольно приметный кинжал отца художницы.

На следующий день рано утром братья созваниваются. Станислав, тревожась за сводного брата, предлагает ему переехать на пару дней к себе, в «Золотую долину» — старшему из братьев неудобно мотаться каждый день в Питер.

Я поражённо посмотрела на губернатора:

— Да, Лия, Станислав жил через три дома от твоей первой свекрови. Да ты и сама видела его жилище. Помнишь, когда вы с Матвеем отвозили собаку, он заехал якобы к другу?..

Губернатор снова вернулся к рассказу.

Стас зовёт Станислава к себе: братьям есть что обсудить. Мультивенко-младшему надо было бы нажать на отца, настоять на скорейшей встрече — но Стас решает не торопить события. Он же взрослый мужчина, сын губернатора к тому же. Подождёт пару дней, справится. Ему и в кошмарном сне не может привидиться, что ожидает его в ближайшем будущем.

Ранним утром восьмого июля, нервно ожидая приезда брата, Стас делает набросок Лии в «Книге перемен». И периодически посматривает в окно. Вдруг видит: Станислав, припарковавшись, не идет к подъезду, а бежит к подъехавшей серой иномарке и волоком вытаскивает из неё водителя. Завязывается драка. Стас спешит на помощь брату.

Но опаздывает — Станислав уже лежит на асфальте с пробитой головой. В это время подобранный сзади Матвей той же битой наносит удар по голове Стасу. Тот успевает слегка увернуться (удар получается скользящим), но теряет сознание.

Засунув труп Станислава в багажник своей машины, Матвей волочёт Стаса в его квартиру. Раннее утро, июль, сезон отпусков, поэтому свидетелей происшествия не оказалось.

Матвей звонит Храму — ему нужна помощь. На руках у подонка труп, который надо куда-то деть, и избитый Стас. Его садист крепко связывает и засовывает в ванную.

Лес без шакалов не бывает.

Чечено-ингушская поговорка

Мы подавленно молчали. Александр Владимирович с грустной улыбкой посмотрел на меня:

— Своей заботливостью ты сильно навредила себе, дочка. Пока Матвей ждал Чернохрамова, ты постоянно звонила Стасу. Садист видел на дисплее мобильного телефона «Лия Лин». И начал подозревать, что та женщина, которая была прошлой ночью в этой квартире со Стасом, ты. И файл может быть у тебя...

Быстро приехавший Андрей Чернохрамов тем не менее был замечен соседями. Они дали показания. Храм, узнав о произошедшем от Матвея, в полном ужасе звонит «кроту». Продюсер никогда никого не убивал, вёл почти законопослушный образ жизни, занимаясь только финансовыми аферами. В отличие от него Матвей — рецидивист, дважды успевший отсидеть в тюрьме солидные сроки: за кражу и участие в разбойном нападении.

«Теперь понятно, откуда на спине у Матвея два купола на церквях, — подумала я, услышав последние слова губернатора. — Хорошо помню, как когда-то переводила статью про арго и обычаи заключённых. Там была фраза: „Сколько ходок — столько и куполов на теле“. Урод просто добавил ярких татуировок поверх.

«Крот», узнав про ситуацию со Стасом Мультивенко, приходит в сильнейшую ярость. На убийство Станислава ему наплевать, чиновник просто приказывает избавиться от трупа. А по поводу остального Храм получает чёткие инструкции: на глаза Стасу не показываться, пусть все разговоры с ним ведёт Матвей; а файл надо найти и уничтожить любой ценой. Между Храмом и Матвеем происходит первая стычка: продюсер грозит пойти в милицию, с убийцей он не желает иметь ничего общего. Рецидивист резко осаживает его, посоветовав вспомнить про дела, которые Храм проворачивал вместе с «кротом», и пообещав достать продюсера даже на зоне.

Андрей Чернохрамов понимает, что стал заложником собственной жадности и любви к большим деньгам, но деваться ему некуда. Он помогает подбросить поздно вечером труп Станислава к мастерской. Именно припёртому к стенке продюсеру приходит в голову идея, что можно направить милицию по ложному пути, подставив Надин.

Храм едет в мастерскую Дельфининой, дожидается, пока художница выйдет ненадолго, и выкрадывает кинжал (где лежит запасной ключ, он знает от Андре).

Тем временем Стас приходит в себя. Матвей угрожает ему, бьёт, но не может заставить ответить на вопрос о местонахождении файла.

Тем временем постоянно раздаются звонки от Лии. Матвей утверждает в мысли, что злополучный файл может быть у продавщицы из киоска. Он едет к её дому и видит у подъезда объявление о сдаче квартиры. Решение у подонка возникает мгновенно: позвонив по указанному номеру, рецидивист договаривается о том, что снимет жилплощадь. То, что квартира бабы Шуры оказалась на одной лестничной площадке с Линой, — гримаса судьбы.

Матвей дожидается прихода Лии и знакомится с ней — ему необходимо как можно ближе подобраться к файлу. А значит, и к соседке. Преступник включает всё своё мужское

обаяние. Понимая, что ему нужно изменить внешность — она может испугать простую женщину, Матвей пользуется старым опробованным приёмом: надевает очки, которые ему не подходят. Искажение зрения на две оптических единицы делает его движения беспомощно-неуверенными, и нелепый внешний вид нового соседа вызывает у Лии доверие.

Поздно вечером подельники привозят в багажнике тело Станислава к мастерской Надин. И, дождавшись удобного момента, перетаскивают его в прихожую. Там Матвей, не моргнув глазом, вспарывает кинжалом Надькиного отца живот... еще живому Станиславу. Да, да, в тот момент несчастный был жив. От удара по голове и духоты в багажнике Станислав впал в кому.

Чернохрамов и Матвей возвращаются на квартиру Стаса Мультивенко. Методично обыскав её и просмотрев компьютер, преступники не могут найти нужного. С пленником надо что-то делать: во время избиений Стас признаётся, что файл в надёжных руках и что ключи от его квартиры есть у многих, и, значит, следует поторопиться — не дай бог, придет уборщица или заскочит сам губернатор.

Матвей проявляет звериную хитрость. Вспомнив, что Станислав жил за городом, он решает перевезти Стаса в «Золотую долину». Там можно будет пытаться пленника не торопясь. Да ещё и всласть поиздеваться над ним — эксперты установили, что маниакально-садистское поведение Матвея обусловлено чертами характера, а не расстройством психики. То есть садист вполне здоров психически, но ему доставляет особое удовольствие мучить свою жертву. Видеть её испуг, беспомощность.

Матвей прекрасно понимает, что если сын губернатора пропадёт без объяснений, это вызовет подозрения. Под пытками Стас пишет коротенькую записку отцу, что вынужден срочно уехать в Москву, вернётся через неделю и всё объяснит, а звонить ему не надо.

Мультивенко-старший, приехав к сыну домой в пятницу вечером, как и договаривались, находит записку.

Беда — хороший учитель!

Английская поговорка

— Но я сразу насторожился, — пояснил Александр Владимирович. — Сын не мог так безответственно поступить, зная, как важна для меня проблема «крота». Лиюшка, поставишь чайник? В горле пересохло...

Наталья, жестом остановив меня, поднялась и вышла на кухню.

— А где Чернохрамов мог познакомиться с этим вашим «кротом»? — задумчиво спросила у губернатора Андре. — Храм же в основном в Москве тусуется. Тусовался... В Питере только наездами бывал.

— Так ведь именно вы, мадемуазель, и поспособствовали их знакомству, — с лёгкой иронией взглянул на ошарашенную певицу Мультивенко.

Мы с Надькой затаили дыхание. Ничего себе. Вот наша Мата Хари даёт!

— Здесь надо сделать небольшое отступление. О, вот и чай, спасибо, Ната.

Наталья, кроме чайника, на подносе принесла чашки, ложечки, сахар, молоко в сливочнике (где она его у меня только откопала?), чай «Липтон» в пакетиках и кофе в банке.

А ведь когда мы с детьми покупали этот чай, я тогда из жадности аж пять упаковок взяла, Матвей ждал нас у магазина. Наливая себе чай, я думала о крутых поворотах судьбы: простой симпатичный сосед может в одночасье оказаться маньяком.

Разобравшись, кому — чай, кому — кофе, мы дальше с огромным вниманием стали слушать рассказ губернатора...

Около семи лет назад в Санкт-Петербурге начался эксперимент по долевному инвестированию жилищного строительства. Это когда деньги за квартиру платят ещё на стадии котлована. Или даже раньше. Новоселья ждать приходится долго, но при этом цена квадратного метра жилья чуть ли не в два раза ниже.

Андрей Чернохрамов случайно услышал о программе на одной из светских вечеринок. Зная о проблеме с жильём у Андре, он, заинтересовавшись, принялся настойчиво расспрашивать собеседника. Мужчины познакомились, разговорились. Чиновник (это и был «крот») сразу почувствовал в Храме родственную душу. В результате подельники разработали простую схему: «крот» даёт деньги, продюсер их вкладывает от своего имени, а потом, когда квартиры уже готовы к сдаче, Храм их продаёт, имея с этого приличный процент. Дело пошло споро. Через год Андрей Чернохрамов стал получать первые комиссионные. Отсюда и частые появления в Питере известного музыкального продюсера.

Но жадному Чернохрамову стало мало одних процентов, и он решил несколько квартир купить самостоятельно. Однако свободных денег у него не было, ведь продюсер привык жить на широкую ногу. И тут ему вспомнилась «квартирная заначка» Андре. Храм наплёл певице с три короба про своего друга и всучил одну из квартир в только что построенном доме, причём в два раза дороже, а её деньги вложил в очередное строительство, заработав приличную сумму. Но и этого ему показалось мало — жильё оформил на себя, подвесив на «крючок» несговорчивую и слишком независимую подопечную. Мадемуазель Андре популярна и любима народом, гастролей у неё много. Можно, практически ничего не делая, «состригать шерсть с овцы» некоторое время.

Храм предлагает Аньке жить в квартире, купленной на её же деньги, но по закону принадлежащей продюсеру. Правда, он каждый год обещает вот-вот переписать её на певицу...

Мы с Надькой сочувственно посмотрели на Андре.

— Ладно, сама виновата, дура конченная. Впредь мне наука. Ничего, проживу, — буркнула та. — Жива осталась, а это главное. Но мне совсем непонятно, зачем Храм хотел отравить Лейку. Она-то чем ему мешала?

— Лия мешала «кроту», — поправил Александр Владимирович. И продолжил рассказ.

Человек достойно оценивается только после смерти.

Якутская поговорка

Той же ночью, с седьмого на восьмое июля, когда три подруги обнаружили в мастерской труп Станислава, Матвей с помощью Храма перевозит сына губернатора в багажнике машины в дом его брата, в «Золотую долину».

К удовольствию садиста, в доме имеется подвал: связанного Стаса сразу же спускают туда. От невыносимой духоты и постоянных побоев Стас часто теряет сознание.

Заперев пленника, подельники возвращаются в Питер. Матвей поселяется в квартире бабы Шуры и следит за новой соседкой. Как у большинства людей с маниакальными наклонностями, у него потрясающее обаяние и внимательность к мелочам. Рецидивист пытается подружиться с Лией, оказывая ей знаки внимания, но всё напрасно: женщина не торопится идти на сближение.

Полной неожиданностью для преступника становится тот факт, что Лия и Надин — подруги. Затем ещё большая неожиданность: труп Станислава исчезает бесследно, когда перепуганные заговорщицы с помощью Даши отвезли мёртвое тело под видом «свинячьего подарка» в морг. Матвей и Храм в это время возвращаются из «Золотой долины»...

Тем временем «крот», у которого земля горит под ногами, давит на подручных. Чернохрамову поручена отработка версии Надин, то есть нет ли нужного файла у неё, а Матвей должен проверить версию Лии.

Субботним вечером десятого июля Храм угрозами и очередными обещаниями вернуть квартиру заставляет Андре помочь обыскать мастерскую.

Андре, которой претит предательство лучшей подруги, возражает продюсеру, но всё бесполезно. Храм понимает, что файл может быть сохранён на каком угодно носителе: дискете, диске, флэшке. Найти его сложно.

Чернохрамов ловит кота Мыша, заставляет Аньку держать его при харакири. Мышь бешено сопротивляется, расцарапывает ей руку. Тогда же отлетает чёрный страж с ногтя певицы. Какие мотивы при этом руководили мужчиной и почему он так заиклился на харакири, понять сложно. Возможно, его потрясло то, как поступил с телом Станислава Матвей. А возможно, что Чернохрамов, впервые в жизни близко столкнувшись с убийством и маниакальностью, начал погружаться в пучину безумия.

Желая припугнуть художницу, Храм левой рукой пишет кровью кота угрожающую записку. А у певицы берет клятву о молчании и обещание сообщить ему о реакции подруги.

Андре, пребывая в шоке, замечает пропажу страза только в магазине, где покупает продукты. И срочно мчится в салон восстанавливать утраченное. Так что Надин пришла к совершенно правильным выводам, подозревая Аньку.

Прождав три дня, к вечеру вторника подельники понимают, что от художницы не получат ничего. Андре в очередной раз говорит Храму, что Надька — человек «некомпьютерный». Судя по всему, никаких файлов ей Стас не передавал.

Матвей все пытается сблизиться с Лией, и ему везёт: она сама приходит в среду, четырнадцатого июля, с просьбой отвезти собаку за город. Садист вместе с соседкой и Джулькой едет в «Золотую долину», где «навещает» сына губернатора. До этого Матвей

приезжал только в понедельник — покормить и попоить пленника. Его садист не развязывает все эти дни: даже в туалет Стасу приходится ходить под себя. Тот держится, ничего не говорит истязателю про файл, даже когда мучитель ножом вырезает на его руках и ногах иероглифы. Совсем ничего, за долгие двадцать шесть дней — в подвале Стас был до самого дня его смерти...

Я слушала Александра Владимировича и старалась не показывать виду, что чувства захлестывают, что сердце заходится от страданий. Оказывается, когда я ездила с Матвеем в «Золотую долину», Стас был совсем рядом. А я ни о чем не догадывалась, смеялась, шутила с его убийцей... О господи!

Вспомнив ледяной садистский взгляд Матвея, содрогнулась, представляя, с какой чудовищной жестокостью он истязал пленника. Если я с трудом пережила пятнадцать минут угроз и насилия, то почти месяц — это невыносимо! Где Стас брал мужество перенести всё это? Мне хотелось застонать от ужаса, и я зажала рот рукой.

Воображение продолжало рисовать жуткие картины мучений моего несчастного возлюбленного. Жалость смешивалась с отчаянием от бессилия что-либо изменить. Ведь я могла ему помочь тогда! Файл он просил вернуть в пятницу, а сам исчез. Вот тут и надо было бить тревогу, отослать файл губернатору, всё честно рассказать. А я... я повела себя, как обычная баба. Испугалась, растерялась, решила, что молчание — лучший выход.

Стас, конечно, не мог не думать обо мне все те ужасные дни, пока был в заточении. Сколько же раз он, наверное, взывал к моей интуиции... Строил догадки, как я поступлю с файлом... Надеялся на помощь, на меня... Чувство вины мучительно разъедало сердце. Теперь мне казалось, что будь я посообразительней, история могла бы повернуться иначе.

Воля и сквозь скалу пройдёт.

Японская пословица

Во время второй отсидки вместе с Матвеем отбывал срок криминальный авторитет Японец. После рассказов последнего Матвей и заикнулся на ритуальных самоубийствах самураев. Садисту оказалась близка жестокость средневековой Страны восходящего солнца, но только — по отношению к другим. Матвея завораживает красота смерти. Ему мало убить — важно сделать это по-самурайски, в понятии садиста.

Рецидивисту требуется постоянная «подпитка» — он раз за разом возвращается в «Золотую долину» пытаться Стаса, по пути захватывая письма от детей и кабачки от свекрови для Лейки. Сын губернатора истощён физически, но не сломлен, продолжает твердить одно: файл в надёжных руках. Затем Стас просто перестаёт разговаривать с истязателем, впадая в полубессознательное состояние.

— Страшно представить себе то, что чувствовал мой сын в последние дни жизни, — Мультивенко вдруг разом постарел, сгорбился, превратившись из импозантного мужчины в разбитого старика. — Я смотрел запись допроса этого подонка, снова и снова. Чтобы забыть это, чтобы стереть из памяти — только пулю в висок.

Наташа беззвучно плакала.

— Урод живёт, ест, ходит, следит за вами, — губернатор посмотрел на меня и подруг мучительно-глубоким взглядом. — Земля его носит...

Понимая, что от Стаса тяжело добиться нужного, Матвей бросает все силы на слежку за Лией. Храм снова и снова пытается «продать» Андре по поводу Надьки, но певица бешено сопротивляется: с Надин и Лейкой её связывает крепкая дружба.

В последнюю пятницу июля Матвеем везёт — удаётся проследить, как подруги хоронят Станислава. Ситуация с пропавшим трупом теперь ему понятна полностью.

Губернатор уже обеспокоен долгим отсутствием сына. И тут он, получив от заместителя приглашение на выставку, неожиданно видит злополучный триптих. Интуитивно понимая, что картины могут быть как-то связаны с происходящим, Мультивенко-старший за рекордную цену покупает триптих. А на следующий после выставки день тело Стаса находят возле его дома. Сын губернатора убит точно так, как на картине Надин показана смерть смутно знакомого мужчины. Стасу делают харакири тем же восточным кинжалом — Мультивенко-старшему стоило огромных усилий замять подробности про состояние его сына на момент убийства.

Труп мужчины обезображен: на руках и ногах застарелые язвы; злополучным кинжалом нанесено несколько проникающих ранений, в том числе и в сердце. Харакири лишь довершает картину преступления.

Как рассказал на допросе Матвей, сын губернатора после трёх недель пыток предложил отдать флэшку, якобы спрятанную у него в квартире. Но при одном условии — он сам покажет, где находится электронный носитель. И его мучитель согласился. Конечно, он догадался, Стас намерен предпринять попытку освободиться, но пленник так ослаб физически, что справиться с ним будет легко.

При въезде в Питер Мультивенко-младший хотел на ходу выпрыгнуть из машины —

Матвею удалось пресечь это. Садист, понимая, что сына губернатора в любом случае нельзя оставлять в живых, звонит Храму и требует привезти кинжал к дому Стаса.

В это время продюсер встречается с Лией и Андре, пытаясь выяснить судьбу файла. Звонок поделщика застаёт его врасплох, Чернохрамов вынужден покинуть подруг.

У него возникла идея свалить смерть Стаса опять же на Надин, ведь отвергнутая любовница — прямой кандидат в убийцы.

Храм испуган и беспрекословно подчиняется: снова проникает в мастерскую, находит спрятанный кинжал. Возле дома Стаса он идет к машине Матвея и, к своему ужасу, обнаруживает на заднем сиденье труп сына губернатора. Матвей поясняет, что Стас попытался сбежать, и ничего не оставалось, как пырнуть его ножом. Тем самым, которым он потом будет угрожать Лейке.

Улучив момент, преступники выбрасывают труп из машины. Садист делает посмертное харакири второму брату.

Поделщики расстаются — Храму надо вернуться к Андре и Лии. По пути продюсер заезжает для алиби в студию звукозаписи, берёт диски Андре с новым хитом.

«Крот», извещённый Матвеем, дозванивается до Чернохрамова и требует предельно быстро выяснить, у кого файл.

Сообщникам надо обыскать квартиру Лейки, но, как назло, там безвылазно торчат все три подруги. Матвей находит старого друга, который должен помочь ему запугать Лию. Камни, толчки в спину — его рук дело. Садист надеется, что соседка придёт к нему за защитой и всё ему расскажет. А если попадёт в больницу — тоже хорошо, в квартиру будет легче проникнуть. План проваливается — Лия чудом избегает всех покушений, продолжает говорить с Матвеем о чём угодно, но не о файле.

Храм наконец придумывает, как удалить подруг из квартиры Лии: он организует запись песни Андре в Москве. Пока подруги посещали столицу, преступники перетрясли квартиру, забрали жёсткий диск из компьютера и ноутбуки и успокоились. Но ненадолго.

Андре, по возвращении из Москвы, начинает подозревать Храма. Тот приходит в гости к Лейке и подслушивает её слова, что файл у Лейки в почте.

Чернохрамов напуган. Получается, в любой момент могут выйти на «крота», а значит, и на него! Продюсер принимает поспешное решение отравить Лию. У него с собой пакетик с тубокурарин-хлоридом. Раздобыть порошок ему не составило труда — у Храма есть знакомый травматолог. Правда, вряд ли он догадывался, для каких целей Храм выпрашивал у него в подробностях историю медпрепарата. И что случается при передозировке. Узнав, что тубокурарин может вызвать спазм мышц бронхиол и остановку дыхания, Чернохрамов носит его с собой. Возможно, он готовил отраву для себя, на крайний случай.

Андре принимает удар на себя. Чернохрамову травматолог не сказал самое главное: тубокурарин очень плохо всасывается из кишечника, поэтому и вводят его обычно внутривенно. А в чашку сыпать — не столько травить, сколько нервы портить. В том, что миорелаксант так сильно подействовал на Андре, виновато было спиртное.

А губернатор, потрясённый смертью сына, подключает специалистов. Начинается операция «Иуда». Надин, Андре и Лия оказываются «под колпаком» у правоохранительных органов...

Сия есть кровь, о, Иуда, которую ты продал за тридцать сребреников!

Мф. XXVI, 26

— Осталось добавить совсем немного, — продолжал Мультивенко. — Когда ты, Лиюшка, приходишь ко мне, пню старому, рассказать про то, что я старался изо всех сил найти, я, не выслушав до конца, оскорбил тебя...

— Александр Владимирович, не надо так. Мне даже представить страшно, что вы чувствовали тогда... чувствуете...

— Если бы не Аделаида Ильинична и не Ната, я бы мог и тебя потерять, дочка, — губернатор с загаённой тоской смотрел мне в глаза. — Прости меня! Я видел на записи, что подонок делал с тобой.

— Саше вызвали после этого врача, Лия, — Наталья говорила тихо, сдержанно. — У него был гипертонический криз. Никто не ожидал, что всё зайдёт так далеко...

— В рамках спецоперации проверялось всё ваше окружение — родственники, знакомые, соседи. Каково же было моё удивление, когда выяснилось: Матвей, уголовник-рецидивист, — первый муж дочери моего заместителя, Марка Анатольевича Телюка.

— Как? Значит, Марк... — Наталья Васильевна посерела.

— Да, Ната, «крот» — Телюк. Тот самый, внучку которого мы с тобой крестили. Он виноват в смерти нашего мальчика не меньше, чем его бывший зять. И я тогда сразу же вспомнил, чью фамилию назвал мне Стас незадолго до своего странного исчезновения. Я не поверил своему сыну, так доверял другу!

Губернатор продолжал рассказывать, а я с болью смотрела на осунувшееся лицо Наташи...

...Первый муж дочери Телюка, Матвей, прожил с женой совсем недолго — оказался за решёткой за кражу со взломом. Марк Анатольевич предложил ему помощь, но в обмен на развод с дочерью.

В то время Телюк ещё не был заместителем губернатора, но упорно карабкался вверх по карьерной лестнице. Задействовав нужные связи, Марк Анатольевич добился досрочного освобождения Матвея, но сообразил, что криминальный талант бывшего зятя можно использовать в своих целях. С той поры тот стал его цепным псом. Кстати, именно из-за недавних афер бывшего тестя Матвей попал на зону во второй раз. Но Телюк не подкачал и тут: преступник опять вышел из заключения досрочно. И вскоре его ждало новое дело — как раз началась история с опасным для Марка Анатольевича файлом.

После неудачной попытки отравления Храм прятался за городом, в доме Станислава. И по телефону начал угрожать Матвею и Телюку, требуя от них помощи по переезду в Москву, где беглецу затеряться легче, иначе пойдёт в милицию и «сдаст» всех. Тем самым продюсер подписал себе смертный приговор. Садист Матвей по приказу бывшего тестя убил шантажиста, отвёз труп подальше от «Золотой долины» и отрезал язык и уши — в назидание за строптивость.

Когда Мультивенко получил от Лии файл, он уже знал, что «крот» — Телюк, а убийца, скорее всего, — Матвей. Но доказательств не было. Ознакомившись с содержимым файла,

губернатор убедился, что Марк Анатольевич сделал попытку подкупить Стаса, предложив выгодный контракт по застройке. На сканах всех документов стояла именно его подпись. Однако были необходимы неопровержимые доказательства соучастия Телюка в убийствах — у заместителя губернатора найдутся хорошие адвокаты, и Мультивенко придумал план, как вывести преступников на чистую воду.

Оставив в своём кабинете на развороте ежедневника крупную запись: «Взять файл у Лии Лин», Александр Владимирович вызвал к себе всех трёх своих замов для обсуждения очередных проблем и на какое-то время вышел из кабинета, дав возможность посетителям хорошо рассмотреть его стол. Телюк не знал, что все его переговоры по телефону уже прослушиваются, и сразу же после совещания позвонил бывшему зятю, приказав убрать Лию, а файл уничтожить.

У правоохранительных органов теперь имелась запись этого его разговора с убийцей, но не хватало признания самого Матвея. Именно тогда и развернулась финальная часть операции «Иуда».

— Лия, ты и так много пережила за последнее время. И сейчас тебе важен покой. Но надо завершить расследование дела, и я хотел попросить о помощи. — Александр Владимирович посмотрел на меня, затем на молчащих Андре с Надин. — Выйдем-ка, дочка, на кухню.

Мы поднялись из-за стола. Уже на ходу губернатор бросил моим подругам:

— Всё, что я рассказал, не для посторонних ушей. Надеюсь на вашу порядочность, девушки.

На кухне Александр Владимирович долго молчал, словно собираясь с силами.

— Дочка, нужно показать оперативникам точное место захоронения Станислава. Я гарантирую: у вас не будет неприятностей. Все мы люди и поступаем в экстремальных ситуациях так, как велит инстинкт самосохранения, порой не подозревая, что нарушаем закон. В том, что вы закопали труп тайно, не сообщив в милицию, есть состав преступления, но дело оформят так, будто тело обнаружилось случайно. Лия, ты очень помогла следствию, благодаря тебе всё и вскрылось. Пойманы настоящие преступники. И поверь, беспокоить твоих подруг и особенно тебя мне очень не хотелось бы после всего. Надо отдать долг погибшему, похоронить его по-человечески... Я знаю, ты поймёшь. И объясни подругам. И ещё. Я бы не советовал тебе самой ездить на место захоронения, побереги себя. Думаю, Аня с Надей сами справятся...

— Я все понимаю. И поговорю с девчонками. Уверена, они поймут. И помогут.

На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь.

Русская пословица

Я не поехала на эксгумацию, попросив Андре и Надин. Они согласились и, несмотря на сильный мороз, отправились с бригадой следователей в заветную рощицу. Обе переживали, что не узнают точно место, где могила. Снега много намело в декабре. И деревья зимой такие похожие. Под которым? Разве теперь вспомнишь?

Анька сказала, что тогда, летом, примотала цветную проволочку на березе, возле которой мы закопали ненашего Стаса. Рассчитывала, что это поможет его найти.

Я осталась дома готовить обед для подруг. Дети, отправленные в Пилипец, собирались остаться там и на новогодние праздники. Вот и хорошо. Обстановка-то тут напряженная — едва закончив разбирательство с Матвеем, мы принялись за похоронные дела.

До сумерек я поглядывала в окно. Подруги вернулись уже в полной темноте. Анька была разбита долгой дорогой и усталостью и не очень охотно начала рассказывать о поездке:

— Знаешь, ехали туда, и я всё заново вспоминала, как в июле долбили землю. И голубя, которого сбили. Как нервы были напряжены, жару, ощущение нереальности происходящего с нами...

— Но всё было более чем реально, — перебила Надька. — Труп-то на месте. Эта дурында все никак не могла свою проволочку найти, наконец указала точное место, где копать. И знаешь, что самое страшное? Труп почти не изменился с тех пор. Когда чёрный мешок открыли, я думала, там черви, скелет, а там почти такой же ненаш Стас, как мы его увидели в мастерской. Следователь объяснил, что это потому, что закопали в торфянике, он и не разложился полностью — какие-то болотные кислоты помешали...

— А чего вы так долго не возвращались?

— Ну так пилили по Выборгскому шоссе. Ехать чёрти куда. Это летом быстро. А зимой какво? Заносы, пробки. Потом по нехоженным сугробам сколько шкандыбали. А копать-то как, прикинь! Четверо мужиков ломами долбили почву. А она каменная. Мороз сегодня восемнадцать градусов. Они умучились, жалко смотреть на них было. Затем — опознание на месте. Не день, а страшная картина... Замёрзли, как собаки. Сейчас труп в морге. Там тоже проведут какие-то процедуры по опознанию.

Анька, оказывается, почти всё время сидела в машине с включённой печкой. И только выглянула пару раз, когда звали следователи.

Я рассказала, что Мультивенко звонил. Сказал, что похоронит ненашего Стаса рядом с братом на Смоленском кладбище. Только сначала окончательно установят личность и оформят документы. До Нового года хочет успеть, чтобы оставить горести в этом году, не переносить их в следующий.

На следующий день утром опять позвонил Александр Владимирович, поблагодарил за помощь. Голос у него был невеселый. Всем нам казалось, что, пока не будет похоронен ненаш Стас, история печалей не окончена. Мы так привыкли называть Стаса «ненашим», а ведь для Мультивенко он оказался родным сыном... Это плохо укладывалось в голове — вот как причудливо сплетаются людские судьбы.

Прошла всего неделя, и день похорон был назначен. Губернаторское слово, видимо,

весомее бюрократических проволочек.

И вот мы с Анькой и Надин собираемся на Смоленское кладбище, на Васильевский остров. Отпевание в церкви Смоленской иконы Божьей Матери назначено на полдень. Тридцатое число. Опять тридцатое! Кто б мог подумать... Ведь мы хоронили ненашего Стаса тоже тридцатого. Только июля.

Народу собралось совсем немного: Наталья Васильевна, охрана, да я с девчонками. Держа в руках свечи, под церковное песнопение каждый переживал и вспоминал события, приведшие нас сюда. Не знаю уж, о чём думали подруги, но у меня перед глазами стояла сцена, как мы яростно долбим горячую, сухую землю в той самой рощице... Теперь — земля замёрзшая и холодная.

Какая странная судьба у Станислава Мультивенко — быть похороненным дважды. Летом и зимой. Остаётся надеяться, что земные обстоятельства больше не потревожат его. Я искренне молилась за упокой души брата нашего Стаса.

После отпевания двинулись пешком к месту захоронения. И я впервые увидела могилу отца моего еще не рождённого ребенка. Я ведь не была на похоронах Стаса и только теперь узнала, где он нашёл последнее пристанище. Свежие цветы, венки и крест с фотографией. С удивлением посмотрела на лицо своего возлюбленного, на фотографии оно было более официальным, чем в жизни. И да, очень похож на брата. Хорошо, что в семье принято решение не разлучать их и похоронить рядом.

Анька и Надин тоскливо ёжились на морозе. Наташа как могла поддерживала мужа. Она прекрасно понимала, что ему безумно тяжело от двойной утраты.

Могилы были вырыты до нашего приезда, заранее. Гроб опустили в могилу, не открывая. Не открывали его и в церкви. И вот уже по крышке застучали комья мёрзлой земли. Мистическое совпадение имён — Стас и Станислав — на соседних крестах... Мистически совпавшая смерть... Как будто братья, хоть и жили порознь, но были связаны между собой таинственной нитью. Ушёл один — не стало и другого.

Слов много не произносилось. Мороз сковывал губы, и живые цветы быстро превращались в изваяния. Я мысленно говорила со своим Стасом. Теперь он казался ближе, и я верила, что он меня слышит. Рассказывала, что увидела нарисованный им мой профиль в «Книге перемен». Что прочитала слова, написанные им. И как мне важно было прочитать их. Мне и ребёнку.

Отдав последний долг усопшему, мы пошли к машинам. Но я знала, что теперь буду часто приходить сюда, на Смоленское кладбище. Где почти у самой церкви похоронены два брата. Один из которых был мне так дорог. И останется дорогим.

Ближе всего к телу продажная шкура.

Евгений Кащеев

Последнюю неделю года Телюк давал показания, активно сотрудничая со следствием. Всю вину за убийства он возложил на Матвея. А тот, молчавший больше суток, раскололся, прочитав показания бывшего заместителя губернатора. Подельники стали изобличать друг друга во всех грехах, желая ужалить побольнее. Ну прямо два скорпиона, оказавшиеся в одной банке...

Тома с материалами дела множились, как потомство у Джульки. Помимо нашумевшего дела о строительстве высотки «Нефтапрома», всплыло множество эпизодов с подделкой официальных распоряжений о строительстве жилых домов и офисов; о заключении инвестиционных контрактов и проведении тендеров с грубейшими нарушениями и многомиллионными откатами; о ряде заказных убийств несговорчивых бизнесменов.

Я не вникала в суть происходящего. Александр Владимирович периодически звонил, успокаивал и приободрял. О наших с подругами противозаконных действиях (сокрытие улик, захоронение трупа) вообще никто не упоминал. Протоколы допроса про то, как мы закапывали ненашего Стаса, просто изъяли из дела.

Анька первой отметилась у следователя, подписав все необходимые показания. Мне десять пухлых папок для подписи привезли на дом. Дольше всех сопротивлялась походу в милицию Надька. Узнав, что Матвей — хладнокровный убийца, подруга впала в жесточайшую депрессию, совершенно нетипичную для неё. Впрочем, лекарство было вполне традиционным — Надька до потери пульса накачивалась каждый вечер коньяком, пытаясь заглушить угрызения совести.

— Как же я могла промахнуться? — пьяно рыдала она у меня на кухне в очередной раз. — Ведь Матвей был таким... таким...

— Сволочь он и гад редкостный, — хладнокровно заметила Анька. — И мне ничуть не жалко, Лятрекша. Сама виновата — уж больно ты не разборчива в выборе кобелей.

— Анют, перестань, Надьке и так плохо. — Я пыталась поддержать, как могла, подругу.

— Лейк, не защищай её. Она Матвея у тебя из-под носа увела, за что ей, кстати, сейчас спасибо надо сказать, — Анька сурово уставилась на съевшуюся подругу. — Не было бы счастья, да Надин подсуетилась...

— А что я, собственно, такого сделала? — взвилась Надька. — Ну, переспала с ним. Но я же не могла знать, что парень убийца.

— Это ты в милиции расскажешь, Лятрекша. Тебя там заждались, особенно Мордасов, — злорадствовала Анька. — Он тебе устроит допрос с особым пристрастием. Ещё один том к делу добавится — про вашу с Матвеем камасутру. Ты же шпионом работала для своего кобеля, это ты хоть понимаешь? Всё про нас с Лейкой хрену своему обожаемому сливала...

— Да чтоб я ещё с кем-то в постель легла, не узнав как следует!.. Всеми святыми клянусь, не будет такого! — истерически заорала Надин.

— Зарекалась порося не хрюкать, в грязи не валяться... — Анька абсолютно не собиралась щадить Надькино самолюбие.

— Надь, а ты когда в милицию-то пойдёшь? — Я с сочувствием посмотрела на подругу. — Меня Мультивенко уже несколько раз просил тебя поторопить.

— Завтра, наверное, — обречённо пробормотала та. — Я пойду туда завтра. Ань, давай накатим, а? Хоть ты поддержи меня, а то Лейка ведь у нас теперь не пьёт. Блин, коньяк уже кончился... Ладно, лей свою полынную отраву — феи всяко разно посимпатичнее Мордасова будут. Лейка, я у тебя сегодня заночую? Мамаша моего бывшего просто озверела, сил нет от неё отбиваться. Свекр-икооовка...

Мне было мучительно жаль пьяно икающую Надин. Даже больше, чем Аньку, с её замороченным квартирным вопросом.

Со счастьем дело обстоит, как с часами: чем проще механизм, тем реже он портится.

Шамфор

Домработница Нина, доставая тарелки из посудомоечной машины, тут же ополаскивала их под струёй воды. Я удивлённо застыла в проходе. Надо же, не одну меня не удовлетворяют результаты усилий «адского агрегата».

— Добрева утречка, Лия Ванна, — поздоровалась Нина, продолжая перемывать посуду. — Эт хорошо, шо вы выпалиси. Вам таперича лучча поболеча спать. Но ить и гулять забывать не стоить. Ваща рисовая размазня ужо остываить. Чичас чайку заварю...

Голос домработницы гудел почти басом. Успокаивающе, умиротворяюще. Знакомые с детства неправильные словечки мягкой лапкой ласкали душу.

Нина родом из Курской губернии, как и моя мама. Более того, выяснилось, что даже из одного с ней города. В детстве я часто ездила на каникулы в уездный город Щигры. Полюбила его неброскую красоту и особую певучую речь жителей. «Шоканье» и всякие местные «таперича» так плотно въедались за лето в мою речь, что, вернувшись к первому сентября домой, я буквально шокировала простонародным говором маму.

Приходила Нина сначала раз в неделю, потом зачастила. Дети ещё до отъезда в Пилипец быстро подружились с ней — «тётя Нина» готовила каждому из моих козлят то, что им хотелось.

Когда домработница впервые появилась у нас, я не знала, куда себя деть и как себя вести. Женщине около пятидесяти, но она категорически отказалась называть меня на «ты» и по имени. Надьке и Аньке тем не менее с первой встречи постоянно тыкала, осуждая их за возлияния. Поэтому подруги немного побаивались Нину, что вызывало у меня улыбку. Такие безбашенные, они робко спрашивали домработницу, можно ли пройти по вымытому полу. И Нина строго поглядывала на них, чтобы Андре с Надин не совершали ничего такого, что нарушило бы мой покой и распорядок дня. Но только разве покой с такими подругами возможен? Конечно, Нина не могла уследить за всеми волнительными факторами, которые заставляли меня переживать и ворочаться ночами...

Например, поволноваться пришлось и в тот день, когда Надин отправилась на допрос к Мордасову. Я ждала её, она задерживалась. Мысленно я рисовала разные сценарии происходящего в милиции. Но реально случившееся в кабинете следователя опрокинуло все придуманные мною версии.

Вернувшаяся с допроса, Надька еле переставляла ноги. В растопырку она доковыляла до кровати и упала, как избитый в фашистских застенках коммунист из старого советского фильма про войну.

— Что он с тобой сделал, эта сволочь? — кинулась я к подруге.

— Ох, Лейка, что он со мной сделал... Тебе и не представить... — Надька перевернулась на живот и застонала.

— Пытал?

— Можно сказать и так...

— Надь, мы Мультивенко пожалуемся, если мерзавец силу применил!

— Ещё как применил... И какую силу...

Подруга продолжала лежать, как избитый коммунист, но что-то в её довольной роже начало меня настораживать.

— Надь, скажи, что случилось-то? — строго спросила я.

— Ну, сама понимаешь, придя к Мордасову, я тут же начала ему хамить в своём неподражаемом стиле. Насчёт его сломанной руки поинтересовалась. Не совсем вежливо, естественно. И не хочет ли он получить новые письменные показания в виде портрета — на вторую руку. Вместе с гипсом.

— Ага, понимаю. Ты можешь быть невыносимой. И что Мордасов?

— А Мордасов покраснел как рак и заорал: «Да пошла ты! Отвечай по существу!» А я после этих слов и пошла. То есть встала и, приняв оскорблённый вид, направилась к двери, собираясь удалиться из кабинета. Тут Мордасов очнулся и сообразил, что не может так просто отпустить эту сумасшедшую художницу, поскольку дело на учёте у самого губернатора. И что всё-таки надо её допросить. Я прям как будто читала всё это на его роже.

Тут Надька снова застонала и попросила стакан воды. Как раненому коммунисту, измученному на допросе, я принесла ей попить. Подруга даже не пошевелилась, пришлось заботливо приподнять ей голову. Надька отхлебнула и продолжила:

— Так вот, Лейк. Догнав, Мордасов схватил меня за руку и резко дёрнул на себя. А я была дико взвинченная и, повернувшись, на автопилоте вцепилась свободной рукой ему между ног.

У меня глаза полезли на лоб:

— Зачем?

— Ну как зачем... Лейка, этот приём самообороны я освоила во Франции. В парижской богеме научили. Когда пристают в тёмном закоулке, надо хватать мужика сразу за «корень» и орать что есть мочи. Кстати, пару раз я действительно так спасала свою сумочку. — Надька закурила в постели, рука её подрагивала. — Понимаешь, я инстинктивно ответила агрессией на агрессию. Но самое невероятное, Лейка, началось позже. Я схватила его — и тут пошло шевеление в его штанах. И я обомлела от масштаба шевеления. Пару минут мы просто смотрели глаза в глаза. А потом... потом набросились друг на друга — раздевать. Мордасов еле успел повернуть ключ в двери... — Надин прикрыла глаза. Наверное, от смущения. — Я была сама не своя. Он «пытал» меня минут сорок. И всё это на рабочем столе, одним движением скинув все бумаги на пол, папки с делами и прочее.

Надька рассказывала, расслабленно лёжа на кровати, как кошка, которая съела сливок больше собственного веса.

Теперь пересохло в горле у меня.

— Прямо на столе?

— Ага, на столе. — Лицо Надьки выражало неизъяснимое удовольствие, и она опять застонала. — Лейка, если бы ты знала, какой Мордасов гигант...

— Да уж догадываюсь, раз ты ходить не можешь.

— Набери мне ванну, умоля-я-я-ю...

— Ну ты и скотина! — Я перестала жалеть Надьку, поняв, что она вовсе не пострадавшая, а переигравшая в резвые игры. — Раз были силы на Мордасова, найдутся и ванну приготовить!

Надька ничего не ответила. Она уже сладко спала. Как младенец.

На следующее утро подруга призналась, что съезжает к Мордасову.

— Жить вместе будем.

Я в шоке переспросила:

— Ты уверена?

— Стопроцентно. Во-первых, квартира Мордасова рядом с моей мастерской. Нет, это во-вторых, — поправились Надька. — А во-первых, меня так ещё никто не растягивал, и этого мужика я никому не отдам. И Мордасов, и я — трудоголики, пока я буду пропадать в мастерской, Мордасов будет гоняться за бандитами, а в редких перерывах между работой — офигительный секс. В-третьих, очень удобно: готовить Мордасову не надо, стирать тоже. Короче — идеальный гражданский муж. И то, что он зарабатывает меньше меня, — огромный плюс. Ты же знаешь, что я люблю чувствовать себя независимой. Только не говори пока ничего Андре.

Я фыркнула:

— Она сама обо всём легко догадается.

— Как?

— Да по твоим новым картинам! Они теперь все будут у тебя с фаллическо-милицейской символикой.

В дальнейшие дни меня и подруг закрутила предновогодняя суета.

Я забыла сказать, что ещё до похорон Станислава Мадемуазель Андре въехала в новую квартиру: ордер на неё лично вручал губернатор. А Надин перед самым Новым годом комитет по культуре предоставил новую мастерскую. В ней не только можно творить, но и жить. Как я догадывалась, и тут не обошлось без участия Александра Владимировича Мультивенко.

Коварная Надин умудрилась осчастливить Аньку.

Дело в том, что я пристроила всех Джулькиных щенков, кроме последнего — рыженького Лиса, названного так за апельсиновый цвет шерсти и хитрую узкую мордочку. Он был немного похож на колли. И очень похож на Джульку. Андре питала к нему симпатию: когда приходила в гости, не спускала с рук, кормила вкусеньким. Видя слабость бездомной подруги, Надька третировала её — при каждом удобном случае демонстративно грозилась отвезти Лиса на электричке в «экологически чистую зону», то есть попросту выбросить за городом в лесу. Причём мотивировала свои угрозы тем, что Лис обостряет мою астму, а беременным лишние аллергены ни к чему.

В очередной визит напуганная намерением злой художницы нарисовать щенка в картине «Лис в зимнем лесу» Анька забрала малыша к себе в новую квартиру, пообещав, что сама найдёт ему добрых хозяев. И нашла.

Уже через три дня она ни в какую не хотела расставаться с Лисом. И нянчила его с такой заботой и нежностью, что мы все удивлялись. Гламурный поводок, комбинезончик, каша по рецепту — Андре была в восторге от маленького друга. В какой-то степени она считала Лиса даром свыше, ведь в общем-то сама присутствовала при его зачатии.

Уходящий год, подводя итоги, раздавал каждой сестре по серьге. И мне хотелось верить, что всё плохое останется в прошлом. А всё хорошее — надолго с нами.

Я стояла на ступеньках набережной в короткой кроличьей шубке, под которой уже виднелся мой кругленький животик.

Последний день декабря.

Наступила большая северная зима. Серое небо сыплет снежком. Напротив здание Двенадцати коллегий. Студенткой я ходила по замерзшей Неве до Петропавловки. Первый, второй курс — самые счастливые и свободные годы.

Улыбаясь, вспоминала, как мы с однокурсником списывали на последнем экзамене с одной шпаргалки. И как довольные оценками и окончанием сессии спускались по ступенькам, выбегали на лёд и шли, обнявшись, мимо Зимнего, мимо замерзших домов неведомо куда... По слепящему снегу.

Такие парни встречаются только в юности — не будущие мужья, но мальчишки, которых любишь со всем упоением неискушённого сердца, не строя никаких планов, кроме прогулки по замёрзшей Неве и похода в кино.

О, юность, где твоё благородство и бескорыстие? Неужели возраст начисто вытравляет из нас наивность и способность совершать сумасбродные поступки? Нет, где-то в глубине сердца всё ещё хранится непохороненная мечта о хрустальной дорожке между небом и водой — той, по которой ходят влюблённые.

Я сняла варежку. Снежинки, как письма, — падали в ладонь. Что в этих письмах, молчаливо тающих на линиях руки, как на карте судьбы? Впервые за многие годы я хотела загадать желание для себя, только для себя. И никому не рассказывать о нём. Тогда сбудется.

Снежинки целовали губы, горевшие брусникой под растаявшими капельками воды. Ребёнок толкнулся внутри. Я с нежностью положила руку на живот. Хороший мой мальчик... Я уже знала, что родится сын. Его будут звать Стасом, по просьбе бабушки и дедушки. Жизнь продолжается.

А ворох снежных писем сыпался на меня. И в них было про Новый год, про ожидание чудес и перемен. Но я ничего не успевала прочитать — буквы таяли, и вместе с ними утекали тайны будущего...

В газетах за декабрь писали, что *«празднование Нового года обойдётся среднестатистическому россиянину в 16 тысяч рублей»*.

Новый год... Вот он, совсем скоро. В сверкающих огнях и гирляндах.

Как давно я не проходила пешком весь Невский! Да нет, только кажется, что давно. События плотно заслонили время. И уже не верится, что всего шесть месяцев назад я беззаботно ехала на работу в киоск у «Гостиного двора». А потрясения неотвратимо надвигались вместе с красивым мужчиной за рулем чёрного джипа. И «Книга перемен», «И-Цзин», готовила ответы на вопросы, которые я не предполагала задавать.

Полюбить без оглядки — что, это разве не отвага? Некоторые скажут — глупость. Но как только мы перестаём делать подобные глупости, жизнь ответно перестаёт делать безрассудные подарки нам.

Нет, всё-таки не вытравил возраст сумасбродство из моей головы. И гены бабки не дают покоя. Ни мне самой, ни окружающим. После той памятной ночи, когда мы с подругами обнаружили труп в мастерской, нас накрыло лавиной страшных и необъяснимых событий. Но оказалось, за всеми случайностями — невидимые тропы судьбы, которые вели нас,

проверяя на прочность. Как две стороны монетки, плохое и хорошее по очереди оборачивалось в каждой из нас. Но мы не растеряли дружбы. И это выручало в трудные моменты. Как и чувство юмора, наш главный козырь.

Признаюсь: потеряв Стаса, перенеся обиды и узнав о коварстве Матвея, моё сердце осталось таким же открытым. Лучше сто раз ошибиться в людях, чем перестать доверять им. И как вознаграждение — героический поступок Аньки. И поддержка, обретенная в семье Мультивенко.

Неторопливо шла я мимо украшенного по-новогоднему здания Городской думы. И сама не верила, что ещё в конце лета летела мимо этих мест. И душа, как огненная птица, билась. И я отпускала её в горячее небо августа.

Всё-таки какие же мы авантюристки! Хитро улыбаясь в воротник шубки, вспоминала денежный куш, сорванный на Надькиной выставке. И первую встречу с губернатором. И Телюком. Кто бы мог подумать, что эти люди сыграют столь значимые роли в моей жизни? И Андре с Надин, конечно, ничего не чуяли тогда. Кроме страха перед опасностью, заставлявшего нас бороться за себя и близких. И мы выиграла в этой борьбе! Но главное, что я поняла: когда жизнь ставит в тяжёлые ситуации — не унывать и не сдаваться.

Снег падает, закрашивая белым страницы пережитых испытаний. И обещает новое тем, кто встречает перемены с улыбкой.

И как же права моя китайская бабка, любившая повторять поговорку: «Упади семь раз, поднимись восемь!»

Больше книг на сайте - Knigoed.net

---

notes

Когда я читала Альке строки из «Карлсона, который живёт на крыше» А. Линдгрена, Авраам вдруг нарочито громко шепнул Забаве, что для их мамы на поставленный Карлсоном вопрос правильного ответа вообще бы не нашлось. Ни при каком раскладе и объяснениях. Я сильно разозлилась, но тут меня отвлек Али уже с другим вопросом, о значении слова «некошерный»...

Os frontale — лобная кость (*лат.*).

Чего вы хотите? (фр.)

Такого заведения в Москве не существует. По крайней мере, на момент написания этой книги.

Редокс-потенциал, или окислительно-восстановительный потенциал, по англ. RedOx — Reduction/Oxidation potential (по созвучию *red* — красный, *ox* — бык).

Выморочное имущество — имущество, оставшееся после смерти собственника при отсутствии наследников. По праву наследования переходит к государству.

ni>, ни — 1) гуща грязи; грязь; 2) сало, жир; ляд; жирная (скромная) пища; 3) клейкий, липкий, грязный (обр. в знач.: надоедливый, настырный, противный); также модификатор результативных глаголов со значением «опротиветь», «надоедать» как результата действия, указываемого основой глагола (китайский).

Лия, при толковании иероглифа, обыгрывает все эти значения.

Лия (утверждённая, слабая. — Быт. XXIX, 16) — старшая дочь Лавана и одна из жён Иакова.

Названный так обед взял лучшее из кухни Ман и кухни Хан. Каждое из блюд имеет свой характерный аромат и вкус. Довольно сложен в приготовлении.